

О. И. СМЕРНОВА

ОЧЕРКИ
ИЗ
ИСТОРИИ
СОГДА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

О. И. СМЕРНОВА

ОЧЕРКИ
ИЗ ИСТОРИИ
СОГДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1970

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ:

М. Н. БОГОЛЮБОВ,

И. П. ПЕТРУШЕВСКИЙ

В книге исследуются некоторые вопросы экономической и политической истории Согда — средневекового государства бассейна Аму-Дарьи. Особое внимание уделяется рассмотрению экономики Согда (хозяйственная жизнь, рынки, денежное обращение и др.) — вопросу еще не изученному. В книге показан высокий уровень экономического и социального развития Согда в период, предшествовавший арабскому завоеванию Средней Азии.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая работа посвящена некоторым вопросам социально-экономической и политической истории Среднего средневековья. В основе работы лежит филологическое исследование исторических материалов: нарративных источников, документов разного плана и разного происхождения, эпиграфических памятников и, наконец, среднеазиатских монет, главным образом согдийских.

Предлагаемая работа — продолжение исследований автора в области нумизматики и истории раннесредневекового Среднего Востока, начавшихся с изучения согдийских монет. Частью этих исследований явилась совместная с М. Н. Боголюбовым работа автора (начатая в 1958 г.) над согдийскими документами мугских архивов, их публикация.

Автор считает своим долгом выразить благодарность всем принявшим участие в обсуждении настоящей работы, в особенности Н. В. Пигулевской, О. А. Сухаревой, Ю. Я. Перепелкину, М. М. Мандельштаму и Н. Д. Миклухо-Маклаю.

В работе согдийские тексты переданы в общепринятой международной транслитерации латинским алфавитом, и только в отдельных случаях термины (в частности, титулы), имена собственные и географические названия даются приближенно русским алфавитом. Китайская передача местной номенклатуры и терминологии дается в принятой для них (русской и латинской) приближенной транскрипции. Что касается арабских и персидских собственных имен, географических названий и терминов, то таковые передаются также приближенно русским алфавитом без указания на долготу или краткость гласного;

по техническим причинам долготы указываются только в цитатах, как и согласный «айн», который передается апострофом ('). Термины, как правило, сопровождаются их транслитерацией русским алфавитом, принятой в наших востоковедных изданиях, которая дается в скобках. Имена и названия, вошедшие в русский язык, даются в установившейся для них форме. Тексты арабские и персидские приводятся в арабской графике.

После того как настоящая работа была представлена к печати, появилось несколько исследовательских работ, которые не могли быть использованы автором, а лишь учтены им. К их числу принадлежит обобщающая работа по истории Средней Азии — «История таджикского народа», подготовленная Институтом истории им. Ахмеда Дониша Академии наук Таджикской ССР.

ВВЕДЕНИЕ

Согдиана, крупнейший и древнейший культурный оазис Средней Азии, лежала в бассейне Зеравшана и Кашка-Дарьи. Ее изучение долго шло в общем русле истории Средней Азии, начало серьезному исследованию которой было положено после присоединения Туркестанского края к России.

К середине XIX в. накопилась довольно значительная литература о Средней Азии, а во второй половине того же XIX в. уже были изданы источники, имеющие первостепенное значение для ее изучения, и появился ряд исследований. В 1877 г. вышла первая работа, специально посвященная древней Согдиане и именно так названная ее автором В. Томашеком, — первая попытка восстановить историко-географическую и политическую карты древней Согдианы и средневекового Согда по известиям классических авторов, китайских и мусульманских источников.

Уже во второй половине XIX в. фактически было положено начало археологическому изучению Средней Азии, носившему тогда как, и в начале XX в., рекогносцировочный характер. За этот период выявлен ряд древних городищ, в том числе остатки древнего Самарканда — Афрасиаб. В некоторых местах проводились небольшие раскопки, как правило частного, бессистемного характера. Но вещевой материал был собран большой и, надо прямо сказать, первоклассный (например, коллекция согдийских оссуариев). Наиболее существенные результаты были получены Н. И. Веселовским (1875), положившим начало археологическим работам на городище древнего Самарканда — Афрасиабе, и Н. Ф. Ситняковским, проведшим топографическое обследование Бухары и Бухарского оа-

зиса (1896). Большое значение имели работы В. А. Жуковского, проведшего всестороннее обследование Мервского оазиса и трех городищ старого Мерва и сопоставившего полученные результаты с данными письменных источников.

Почти одновременно русские и западные ученые предприняли экспедиции в Северную Монголию и Восточный Туркестан. По рекам Орхону и Енисею были открыты памятники древнетюркской письменности, в том числе известная Карабалгасунская трехязычная надпись (на древнетюркском, китайском и, как позже установлено, согдийском языках). Надпись обнаружена Н. И. Ядринцевым (1889). В свете новых данных впервые отчетливо обрисовались взаимоотношения среднеазиатских владений с тюркским каганатом и Китаем. Первое крупное исследование в этом направлении принадлежит Э. Шаванну.

Эти открытия стали стимулом к дальнейшему углубленному исследованию истории и истории культуры Средней Азии с широким привлечением письменных источников, значительная часть которых была выявлена в это время. В 1900 г. вышел в свет капитальный труд В. В. Бартольда «Туркестан в эпоху монгольского нашествия», широко освещающий и весь предшествующий период. Этот труд В. В. Бартольда создал эпоху в истории изучения Средней Азии. Не говоря о том, что В. В. Бартольд ввел в научный обиход огромный круг источников и дал на их основе блестящий историко-географический обзор среднеазиатского Заречья (Ма-вара-ан-нахр), он наметил уже тогда общую схему периодизации не только политической, но и социально-экономической истории Средней Азии. Но что для нас особенно важно — в этой работе, как и в последующих своих трудах, В. В. Бартольд ставил и рассматривал ряд вопросов, связанных с историей среднеазиатских владений раннего средневековья. Он убедительно показал, что арабское нашествие на Среднюю Азию явилось не только внешним фактором, но вызвало изменение общественных отношений в стране и способствовало развитию ее экономики. В этом коренное отличие его работ от исследований его предшественников, рассматривавших только частные вопросы политической истории и исторической географии.

Однако о согдианстике как о самостоятельной области науки мы можем говорить только с этого времени,

когда в руках ученых оказались рукописи из Восточного Туркестана, обнаруженные экспедициями А. Штейна и П. Пельо и сразу привлечшие к себе внимание всего востоковедного мира.

Исследование одной из групп новых рукописей открыло согдийский язык, известный ранее по упоминаниям в источниках и отдельным встречающимся в них согдийским словам. Согдийские рукописи оказались представленными разными видами текстов, получивших название по своему содержанию согдо-буддийских, согдо-христианских и согдо-манихейских. Первые из них написаны так называемым согдо-буддийским письмом, которое было уже известно в то время по ранее найденным уйгурским памятникам и впоследствии получило название согдийского национального или государственного письма; другие — шрифтом сирийского происхождения, которым пользовались христиане и манихейцы. Экспедицией А. Штейна (1906—1908) в развалинах сторожевого пограничного укрепления к западу от Дуньхуана были помимо прочих документов обнаружены остатки согдийской почты — несколько частных писем (согдо-буддийским письмом), в научном обиходе получивших название «Старых писем». Эти письма — наши первые оригинальные согдийские тексты. Они относятся, как установлено впоследствии В. Б. Хеннингом, к IV в. н. э. Зимой 1914—1915 г. ряд рукописей и большое количество их обрывков, по-видимому, того же происхождения приобрел у местного населения в Дуньхуане глава второй Русской Туркестанской экспедиции С. Ф. Ольденбург. Часть приобретенных им рукописей оказалась согдийскими.

Филологическое исследование новых материалов сосредоточилось на Западе. Первые публикации и исследования согдо-буддийских текстов принадлежат Р. Готью, христианских — Ф. В. К. Мюллеру. В России К. Залеман печатает один из первых грамматических экскурсов согдийского языка по текстам христианского содержания. В свете новых находок по-иному был прочтен третий текст Карабалгасунской надписи, который оказался согдийским. Это было установлено Ф. В. К. Мюллером и Г. Андреасом.

Новые открытия сосредоточивают внимание исследователей на древнем Согде, его колониях. Выясняется культурная и политическая роль согдийцев в Средней Азии,

определяется их значение как посредников и участников в мировой торговле того времени, их колонизаторская деятельность на Востоке. В 1914 г. публикация исследований была фактически прервана начавшейся войной. Первые новые публикации согдийских документов были сделаны Ф. А. Розенбергом, издавшим в 1917—1920 гг. три отрывка согдийских текстов из дуньхуанского фонда Азиатского музея.

За истекшее время в России накопилось немало материалов по археологии Средней Азии, но, как уже говорилось, случайных, так как изыскания продолжали носить разведывательный и к тому же любительский характер. Только после Октябрьской социалистической революции можно говорить о сравнительно широких, а главное планомерных работах, постепенно охвативших всю территорию Средней Азии. На местах создавались учреждения, ведавшие охраной памятников и их изучением. Устанавливалась теснейшая связь востоковедения со среднеазиатской тематикой. Двадцатые годы ознаменовались появлением ряда широко известных работ В. В. Бартольда и других наших ученых. В тридцатых годах организовались первые крупные экспедиции, и к сороковым годам среднеазиатская археология уже прочно встала на ноги. Крупнейшее событие за этот период в области согдианистики произошло в 1931 г., когда на горе Муг в Таджикистане в развалинах небольшой крепости Калаи Муг были обнаружены согдийские документы на палках, коже и бумаге. В 1932 г. вышел специальный сборник, посвященный новым находкам, в котором опубликована первая краткая опись согдийских документов с Муга, составленная А. А. Фрейманом, и блестящее исследование В. А. и И. Ю. Крачковских, установивших время и место написания документов. В том же году увидела свет последняя работа Ф. А. Розенберга о согдийских старых письмах из Дуньхуана. Первый русский согдолог Ф. А. Розенберг скончался, так и не увидев новых находок. А. А. Фрейман издал четыре из найденных согдийских документов.

Двадцатые годы как в России, так и на Западе знаменуются большим оживлением в области востоковедных наук, в частности согдианистики. В 1923 г. выходит первая работа Г. Гибба, специально посвященная арабским завоеваниям в Средней Азии, и книга К. Ширатори —

вторая после труда В. Томашека работа по исторической географии Согдианы. Продолжаются прерванные первой мировой войной изучение и публикации согдийских текстов, появляется ряд крупных исследований, из них важнейшие — грамматика Р. Готьо (посмертное издание) и Е. Бенвениста. Х. Рейхелт издает буддийские тексты и старые письма из Турфана, О. Хансен — согдийский текст Карабалгасунской надписи. Христианские тексты публикуются Ф. В. К. Мюллером и В. Ленцем. Появляются первые публикации манихейских текстов В. Б. Хеннинга. Печатается исследование И. Маркварта по исторической географии Восточного Ирана. В сороковых годах, после окончания второй мировой войны, возобновилось прерванное издание согдийских текстов. Е. Бенвенист переиздает и публикует транслитерацию и перевод согдийских документов экспедиции П. Пельо, хранящихся в Парижской Национальной библиотеке, и альбом их фоторепродукций, а также фрагменты христианских текстов. В. Б. Хеннинг продолжает свои публикации и исследования манихейских текстов и ряда других, О. Хансен — христианских текстов Берлинского собрания. Появляются первые статьи И. Гершевича, а затем его фундаментальный труд — монографическое исследование языка манихейских текстов. Издается продолжение историко-географических штудий И. Маркварта по Ирану и Средней Азии (о Согдиане по Птолемею). Выходят работы Б. Шпулера, Р. Н. Фрая, М. Ф. Алтхейма, К. Эноки, К. Ширатори и ряд других.

За истекшие два десятилетия после второй мировой войны археология Средней Азии, в частности археология Согда, значительно продвинулась вперед. Изучаются памятники огромного культурного значения. К западу от Бухары в разное время (с 1937 г.) производились раскопки Варахши. В. А. Шишкиным открыты остатки дворца бухарских владык, стены которого покрыты росписью. Работы на среднем Зеравшане, начатые в 1946 г. Согдийско-таджикской экспедицией, возглавлявшейся до 1954 г. ее инициатором и фактическим создателем А. Ю. Якубовским, систематически проводятся ежегодно. Постепенно изучается древний Самарканд — городище Афрасиаб. На Зеравшане, там, где горы отступают от реки, образуя приречную плодородную долину с лессовыми землями, открываются остатки города раннего средневековья —

древнего Пенджикента с его прекрасной росписью. Разворачиваются работы, начатые в 1950 г. на территории древней Усрушаны. На стенах зданий двойного шахристанского городища (к юго-западу от современного города) обнаружены первые в Усрушане остатки росписей. На том же городище в 1962 г. найден первый документ — согдийский. Постепенно открывающиеся по всей территории среднеазиатского Заречья росписи представляются новым, необычайно глубоким и обширным источником для изучения материальной и духовной культуры населявших страну народов. Результаты работ Согдийско-таджикской экспедиции публикуются в трудах экспедиции и в специальных сборниках, посвященных изучению пенджикентских росписей.

Археологические изыскания этого периода положили начало новому этапу в изучении Средней Азии. Одним из основных исследуемых вопросов становится социально-экономическая история Средней Азии, ее периодизация. Появляются первые обобщающие исследования по истории Узбекской и Таджикской республик, исторически сложившихся на территории древней Согдианы. Большие успехи ученых, занимающихся археологией древнего Согда, отражены в таких обобщающих работах, как монография А. И. Тереножкина «Согд и Чач», до сих пор не изданная, и книга В. А. Шишкина «Варахша», опубликованная в 1963 г. Не менее важно исследование В. Л. Ворониной «Проблемы раннесредневекового города Средней Азии», также еще не изданное. Специальное исследование посвящено пенджикентскому некрополю. Появляются монографические исследования по истории Согда и Усрушаны.

А. А. Фрейман возобновляет работу над согдийскими документами Мугского собрания. Но только в 1963 г. выходит их полное издание, осуществленное коллективом авторов; изданию предшествовал ряд публикаций отдельных документов. Наконец, известных успехов достигает среднеазиатская нумизматика, богатый накопленный нумизматический материал изучается и систематизируется, разрабатываются новые ее области — тюркская и согдийская.

О последних достижениях в разных областях истории древнего Согда сообщается в ряде периодических изданий.

И все же, если мы обратимся к специальным и обобщающим работам по Средней Азии вообще и Согду в частности, можно легко заметить, что лучше всего изучены ее историческая география и политическая история. Благодаря успехам, достигнутым за последнее время в области археологии, достаточно полное освещение получила материальная культура края, в частности искусство. Хуже обстоит дело с внутренней историей страны, до последнего времени почти не раскрытой. Основные вопросы экономики и социальных отношений в Средней Азии пока еще мало разработаны. Их трактовка нередко основывается на общетеоретических положениях. Выводы имеют характер априорных суждений. Главной причиной малой разработанности вопросов, связанных с социальной проблематикой и экономикой, долгое время был недостаток фактических данных, так как не было местных источников, в первую очередь документов и монет. Вместе с тем согдийские тексты, открытые еще экспедициями А. Штейна и П. Пельо, после В. В. Бартольда фактически оставались вне поля зрения историков Средней Азии.

Археологические открытия последнего времени, накопившиеся вещественные памятники, данные документов Мугского собрания и согдийских монет, естественно, привели к необходимости пересмотра ряда прежних выводов и положений и заставили еще раз критически обратиться к нашим прежним источникам. История Средней Азии раннего средневековья довольно хорошо освещена письменными источниками. Для времени, предшествующего арабским завоеваниям, основными для нас были до сих пор китайские династийные хроники и мемуары китайских путешественников. Первые из них содержат специальные разделы, посвященные иноземным государствам, в том числе и среднеазиатским. Переводы частей, касающихся Средней Азии, даны Н. Я. Бичуриным и Э. Шаванном. К сожалению, закономерности китайской передачи среднеазиатской номенклатуры (топонимов, имен, терминологии) еще не установлены с достаточной точностью, что практически затрудняет работу с этими первоклассными источниками.

В качестве источников по истории Средней Азии в период арабских завоеваний нами привлечены сочинения арабских историков и географов в последующие их персидские версии.

Главным из них продолжает оставаться многотомная летопись арабского историка Табари, которая до сих пор служит неисчерпаемым источником сведений, предоставляющим читателям мастерски подобранные в определенной системе погодные сводки известий, относящихся к тем или иным событиям. Историк скрупулезно отмечает свои источники (письменные и устные), часть которых восходит почти ко времени описываемых им событий. Немалой помехой при их использовании, как известно, является разная степень достоверности этих известий.

Не менее ценны как источники для того же периода — сочинение арабского историка Белазури (ум. в 892 г.) «Китаб ал-футух» («Книга побед»), дающее, несмотря на свою краткость, существенные дополнения к известиям Табари, и труд арабского историка и географа Йакуби (ум. в 897 г.), использовавшего другие источники.

Сведения этих авторов в значительной мере пополняет «История» Ибн ал-Асира (1160—1234), главным источником которого для первых трех веков ислама был труд Табари. По мнению В. В. Бартольда, на приводимые Ибн ал-Асиром сведения из других неизвестных нам источников можно вполне положиться. Новым по существу источником является арабский оригинал сочинения Абу Мухаммада ибн Асама ал-Куфи — современника Белазури и Табари, ранее известного главным образом по сокращенной персидской версии. К сожалению, сочинение ал-Куфи доступно для нас только в очень небольшой своей части, которую опубликовал турецкий ученый А. Н. Курат, открывший рукопись этого сочинения. Опубликованные им отрывки, касающиеся арабских походов на Среднюю Азию, дают отчетливое представление о ценности сочинения ал-Куфи для ее истории.

Что касается персидских исторических текстов, то основным нашим источником была всеобщая история Балами, составленная в 963 г. и известная под названием «Тарихи Табари». Как сейчас установлено, Балами не ограничился простым сокращенным пересказом оригинала — летописи Табари. Балами ввел в свое сочинение немало известий первостепенной важности, отсутствующих у Табари, в частности о Средней Азии, заимствованные им из других источников, создав по сути дела новое сочинение. Одним из таких его источников был труд упомянутого выше ал-Куфи, на который Балами ссылается непосред-

венно. У ал-Куфи Балами заимствовал ряд сведений о Средней Азии, в том числе и текст самаркандского договора 712 г. Естественно, что именно эти части его сочинения представляют для нас наибольшую ценность.

К числу таких же сочинений, отработанных на основе арабского оригинала, принадлежит широко использованная нами так называемая «История Бухары» Наршахи, типичный образец одного из жанров географической литературы IX — X вв. — истории городов. Персидский текст «Истории Бухары» в том виде, в котором он до нас дошел, является по сути дела сочинением, сложившимся к XIV в. из разновременных частей и имеющим лишь отдаленное отношение к своему арабскому оригиналу. Составленная около 933 г. на арабском языке, на основе классических сочинений Белазури и Табари и даже, как предполагают, оригинала последнего — Мадаини «История Бухары» Наршахи была в XII в. переведена на персидский язык ферганским уроженцем Кубави, дополнившим его извлечениями из других сочинений, в том числе из двух, до нас не дошедших, — Хазаин ал-Улум («Сокровищницы знаний») Нишапури и Ахбари Муканна («Известия о Муканна»), автором которой, по его словам, был некий Ибрахим. Выдержки из этих сочинений, приведенные Кубави, говорят об их большой ценности. Так, Ибрахим приводит начало воззвания известного местного вождя «белоодежников», к дикханам Мавераннахра, т. е. часть документа конца VIII в., сохраненного нам источником. Для нас особенно интересны в этом сочинении расспрошенные сведения и местные легенды, собранные Кубави, таким же местным жителем, каким был и Наршахи, автор арабского оригинала. Оба автора — Наршахи и Кубави, его переводчик и редактор, последовательно и достаточно четко проводят грань между известиями разного времени и взятыми из разных источников, что значительно облегчает их использование, так как дает возможность установить старейшие части дошедшей до нас редакции «Истории Бухары» и выявить разбросанные по книге сведения, относящиеся к доисламскому времени (кадим) и доисламскому обычаю (расм).

К такому же типу сочинений принадлежит история города Самарканда «Китаб ал-канд фи тарихи Самарканд» («Книга сладчайшего в истории Самарканда») ан-Насафи

(ум. 1142 или 1143 г.), арабский текст которой тоже до нас не дошел. Разные редакции ее сокращенной переработки в персидском переводе известны под названием «Кандия Малая».

Привлекались нами также сочинения арабских географов: Истахри, Ибн Хаукаля, Мукаддаси, Ибн Хордадбега, а также анонимный персидский перевод работы Истахри (XII в.), содержащие немало сообщений об орошении края, каналах, мельницах, а равно некоторые сведения по экономике и социальным отношениям.

К этим до сих пор основным нашим источникам недавно добавились новые, важность которых трудно переоценить. Это документы первой четверти VIII в. с горы Муг и согдийские монеты VII—VIII вв. Они особенно много дали для составления настоящей работы. Мугские документы — блестящее собрание из 97 согдийских документов и найденных вместе с ними тюркского (руническим письмом), арабского (письма пенджикентского дихкана Деваштича к арабскому наместнику) и китайского. Это собрание в том виде, в каком оно до нас дошло, представляет собой остатки нескольких архивов. Среди них первое место как по числу документов, так и по их значению принадлежит архиву пенджикентского дихкана Деваштича (708?—722 гг.), который, как то стало известно из этих же документов, в течение не менее двух лет носил титул царя Согда. Второе — архиву пармандара, крупного согдийского вельможи, представителя знати, личность которого еще предстоит установить. Остальные архивы представлены единичными документами и принадлежали дихканам Хахсара, Кштута и др. Состав мугской коллекции по содержанию документов, как и следовало ожидать, оказался разнообразным: переписка дихкан и их людей между собой и с арабами, хозяйственные документы (учетные записи, расписки, докладные, распоряжения) и, наконец, юридические документы (купчая, арендный договор, брачный контракт).

По времени документы архива охватывают, в общем, сравнительно небольшой период, ограниченный рамками первой четверти VIII в. Но именно это время — время завоевательных походов арабского наместника и военачальника Кутайбы в глубь страны — определило по сути дела арабскую политику в Согде. В этой связи письма согдийских князей и письма к ним представляют источник

первостепенной важности для характеристики крайне напряженной обстановки в крае. Общий хозяйственный упадок в стране, голод и разруха нашли свое отражение в этих письмах. По тем же письмам мы можем составить себе также правильное представление о взаимоотношениях согдийцев с завоевателями, и, как всегда, известия Табари находят себе подтверждение. Главное место в этой переписке занимают два письма — письмо Деваштича к арабскому наместнику, написанное на арабском языке, единственный арабский документ собрания, и письмо арабского эмира Абдуррахмана, сына Субха к Деваштичу, — на согдийском. Оба письма написаны каллиграфически, арабское — куфическим крупным курсивом, согдийское — развитым полукурсивом самаркандского пошиба. Очевидно, что при арабских канцеляриях имелись согдийские писцы, а при согдийских — арабские. Судя по почерку писем, трудно себе представить, чтобы сами арабы или согдийцы могли уже настолько овладеть чужой письменностью. Письма оформлены в соответствии со своим назначением. Арабское, обращенное к эмиру ал-Джарраhu, начинается с традиционной басмалы «Во имя Аллаха», а согдийское к Деваштичу, царю Согда, — словами «Во имя Бога», по-видимому, калькой с персидского (сасанидского), т. е. уже привычного арабам обращения, так как ни в одном из известных нам согдийских писем, в том числе и мугских, такой формулы нет.

Письмо Деваштича относится к 718/9 г.; письмо арабского эмира Абдуррахмана к Деваштичу могло быть написано или в 709—712 гг., или позже — уже между 718—722 гг. Блестящий анализ первого из двух писем дали В. А. Крачковская и И. Ю. Крачковский. Письмо Абдуррахмана к Деваштичу не представило особых затруднений при его дешифровке, за исключением отдельных мест (стк. 10—11, 16). Кто был отправителем письма, удалось установить почти сразу. В тех же мугских документах, хозяйственных и других, упоминается несколько раз γ туг или γ т'уг (док. В 6^b, А 6 и Nov. 1). Полагали, что слово является собственным именем, заимствованным в согдийском (чужим в согдийском). М. Н. Боголюбов узнал в слове γ туг мугских документов согдийскую закономерную передачу арабского γ туг «эмир» (ср. хорезмийское hmir). Прочтя вторую (собственно первую) строку письма MN γ туг „βтγwm'n pwn swpγ't sγwдук MLK' sm'gkндс MR'Y дуw'styс «От эмира

''ptrγwm'n-a pwn-a swpγ-a согдийскому царю, самаркандскому государю Деваштичу», автор настоящей работы, естественно, обратился к основному нашему источнику о среднеазиатских походах арабов — к Табару, в указателе к которому и обнаружил соответствующее имя — «Абдурахман, сын Субха». Когда же оказалось, что это лицо — не кто иной, как арабский эмир, принимавший непосредственное участие в походе арабов на Кеш в 720 г., предположение превратилось в уверенность. Тождество согдийского ''βtrγwm'n-a pwn swpγ-a с арабским эмиром Абдурахманом, сыном Субха, возглавлявшего поход на Кеш, было установлено.

Содержание письма эмира важно, между прочим, и для решения давно занимающего исследователей вопроса о том, в какие именно годы Деваштич был царем Согда; не менее оно важно и для характеристики политики последнего, так как из письма прежде всего следует, что Деваштич был признанным арабами царем (MLK') Согда, а может быть, даже их ставленником.

Авторы остальных писем, обнаруженных в крепостце на горе Муг, были, так же как и Деваштич, не только свидетелями тех событий, о которых они писали, но и активными их участниками, связанными между собой теснейшим образом. Письма изданы, некоторые из них дважды и трижды. Теперь перед исследователями стоит задача вновь их изучить, уточнить дешифровки текстов и пересмотреть переводы. Так, по сути дела остается непонятным содержание письма А 9. Одно несомненно, что о брахманах в них, как то предполагается, речи не идет. Вероятно, слово kwc'nth в первой строке этого письма (в переводе издателя — «кучинцы») — не что иное, как согдийский вариант названия города Ходженда (Худжанда), последнего убежища согдийцев, бежавших в 721 г. от арабов в Фергану и перебитых там ими. Предлагаемая идентификация тем более вероятна, что название Ходженда китайцы передают с начальным мягким согласным kiu-tchan-t' i, что соответствует в таком случае его написанию в письме согдийца. Тогда в первых строках письма А 9 речь идет о Ходженде и событиях, имевших место в соответствующее время в Согде и Хуттале, а не о массовом переходе местного населения в «брахманскую веру». Неверно поняты начальные строки документа В 18, по сути дела определяющие содержание последнего. В них

идет речь не о том, кто чей дом погубит, а о том, кто, собственно, виноват в случившемся.

Необходимо также попытаться восстановить последовательность (во времени) писем и связать их по возможности между собой, что до сих пор не сделано. Только при таком условии можно будет установить действительное содержание писем и отождествить лиц, имена которых в документах встречаются. Так, упомянутое письмо А 9 написано тем «домоуправителем» (ʔsrpn-ом) Деваштича, на сведения которого ссылается в письме к последнему Партанский (?) дихкан Ривахшйан (док. В 18). Более того, это письмо, вероятно, окажется тем, о котором сообщает Ривахшйан Деваштичу (док. Nov. 2, стк. 10—11). Отметим, кстати, что имени Афарун в документах с горы Муг нет, а следовательно, нет и писем ни от него, ни к нему. Время переписки в целом определяется письмом Деваштича к наместнику ал-Джарраху и письмом арабского эмира Абдурахмана к Деваштичу, царю Согда.

Мугские документы по своему разнообразию являются уникальным источником не только для восстановления ряда моментов политической истории Согда, но и для суждения о других сторонах его жизни. Так, хозяйственные документы позволяют впервые составить реальное представление о социально-экономической жизни Согда, его хозяйстве, административном устройстве, канцеляриях, формах учета, т. е. о той стороне внутренней жизни края, с которой мы были почти не знакомы. Кроме того, именно в хозяйственных документах оказался, что естественно, зафиксированным ряд терминов, в том числе социального порядка, значение которых до сих пор не удавалось установить. Как и письма, некоторые хозяйственные документы (Б 16, В 9, Nov. 6), а также юридические требуют пересмотра как в дешифровке, так и в переводах. Наконец, мугские документы явились тем источником, на основании которого автору настоящей работы удалось восстановить основную топонимику верховий Зеравшана и тем самым заполнить одно из белых пятен на карте раннесредневековой Средней Азии.

Открытые в Дуньхуане экспедицией А. Штейна так называемые «Старые письма», единственные, кроме мугских документов, памятники живой речи согдийцев, в плане настоящей работы особенно ценны тем, что в них мы находим сведения о торговой деятельности согдийцев.

Не менее ценны они и для суждения о социальном составе колоний, в частности о такой категории их населения, как *азаты*. Обнаруженные до сих пор надписи на стенах храмовых зданий, дворцов и домов знати Согда — все настолько плохо сохранились, что прочесть их нельзя. Эти надписи обычно сделаны или рядом с тем изображением, к которому они относятся, и тогда они заключены в четырехугольные рамки тушью, такой же, как сами надписи, или непосредственно на самом изображении (например, на одежде). Строки надписей идут сверху вниз, а не справа налево. За последнее время удалось также зарегистрировать и частично издать коллекцию, правда небольшую, надписей на сосудах, перстнях, печатях. Заснято также несколько наскальных надписей. Среди первых особое внимание заслуживают так называемые уйгурские надписи коллекции Фрунзенского музея, определенные английским тюркологом Дж. Клоусоном как согдийские. Что касается надписей на печатях, то ни одна из них еще не исследована сколько-нибудь удовлетворительно, в том числе и вислые печати мугских документов. Три глиняные вислые печати с изображением слона и согдийской надписью из двух слов, одно из которых (под ногами животного) титул, переданный идеограммой MRŪn (?) «господин», обнаружены Л. Р. Кызласовым при раскопках Ак-Бешимского городища (Северная Киргизия). В 1961 г. на одном только пенджикентском городище найдено свыше 40 глиняных булл (не изданы).

Другим новым и не менее важным источником по истории Согда в последнее время становятся нумизматические материалы раннего средневековья, в первую очередь согдийские монеты. Богатейшее из собраний монет VI—VIII вв. дали раскопки пенджикентского городища. Их изучение положило основу новой, зародившейся и разрабатываемой в Советском Союзе отрасли нумизматики — согдийской. Второе место занимает собрание Самаркандского краеведческого музея. Третье и четвертое принадлежат собраниям Нумизматического отдела Государственного Эрмитажа и Ташкентского исторического музея.

Собрания согдийских монет в СССР и за рубежом составляют более 2,5 тысяч экземпляров разной сохранности; цифра просто колоссальная, если вспомнить, что к концу 30-х годов их было известно не более трех десятков.

За последнее время находки согдийских монет на территории древней Согдианы регистрируются почти повсеместно. Согдийский язык и письменность распространялись в свое время далеко за пределы не только Согда, но и всей Средней Азии, в особенности на восток. Учитывая эти обстоятельства, согдийскими монетами на первом этапе их изучения было предложено называть все те монеты, надписи на которых окажутся на согдийском языке и выполненными согдийским государственным письмом, а также монеты анепиграфные с такими же, как на монетах с согдийскими надписями, знаками. Тем самым в число согдийских монет оказались включенными монеты тюргешей и монеты круга тюркешских, выпускавшиеся тухускими (тюркскими) владельцами, зависимыми от тюргешей. Монеты с согдийскими дополнительными надписями, выпускавшиеся за пределами Согда, в число согдийских монет включены не были (например, хорезмийские с дополнительной согдийской надписью «Царь Шаушафар»). Исследование установило, что в начале VIII в. во всяком случае, а вероятно и ранее, оседлые тюрки, как и согдийцы, выпускали бронзовые монеты по образцу своих соседей. Сейчас известны бронзовые монеты тюрков Семиречья, а также сырдарьинских и ферганских.

Имеющиеся в нашем распоряжении монеты в равной мере являются неоценимым источником для суждения об экономике Согда, его политической истории и истории его культурных и торговых связей.

В ходе исследования нами привлекались согдийские переводные тексты разного времени и разного содержания (буддийские, манихейские и христианские), в ряде случаев ради лексической целостности представляемого в работе материала. Мы считаем себя вправе это делать, так как многое из наших оригинальных текстов подтверждает, что та лексика, которая в них отражена, была для согдийского языка соответствующего времени живой.

Внутренняя история Согда — тема большая, сложная и еще мало разработанная. Поэтому естественно, что в настоящей работе автор не ставит себе целью охватить все вопросы, связанные с этой проблемой. Основное внимание в ней уделяется вопросам экономики Согда и социального расслоения его господствующего класса. В работе мы стремились выявить основные категории согдийской знати. Особый раздел посвящен исследованию тер-

мина *азат* «свободный», «благородный» и его производных. Согдийское *азат* рассматривается в двух возможных аспектах как обозначение категории знати и как термин социальной градации вообще. Мы попытались показать на конкретном материале экономическую основу господства землевладельческой знати — *дишкан* — крупное землевладение и выявить основные источники доходов этой знати. Естественно, что тут же встал вопрос о видах собственности на землю в Согде, до настоящего времени никем еще на конкретном материале не затрагивавшийся.

К сожалению, гораздо меньше сведений удалось собрать о положении земледельческого населения. Источники в этом отношении достаточно скудны. Все же удалось выявить, правда небольшой, конкретный материал о сельской общине и собрать некоторые данные о такой важной социальной категории, как *кадивары*. Мы не хотим сказать, что эти вопросы не разрабатывались совсем, но для нас совершенно очевидно, что значительная часть приведенных материалов, в частности о кадиварах, не была до сих пор использована в работах, посвященных этой теме.

В области конкретной экономики наиболее существенными представляются собранные в работе данные, характеризующие внутреннюю торговлю Согда, его рынки и денежное обращение, о которых мы до недавнего времени имели лишь слабое представление. Эта часть исследования приводит к выводу о господстве в Согде VII в. развитых товарно-денежных отношений, выводу весьма существенному для суждения об экономике края в целом. Из этого совершенно очевидно, что арабы в свое время пришли отнюдь не в отсталую экономически страну.

Весьма существенными для внутренней и внешней истории Согда представляются рассматриваемые в работе два момента его политической истории: во-первых, заключение Самаркандского договора 712 г., которым согдийское государство в лице своего *ихшида* (царя) юридически и фактически признавало свою вассальную зависимость от халифата, и, во-вторых, движение 719—722 гг., связанное в истории с именем согдийского царя Деваштича, — первая попытка согдийцев освободиться от арабского владычества. Небольшой раздел заключительной части о том, что привлекало арабов в Согд,

связан опять-таки с вопросом о социальном строе Согда. В нем выдвигается положение, что одним из главных стимулов грабительских походов арабов в Среднюю Азию, в частности в Согд, было приобретение большого числа рабов. В основу этого последнего раздела положены среднеазиатские договоры с арабами. В качестве приложения дана синхронистическая таблица среднеазиатских династий VII-VIII вв., из которой видно, что изменение внешней обстановки в бурное время арабских завоеваний нередко влекло за собой смену владетелей в княжествах.

ГЛАВА I

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА СОГДА

Сам факт наличия в Средней Азии знати настолько хорошо известен, что оговаривать это обстоятельство не приходится. В свое время В. В. Бартольд писал, что главной чертой быта населения Мавераннахра «следует признать господство земельной аристократии (так называемых дихканов), не сдержанной, как в Персии... сильной монархической властью и влиятельным духовенством. Местные владетели были только первыми дворянами; даже самые сильные из них, подобно своим подданным, назывались дихканами»¹. Иными словами, как далее пишет В. В. Бартольд, «слово дихкан обозначало одинаково простых землевладельцев и владетельных князей». Вместе с тем, по мнению того же исследователя, в его время не было данных «для решения вопроса, существовали ли среди самой аристократии различные степени и классы, как в Персии»².

Табари и другие авторы дошедших до нас источников, как известно, применяют, хотя и весьма редко, по отношению к среднеазиатской знати термины, служащие и для обозначения высших рангов персидской аристократии³; но, несмотря на несомненность этого факта, конкретизация его из-за отсутствия сопоставимых данных в каких-либо местных источниках затруднительна. Поэтому исследователи, насколько мне известно, в этом во-

---

¹ В. В. Бартольд, *Туркестан в эпоху монгольского нашествия*, — Сочинения, т. 1, стр. 238.

² Там же, стр. 239. В. В. Бартольд подразумевает под классами, конечно, не социальное деление, а различие по рангу.

³ Там же, стр. 239; Табари, II, 1237, 1243.

просе дальше положений В. В. Бартольда не пошли. Между тем накопившийся за истекшее время материал позволяет вернуться к нему.

В согдийских оригинальных и переводных текстах — в письмах и документах с горы Муг, в надписях на монетах — зафиксирован достаточно обширный круг социальной терминологии, требующей пересмотра и уточнения ранее существовавших представлений, а ее исследование позволяет выявить наличие различных категорий землевладельческой знати.

Как и можно было ожидать, господствующий класс не составлял единого целого ни экономически, ни политически. Эту неоднородность отметил В. А. Шипкин, подводя итог своей многолетней работе археолога в Бухарском оазисе. По его мнению, об этом свидетельствуют прежде всего разные по типу и облику замки знати, остатки которых сохранились до наших дней⁴. В свою очередь намечающиеся, по данным письменных источников, категории знати говорят уже о существовании развитой иерархии феодального типа. Высшую ступень в этой иерархии занимали представители знатных родов, а среди них — представители так называемых правящих среднеазиатских домов, именуемых в китайских хрониках *чжао-у*. К числу представителей таких правящих домов принадлежали, во-первых, члены дома Кан (согд. 𐰽𐰺), из которого вышла самаркандская династия *ихшидов* (царей), а также правители Бухары, Хорезма, Кушании, Мерва и других среднеазиатских владений. Следующей категорией знати была земельная аристократия, после которой шли многочисленные *азаты*, общее название которых (*азаткар* — народ, люди азат) распространялось и на первую.

Немалое значение для решения вопроса о характере и составе среднеазиатской знати имеет титулатура, зафиксированная на монетах и в согдийских документах, которая дает много не только для освещения политической истории края, но и для понимания социальной структуры общества. В конце VI — начале VII в., судя по монетам, титулатура местных владельцев претерпевает существенные изменения. В надписях на бронзовых монетах

---

⁴ В. А. Шипкин, *Варахша (опыт историко-географического исследования)*, М., 1963, стр. 240.

кроме обычного для более ранних их типов общего титула согдийских владетелей появляются два других. В титулатуре намечаются три основные градации. Признаком принадлежности к высшей из них был титул, передаваемый идеограммой MLK' «царь», собственно «владетель»; признаком второй — идеограммой MR'Y «господин» и признаком третьей $\gamma w\beta(w)$. Первый из них как титул самаркандских владетельных князей появляется на их монетах во второй четверти VII в. вместо принадлежавшего им общего титула $\gamma w\beta(w)$. С этого времени, как видно из хроник и согдийских документов, они носят титул царя или «великого князя согдийского» ($s\gamma w\delta y'n'k$ MLK'). Этот титул сохраняется за ними на протяжении всего времени существования династии. Второй — MR'Y, вариант которого засвидетельствован в документах с Муга как титул или звание владетелей собственно Самарканда ($sm'rknd\delta$ MR'Yn) и Пенджикента ($pn\delta y$ MR'Y'). Последний из упомянутых титулов $\gamma w\beta(w)$ — один из древнейших в Средней Азии, к рассматриваемому периоду закрепился в языке в двух значениях — как титул иерархии и как традиционное название землевладельческой знати, в том числе и владетеля. Двойное употребление связано с историей слова, которой мы коснемся ниже.

Правящие дома (чжао-у)

Сведения о правящих домах Средней Азии сосредоточены в некоторых китайских хрониках, таких, как «Бэй ши» («История северных дворов»), «Суй шу» («История династии Суй») и «Тан шу» («История династии Тан»). По их сообщению, эти дома вели свой род от юечжей, т. е. считались одного происхождения с кушанской династией. Те же хроники свидетельствуют, что некоторые из среднеазиатских родов насчитывали многие поколения. Так, род бухарского владетеля насчитывал 22 колена и, следовательно, существовал не менее 400 лет (считая в среднем по 20 лет на поколение). Род канского (самаркандского) владетеля, по сведениям тех же источников, восходил к первым векам нашей эры. Представители отдельных ветвей дома Кан владели Бухарой, Кушанией, Иштиханом, Кешем и Нахшебом, Усрушаной и Чачем, пными словами, районами, расположенными по Зеравшану, Кашка-Дарье, среднему течению Сыр-Дарьи и ее

притокам (Ангрену и Чирчику). Согласно этим же источникам, к тому же дому принадлежали владельцы Хорезма, Ферганы и некоторых местностей к югу от Аму-Дарьи. Китайские хроники отмечают также связи по свойству, существовавшие между отдельными владельцами и правящей династией западнотюркского каганата.

Представители канского рода и его ветвей, сидевшие в Самарканде и в других среднеазиатских владениях, по словам составителей хроник, «прозывались чжао-у». В текстах за этим «прозванием» неизменно стоит имя. Так, в «Тан шу» упоминаются следующие имена владельцев: чжао-у Ша — владелец Аланя (Бухары), чжао-у Биси — владелец Хохани (Харканы), чжао-у Подати — владелец Хэ (Кушании) и чжао-у Шиага (Шиагйе) — владелец Шы (Кеша). Все эти лица, согласно тем же хроникам, правили в середине VII в., в то время когда Китай сделал попытку уточнить в своих канцеляриях новое административное деление Средней Азии. Однако следует отметить, что имена самих канских (самаркандских) правителей нигде, ни в одном тексте не сопровождаются этим прозвищем, и надо полагать, что оно просто подразумевалось.

Таким образом, вопрос о происхождении среднеазиатских правящих родов чжао-у связан с вопросом об этнической принадлежности юечжей. Иранские имена их представителей (дом Кан согд. 𐰽𐰺 kwtr'k), прочтенные на согдийских монетах, если и не доказывают его иранского происхождения, то во всяком случае отмечают, что этот род в свое время подвергался сильной иранизации.

О принадлежности самаркандской династии к древнему роду свидетельствуют кроме китайских источников прежде всего согдийские монеты — подлинные документы, собрания которых, в особенности при скудости других письменных документов, являются уникальным источником, ценность которого вряд ли может быть преувеличена. Владетели воспроизводили на монетах знаки, ставшие к этому времени своеобразными идеограммами родового имени. По этим знакам, их сочетаниям мы можем судить о принадлежности владельцев к той или иной династии. Эти же знаки (независимо от их происхождения) дают возможность выявить большие и малые среднеазиатские династии, о которых имеются лишь скудные сообщения, а также определить древность рода, к которому принадлежали их представители. Такие же знаки встре-

чаются на печатях. Индивидуальная принадлежность знака определяется сопроводительной надписью, содержащей имя и титул правителя. Разнообразие знаков на согдийских монетах в свою очередь указывает на многочисленность среднеазиатских родов, четыре из которых были самыми сильными. Разные знаки имеют ряд общих черт. В свое время было указано (Друэн) на возможную связь одного из самаркандских знаков со знаками на монетах Кушан. Но в настоящей работе вопрос о происхождении знаков не ставится. Укажем только, что они относятся к типу тех, которые встречаются на упомянутых выше кушанских монетах и сопровождают изображения божеств; некоторые из них восходят к знакам на античных монетах и атрибутам монет.

Сообщение китайских хроник о происхождении среднеазиатских правящих родов дома Кан от юечжей связано со сказанием, приведенным во всех трех упомянутых хрониках. Из «Бэй ши» оно было заимствовано составителями «Суй шу», переписавших его дословно, как, собственно, и значительную часть других сведений. Впоследствии оно же, но уже с некоторыми изменениями, было включено в следующую по времени хронику — «Тан шу». Сказание о происхождении дома Кан следующее (по «Бэй ши» и «Суй шу»): «Владетельный дом Кан есть отрасль кангюйского Дома. Безвременно переходя с места на место, он не имеет привязанности к оседлой жизни. Со времен династии Хань преемство престола не пресекалось. Собственно владетель прозывается Вынь; происходит из Дома Юечжи, который первоначально обитал по северную сторону хребта Цилян-Шань в городе Чжаову; но после поражения от хуннов перешел через Луковые горы на запад и основал царство. Он разделился на множество владетельных родов и утвердился в древнем царстве Кан. Сии роды, в память своего первоначального происхождения, все удержали прозвание Чжаову. Проименование владетеля из рода в род есть Фуби» (в «Суй шу» — Шиби). Далее сообщается, что «Кан считается сильным государством. Ему покорилась большая часть владений в Западном крае, как-то: Ми, Шы, Цао, Хэ, Малый Ань, Нашебо, Унахэ, Му»⁵. Пересказывая легенду, составители

⁵ Н. Я. Бичурин (Иакинф), *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*, т. II, М. — Л., 1950, стр. 271 («Бэй ши»); стр. 280—281 («Суй шу»).

истории династии Тан несколько изменили ее, «подгоняя» под события, современные хронике. Достаточно заметить, что этническое название хунну заменено в ней другим — ту-кю (тюрки). Так, в «Тан шу» написано: «Владение Кан, иначе называемое *Самогянь* и *Лимогянь*, при династии Юань-вэй называлось *Сивиньгинь*.... Прозвание государю Вынь. Он происходит из дома Юечжы. Первоначально сей Дом обитал по северную сторону гор Цилянъ в городе Чжаову. После поражения от тукюесцев он подался на юг к Луковым горам, овладел нынешними землями и разделился на девять владетельных колен: Ань, Цао, Шы, Ми, Хэ, Хосюнъ, Маоди, Шыши. (Девятый Дом есть Кан — Самарканд.) Все сии Дома прозываются Чжаову»⁶.

Таким образом, китайские историки считают, что прозвание *чжао-у*, которое носили представители среднеазпатских владетельных родов из дома Кан, восходит к названию юечжийского города; по их словам, из этого города вел свой род правящий дом Кан.

Город Чжао-у ханьского времени упоминается в китайских географических справочниках; он находился, по словам их составителей, на северо-восток от города Ганьчжоу и к северу от гор Цилянъ. Горами Цилянъ в то время называлась часть хребта Наньшанъ в провинции Ганьсу. События, о которых идет речь, происходили, по мнению Э. Шаванна, в середине II в. до н. э., когда хунны (в «Тан шу» — тюрки) победили юечжей и заставили их уйти на запад⁷. Сведения географических справочников подтверждаются известиями других китайских источников, сообщающих, что Большие юечжи (Да юе-чжи) жили первоначально между Дуньхуаном и Цилянъ⁸. Иероглифы, передающие название рода и города (*чжао-у*), одинаковые. В Танскую эпоху они произносились «t'siâu miu»

---

⁶ Ed. Chavannes, *Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux*, — «Сборник трудов Орхонской экспедиции», VI, СПб., 1903, pp. 132—134; Н. Я. Блчурин (Иакинф), *Собрание сведений...*, стр. 310 («Тан шу»).

⁷ Ed. Chavannes, *Documents...*, p. 133, n. 1, 2.

⁸ Ibid., p. 134, n. 1. См. также работу: St. Konow, *On the nationality of kušanas*, ZDMG, issue 68, 1914, p. 85 (согласно Э. Шаванну, поражение хуннов имело место около 140 г. до н. э. У Копова приведен 176 г. до н. э. — дата отправки письма царя цзи-ов китайскому императору).

(древнекитайский), а в Ханьскую — *t'og miwo* (архаический китайский), т. е. почти так же, как в Танскую⁹. В свое время относительно языковой принадлежности *чжао-у* было выдвинуто несколько гипотез¹⁰, которые могут быть по существу сведены к двум: одна принадлежит сторонникам тюркского происхождения юечжей, другая — иранского. Согласно первой, китайское *чжао-у* то же, что слово *šub* в орхонских надписях; согласно второй — *чжао-у* восходит к иранским производным от корня *xša(y)*-.

Первые сторонники тюркского происхождения юечжей В. Радлов и И. Маркварт сопоставили китайское *чжао-у* со словом *šub* орхонских надписей во фразе *altu šub sogdaktap̄a sülādimiz buzdymyz*. Исследователи орхонских надписей понимали этот текст по-разному. В. Радлов перевел эту фразу: «die sechs Abteilungen der Sogdak»¹¹. В. Томсон связывает орхонское *šub* с названием реки Чу (кит. Суй-лэ, или Суй-йе) и приходит к выводу, что выражение *altu šub* (дословно шесть *šub*-ов) является названием области по этой реке (район Иссик-куля)¹². И. Маркварт считал, что «шесть *šub*-ов» орхонской надписи — это шесть из девяти канских государств, владельцы которых именовались *чжао-у*, а слово *šub* — лишь искаженная передача незасвидетельствованной формы его именительного падежа¹³. Наоборот, В. В. Бартольд считал, что такая идентификация невозможна как с исторической, так и с лингвистической точек зрения¹⁴. Фр. Хирт связывает орхонское *šub* с титулом тюрков *uabγū*, искаженную пере-

⁹ О локализации города см.: САЖ, I, № 1 (1953), стр. 58. Дополнительными сведениями автор обязан любезности Б. И. Панкратова.

¹⁰ О разных мнениях см.: W. Barthold, *Die alttürkischen Inschriften und die arabischen Quellen*, — в кн.: W. Radloff, *Die alttürkischen Inschriften der Mongolei*, Zweite Folge, St. Pbg., Lief. I, 1899, S. 16—17.

¹¹ W. Radloff, *Die alttürkischen Inschriften der Mongolei*, zweite Folge, St. Pbg., Lief. I, 1899, S. 19; к тюркскому *sogdag* см. F. W. Thomas, *Some notes on central Asian kharosthi documents*, — BSOS, vol. XI, 1945, 3, pp. 525—526.

¹² [V. Thomsen], *Inscriptions de l'Orchon, déchiffrées par V. Thomsen*, — «Mémoires de la Société Finno-ougrienne», V, Helsingfors, 1896, p. 154, § 38.

¹³ J. Marquart, *Die Chronologie der alttürkischen Inschriften*, Leipzig, 1898, S. 68—72.

¹⁴ W. Barthold, *Die alttürkischen Inschriften und die arabischen Quellen*, S. 17.

дачу которого он видел в китайском hi-hu¹⁵. Н. Аристов сближает чжао-у с тибетским чжаву. П. Мелиоранский, подготовивший перевод орхонских надписей позже В. Томсона и уже знакомый с работами И. Маркварта и В. В. Бартольда, предложил два перевода: *alty čub sogdak* «шестичубные согдаки» и «согдаки шести чубов»¹⁶.

Гипотеза об иранском происхождении среднеазиатских родов (и, соответственно, также юечжей) выдвинута Ремюза. Последний еще в начале XIX в., а затем и Э. Шаванн предположили, что китайское чжао-у (в транслитерации Ремюза чао-оу) передает имя пайкендского царька (شاوره в персидских и شاپا в арабских текстах)¹⁷. Э. Шаванн предлагал видеть в нем родовое имя согдийских князьков¹⁸. Томашек сопоставил чжао-у с иранским именем Сявухш. По мнению японского исследователя К. Ширатори, чжао-у передает иранское schaho¹⁹. Дальнейшее развитие «иранская гипотеза» получила в работах Ст. Конова, поставившего вопрос об языковой принадлежности титулатуры кушанских царей на монетах. Он пришел в конечном счете к выводу, что кушанское šaonapo šao «царь царей» соответствует сакскому šahanu šāhu и что первая часть этого титула šaonapo является формой косвенного падежа множественного числа от основы хšau + суф. -wānap; последнее, по мнению Конова, подтверждается согдийским ṛšw'na «царь». Что касается китайского чжао-у, то оно передает второе слово кушанского (иранского) титула šao на монетах²⁰. Наконец, Х. Шедер присоединяется к мнению последних²¹. Таким образом, разновременные иранские слова, привлеченные исследователями для пояснения китайского чжао-у, связаны между собой по линии начального шипящего (<xš), тогда

¹⁵ Fr. Hirth, *Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk* — в кн.: W. Radloff, *Die alttürkischen Inschriften der Mongolei*, Zweite Folge, t. II, 1899, S. 48 und andere.

¹⁶ П. М. Мелиоранский, *Памятник в честь Кюль-Тегина (с двумя таблицами и надписями)*, СПб., 1899, стр. 72.

¹⁷ Abel-Rémusat, *Nouveaux mélanges asiatiques*, Paris, t. I, 1829, p. 227, n. 2.

¹⁸ Ed. Chavannes, *Documents...*, p. 243.

¹⁹ K. Shiratori, *A study on Su-t'ê, or Sogdiana. Toyo-bunko*, Tokyo, 1928, № 2, pp. 100—107.

²⁰ St. Konow, *Beitrag zur Kenntnis der Indoskithen*, — OZ (Festschrift für Fr. Hirth), Berlin, 1920, pp. 220—224.

²¹ H. H. Schaeder, *Ein parthischer Titel in Sogdischen*, — BSOS, vol. VIII, 1935, pt 23, S. 737—749.

как китайская передача фиксирует слово с начальной африкатой. Кроме того, во всех этих исследованиях китайского чжао-у не принималось во внимание его танское произношение t'siäu-miu и близкое к нему ханьское с начальным *m* второго слога.

В 1956 г. Хауссиг выдвинул новую гипотезу, увидев в китайском чжао-у передачу тюркского *ġibu*²². Гипотеза Хауссига на первый взгляд соблазнительна. Ее автор сопоставляет «титул западнотюркских ханов (*silġibu* в мусульманских источниках, *silġibul* в греческих)» с прозванием князей Бухары (в китайских) «*sche-li tschao-wu*» (в танском произношении *šġät-liak t'sġai-mġu*), со ссылкой на Шаванна (*Documents...*, p. 136, п. 7). Принять объяснение титула, предложенное Хауссигом, нельзя прежде всего потому, что прозвания *sche-li tschao-wu* в китайских источниках нет, в них говорится об имени и титуле: «Государь (Бухары) прозывается Чжаову... его проименование Шели»²³ (в «Суй шу»: Шелидин). В арабской же графике (Табари) имя хакана западных тюрков пишется с «алефом» после «вав» | *سنجبول* (а не *سنجبو*), и его, вероятно, следует читать (с конъектурой) *سنجبول* с конечным «ламом»²⁴, что будет буквально соответствовать греческому 'Сильзивул'²⁵.

Обратимся к мусульманским источникам по Средней Азии. Среди зафиксированной в них достаточно обширной терминологии разного плана, в том числе среднеазиатских званий и титулов, встречается титул *хамук* *حموك* или *джамук* (*جموك*). Об этом титуле рассказывается, как известно, в «Истории Бухары», в которой со ссылкой на Нишацури приводится предание о первом заселении Бу-

²² H. W. Haussig, *Die Quelle über die zentralasiatische Herkunft der europäischen Awaren*, — CAJ, vol. II, 1956, pt 1, S. 21—44.

²³ Н. Я. Бичурин (Иакинф), *Собрание сведений...*, т. II, стр. 272.

²⁴ Табари, I, 895, 896.

²⁵ В качестве параллели к компоненту *جَبُو* в имени тюркского хакана Хауссиг приводит титул *جبويه*, встречающийся у Табари. См. H. W. Haussig, *Die Quelle...*, S. 32. У того же Табари, как известно, зафиксирована его параллельная форма *جبغويه*, а в композитах *جبغو/جبو* (Табари, II, 1206), и речь у последнего идет о том же титуле (тюркском?) *yabŷu*. В имени *سنجبول\سنجبول* увидеть трудно ср. перс. *šingepuk*. См. J. Markwart, *Wehrot und Arang Untersuchungen zur muthishen und geschichtlichen Landeskunde von Ostiran*, Leiden, 1938, S. 147; там же об этимологии слова.

харского оазиса ²⁶. Вернемся к этому преданию еще раз. Нишапури рассказывает: «Люди пришли (в то место, где сейчас лежит Бухара) со всех сторон, и место ожило. Люди шли из Туркестанского края... Людям область понравилась, и они там обосновались. Поначалу они жили в палатках и шатрах. Но со временем они сошлись (вместе) и возвели дома. Людей стало много. Они избрали одного и сделали его (своим) повелителем (амиром). Его имя было Абруй... ²⁷. Когда прошло некоторое время, Абруй

²⁶ Одним из первых обративших внимание на это предание был В. Томашек (см. W. Tomaschek, *Central asiatische Studien, I, Sogdiana*, Wien, 1877, S. 105). С него же начинается историю Бухары Г. Вамбери (См. Г. Вамбери, *История Бухары или Трансоксианы с древнейших времен до настоящего*, СПб., т. I, 1873, стр. 1 и сл.). Эд. Захау сопоставил рассказ Нишапури с легендой, приведенной Бируни о первом хорезмийском царе, видя в этих рассказах отражение одного и того же среднеазиатского мифа (Ed. Sachau, *Conjectur zu Vendidad, I, 34*, — ZDMG, Leipzig, 1874, H. XXVIII, S. 450). И. Маркварт обращается к этому же сказанию, уже видя в нем отражение реальных исторических событий, связанных с тюркским вторжением в Среднюю Азию и падением государства эфталитов в 60-х годах (J. Marquart, *Erānšahr, nach der Geographie des Ps. Moses Xorenac'i, mit historisch-kritischen Kommentar und historischen und topographischen Excursen*, — AGWG, Bd III, 1901, № 2; J. Marquart, *Wehrot und Arang*, S. 146—147). К. А. Иностранцев связывает предание с первым заселением иранскими кочевыми племенами Средней Азии (К. А. Иностранцев, *О домусульманской культуре Хивинского оазиса*, — ЖСМНИ, февраль, 1911, стр. 306). Того же мнения придерживается Г. Гибб (H. A. R. Gibb, *The Arab conquests in Central Asia*, London, 1923, p. 24). Наконец С. П. Толстов, посвятивший специальное исследование анализу этого предания, пришел к аналогичному с И. Марквартом выводу (С. П. Толстов, *Древний Хорезм*, М., 1948, стр. 248—280).

²⁷ В рукописях имя зафиксировано в разных вариантах написания: *ابروی* и *ابروی* (с огласовкой) и, реже, *ابروز*. Первое из них сходно с персидским *آبروی* 'честь' и встречается чаще всего в рукописях, что, видимо, связано с тем, что последнее было понятным переписчикам. У Вамбери отмечен вариант «Аберзи» (Г. Вамбери, *История Бухары*, стр. 2). Последний принят И. Марквартом, который исходя из него рассматривает имя «Абруй» как производное от названия эфталитского племени var: avar (var-ский, avar-ский) по типу sagri (систанский), ragzi (рейский), ср. Р. Н. Фрай (R. N. Frye, *The history at Buchārā. Translated from a Persian abridgment of the Arabic original by Narshakhi*, Cambridge (Mass.), 1954, pp. 105—106, n. 18); а также его статью (R. N. Frye, *Some early Iranian titles*, — «Oriens, Leiden», vol. 15, 1962, p. 359). Возможно, что написание *ابروز*, встречающееся в рукописях, более правильно и передает персидское *پروز* и с начальными протетическими гласными *ابرویز* «победоносный»; Абрвиз — имя и прозвание сасанидских царей.

стал старшим (бузург) и так начал угнетать (население) в области, что люди не смогли дальше терпеть (его гнета). Дикхане и купцы бежали из области, ушли в Туркестан и основали (там) Тараз-город. Этот город они назвали Джамукат (вар. Хамукат), потому что имя великого дикхана, который был главой ушедших (из Бухары), было Джамук (вар. Хамук), а джамук на бухарском языке означает „драгоценный камень“, тогда как кат — город (шахр), а все вместе значит „город джамук-а“, на бухарском же языке того человека, который был старшим (бузург), называли „джамук“. Потом люди, оставшиеся в Бухаре, послали в Джамукат к своим старшим (бузурган) человека и попросили защиты от Абура. Старшие (михтаран) и дикхане (Джамуката) пошли к царю тюрков Карачурину тюрку... (или Карачур-у, сыну тюрка) и обратились к нему за помощью. Тот послал своего сына Шири Кишвара в Бухару.

Далее рассказывается, как, придя в Бухару, Шири Кишвар, схватив и зверски казнив Абура, попросил у своего отца бухарскую область, которая и была ему пожалована. После этого Шири Кишвар отправил гонцов в Джамукат за бухарцами. В это время был издан указ о том, что все те бухарцы, которые вернутся в Бухару из Джамуката, «будут принадлежать к привилегированному сословию (хаввас), так как все, кто были богатыми и знатными дикханами, бежали [из Бухары], в ней же оставались [только] бедняки и неимущие. Когда бежавшие (в Джамукат) люди вернулись, то остававшиеся (в Бухаре) бедняки стали их слугами (хидматгар)»²⁸. Таким образом, согласно преданию, Джамук было именем дикхана, главы переселенцев из Бухары в Туркестан (имеются в виду районы древнего Тараза и Испиджаба), построивших там город, названный ими по имени своего предводителя Джамукат, т. е. «Городом джамук-а». Само же слово джамук означало по-бухарски то же, что гавхар — «драгоценный камень» и бузург — «великий», «старший»²⁹.

Под именем «Апрвиз» был известен Сасанид Хосрой и другие; согласно Ибн Хордадбеку, титул царей Самарканда был пируз.

²⁸ «История Бухары», изд. Шефера, стр. 5; R. N. Frye, *The history of Buchāra...*, p. 5 (hamuk, Hamukat).

²⁹ Персидское гавхар обозначает драгоценность (в том числе благородные металлы) и жемчуг, а также «сущность» и «происхождение». Ср. такие слова, как багавхар или гавхарнижад — «благородный» и пакгавхар в том же значении.

Такое объяснение слова (независимо от того, является ли оно позднейшим) хорошо увязывается с его значением в других источниках. Р. Н. Фрай хочет видеть в нем неза- свидетельствованное согдийское слово, сохранившееся в русском (через тюркское) «жемчуг»³⁰, а в одной из своих последних работ сближает его с тюркским *uayū*. Тот же титул он видит в имени современника ал-Харраши *شوکر بن حمیک*³¹. Бируни среди имен хорезмшахов (царей Хорезма) дважды называет имя *اسکمو* *sk(y)cmwk (дословно «Высокий чамук») ³². Тот же титул упоминается в словаре *нисб* (относительных имен), составленном Самани, согласно которому в его время таковой являлся почетным прозвищем (лакаб)³³.

В. В. Бартольд считал его одним из титулов, присвоенным бухарской аристократии. По его мнению, тот же титул встречается у тюрков (Табари, II, 1613)³⁴. Имеется в виду рассказ Табари об убийстве тюркского хакана (119 г. х./737) Курсулом, согласно которому при этом присутствовали и приняли участие в похоронах хакана члены дома (рода) алджумукийн (*اهل بيت الجموکیین*). В рассказе речь идет о Бага-таркане, носившем титул кулчура (-курсул у Табари) джумукиинов, одного из пяти племен тулу (кит. Tch'ou-mou-koen k'in-lu tch'ouo)³⁵, а следовательно, и о предводителях (вождях) племени (рода) джамукиин, а не о представителях бухарской аристократии. Так же объясняет его название Табари³⁶.

³⁰ R. N. Frye, *Jamük, sogdian 'pearl'?*, — JOAS, 1952, pp. 142—145; R. N. Frye, *The history of Buchara...*, p. 143. Б. И. Павкратов предлагает сблизить русское «жемчуг» с монгольским чинэ(г) «украшение» (устное сообщение).

³¹ R. N. Frye, *Some early Iranian titles*, pp. 356—358.

³² «Chronologie orientalischer Völker von Alberuni», Hrsg. von E. Sachau, Leipzig, 1873, S. 35.

³³ По словам Самани, *جموڪ* было почетным прозвищем знатного дихкана из селения Дахфандун бухарского округа, Абу Ибрахима б. Сахля ад-Дахфандуни (см. GMS, XX, л. 470a).

³⁴ В. В. Бартольд, *Туркестан...*, стр. 239, прим 5.

³⁵ Ed. Chavannes, *Documents...*, pp. 271, 285.

³⁶ Табари, II, 1613 (*و هم من عظام ترک*) «а они из тюркских «азимов»). С названием тюркского племени, вероятно, также связаны названия моста *پل جموکیین* или *پل جموخیین* в окрестностях Балха

«История Бухары» дошла до нас во многих списках (самый ранний из них относится к XVI в.) и в двух редакциях. Согласно спискам, принадлежащим к одной редакции с текстом, изданным Шефером, Джамукат — первоначальное название города Тараза; согласно другим, восходящим к тексту XIV в., бухарцы выстроили город Джамукат вблизи Тараза³⁷. Различие существенное, так как в первом случае Джамукат отождествляется с Таразом, во втором — говорится о двух разных городах. Но в обоих случаях речь идет о городе, находившемся в пределах современной Казахской ССР. Город Джамукат встречается у Мукаддаси и у других географов. Мукаддаси упоминает его в списке городов Испиджабской области, т. е. культурной полосы Арыси и ее притоков. Географ этньюдь не отождествляет город Джамукат с Таразом, наоборот, он говорит о них как о двух разных городах³⁸.

Мукаддаси рассказывает, что в его время Джамукат был значительным городом с крепостью и соборной мечетью, с предместьем, окруженным стеной (рабад), в котором находились рынки³⁹; и легендарный город, о котором упоминает Нишаури, для Мукаддаси и его предшественников был живым городом, поэтому в его существовании не приходится сомневаться.

По мнению В. В. Бартольда, город Хамукат (или Джа-

и селения جموكتين دستجرد собственно 'дасткарт (имение) племени джамукиин; ср. R. N. Frye, *Jamuk...*, p. 143.

³⁷ Отмечено И. Марквартом (см. I. Markwart, *Wehrot und Arang*, S. 146, п. 1). Ср. R. N. Frye, *The history of Bucharra*, p. 7. В одном из списков (Д), использованном Фраем, названия Туркестан и Тараз заменены двумя другими: پرنكت (* parnkat) и اترار (atrar). В том же списке и еще в одном (Е) вместо слова شهر повторено название پرنكت (* parnkat).

³⁸ «А что касается Испиджаба, то... из его городов (мудун)... Диз, Навчикат, Тараз, Пахлав, Чигил, Барсхан, Атлах, Джамукат, Шулджа...» и т. д., помещая таким образом, между Таразом и Джамукатом четыре города: Пахлав, Чигил, Барсхан и Атлах. В том же списке, далее, Мукаддаси (BGA, III, 263) упоминает еще город اردوا или جموك, название которого, видимо, такого же происхождения, как первое, т. е. جموك. «Джамук или Орда Джамука».

³⁹ BGA, III, стр. 275: «Джамукат (город) большой, над ним (господствует) крепость, и в ней соборная мечеть, а рынки в рабаде».

мукат), как и ближайший к нему Атлах, находился к северу от реки Таласа (Тараза) на равнине ⁴⁰. А. Н. Бернштам, отождествив его с одним из городищ на левом берегу Таласа, нанес его на археологическую карту района под названием Хамукат ⁴¹, имея в виду «город Јаму(к)-а» мусульманских источников ⁴².

Рассказ Нишапури так же, как и цитированный отрывок из китайских хроник, неоднократно анализировался исследователями. В его основе лежат важные для истории народов Средней Азии предания, но при этом разные и нет сомнения, искажающие реальные события.

По мнению исследователей, в рассказе Нишапури речь идет об основавшихся в оазисе эфталитах, глава которых Абруй «совершил незадолго до падения их государства переворот, вынудивший знать эмигрировать в Семиречье и основать там Джамукат», и о последовавшем за этим выступлением тюрков против эфталитов в союзе с местной землевладельческой знатью оазисов. Последнее привело в конечном счете к падению эфталитского государства, как полагают, между 563 и 567 гг. ⁴³. На наш взгляд, бухарское предание объединило древнее сказание о проникновении на территорию Заречья юечжей, о котором рассказывают китайцы, с легендой об исторических событиях второй половины VI в. ⁴⁴. В том, что одноименные города Джамукат и Чжао-у (tí:äü-miu) оба существовали,

---

⁴⁰ В. Бартольд, *Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью, 1893—1894*, — ЗИАН, СПб., т. I, 1897, № 4, стр. 16. Там же на стр. 14 Талас отождествляется с городом Джамукат у Нишапури.

⁴¹ А. Н. Бернштам, *Историко-археологические очерки центральной Тяньшаня и Памиро-Алая*, — МИА, т. 26, 1952 (карта).

⁴² Изложенное позволяет автору считать, что «город Чжао-у» китайских хроник был городом (ставкой) юечжийских правителей из рода Кан (в смысле резиденции главы юечжей, обитавших в данном районе).

То обстоятельство, что китайский текст передает второй закрытый слог слова джамук открытым слогом тjiu, вероятно, объясняется характером конечного согласного, который равно может быть глухим и звонким. Существует мнение, что среднеазиатское јаму(g) *јамуга — вариант титула уавуи, кушанское уавуга. См. R. N. Frye, *Some early Iranian titles*, p. 358. Однако оба термина встречаются вместе и рядом; ср. также название городов Джамукат и Джабгукат.

⁴³ См. А. М. Манделштам, *Средняя Азия в VI—VII вв.*, — в кн. «Очерки по истории СССР». М т. II, 1958, стр. 351—352.

⁴⁴ См. прим. 26.

сомнения быть не может. Действительно ли средневековый Джамукат был основан в VI в. выходцами из Бухарского оазиса — вопрос уже другой. Вероятнее, что древнее предание о среднеазиатских оазисах, сохраненное в китайских текстах, было перенесено устной традицией на одноименный поздний город на Таласе, а письменной традицией связано со сказанием об Абреу. О ком идет речь в легенде, предстоит установить. Общность преданий говорит во всяком случае в пользу предложенной идентификации китайского чжао-у (t's'äü-mü) и джамук (*Jamug) мусульманских источников, что, возможно, поможет решить вопрос об этнической принадлежности правящих среднеазиатских родов (домов).

Как сейчас представляется, прозвание членов правящих среднеазиатских домов чжао-у восходит к титулу главы этого рода. Одна из его наиболее сильных ветвей — самаркандская — к VII в. вновь заняла господствующее положение и подчинила себе ряд соседних владений, а ее представители получили с этого времени титул великих князей (MLK') согдийских, который фиксируется на бронзовых монетах с их именем. Судя по именам представителей самаркандской династии, этот род, видимо, подвергся, как и остальные современные ему, сильной иранизации. Но возможна и другая причина. Поскольку принадлежность к юечжийскому роду должна была рассматриваться как признак древности и знатности, то представители самаркандской и других династий, например Бухары и Кеша, могли попросту претендовать на нее.

Сам термин, возможно, заимствован из юечжийского словаря и воспринимался как титул порядка уавчу. Его носили представители правящих среднеазиатских домов юечжийского происхождения или претендовавших на последнее.

В VII—VIII вв. термин хотя и сохранял еще за собой значение наследственного титула, но в обиходе, будучи вытесненным другими, уже не употреблялся как таковой и носил, видимо, даже для китайцев, сохранивших нам его в своих сочинениях, реликтовый характер.

Местных титулов китайцы, за редким исключением, не приводят. Всех среднеазиатских владетелей (правителей областей), безотносительно к их значимости, они называют ванами, обозначая их титулом вассальных по от-

ношению к Китаю князей⁴⁵. Такими ванами для Китая были прежде всего сами самаркандские владельцы. Так же титулуют китайцы владельцев Бухары, Кеша, Нахшеба, Иштихана, Кушании, Шаша (Ташкент) и Хорезма. Это были представители восьми древнейших среднеазиатских родов с наследственными правителями. Девятый род был самаркандский, из которого вышла династия самаркандских ихшидов. Те же источники отмечают доминирующее положение самаркандского рода уже с начала VII в., когда возникла определенная тенденция к политическому объединению владений по Зеравшану и Кашка-Дарье сперва вокруг Кеша, а затем Самарканда.

Новое государственное образование стало называться Согдом, так как в него входила большая часть земель, населенная согдийцами, а его глава получил титул ихшида Согда. Китайские хроники именовали Согд Каном. Судя по китайской административной терминологии, Кану принадлежали не только Маймург, Иштихан, Кушания и Кабудан, но и Кеш с Бухарой. О бухарской ежегодной дани Самарканду упоминается в Кандии. Границы Согда начала VIII в. достаточно четко определены Самаркандским договором 712 г., по которому в Согд входили владения по Кашка-Дарье. Несколько титулов среднеазиатских князей приводят мусульманские авторы. В Самарканде это был ихшид Согда, в Кеше — ихрид, в Бухаре — бухархудат и т. д. Существовали определенные права престолонаследия; престол должен был занимать представитель соответствующего рода: в Самарканде — самаркандского, в Бухаре — бухарского и т. д. По-видимому, уже существовал принцип прямого наследования от отца к сыну. Так, самаркандскому владельцу Вархуману наследует его сын, другому владельцу Гуреку — его старший сын. В Кеше после Йантуня на престол вступил его сын. Царь Хутталя завещал свой престол сыну. Трон Усрушаны в VIII в. также переходил от отца к сыну. Но вместе с тем имелись случаи перехода престола от брата к брату. Так, после Кутайбы, сына бухарского вла-

⁴⁵ Это означало, что Китай рассматривал среднеазиатских князей как своих вассалов и что те в свою очередь принимали от китайского императора инвеституру, признавая свой вассалитет. Хотя известно, среднеазиатские владельцы фактически были самостоятельными государями.

детеля Тухшады, по очереди занимали престол три его брата, а Гурек был братом Тархуна, предшествовавшего ему на самаркандском престоле. Власть владетеля была ограничена советом старших, или вождей (кит. шао-лин), старшим среди которых был сам владетель (да-шао-лин). Между ним и другими владетелями существовала примерно такая же разница, как между русскими князьями и великими князьями.

Так называемая династия самаркандских ихшидов властвовала в Согде со второй четверти VII в. по третью четверть IX в., а возможно, и позднее, до конца века. Составитель «Кандии» утверждал, что до приходов арабов (до прихода Кутайбы) было тринадцать владетелей (маликов), последовательно правивших друг за другом. Китайские хроники говорят о смене поколений. В настоящее время нам известны имена восьми из них, один из которых — Тургар, сын Гурека, занял самаркандский престол после смерти своего отца только в 738 г.

Последние представители династии ихшидов, так же как и других среднеазиатских династий, были свидетелями и участниками страшных войн с арабами и тяжких междоусобиц, вызванных последними.

О категориях знати

Дихкане (γwt'w) Арабы, хорошо уже усвоившие социальную терминологию сасанидского Ирана и способствовавшие ее распространению в Средней Азии, называли, как правило, среднеазиатских владетелей (ванов китайских хроник) дихканами, так же как и всю ее землевладельческую родовую знать. Из одного этого обстоятельства очевидно то представление, которое сложилось у арабов об этой группе привилегированного населения Средней Азии сравнительно с иранским⁴⁷. Белазури упоминает дихкан Согда и дихкан Мавераннахра⁴⁸.

---

⁴⁷ По мнению В. А. Шишкина, Средняя Азия, вероятно, не знала «такой сложной и дробной иерархии правящего класса, какая наблюдалась в Сасанидском Иране» (В. А. Шишкин, *Варахша...*, стр. 240).

⁴⁸ Белазури, 427.

Вместе с тем те же источники владетельных дихкан называют в ряде случаев маликами и сахибами. Например, в хронике Табари владетель Кеша именуется то дихканом Кеша, то его сахибом, дихканом Кеша последний называется и на монетах (см. ниже).

Владетель Фарьяба упоминается тем же автором то как его дихкан, то как его малик ⁴⁹. Владетеля Самарканда Йакуби и Табари называют маликом Самарканда ⁵⁰, а равно дихканом Самарканда, тогда как владетеля Бухары — ее сахибом ⁵¹; так же именуются разными авторами владетели Термеза, Насы, Ахаруна и даже Согда ⁵².

Но дихкане не составляли единого целого. Источники различают в их среде больших, или великих, дихкан и просто дихкан. Большими дихканами (азимами) Табари и другие аналогичные авторы, как мы видели, именуют сильнейших из них — владетельных дихкан. Персидские авторы называют их бузургами, что также значит «большие», «великие», и михтарами, собственно «старшие», согдийские *msy'ttr* или *msydr* с тем же значением. В мусульманских текстах михтары обычно упоминаются рядом с просто дихканами, но перед ними; среднеазиатских (самаркандских) старших, или вождей (шао-линь), называют китайские хроники; упоминают они и больших старших, больших вождей (да-шао-линь). К ним принадлежали, во-первых, сам владетель (дихкан) Самарканда, во-вторых — владетели (дихкане) Бухары, Кеша, Фарьяба и др.

Источники под этими обозначениями — азимами, или михтарами, и просто дихканами — имеют в виду разные разряды землевладельческой знати, но в обобщенном виде.

К ним же, азимам или михтарам, принадлежали пенджикентский дихкан Деваштич, а также его современники — дихкане Иштихана, Фая, Бузмаджана, в том числе Исбиската, причислявшегося к последнему ⁵³. Табари называет их то дихканами, то азимами, имея в виду старших среди дихкан. Те же дихкане у того же Табари в другом месте именуется маликами или маликами тюрок. Одного

⁴⁹ Табари, II, 1147, 1148, 1206, 1569.

⁵⁰ Йакуби, II, 344; Табари, II, 1146.

⁵¹ Табари, II, 1445, 1146.

⁵² Табари, II, 1147 (صاحب ترمذ), II, 1448; صاحب السغد; Пакуби, II, 342.

⁵³ Табари, II, 1421 (102 г. х./720/21 г. н. э.).

из них — малика Фая — Табари упоминает под 102 г. х. и называет его тюрком хакана или, если эти два слова составляют имя, Тюрк-хаканом⁵⁴. Дихканом и маликом называет тот же Табари владельца Хузара (малое владение в районе Кеша), которым был некто по имени Су-бугра, т. е. тоже тюрк⁵⁵. Из этих известий можно заключить, что землевладельческая знать в Согде, во всяком случае уже в первой четверти VIII в., стала формироваться из осевших здесь тюрков, о чем говорят и монетные данные. Вполне допустимо, что термин «малик» источники предпочтительно относили к тюркской знати, тогда как дихкан к согдийской⁵⁶. Но как тех, так и других они равно называли «азимами дихкан» или в единственном числе «один из азимов дихкан». Саалиби таких дихкан называет «главами дихкан»⁵⁷.

Табари упоминает дихкана бухарского селения Нукан, который, по его словам, был одним из азимов Бухары⁵⁸. Из этого видно, что дихкан Нукана принадлежал к бухарской родовитой знати. По словам Наршахи, другому бухарскому дихкану, по имени Хина, принадлежали в самой Бухаре один из ее дворцов (перс. *каҳ*, согд. *к'γ*) и улица, на которой последний стоял, а один из четырех кварталов внутреннего города Бухары (шахристана), составлявший его четверть, назывался «Квартал дихкана». По словам Табари, дихкане Термеза жили вне цитадели, вероятно, как и в Бухаре, во внутреннем городе⁵⁹. Те же авторы относят дихкан-азимов к разряду родовитой знати, которую они именуют, как и иранскую, *ahl-ul-buyūtāt*.

Первенствующее место среди дихкан-азимов занимал глава согдийского государства, носивший титул ихшида Согда и ихшида Согда афшина Самарканда (первая половина VIII в.). И только Табари и Белазури называют его просто азимом Самарканда или их (согдийцев) ази-

---

⁵⁴ Табари, II, 1422, Смысл выражения «Тюрк-хакан малик Фая» неясен. Возможно, что слова «Тюрк-хакан» попросту имя малика Фая.

⁵⁵ Табари, II, 1448.

⁵⁶ Возможно и то, что разная терминология свойственна разным источникам. Но в обоих случаях она не лишена интереса, так как в известной мере характеризует термин дихкан.

⁵⁷ Саалиби, стр. 705.

⁵⁸ Табари, II, 1146 (85 г.х./ 704 г. н. э.).

⁵⁹ Табари II, 1147.

мом ⁶⁰, но ни разу не говорят о нем, как об одном из ази-мов, хотя так они называют остальных дихкан этого высшего разряда, во множественном обозначении кото-рых (عظماء الدهاقين) уже кроется неопределенность. Иное содержание в это слово вкладывает Табари ⁶¹. Источники именуют ихшида Согда равно маликом Согда (Белазури) и сахибом Согда (Табари, Йакуби), но никогда не назы-вают его дихканом Согда, тогда как дихканом Самарканда те же источники его называют дважды, и в этом кроется объяснение его второго титула «ихшид Согда афшин Са-марканда», к которому мы вернемся ниже. Дихканом Са-марканда Табари называет Деваштича. В свою очередь Наршахи называет «большим или великим дихканом» первого бухархудата, что равнозначно дихкану-азиму. Большим вождем (да-шао-лин) титуловался, согласно ки-тайским хроникам, Тукаспадак, предшественник Тарху-на на самаркандском престоле до своего воцарения.

Конкретное содержание слова «дихкан» на средне-азиатской почве определено источниками достаточно точ-но, благодаря тому что в 718 г. один из арабских на-местников получил, как известно, от согдийцев (самар-кандцев) прозвище Хузайна, которое представляет араб-скую передачу согдийского $\gamma wt' u n h$ «царица», звание суп-руги $\gamma wt' w$ (согд. хр. $xvâtâv$, перс. $xudâ$), что было уста-новлено в свое время еще Ф. Розенбергом ⁶². По словам Белазури, прозвище Хузайна значило то же самое, что дихканша. По словам Табари, хузайна значит дихкан-ша, госпожа бейта ⁶³; согласно третьему источнику, ху-зайна или хузайн означало у самаркандцев свободную женщину, супругу, то же, что хатун у тюрков ⁶⁴. Таким образом, западноиранское дихкан в устах арабов значи-ло по сути дела то же, что согдийское $\gamma wt' w$ «хуватав». В свою очередь в согдийских текстах встречаются обозна-чения разных категорий хватавов. В одном из текстов,

⁶⁰ Табари, II, 1515.

⁶¹ Табари, II, 1515.

⁶² См. F. A. Rosenberg, *Deux fragments sogdien-boudhiques du Ts'ien-fo-Tong de Touen-huang* (Mission S. d'Oldenburg 1914—1915), — ИРАН, т. XIV, 1920, стр. 418.

⁶³ Табари, II, 1473.

⁶⁴ «Lataif al-ma'rif», ed. de Yang, Leide, 1867, p. 30 (و خذین) و عندهم الحرّة الحایلة کخاتون عنالترک)

изданных Ф. Розенбергом, упоминается $mz'u\gamma \gamma wt'w$ «большой хватав», а множественное число от него $RvKth \gamma wt'wth$ «большие хватавы» в буддийских текстах (VY, 2^a), дословное соответствие персидскому дихкани бузург «большой (или великий) дихкан» в «Истории Бухары» (Нишапури).

В мугских документах такого сочетания не встречается, в них даже согдийские дихкане-ихшиды Тархун и Деваштич именуются просто худатами ($\gamma wt'w$), точно так же как в арабских текстах те же Деваштич и Гурек называются просто дихканами или просто азимами. В буддийских текстах рядом с определением «большие (или великие) хватавы» — $mz'u\gamma \gamma wt'wt$ встречаются просто «худаты» — $\gamma wt'wt$, и $'wt'kcykt \gamma wt'wt$ 'rois locaux' (VY, 57)⁶⁵, которые могут быть сопоставлены, правда чисто формально, с тремя градациями дихкан: 1) азим или большой (великий) дихкан, 2) один из азимов или один из больших (великих) дихкан и 3) просто дихкане в арабских текстах. В мугских документах упоминаются только первые из них, просто хватавы ($\gamma wt'wt$), о которых идет речь в документе В 17 — письме пенджикентского дихкана Деваштича к хахсарскому дихкану, в котором он сообщает, между прочим, последнему о каких-то хватавых как о ненадежных и нерешительных союзниках⁶⁶. Есть письма, датированные годами правления хватавы ($\gamma wt'w$) Тархуна, в других письмах вместо титула хватавы стоит идеограмма MLK' «царь». Однако зафиксированное в тех же мугских документах стандартное обращение к Деваштичу и к хахсарскому дихкану, его сопернику, «величайший из всех оплогов» ($MN wysp'n\dot{c}h 'nwth msy'ttr$) свидетельствует в свою очередь, что в глазах согдийцев то были большие дихкане, т. е. высшей градации.

Согдийцы, как и иранцы, противопоставляли понятия «благородный» $rsm'k$, «благородный по рождению» $r\dot{e}m'kzt'$ и «неблагородный» $\beta yzkn'k$. Место дихкана-хватавы ($\gamma wt'w$) среди других определялось прежде всего знатностью его рода, а затем его экономической силой, обширностью его земельных владений и многочисленностью зависевших

⁶⁵ Согласно буддийским текстам, $'wt'k$ -и стояли на третьем месте после $kndh$ «города»: $knd ZY w\beta u\gamma kr'mth ZY w\beta u\gamma wt'k$ «города, селения и местечки» (VY, 979—980).

⁶⁶ Ср. «Согдийские документы с горы Муг», М., 1962, вып. II, стр. 123—124.

от него мелких землевладельцев и земледельцев. Так, согласно приведенному выше древнему преданию о заселении Бухарского оазиса, в конце VI в. «большой (или великий) дихкан» (дихкани бузург) оазиса был наименован бухархудатом (= согд. *pwγ'g γ wδ't) в силу того, что он был из древнего дихканского рода и ему принадлежала большая часть поместий в Бухарском оазисе, и большинство людей оазиса были его кадиварами и хидматгарами⁶⁷ (согд. ktyβr- и 'sp's'yt).

В этой связи интересно содержание одной из манихейских притч 'muud pr III pt'ur βxšy («Деление дня на три части»), в которой говорится о том, что благочестивый манихеец, как то следует из текста — кадивар (ktyβr-), должен был отдавать одну треть дня своим xwt'wt 'xšw'nδ'rt (в переводе издателя — своим «kings and lords») с тем, чтобы те были довольными, чтобы их благодать (prn) не потерпела ущерба и они не искали ссоры и не чинили розыска⁶⁸. Оба слова в манихейской притче стоят во множественном числе и могут рассматриваться равно как согласованные в числе определяемое и определяющее: 'xšw'nδ'g-ы, которые хватавы» (xwt'wt), или, наоборот, «хватавы (xwt'wt), которые 'xšw'nδ'g-ы»⁶⁹ и как самостоятельные титулы; в обоих случаях речь в притче идет о дихканах-владельцах. Одним из таких хватавов и 'xšw'nδ'g-ов был бухархудат, о котором рассказывает Наршахи. Согдийско-манихейское 'xšw'nδ'g- часто встречается в согдийском тексте Карабалгасунской надписи⁷⁰. По форме и этимологии согдийское 'xšw'nδ'rt (дословно «держатели власти или царства») соответствует так называемым шатрдарам (šadrđaran) — титулу высшего ранга самостоятельных правителей областей в сасанидском Иране, которые в V в. стали называться марзбанами (дословно «хранители земель»). Отметим, что в приложении к среднеазиатской знати титул *марзбан* встречается у Табари, что было

⁶⁷ «История Бухары» (изд. Шефера), стр. 6.

⁶⁸ Ср. перевод W. B. Henning, *Sogdian tales*, — BSOS, vol. XI, 1945, pt 3, p. 469.

⁶⁹ Ср. rm γwpδty mr'zt 'with his assistants (I. Gershevitch, *A grammar of Manichean Sogdian*, Oxford, 1954 («Publication of the philological society», XVI), § 1250.

⁷⁰ O. Hansen, *Zur Soghdischen Inschrift auf dem dreisprachigen Denkmal von Karabalgasun*, — ISFOu, vol. XLIX, 1930, pt 3, Hellsinkie, § 1—6, 7 ('γšw' nδrt s't 'alle Herscher' и др.).

отмечено уже В. В. Бартольд⁷¹ как обозначение одной из категорий землевладельческой знати (собственно сыновья марзбанов), которому в других текстах соответствует шахзадаганы или маликзадаганы.

Согдийские претенденты на власть должны были обладать, как и их иранские соседи — персы, благодатью — фарном (рґн), о чем свидетельствует терминология, обнаруженная в согдийских текстах и на монетах. Слово встречается на ряде монет. На одних оно нанесено на лицевой их стороне, перед лицом изображенного на ней владельца⁷², на других — на оборотной⁷³.

Наиболее многочисленными были простые дихкане — владельцы земель и деревень, азаты (собственно азатцы) согдийских текстов⁷⁴. На этих дихканах, как и на представителях маликзадаганов, дословно «детях маликов», лежала основная служба при своих дихканах-азимах.

Дети маликов (они же шахзадаганы), или, как принято переводить этот термин, «царевичи», составляли особый самостоятельный слой между указанными двумя основными категориями дихкан — дихканами-азимами и простыми дихканами, будучи членами знатных домов. А рабские авторы, например Белазури, маликзадаганов называют «сыновьями маликов»⁷⁵, что то же самое. По форме персидское маликзадаган ближе всего к согдийскому азатпидрак (''ztrudrk) «дети азатов» (дословно «сын азата»), собственно «относящиеся к детям азатов» (''ztrud r + -k), о которых речь пойдет ниже.

В согдийских переводных текстах засвидетельствован второй из сасанидских титулов ранга vaspuhrakan (производное от vaspuhr-)парфянского vispuḥr-, из авестийского viso-puḥra «сын клана», дословное значение которого было забыто⁷⁶. Парфяно-сасанидский термин отражен в текстах буддийского содержания в слове wusrwḍr'k в

⁷¹ В. В. Бартольд, *Туркестан...*, I, стр. 239.

⁷² О. И. Смирнова, *Каталог монет с городища Пенджикент*, М. — Л., 1963, табл. 743 и 790.

⁷³ Там же, табл. 786 и 787.

⁷⁴ О. Hansen, *Zur Soghdischen Inschrift...*, S. 17, § 1—6, 1.

⁷⁵ Белазури, 214.

⁷⁶ О титулах рангов в сасанидском Иране см. Ar. Christensen, *L'Iran sous les Sassanides*, pp. 95—106, Paris, 1904, pp. 95—106, а также последнюю работу по истории Ирана («История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в.», Л., 1958, стр. 4).

значении «царевич», «сын царя» и равно в христианских и манихейских текстах в варианте wuṣpš(yh) в том же значении «сын дома», а в сиро-согдийских в смысле «наследник»⁷⁷. Служило ли оно также для обозначения определенной категории знати, иными словами, имел ли согдийский вариант слова терминологическое значение, свойственное ему в парфянском и среднеперсидском, мы не знаем. Возможно, что, как и в среднеперсидском, последнее закрепилось в согдийском за множественным числом производного wuṣpudrūt, как одной из категорий знати. В мугских и других оригинальных текстах также слово не встречается, что естественно, учитывая их содержание. Иранскому (сасанидскому) vaspurhān соответствуют, как известно, арамейские термины BRBYT' и BNY BYT' (königlichen Prinzen), продолжавшие жить в парфянском и персидском (сасанидском)⁷⁸. Его производное vaspurdrkān передавалось арабским ابناء الملوك, в свою очередь приобретшим, как и первое, терминологическое значение. Так арабы именовали и позднее членов знатных домов в Персии, в частности Шираза, занимавших по наследству важнейшие чиновные должности⁷⁹. Именно к ним относятся упоминаемые персидскими авторами представители знатных родов, равно собственно иранских (персидских) и среднеазиатских шахзадагān «царевых сыновей» и маликзāдагān «сыновей маликов», «царевичей», под которыми имеются в виду определенные категории знати (бухарской, самаркандской и т. д.); в арабских текстах, как мы видим, им соответствует «сыновья (дети) маликов».

⁷⁷ Относительно согдийско-буддийского wuṣpudr'k «царевич» (VУ, 17а, 20а, 26а) и wuṣpšyuk «сын дома», «наследник» (SI, I, p. 263). См. Н. Н. Schaeder, *Ein parthischer Titel in Sogdischen*, vol. VIII, p. 737; W. B. Henning, *Notes...*, IV, p. 506 and sq.; BBB, S. 75 u. 579 (комментарий), а также E. Herzfeld, *Zoroaster and his World*, vol. I, London, 1947.

⁷⁸ Значение арамейских терминов см. И. Н. Винников, *Словарь арамейских надписей*, — «Палестинский сборник», вып. 4, 1959, стр. 209, 219.

⁷⁹ О древних знатных фамилиях Себзеvara и Казвина и их роли в жизни города см.: И. П. Петрушевский, *Городская знать в государстве хулагуидов (К истории внутреннего строя городов Ирана и сопредельных стран в эпоху монгольского владычества)*, — СВ, 1948, № V, стр. 85—109. ВГА, I, 147 и персидский перевод Истахри (тегеранское изд.), стр. 123—129.

По словам Наршахи, молодые представители «сыновей маликов» и дихкан несли почетную службу при дворе бухарской царицы, присутствуя при ее торжественных выходах к народу. Они, как пишет В. В. Бартольд, «поочередно отправляли эту повинность при дворе своих государей, как сыновья европейских рыцарей при дворе своих королей и герцогов»⁸⁰. Почетную стражу при бухарском дворе ежедневно несло 200 представителей молодой знати, являвшейся ко двору в обязательных для этой знати регалиях — золотых поясах и мечах на перевязи⁸¹. Согласно «обычаю», эти 200 юношей прибывало ежедневно ко двору бухарской царицы. Каждому из них приходилось являться ко двору четыре раза в год. И следовательно, если мы разделим число дней в году на 4, то мы получим количество селений (дих) — 91, присылавших свою молодую знать для несения службы при выходе царицы. Поскольку ежедневно являлось 200 человек, то помножив 91 на это число, мы сможем составить себе не-

---

⁸⁰ В. В. Бартольд, *Туркестан...*, стр. 238.

⁸¹ «История Бухары» (изд. Шефера), стр. 7—8 (ср.: В. Н. Frye, *The history of Bukhāra...*, pp. 9—10): «Она (царица) мудро правила царством. Обычай (адат) же ее был таков: она ежедневно выезжала из ворот бухарской городской стены и останавливалась верхом у ворот Регистана, а эти ворота называли воротами продавцов фуража; здесь она садилась на престол (тахт). В отношении ее жители сельской округи (ахли руста) были обязаны нести очередь, и от них (ежедневно) являлось на службу (ба хидмат амаданди) двести юношей (бурна) из сыновей дихкан и царевичей (маликзадаган), опоясанные золотыми поясами и с мечами на перевязи. Они вставали в отдалении, и когда Хатун выходила, все ее приветствовали и становились в два ряда, а она (в это время) рассматривала государственные дела и отдавала приказы и накладывала запреты (амр-у нахи), кого хотела — одаривала почетной одеждой, а кого хотела — карала. И восседала она (на престоле) так с рассвета и до часа завтрака. Затем она возвращалась обратно в крепость (хисар) и высылала угощения (ханха) и кормила всю почетную стражу (хашам). Когда наступала вечерняя пора, она таким же порядком выходила из крепости (хисар), садилась на престол, и (сыновья) дихкан и царевичей (маликзадаган) стояли перед ней в два ряда, готовые для услуг (ба хидмат истаданди), до тех пор, пока не садилось солнце. Тогда она вставала (с престола), садилась на коня и уезжала во дворец (ках), они же возвращались к себе домой и разъезжались по сельской местности (руста). На следующий день приходил другой народ (каум) и таким же образом исполнял службу. И так (продолжалось), пока очередь не доходила (снова) до людей (каум) того же (селения). Так людям (каум) каждого селения приходилось ежегодно приходиться по четыре дня (в году)».

которое представление о количестве молодой знати в крае. В составе последней, если верить Нишадури, насчитывалось не менее 18 тыс. юношей, что при всей относительности цифры несомненно свидетельствует о многочисленности этих категорий знати.

Такой же подсчет сделан В. А. Шишкиным. Из тех же представителей молодой знати брались заложники при заключении перемирий. Именно так обстояло дело при заключении мирных договоров с арабами. По словам того же Наршахи, бухарская царица отдала в заложники арабскому наместнику Хорасана Саиду ибн Усмани (поход 56/675 г.) 80 «царевичей» и дихкан Бухары. Саид не вернул бухарских заложников, а увез их в Медину. Там он приказал рабам отнять у них кинжалы и пояса, парчовые одежды, золото и серебро и дать им взамен подстилки, надеть оковы и поставить на тяжелые сельскохозяйственные работы. Доведенные до отчаяния согдийцы ворвались к Саиду, убили его и покончили с собой⁸².

Тот же эпизод рассказывается кратко у Белазури и более подробно у ал-Куфи, текст которого, по мнению Р. Н. Фрая, близок к рассказу Наршахи. По ал-Куфи, Саид взял заложниками двадцать бухарских «царевичей»⁸³, число, видимо, правильное⁸⁴. В делах государства эти представители знати играли немалую роль. Об этом говорит хотя бы один из рассказов или анекдотов Наршахи о том, что Хатун отдала в заложники Саиду ибн Усмани тех из них, которые не соглашались признать законным наследником на бухарский престол ее сына, и тем самым, по словам источника, «избавилась и от них и от Саида»⁸⁵.

---

⁸² «История Бухары» (изд. Шефера), стр. 37; R. N. Frye, *The history of Bukhara...*, pp. 38—40 (princes and dihqans).

⁸³ См.: R. N. Frye, *The history of Bukhara...*, p. 131, n 105, где дана сводка источников: Белазури, 412; Ибн Кутайба, *Kitāb al-ma'ārif*, 101; персидский перевод книги Ибн ал-Асама ал-Куфи, Бомбей (1301 г. х./1883 г.), стр. 336. Текст последнего, по мнению Р. Н. Фрая, ближе всех к рассказу Наршахи.

⁸⁴ Белазури приводит три цифры — 50, 40 и 80 — и говорит о заложниках двух категорий — «сыновья маликов и их азимы» *هم أبناء الملوک و عظاماء هم* (р. 412); в другом месте заложники именуются «сыновья маликов Согда» *(أبناء ملوک السغد)* (Белазури, 422).

⁸⁵ «История Бухары» (изд. Шефера), стр. 38; R. N. Frye, *The history of Bukhārā...*, p. 39.

Источники сообщают нам еще два аналогичных факта. В их точности сомневаться не приходится. Согласно Табари, в 710 г. согдийцы свергли своего царя Тархуна за уступчивость арабам. Рассказ Табари полон драматизма. Царь Согда был обвинен в том, что он покорился арабам и согласился платить им джизию. Ему было заявлено: «Ты глубокий старик, и у нас нет нужды в тебе». Затем он был брошен в темницу, где, по одной версии, покончил с собой, по другой — был убит. Вместо него согдийцы поставили Гурека ⁸⁶. А сам Тархун в свою очередь, согласно китайским хроникам, был поставлен старейшими владетелем после смерти своего предшественника ⁸⁷. Эта знать несла и военную службу, кроме службы при дворе своих азимов. Из нее составлялась аристократическая конница (фурсан «рыцари») в случаях войны с соседними владетелями или с иноплеменными, а позднее с арабами. Из слов Табари и Ибн ал-Асира можно заключить, что эта конница состояла из молодых представителей высшей знати, «сыновей марзбанов», всадников и первых богатырей. В. В. Бартольд называет их витязями. Согласно существовавшему у согдийцев обычаю в Самарканде, в главном городе Согда, ежегодно выставлялся стол с яствами и вином, хозяином которого считался первый витязь Согда Фурс ас-сагад. Тот, кто прикасался к столу, вызывал этим его хозяина на бой, а тот, кто побеждал в бою, объявлялся первым витязем Согда до следующего года ⁸⁸.

Кроме того, в рассматриваемый период в Согде имела и другая специальная военная сила. Источники, как известно, сообщают о наличии у среднеазиатских владетелей особого строевого войска — личной гвардии из чакиров ⁸⁹. Китайцы рассказывают о бухарских бойцах — чакирах (китайское чо-ки), набиравшихся из храбрейших и сильнейших мужчин. По словам Сюань Цзана, солдаты-чакиры были в Самарканде и отличались невероятной храбростью ⁹⁰. Чакиры, по мнению В. А. Шишкина, составляли дружину, которую содержали дихкане и куп-

⁸⁶ Табари, II, 1229.

⁸⁷ Н. Я. Бичурин (Иакинф), *Собрание сведений...*, т. II, стр. 311 (ср.: Ed. Chavannes, *Documents...*, p. 136).

⁸⁸ В. В. Бартольд, *Туркестан...*, стр. 240; Табари, II, 1146.

⁸⁹ В. В. Бартольд, *Туркестан...*, стр. 238.

⁹⁰ Ed. Chavannes, *Documents...*, pp. 137, 313.

цы⁹¹. Действительно авторы упоминают не только о чакирах согдийских дихкан, но и о чакирах купцов. Так, Табари называет начальником чакиров⁹² одного из согдийских дихкан — дихкана Карзанча; Наршахи — чакиров купцов⁹³; но у последнего речь идет об иноземных (гариб) богатых купцах, живших в самом шахристане и составлявших вместе с бухарскими дихканами элиту городского населения. Судя по рассказу Наршахи, чагиры жили вместе с другими подчиненными людьми (амба) при замках, в особых домиках, предназначенных для них⁹⁴. Это были люди наемные, но пользовавшиеся известными привилегиями и даже почетом. Одной из их обязанностей было сопровождать своих дихкан в пути. Сопровождали они и так называемые посольства, торговые караваны. Об известном почете, которым они были окружены, можно судить по рассказам в китайских хрониках, сообщающим, что в 759 г. в 12-м месяце при дворе китайского императора был устроен в трех залах пир для иностранных чакиров; после пира каждый из них получил по 30 кусков шелка⁹⁵, что равнялось плате воину за 30 месяцев его службы у тюрков. Из отрядов чакиров дихкан в военное время составлялись особые войска, которых возглавляли сами дихкане (владельцы)⁹⁶. Сам Гурек, чтобы подчеркнуть свою верность тюркскому хакану против арабов, назвал себя однажды его чакиром⁹⁷. Титул царя чакиров, который упоминается китайцами, по мнению Э. Шаванна, то е, что местное испахбад; такой титул носил владетель Нахшаба (Насафа), позже Кеша⁹⁸.

Ихшид, афшин
и ѳѳѳ-

Разным категориям знати соответствовали определенные титулы иерархии, закрепившиеся за ними в согдийской среде и зафиксированные в источниках, различных по характеру и по языку. Остановимся здесь на трех основных ти-

⁹¹ В. А. Шишкин, *Варахша...*, стр. 240.

⁹² Табари, II, 1445, 6.

⁹³ «История Бухары» (изд. Шефера), стр. 29.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Ed. Chavannes, *Documents...*, p. 95.

⁹⁶ Когда Ибн Сурайджа в 737 г. (119 г. х.) присоединился к хакану, то он призвал себе в помощь людей Тохаристана с их маликами и чакирами (шакирами), которых собралось 30 тыс. (Табари, II, 1593).

⁹⁷ Табари, II, 1542 («Я раб хакана из его чакиров»).

⁹⁸ Ed. Chavannes, *Documents...*, pp. 147, 313 (комментарий).

тулах, хорошо известных для Согда рассматриваемого периода: ихшид — 'γšyδ, афшин *'βšyn и хваб (?) — γwβ (w); двум первым соответствуют идеограммы MLK' и MR'Y, зафиксированные в тех же согдийских письменных памятниках и на монетах. Титул ихшид заимствован у Сасанидов.

Титул *ихшид* отмечен в согдийском в трех равноправных написаниях γšyδ, γš'yδ и с начальным протетическим гласным 'γšyδ. И. Гершевич допускает, что титул 'γšyδ/γš'yδ является производным от авестийского хšāēta и представляет в согдийском заимствование из западно-иранского⁹⁹. В переводных текстах буддийского содержания он встречается в выражениях βγ'n γšyδ RBky γšywny «царь богов, великий государь»¹⁰⁰ и ZKn βγ'pw γš'yδ RBkw «великому царю богов»¹⁰¹. В аналогичных текстах засвидетельствованы также параллельные сочетания с тем же значением βγ'n MLK' «царь богов»¹⁰², в которых согдийскому 'γšyδ/γš'yδ соответствует идеограмма MLK'. Е. Бенвенист, определив в согдийско-буддийских текстах (')γšyδ как «чисто согдийское название», открыл его в Старых письмах (IV в. н. э.) и в среднеперсидском манихейском тексте Mahrnāmag. Впервые по времени согдийское (')γšyδ для Средней Азии засвидетельствовано в Старых письмах, в одном из которых (XI, 6) речь идет о tm'γwš хšyδ «хшēде Тамархуш-а». Название Тамархуш еще в X в. носило селение около Исфара (в Фергане)¹⁰³. Каким было это селение в IV в., мы не знаем; но, судя по контексту, в то время оно было довольно крупным населенным пунктом со значительным замком. В Mahrnāmag-e титул прилагается к правителю Кашгара (k'sy хšyδ)¹⁰⁴.

⁹⁹ I. Gershevitch, *A grammar...*, § 269 (loan-words). Ляуфер отмечает китайскую передачу сасанидского титула i-ts 'at (*i-džad), которая, по его мнению, является транскрипцией титула ихшид у Бируни (B. Laufer, *Sino-Iranica*, Chicago, 1919, p. 530).

¹⁰⁰ TSP, 25, II, 2.

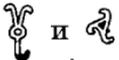
¹⁰¹ TSP, 25, II, 2.

¹⁰² TSP, II, 356; ср. также: βγ'n γšyδ 'zrw' ... «the king of gods Azrua», W. B. Henning, *Sogdian tales*, 485 (note on prw'yδ), и в sm'nxšyδ «Himmelsherrscher», BBB, 134 (словарь).

¹⁰³ SH, II, 61, 5 комментарий Е. Бенвениста к тексту см.: TSP, 236 и W. B. Henning, *Argi and Tochariens*, — BSOS, vol. IX, 1948, p. 558, n. 1.

¹⁰⁴ Сводку сведений ср.: В. А. Лившиц, *Согдийский посол в Чае*, — СЭ, 1960, № 2, стр. 98 и «Согдийские документы с горы Мур», вып. II, стр. 51.

В мугских текстах титул (')γ̣šyδ не встречается; однако соответствующая ему (согласно согдийско-буддийским текстам) идеограмма MLK' отмечена не раз — дважды при имени согдийского царя Тархуна и неоднократно в титулатуре Деваштича в бытность его согдийским царем: sγwδy'l'n|k MLK' sm'rknδc MR'Y «согдийский царь, господин Самарканда»¹⁰⁵. В мугских документах титул правителя Ферганы βγ'n'k MLK' — «ферганский MLK' (= γ̣šyδ)», а в вышеупомянутом манихейском тексте правителя Кашгара — k'šy xšyδ (*k'šy MLK'). Так как в Кашгаре правил несогдиец, то совершенно очевидно, что γ̣šyδ высший титул в местной иерархии, и, значит, он «правитель», «царь». На бронзовых монетах Самарканда его идеограмма MLK' впервые, как было сказано, появляется в первой четверти VII в. С этого времени титул, передаваемый ею, закрепляется за самаркандскими владетелями — согдийскими царями — и сохраняется за ними на протяжении всего времени существования династии; последние монеты согдийских царей, надписи на которых содержат этот титул, относятся к началу второй половины VIII в. Судя по этим монетам, титул ихшйд, переданный на них, так же как в согдийско-буддийских текстах и в мугских документах, идеограммой MLK', носили цари Согда Вархуман (βγwм'n), сын Вархумана Тукаспадак (twk'sp'δ'k), Мастан-Авийан (m'stn 'wy'n), Тархун (trɣwn), Гурек ('wγ'rk или 'wg'kk), Тургар (twrγ'r) и два других царя, имена которых не идентифицированы с какими-либо именами в письменных источниках и время которых не установлено. Знаки на монетах первых трех царей одинаковые

 ; на монетах Тукаспадака и Тархуна второй из этих знаков, восходящий к знаку трисклиса на античных монетах, заменен другим . Таково же сочетание знаков и на монетах, условно пока называемых подражаниями монетам Гурека, с такими же надписями, как на последних, и возможно, принадлежащих последнему. В мусульманских нарративных источниках и документах согдийское γsyδ/'γsyδ встречается

¹⁰⁵ trɣwn MLK' — Nov. 3(R 1); Nov. 4(R 1); sγwδy(n)k MLK' sm'rknδc MR'Y — A 2(1,8); A 3(1,7); A 14(1,32); A 16(1); A 18(R 1, 10); B 4(R 14); B 18(1,2); Nov. 2(R 1,15); 1(2); B 10(R 14).

также не раз и, как правило, передается с начальным протетическим гласным ихшид *اخشيد*, т. е. так же, как в согдийском. Согласно тем же источникам, титул ихшид в Средней Азии носили правители Ферганы (Ибн Хордадбех) и правители Согда (Бируни) в VII—VIII вв. и позже— ихшидом Согда титулуют Гурека Йакуби и Балами; текст последнего в этом месте восходит к ал-Куфи. Согласно тем же мусульманским источникам, ихшид на ферганском языке значило «царь царей» (малик ал-мулук)¹⁰⁶. По словам Истахри и других географов, этот титул носили малики Самарканда еще в IX в. Ставкой этих ихшидов было селение Ривдад. В этом селении находились дворцы самаркандских царей, называемые кусур ал-ахшидий¹⁰⁷. В X в. Ривдад был главным селением волости (рустака) Маймарг. По словам Самани, селение было расположено всего в одном фарсах от Самарканда¹⁰⁸. До ислама Маймарг составлял собственность согдийских царей, построивших там себе упомянутые дворцы, стоявшие еще в X в. Известно, что в 731 г. Гурек предоставил Маймарг своему младшему сыну, Иштихан — старшему¹⁰⁹. В свое время в Самарканде на Афрасиабе на месте соборной мечети археологи открыли остатки минарета, сложенного из больших обожженных квадратных кирпичей с одина-

---

¹⁰⁶ Согласно летописи Абу-л-Махасина, титул ихшида принадлежал родоначальнику египетской династии Ихшидидов, а само слово на языке Ферганы значило «царь царей». См. «Abul Mahasin ibn Togri Bardii Annales», ed. T. G. Y. Yunyball, II, p. 525; П. И. Лерх, *Монеты бухархудатов*, СПб., 1909, стр. 159; О. И. Смирнова, *Согдийские монеты как новый источник для истории Средней Азии*, — СВ, т. VI, 1949, стр. 360; В. А. Лившиц приводит аналогичное свидетельство Ибн Саида, согласно которому ихшид значит «царь царей» («Согдийские документы с горы Муг», вып. II, стр. 51, прим. 23).

¹⁰⁷ ВГА, I, 321; III, 289.

¹⁰⁸ В. В. Бартольд, *Туркестан...*, стр. 145.

¹⁰⁹ Н. Я. Бичурин (Иакинф), *Собрание сведений...*, т. II, стр. 311; Ed. Chavannes, *Documents...*, p. 136 (Западное Цао, и Ми). Если принять идентификацию владений Ми (Ми-мо-хо), предложенную С. Билем, то речь пойдет не о Маймарге, а о владениях по Магиан-Дарье в верховьях Зеравшана (см. [S. Beal], *Si-yi ki. Buddhist records of the western world from the Chinese of Hinen Tsiang by S. Beal*, London, vol. I, 1884, p. 33, n. 105), что никак не вяжется с указанным Самани расстоянием между Маймаргом и Самаркандом в один фарсах.

ковыми штампами, заключавшими написанное по-арабски слово «ихшид». В арабском тексте самаркандского договора приведенный ал-Куфи Гурек титулуется «сын ихшида, афшин Самарканда»¹¹⁰. Йакуби, приводя тот же договор (его первые строки и, кратко, содержание), титулует Гурека «ихшид Согда афшин Самарканда»¹¹¹. В персидском переводе договора Балами именует Гурека «сыном ихшида Согда, афшином Самарканда, Согдийским (или Согдийцем)»¹¹². Ал-Куфи, нет сомнения, имел в своем распоряжении текст договора; откуда он его заимствовал (или получил), мы не знаем. Йакуби этого текста не видел; источника его мы опять-таки не знаем. А. А. Фрейман, сопоставив титул Гурека, приведенный у Йакуби, «ихшид Согда, афшин Самарканда» с титулом Деваштича в мугских документах $\text{šw}wdu$ [ʿn] k MLK' sm'rkndč MR'Y «согдийский царь, господин Самарканда» (таков перевод, исходя из значения идеограмм), пришел к выводу, что идеограмме MLK' в согдийском соответствует титул ихшид арабского, а идеограмме MR'Y /MR'Yn — согдийское афшин¹¹³. Позже, исходя из данных согдийских документов, А. А. Фрейман пришел к заключению, что идеограмма MR'Y скрывает согдийские титулы $\text{wt}'w$ и $\text{w}w\beta(w)$ ¹¹⁴, а MLK' — гетерограммное написание вместо согдийского $\text{š}wun$ ¹¹⁵. В. А. Лившиц так-

¹¹⁰ A. N. Kurat, *Kuteybe bin Müslim'in Hvarizm ve Semerkand'i zabti*, AÜDTCFD, с. VI, 1948, № 5, S. 407; О. И. Смирнова, *К истории Самаркандского договора 712 г.*, — КСИВАН, вып. XXXVIII, 1960, стр. 70—79.

¹¹¹ В. А. Крачковская и И. Ю. Крачковский, *Древнейший арабский документ из Средней Азии*, — «Согдийский сборник», Л., 1934, стр. 64, прим. 4; Йакуби, II, 344.

¹¹² Тарихи Табарӣ, рук. ЛОИНА, д. 82, л. 406б и рукопись Готского собрания, Перс. 25, л. 186а, см. также [M. H. Zotenberg], *Chronique de Tabari, traduite sur la version persane d'Abou Ali Muhammed Bel'ami par M. H. Zotenberg*, t. IV, Paris, 1874, p. 181.

¹¹³ А. А. Фрейман, *Находка согдийских рукописей и памятников материальной культуры в Таджикистане*, — «Согдийский сборник», 1934, стр. 12. Того же мнения придерживается автор настоящей работы. См. О. И. Смирнова, *О двух группах согдийских монет владетелей Согда VII—VIII вв.*, — «Известия Отделения общественных наук АН ТаджССР», вып. 14, 1957, стр. 121—122.

¹¹⁴ «Согдийские документы с горы Муг», вып. I, М., 1962, стр. 73—74; вып. II, 1962, стр. 73—74.

¹¹⁵ «Согдийские документы с горы Муг», вып. I, стр. 84. Согласно Т. Харматту, идеограмма MR'Y = согд. $\text{wt}'w$. См.: J. Harmatta, *Parthien parchementi Acta Antiqua*, Budapest, 1957, t. V, p. 304.

же считает, что идеограмма MR'Y передает согдийское $\gamma w t' w$ или $\gamma w \beta$ (w)¹¹⁶. Тождество MR'Y/MRYn = $\gamma w \beta$ (w) исключено, так как оба слова встречаются в надписях на согдийских монетах Панча (Пенджикента) вместе и рядом: $\gamma w \beta$ pncu MR'Yn. Слово афшин в согдийских текстах, как известно, не встречалось до сих пор. О его этимологии высказаны разные соображения. В. Б. Хеннинг видит в нем фонетический вариант согдийского $\gamma \delta' u w n$ ¹¹⁷. Титул зафиксирован за владетелями Усрушаны. Его носит также «Гурек царь Самарканда». А около Самарканда, у ворот Кухак, долго было известно место, называемое Афшина¹¹⁸. Титул афшин, превращенный в имя, носит ряд лиц. В. А. Лившиц предполагает, что «употребление этого титула у ал-Куфи Балами и Йакуби применительно к Гуреку является позднейшим перенесением титулатуры правителей Усрушаны на владетелей самаркандского Согда. По его мнению, не исключена возможность, что Гурек был связан с династией усрушанских правителей. Какого-либо довода в пользу своего предположения он не приводит¹¹⁹. Представителем Усрушанского дома считал Гурека в свое время еще В. Томашек, который утверждал, что этот согдийский царь был дадей афшина Усрушаны¹²⁰. Источника своих сведений В. Томашек не указывает. Титул $\gamma \delta' u w n$ «царь» и соответствующий ему женский $\gamma \delta u w n c$ «царица» в согдийской литературе неоднократно засвидетельствован¹²¹, в частности первый из них встречается в одном из текстов буддийского содержания (первых веков

¹¹⁶ «Согдийские документы с горы Муг», вып. II, стр. 50.

¹¹⁷ I. Gershevitch, *A grammar...*, § 314.

¹¹⁸ Табарн, II, 1485; а также BGA, II, 366; من وراء وادی
السغد من مكان يعرق بافشينه على باب كوهك

¹¹⁹ «Согдийские документы с горы Муг», вып. II, стр. 50 и прим. 22. В этой связи В. А. Лившиц пишет: «Тогда, быть может в тексте Самаркандского договора «сын ихшида, афшина» является трансформацией первоначального «ишхид, сын афшина» (احشيد) (بن افشين) Смысл замечания остался непонятным. Ихшидом, сыном афшина, Гурек назван в Самаркандском договоре (что было в свое время уже отмечено в печати), и только там.

¹²⁰ W. Tomaschek, *Sogdiana...*, S. 78. О том же со ссылкой на Томашека говорит Р. Н. Фрай. См. его статью: R. N. Frye, *Tarxūn-ī-rūzān and Central Asian history*, — HJAS, vol. 14, 1951, № 1—2.

¹²¹ Ср., например, p'rsyktu $\gamma \delta u w n u$ «царь персов» в христианских текстах (BST, II, 872; V, 3, 841, 10). Отмечено В. А. Лившицем («Согдийские документы с горы Муг», вып. II, стр. 88); сравня

нашей эры), где он стоит вместе с титулом ихшида: $\beta\gamma'n$ $\gamma\check{y}ud$ RVku $\gamma\check{y}uwnu$ «царь богов, великий государь»; в нем последовательно сочетаются два титула, так же как сочетаются две идеограммы в титуле Деваштича «Согдийский царь, Самаркандский государь» ($s\gamma wdu'nk$ $MLK' sm'rkn\delta\check{c}$ $MR'Y$). В этой связи представляется соблазнительным принять предложения В. Хеннинга и видеть в слове афшин в арабской передаче двойного титула царя Согда усрупанский фонетический вариант согдийского $x\check{s}evan$ ($'\gamma\check{y}uwn$), в арабской графике $اخشيد$ или $اخشيد$ ¹²². Вместе с тем та же идеограмма $MR'Y$ не только могла, но и передавала в соответствующей среде другие равнозначимые ей титулы, в том числе среднеперсидский $x'at\bar{a}u$ и, возможно, как полагают, согдийский $\gamma wt'w$, опять-таки в его значении титула, заимствованного из западноиранского (?). Последнее можно предположить по его орфографии в буддийских текстах через удвоенное t ($\gamma wtt'w$)¹²³.

Согдийское $\gamma w\beta(w)$, как и $\gamma wt'w$, предстает в двух аспектах — как титул и как традиционное обращение¹²⁴. Как титул, судя по нашим основным источникам (мугским документам и согдийским монетам), $\gamma w\beta(w)$ был наиболее распространенным, так как чаще всего встречался и прилагался к земельной аристократии вообще, начиная от владетельных дихкан. Так, титул $\gamma w\beta(w)$ носили сильнейшие из дихкан ($\gamma wt'wt$), именуемые Табари и другими аналогичными источниками азимами, кабирами или бузургами. Этот титул носили, согласно мугским документам, пенджикентский дихкан Деваштич, бывший два года царем Согда, дихкан Хахсара, дихкан Паргана и дихкане ряда других владений, о которых речь пойдет ниже. Как титул землевладельческой

также титул тюркского хакана $\beta\check{c}p\bar{r}\delta$ 'kw $\gamma\check{y}uwnu$ «властитель мира» (O. Hansen, *Zur soghdischen Inschrift...*, S. 15(2)).

¹²² От тождества $افشيووس-فشين$, согд. $\beta\check{s}'uws$ «господин», «хозяин» в манихейских текстах (см. М. Н. Боголюбов, О. И. Смирнова, *Согдийские документы, I, 1 и 36 А 14 мугской коллекции*, — «Вестник ЛГУ» вып. 5, 1963, стр. 122) приходится, видимо, отказаться.

¹²³ SH, I, 27, 215.

¹²⁴ Ср. также эпистолярную формулу обращения в старых письмах (IV в.) 'R $\beta\gamma w$ $\gamma wt'w$; письмо II датировано 13 годом государя ($MR'Y$) по имени $s\gamma t\delta sw'n$.

знати он сопровождается относительным именем по владениям его носителя. К $\gamma\omega\beta$ -ам принадлежали также современники пенджикентского князя Деваштича; имена и нисбы (названия по владениям) некоторых из них упоминаются в мугских документах и у Табари.

Исторически согдийское $\gamma\omega\beta(w)$ представляет собой один из древнейших среднеазиатских титулов. Впервые он встречается на монетах бухарского оазиса, датированных не позднее чем IV в. н. э., в надписи $\gamma\omega\beta \text{ 'šd' } \delta(?)$, во втором слове которой, быть может, следует видеть имя божества (*yazata-*) Прямоты, Праведности (*Arštāt*), засвидетельствованное в Авесте, которое, таким образом, окажется согдийским заимствованием из западноиранского¹²⁵. Этот титул сохранялся на бухарских монетах по традиции, во всяком случае до X в. На монетах того же бухарского оазиса (медных) тот же титул встречается, во-первых, в сочетании с названием Бухары: $\rho\omega\gamma' r \gamma\omega\beta$ ($-\rho\omega\gamma' r \gamma\omega\beta$)¹²⁶ $\gamma\omega\beta$ -Бухары и, во-вторых,

---

¹²⁵ Altir. Wb. (205): «Arštāt-Name der Göttin (Yazata-) der Geradheit, Aufrichtigkeit». Имя богини сохранилось в названии 26-го дня согдийского календаря, посвященного этому божеству. Надпись находится на оборотной стороне монет и является сопроводительной (пояснительной) к изображению алтаря с пламенем над ним. Допустимо также второе чтение $\gamma\omega\beta' \text{ 'š} \beta' \text{ '3}$, но написание β не совпадает с начертанием того же знака в слове $\gamma\omega\beta$ в той же надписи. Прорисовки с монет этой серии (из нумизматического собрания Государственного Эрмитажа). См. М. Явич, *Замечания о неисследованном среднеазиатском алфавите*, — ТОВЭ, т. IV, 1955, стр. 214, рис. 5, стр. 216, рис. 6 и стр. 218, рис. 7. На лицевой стороне монет изображена голова в диадеме, повернутая вправо; на оборотной — жертвенник с пламенем над ним, окруженный надписью. М. Явич установила связь иконографического типа монет этой серии с последними аршакидскими монетами и относит их к III—IV вв. н. э. Такие же экземпляры имеются в собрании монет В. А. Шишкина из его раскопок на городище Варахша. По мнению В. А. Шишкина, археологические данные вполне соответствуют датировке, предложенной М. Явич (см. В. А. Шишкин, *Варахша (предварительное сообщение о работах 1949—1953 гг.)*, — СА, т. XXIII, 1955, стр. 108—109).

¹²⁶ Такие надписи размещены на ряде монет (серии), на лицевой стороне которых изображен верблюд, идущий вправо, а на оборотной стороне — жертвенник с пламенем над ним; справа от жертвенника титул $\gamma\omega\beta$, слева $\rho\omega\gamma' r$. Надписи стилизованы. Монеты обнаружены В. А. Шишкиным при археологических работах на городище Варахша (№ 1/58, 7/146, 4/113, 1/164, 4/113, 4/127, 4/128, 4/132, 4/144, 4/168, 4/188, 4/233, 7/134, 7/307, 7/329). Почти все монеты плохой сохранности; надпись сохранилась полностью и читается на одной из них. Монеты датируются В. А. Шишкиным V в. н. э.

как сопроводительное к титулу k'w (или k'w') «царь» (γwβ k'w и pγγ'g γwβ k'w')¹²⁷. Этимология слова не установлена. А. А. Фрейман предложил возвести его к древнеиранскому hwa-baw- дословно «самостоятельный»¹²⁸. Сочетание γwβ 'šd'd в надписях на бухарских монетах дает возможность видеть в согдийском γwβ(w) слово, восходящее к авестийскому hv-arah «тот, чьи дела хороши (прекрасны)», встречающееся в Авесте в качестве эпитета богов и ставшее впоследствии титулом¹²⁹. Но в согдийском следовало ждать в слове γwβ- смычный согласный p, а не щелевой β (ср. согд. γwp «хороший»). В таком случае придется согласиться с тем, что этот титул, как и ряд других, западного происхождения¹³⁰. На бухарских монетах он должен был долго сохранять по традиции свое значение эпитета, прилагавшегося первоначально к богам, позднее перенесенного на царя, личность которого обожествлялась (γwβ k'w «благотворящий царь» и pγγ'g γwβ k'w') «благотворящий царь Бухары» (?)¹³¹, давшего позже титул γwβ «Бухары царь»). Последнее обстоятельство нашло свое отражение в формулах эпистолярного обращения к согдийской знати разных категорий, в начале которых стоит неизменное сочетание 't βγw γwβw, позднее

¹²⁷ Слово pγγ'g > pγγ'g соблазнительно сопоставить с согдийско-христианским fwx'g «счастливей», «блаженный», которое объясняется исследователями как вторичная форма от среднеперсидского frwx (I. Gershevitch, *A grammar...*, § 447). Как известно, название Бухары до VII в. в письменных источниках не встречается.

¹²⁸ Для вариантов γwβ / γwβw, ср. вариант основы глагола «становиться, быть» в согдийском βw-, wβ-, β-. Доклад в ИВАН, прочитанный А. А. Фрейманом в 1950 г., см. «Согдийские документы с горы Муг», вып. I, стр. 81—82).

¹²⁹ Altir. Wb. (1853) hv-ārah-Adj. (auch fem.) 'des Werke gut, schön sind' a) von Göttern «wohl wirkend, schön schaffend»: bayo хвара; mazda hvāra; b) von Menschen «tätig, emsig».

К этимологии и значению слова ср. I. Gershevitch, *The Avestan Hymn to Mithra*, Cambridge, 1959 (University of Cambridge Oriental publication, № 4), p. 237, n. 92, 4). Комментарий к эпитету Ахура Мазды hvārah-.

¹³⁰ Ср. также такие заимствования из западноиранского, как хšуд, 'хšуд из авест. хšāeta и n'γуд, название планеты Венеры из anahita-; ср. также будд. k'wδ'm', рядом с k'wt'm' (I. Gershevitch, *A grammar...*, 269).

¹³¹ Последняя надпись продолжала помещаться на серебряных монетах вплоть до XII в., когда она настолько уже искажена, что не читается вовсе.

отражение древнеиранского (авестийского) *baγō hvārā*.

В согдийских переводных текстах буддийского содержания согдийский титул *γwβw* встречается неоднократно как титул буддийских царьков (*γwt'w*), супруги которых носили титулы *p'mpwšt*, *γwt'ynh* и *γ'Hwnh*; разного ранга супругам *γw*-ов были присвоены титулы *δβ'mprnh* (перс. *bambisn*, вариант *p'mpwšt*) 'царица' и *δβ'prwh* 'госпожа' (ср. перс. *banu*)¹³². Ставить знак равенства между женскими титулами *δβ'mprnh/p'mpwšt* и *γwt'ynh* не приходится хотя бы потому, что оба они встречаются вместе, причем первый из них стоит впереди¹³³. В другом тексте второй из этих титулов *γwt'ynh* стоит рядом с титулом *γ'ttwnh* (тюркским в согдийском?)¹³⁴, а в одном из поздних христианских текстов имеется приписка (подпись) другой рукой *db'mn x'twn* (= *δβ'mprnh γ'ttwnh*); в этой последней согдийское *x'twn* (= *γ'ttwnh*) выступает скорее в качестве имени нарицательного, а не титула.

Китайские и мусульманские источники, как известно, называют среднеазиатских цариц того времени хатунями (*γ'ttwnh*) независимо от их происхождения (тюркского или иранского). На монетах титул *γwt'ynh* до сих пор не встречался. Два других засвидетельствованы.

Первый из них, его согд. варианты *δβ'mprnh* и *δβ'(?)prwh*, сочетается в надписях с именем Нана, которое может быть и именем богини и теофорным именем пенджикентской владельницы.

Второй (*γ'ttwnh*) прочтен на монетах с изображением княжеской пары на лицевой их стороне. К сожалению, на всех монетах этой группы надписи сильно пострадали, и весь их текст прочесть нельзя. Надо ждать новых находок.

В одной из манихейских притч, изданных В. Б. Хеннингом, упомянут *γ'β'n γwβw* и его супруга *δβ'mprnh*. В. Б. Хеннинг предлагает три возможных толкования имени и титула (1) *the king of country of Rābān*, (2) *the*

¹³² К происхождению и вариантам женского титула *δβ'mprnh* см. I. Gershevitch, *A grammar...*, § 453; ср. также вар. *bāmbušt* W. B. Henning, *Sogdica*, London, 1940, p. 17.

¹³³ I. Gershevitch, *A grammar...*, § 1246: *γrβt γwt' wt ZY...*, *p'mpwsth 'ty γwt'ynh* «много царей и цариц».

¹³⁴ TSP, 6, 165—166; *γwt'ynh 'PZY γ'ttwnh* «царица и хатун».

king of the Rāḥs и 3) King Rāvān¹³⁵. В переводе эзоповской басни «Обезьяна и лисица» греческое βασιλεύς передано согдийским γωβω¹³⁶. В надписи Шапура ему соответствует идеограмма MLK'. Здесь будет уместным вспомнить слова В. В. Бартольда о том, что домусульманские цари Мавераннахра «более напоминают древнегреческих базилевсов, чем азиатских деспотов»¹³⁷.

Титул был широко распространен за пределами Согда. Его носили тюрки и иранцы в тюркской среде. На одной из серебряных чаш Фрунзенского музея имеется согдийская надпись, выполненная каллиграфически восточносогдийским письмом с дополнительными знаками для тюркских слов в согдийском. Она идет по венчику сосуда в две строки, первая из которых (по внутреннему кругу): MN βγυšy prn βγty 'lp pylk' γωβω γуруwt(?).. γγr'k¹³⁸. Начальные слова надписи, видимо, вариант согдийских MN γγyšty prn βγty, в свою очередь являющихся переводом титула тюркского кагана tāḡridā qut bulmīš «наделенный благодатью от бога (>небесного)»¹³⁹. На наш взгляд согдийскому βγyšy в надписи на чаше соответствует βγyšty (или γγyšty) в Карабалгасунской надписи, а композит "prnβγty" заменен другим, равнозначимым ему "prn βγty" с тем же общим значением «получивший (или наделенный) благодатью»¹⁴⁰. Предпоследнее сло-

---

¹³⁵ W. V. Henning, *Sogdian tales*, p. 483. Попутно отметим, что, согласно преданию, приведенному в истории Самарканда (Кандии), имя Раван-шаха носил араб, из рода которого происходила мать Абу Муслима («Кандия Малая», перевод В. Л. Вяткина, — «Справочная книжка Самаркандской области», т. VII, Самарканд, 1906, стр. 251).

¹³⁶ W. V. Henning, *Sogdian tales*, p. 474.

¹³⁷ В. В. Бартольд, *Несколько слов об арийской культуре в Средней Азии*, — «Среднеазиатский вестник», Ташкент, июнь 1896, стр. 22.

¹³⁸ Фотовоспроизведение надписи см. «Эпиграфика Киргизии», Фрунзе, вып. 1, 1963, стр. 40, рис. 22. Неудачное чтение и интерпретация надписи как уйгурской см. «Народы Азии и Африки», 1964, № 1, стр. 146—149. Обе опубликованные в номере надписи согдийские (указано английским тюркологом Клоусоном).

¹³⁹ O. Hansen, *Zur Soghdischen Inschrift...*, p. 26.

¹⁴⁰ С нашей формулой почти тождественна начальная формула MN βγyšty prn βγty prn βγty, которая, по мнению О. Хансена, передает вариант того же тюркского титула tāḡridā qut bulmīš qutluγ (см. O. Hansen, *Zur Soghdischen Inschrift...*, p. 38. Nachtrag zu Kommentarien).

во надписи пока прочесть не удалось; судя по его месту в тексте, надо думать, что оно составляет первую часть имени, $\gamma w \beta$ -а, отмеченного в надписи, вторая часть которого $\gamma u g'k$. И вся надпись значит: «Наделенный небесной благодатью Алп Билга $\gamma w \beta$ [по имени]... $\gamma u g'k$ ». Другой допустимый перевод надписи: «От владыки „наделенного благодатью“, получил ее (чашу) Алп Билга $\gamma w \beta$ - (по имени)... $\gamma u g'k$ ». Но если мы сравним надпись на чаше с первой строкой письма XI, текст которого транслитерирован Г. Рейхелтом, то первый вариант представится бесспорным (MN $\beta u y \beta t y$ $r n \beta u r t y$ $r n \gamma w n t y$ $\gamma w \beta t y$ $\gamma r \beta'k$ «Получивший от неба благодать, великолепный, славный, мудрый») ¹⁴¹.

Слово $\gamma w \beta$ - засвидетельствовано на монетах разного типа, собственно Согда, Пенджикента и Ферганы, а также Чача и районов к северу и востоку от него. На согдийских монетах $\gamma w \beta$ выступает в значении титула и, обычно сопровождает имя собственного владельца; в мугских же документах титул $\gamma w \beta$ -, как правило, сочетается с относительными именами (по владениям) его носителей. На некоторых монетах Чача согдийское $\gamma w \beta$ -, как и на бухарских, сопровождает узкоместный поздний титул $t \delta w n$ (заимствование из китайского через тюркский). На пенджикентских монетах титул $\gamma w \beta$ - сопровождает другой — титул пенджикентского князя: $\gamma w \beta$ $r n s u$ MR'Y « $\gamma w \beta$ государь Панча». Титул $\gamma w \beta$ носили владельцы Усрушаны.

Единственный пока известный согдийский документ (палка), найденный на ее территории (раскопки шахристанского городища), датирован 15-м годом $\gamma w \beta$ -а Кауса (k/čw'ws?), т. е. 15-м годом правления Кауса (первая четверть IX в.), отца известного усрушанского афшина Хайдара (казнен в 840 г.) ¹⁴².

¹⁴¹ SH, t. II, S. 61.

¹⁴² Документ (всего четыре строки), как я его понимаю, является распиской, написанной по приказу некоего (или некой) $r n \gamma w n s h$. Датирована расписка «15-м годом (правления) $\gamma w \beta$ -а Кауса, месяц аранс день vat-rūs» ($\gamma w \beta w$ čw'ws 15 s r d u m'γ u ''r n s, m u d w t g w c). Месяц аранс — восьмой месяц согдийского календаря, день wt rwc (Бируни) — 22-й день месяца того же календаря. Чтение и перевод приводимых в работе выдержек из расписки принадлежат автору, которому В. А. Лившиц любезно дал посмотреть фотографию этого документа. Поскольку В. А. Лившиц готовит документ к изданию, здесь мы его не приводим.

В мугских документах $\gamma\psi$ встречается не только как титул, но равно входит в формулу эпистолярного (традиционного) обращения к местным владельцам, в том числе и к Деваштичу, пенджикентскому князю, чей титул передан, как и на монетах, идеограммой MRU. Титул $\gamma\psi$ кроме Деваштича, согласно мугским документам, носили местные владельцы, дихкане-азимы; для ихшида не отмечен. В формулах эпистолярного обращения титул $\gamma\psi$ почти обязательно сопровождается помимо имени, которое зачастую опускается, нисбой владельца, т. е. его относительным именем по названию владений. К таким относительным именам принадлежат титулы дихканов Кштута, Хахсара и Партана. Кштутский владелец по имени Виштам ($wyšt'm$) титуловался Кштутским $\gamma\psi$ -ом. Соответственно именовались по своим владениям дихкане Хахсара и Партана. Хахсарский дихкан упоминается в трех письмах (В 16, В 17 и В 18). Название его владений Хахсар ($\gamma'ysr$) (дословно «голова источника») тождественно с названием у арабских авторов селения Хахсар в двух фарсах от Самарканда ¹⁴³. Йакут причисляет это селение к волости Даргам, т. е. к той волости, где находились главные ирригационные сооружения по среднему Зеравшану. Самани отмечает нисбу (относительное имя) от названия этого селения Хахсари «Хахсарский» и упоминает дихкана Хахсара, известного под этой нисбой ¹⁴⁴. В начале VIII в. Хахсар представлял значительные владения, и хахсарский $\gamma\psi$ - играл далеко не последнюю роль в политической жизни страны, о чем мы можем судить по письмам Деваштича к нему ¹⁴⁵. Тот же титул $\gamma\psi$ - должны были носить дихкане, уходившие из Согда в Фергану одновременно с Деваштичем в 721 г. Табари приводит известия источников об их

---

¹⁴³ Йакут, II, 385 (идентификация предложена А. М. Мандельштамом).

¹⁴⁴ Самани (GMS, XX), л. 1836.

¹⁴⁵ Существует мнение, что «Хахсар — селение, лежащее всего в двух фарсах от Самарканда, имело особое значение для Деваштича как форпост владений его вассалов на западе» («Согдийские документы с горы Муг», вып. II, стр. 116). Согласно с этим, территория позднейшего рустака Даргама в первой четверти VIII в. должна была принадлежать к владениям Панча, что невозможно. Говорить же о Хахсаре как о западном форпосте самаркандских владений столь же невозможно, так как Даргам никогда не был последним самаркандским рустаком на западе; таковым был рустак Абгара.

уходе в Фергану. Согласно одним, из Согда ушли: «Карзанч, и Кашин, и Биаркат, и Сабит с людьми Иштихана». Согласно другим, из Согда выступили: «Карзанч и Джаланч с людьми Фая и Абар, сын Маджнун, и Сабит с людьми Иштихана. И выступили люди Йарката и люди Сибиската с 1 тыс. мужами, а на них золотые пояса, с дихканами Бузмаджана»¹⁴⁶. Кто же эти люди? Названный в этих отрывках Сабит — не кто иной, как дихкан Иштихана Сабит Иштиханский, упомянутый у того же Табари ниже в тексте под своей согдийской нисбой Сабит Иштиханчский вместо ожидаемого Иштиханский. В параллель к согдийской нисбе иштиханского дихкана приведем другую аналогичную, упомянутую Самани, — «Заминч», образованную от названия селения Замин; в обоих случаях речь идет об арабских относительных именах (нисбах), образованных от согдийских Иштиханч (*štyuñč от *štyuñ- «Иштихан», собственно «Восьмиарычный») и Заминч (z'muñč от z'muñ) и представляющих нисбы вторичного образования¹⁴⁷. Нисбой же, вероятно, является имя дихкана Карзанча, главного действующего лица ферганских событий, личность которого не удавалось до сих пор установить. Его имя کارزنج (согд. *k'gzñč), вероятнее всего, обычное для Согда относительное имя (нисба) от названия арбинджанского селения کارزن, расположенного в двух фарсах от Самарканда. О селении Карзан упоминают Самани и Йакут. Самани сообщая, что оно относится к самаркандскому Согду, приводит свидетельство Идриси, который причисляет его к селениям Арбинджана и упоминает его дихкан¹⁴⁸.

¹⁴⁶ Табари, II, стр. 1442 и 1444. Тексты явно искажены; название *بياركت* в первой цитате представляет сочетание имени *بيار* и названия места *اركت*, соответственно с чем во второй цитате следует вместо *بياركت* читать *ياركت*. О них будет ниже.

¹⁴⁷ Небезынтересны объяснения согдийских нисб арабскими авторами. У Самани под нисбой *الزاميني* читаем: «аз-Замини. В этой нисбе вместо нуна произносят джйм: аз-Заминджи. Это городок в окрестностях Самарканда, его называют Замин. Он принадлежит к округам Усрушаны». Примерно так же поясняет эту нисбу Йакут со слов Идриси: «Говорит Абу-Са'д [ал-Идриси]: Замин — городок, принадлежащий к самаркандским областям. Часто при образовании нисбы от (него) к нему прибавляют джйм и произносят Заминджи» (Йакут, IV, 224).

¹⁴⁸ Самани (л. 470^б).

Йакут, как и Самани, относит селение Карзан к Самарканду. Можно думать, что согдийскому селению Карзан соответствует позднейшее тимуридское селение, носившее название Ходжа Кордзан, на канале, носящем сейчас название Нарпай, собственно Нахри Пай, между Катта-Курганом и городищем Ранбжан (= Арбинджан) ¹⁴⁹. В. В. Бартольд с Арбинджаном и его окрестностями отождествляет местность Фай или Пай (у Табари) ¹⁵⁰.

Спорным представляется чтение нисбы адресата письма дихкана Партана (В 17) ¹⁵¹. Писец написал ее в письме по-разному: в первой строке $\beta w r z - w ' d \delta$, а в десятой (последней) $\beta w r z - w d k \delta$. В обоих случаях речь идет о селении $\beta w r z - w (') \delta$ (k) «Долина (или место) $\beta w r z -$ ¹⁵²», близко напоминающее название как современного селения Варз в верховьях Зеравшана, так и средневекового городища Тали Барзу («Холм Барзу» * $\beta r z w - / \beta w r z -$) под Самаркандом. А согдийское селение Партан, вероятно, соответствует современному селению Барданг на реке Магиан-Дарье, упомянутому в вакуфных документах ¹⁵³, в верховьях которой открыты остатки крупных замков и поселений раннего средневековья.

Приводим список перечисленных выше относительных (по владениям) имен согдийских дихкан (азимов), документально засвидетельствованных.

Приведенный небольшой список согдийских дихкан-владельцев и их нисб в первую очередь свидетельствует о теснейшей связи согдийской знати с землей ¹⁵⁴. Из этой

¹⁴⁹ Тимуридское название селения Ходжа Кордзан (собственно «Ходжа-убийца»), надо думать, позднейшее осмысление согдийского его названия Карзан (народная этимология).

¹⁵⁰ В. В. Бартольд, *Туркестан...*, стр. 148.

¹⁵¹ Издание документа см. «Согдийские документы с горы Муг», вып. II, стр. 129.

¹⁵² О. И. Смирнова, *О титуловании согдийских правителей*, — сб. ст. «Древний мир», М. — Л., 1962, стр. 397; «Согдийские документы с горы Муг», вып. II, стр. 163, комм. к стк. 1, 9.

¹⁵³ О. И. Смирнова, *О титуловании...*, стр. 397; «Согдийские документы с горы Муг», вып. III, стр. 105, комм. к стк. 3.

¹⁵⁴ В док. Б 1 упомянуты также $\gamma w \beta$ -ы других селений, названия которых не удалось установить с достаточной достоверностью. Издание документа см. М. Н. Боголюбов, О. И. Смирнова, *Согдийские документы I, 1 и 36 А*, — «Вестник ЛГУ», вып. 3, № 14, стр. 121—128. В. А. Лившиц приводит из того же документа несколько других нисб: 'sk'tryk $\gamma w \beta w$ «государь селения Аскатар», $\gamma r g ' n \delta$ $\gamma w \beta w$ «государь селения $\gamma r g ' n$ » и wt γ ryk $\gamma w \beta w$ «государь се-

Владения	Нисбы		Титулы	
	Согдийские	Арабские	Согдийские	Арабские
Алмалык Шштихан	'δmδwkč* *'štyγ'nč	— الاشتيخنخ الاشتيخنجي	γwβ(w) —	— دهقان
Вурзвад Девашт Панча	βwrzw'δč/k δyw'styč	— الديواشتي الديواشنج	γwβ(w) γwβ(w)	— دهقان
Хахсар Карзан	γ'γsrč *k'rnč	الخاخسرى الكارزنى كارزنج	γwβ(w) —	— دهقان
Кштут Парган	kwšwtk p'rtnč	— —	γwβ(w) γwβ(w)	— —
Исмитан	smυδnč	السميتنى	—	دهقان
Пенджикент Руст(багн)	pnčyknδč rwstyk	الپنجكنى —	γwβ(w), MR'Y γwβ(w)	— —
Замин Кашф(-Кеш)	*z'mynč kšβ'nk	الزامينجى —	— γwβ	دهقان دهقان
Согд	sγwδy'nk	السغدى	MLK'	دهقان

* ср. 'umδwkč (чтение В. А. Лившица).

знати, имевшей обширную земельную собственность, вербовались, видимо, высшие чины административного и, конечно, военного управления. Мы можем судить об этом хотя бы по тому, что в письмах к пенджикентскому пармандару (pγm'nδ'r «управитель») корреспонденты, об-

ления Утагар («Согдийские документы с горы Муг», вып. II, стр. 39). Нисбы, к сожалению, приводятся без указания строк документа Б 1, где они прочтены. Если чтение wtγrk окажется правильным, то речь в док. Б 1 пойдет о той же местности, о которой упоминается в док. I, 1 стк. 21 — wt'γr(k); с последним можно сблизить название современного селения Утагар в верховьях Зеравшана.

ращаясь к нему, употребляют эпистолярную формулу 'tβγw γwβw, т. е. ту же, с которой они начинают свои письма к согдийским дихканам.

Рассмотренные титулы среднеазиатских дихкан — ихшид (MLK'), афшин(MR'Y) и γwβ(w), встречающиеся в согдийских текстах и на монетах, достаточно четко намечают три ступени в местной иерархии VII—VIII вв., верхнюю ступень которой занимал в Согде первый из них — ихшид, царь царей (малик ул-мулук) арабских авторов, чей титул на монетах передавался идеограммой MLK', нижнюю — дихкане, носившие титул γwβ. Эта иерархия, нет сомнения, имела уже феодальный характер. О том же говорят титулатура и величания в начальных и соответствующих им заключительных эпистолярных формулах обращения, встречающихся в мугских письмах, принадлежащих как пенджикентскому дихкану, так и другим лицам, чаще всего корреспондентам последнего.

В письмах обращению к адресату предшествуют вводные слова: «Владыке γwβ-у, великому оплоту, величайшему из всех оплотов» ('t βγw γwβw RBčh 'nwth MN wyspn'sy 'nwtu 'msy'tr)¹⁵⁵. В зависимости от положения, занимаемого в местной иерархии адресатом (или отправителем), и от обстоятельств, при которых писались и отправлялись письма, эта формула могла быть, как мы увидим, сокращена до краткого «Владыке γwβ-у ('t βγw γwβw)», непосредственно за которым следовало имя отправителя или адресата, дополненное их титулами; последовательность имен зависела от того, кто из них (адресат или отправитель) являлся вышестоящим по отношению к другому: имя вышестоящего лица неизменно ставилось в письме первым.

Имена некоторых из отправителей писем стоят в уменьшительной (уничижительной) форме и сопровождаются уничижительной же подписью «от его раба (холопа)» (MN

¹⁵⁵ Ср. А. А. Фрейман: 'tβγw γwβw RBčh 'uwth «Богу царю, великому, единому» (А. А. Фрейман, *Опись рукописных документов*, — «Согдийский сборник», М., 1934, стр. 44). Чтения и перевода А. А. Фреймана иранисты придерживались до выхода в свет моей статьи «Монеты древнего Пенджикента» (МИА, 1958, № 6, стр. 247), в которой установлено, что слово 'uwth «единый», прочтенное в тексте документов А. А. Фрейманом, следует читать 'nwth, а следующее за титулом γwβw слово рассматривать как нисбу. О начальных и заключительных формулах см.: J. Harmatta, *Parthien parchmenti...*, pp. 276—279; О. И. Смирнова, *О титуловании согдийских правителей*.

γυρδ βntk). После обращения и имен следуют поклоны и, как правило, благопожелания определенного эпистолярного шаблона, свойственного, пожалуй, представителям соответствующей среды и времени всех народов. Так, в одном из писем читаем: «... от его ничтожнейшего раба, каких тьма, Ривашки», в другом: «... от его раба воеводишки» (собственно «солдатишки»). Письмо Ривашки (В 16) написано к хахсарскому князю, и начало его следующее: «Владыке γωβ-у великому оплоту, величайшему из всех оплотов, хахсарскому γωβ-у Апүүн-у написано. От его ничтожнейшего раба, каких тьма, Ривашки ответ. Владыке, обладателю великой благодати, усердный поклон». В следующей, пятой, строке отправитель письма именуется себя βntk mrtu — «холоп» (буквально «муж раб»).

Таково же начало другого письма (В 14^a), обрывок которого сохранился в архивах. К тому же хахсарскому князю обращены три письма Деваштича. Одно из них (В 17) начинается простым обращением: «От γωβ-а Деваштича γωβ-у хахсарскому Апүүн-у». В двух других письмах (В 17 и В 18) Деваштич обращается к хахсарскому γωβ-у как согдийский ихшид, и тон письма резко меняется. Так, в письме (В 18) читаем: «От согдийского ихшида Деваштича. Хахсарскому γωβ-у Апүүну. Здравие, много поклонов. А теперь, что за глупость и самовольство ты совершил. Вина в том не твоя, а моя (дословно не от тебя, а от меня), потому что я знаю, что ты за поганейший (?) (человек), и мне не следовало тебя посылать на такое дело, на которое я тебя послал»¹⁵⁶. Некто Ратифарн свое письмо к тому же Деваштичу начинает так: «Владыке, γωβ-у, великому оплоту, согдийскому ихшиду, самаркандскому князю Деваштичу. От его раба, каких тьма, Ратифарна ответ».

Другую формулу употребляет при обращении к тому же Деваштичу бартанский князек Ревахшйан, два письма которого сохранились в мугских архивах (В 15 и Nov. 2). В первом из них (В 15) читаем: «Владыке γωβ-у, великому оплоту, согдийскому ихшиду, самаркандскому князю. От его раба бартанского γωβ-а Ривахшйана

---

¹⁵⁶ «Согдийские документы с горы Муг», вып. II, стр. 124: «(2) Так вот, если ты будешь совершать глупости и упрямиться (3), то дом погубишь — не свой, а мой (?). Ведь я так знаю: ты... И мне не следовало тебя на такое дело посылать».

ответ. Вам, владыка, обладателю великой благодати, много поклонов...». Такой же формулой тот же князек начинает свое послание (А 15) к $\gamma\omega\beta$ -у $\beta\omega\gamma\omega\beta$ ' δ -скому: «Владыке $\gamma\omega\beta$ -у, великому оплоту, $\beta\omega\gamma\omega\beta$ ' δ -скому $\gamma\omega\beta$ -у. От его раба, барганского $\gamma\omega\beta$ -а Ревахшяна ответ и много поклонов». Рабом же именуется себя мадрушатский $\gamma\omega\beta$ -в своем письме (Б 7) к кштутскому $\gamma\omega\beta$ -у Виштаму: «Владыке $\gamma\omega\beta$ -у, кштутскому $\gamma\omega\beta$ -у Виштаму. От раба, мадрушатского $\gamma\omega\beta$ -а, ответ и много поклонов». Цитируемые вводные формулы, которые, как правило, являются и заключительными, как представляется, находят себе параллели и в русских княжеских грамотах.

Кроме мугских документов приведенные формулы, их первые части (обращения к адресату: «Владыке $\gamma\omega\beta$ -у, великому оплоту...») засвидетельствованы в надписи на так называемом мервском черепке¹⁵⁷, что говорит об ее широком распространении за пределами Согда. Как видно из приведенных цитат, в эту формулу прочно вошло сочетание слов — «великий оплот», или «великое прибежище» (RVch 'nwth). Согдийское 'nwth встречается один раз в Старых письмах и неоднократно в согдийских текстах буддийского содержания¹⁵⁸ и значит «опора», «оплот», а равно «прибежище». Оба эти значения отмечены И. Гершевичем, который возводит слово к древнеперсидскому $anu\dot{s}iya-$ < *anytia-¹⁵⁹. М. Н. Боголюбов предлагает возвести согдийское 'nwth к древнеиранскому $anuta$ «опора», «помощь»¹⁶⁰. В параллель к согдийскому 'nwth «опора», «оплот» в мугских письмах можно привести персидско-таджикское $rapah$, обычное в титуловании госу-

¹⁵⁷ Черепок найден в 1937 г. на городище старого Мерва археологом А. А. Марущенко; надпись частично прочтена и интерпретирована А. А. Фрейманом так: 'tβγω γω βω RVch' 'wt... «Богу царю великому уделов...» («Согдийские документы с горы Муг», вып. I, стр. 66 и 67), тогда как эти слова следует читать 'tβγωγωβω RVch 'nwth, перевод которых соответственно будет «Владыке $\gamma\omega\beta$ -у, великому оплоту...» В. А. Лившиц предлагает следующие за ними три последних слова надписи, не прочтенные мною, читать pru 'syw twkznk(w), от перевода которых он воздерживается («Согдийские документы с горы Муг», вып. II, стр. 68).

¹⁵⁸ SH, II, B II, 51; TSP, 2, 89, 113 (-twh), 1107, 1172; 5, 15, 18, 19, 125, 2, 159 (-tyh) и pw 'nwth «лишенный опоры» VY, 818.

¹⁵⁹ I. Gershevitch, *A grammar...*, § 1136 A ('nwt refuge protection), 1165 (pw 'nwt 'lack of protection).

¹⁶⁰ М. Н. Боголюбов, *Древнеперсидские этимологии*, — «Древний мир», М., 1962.

дарей и вообще знати [ср. *davlatpanāh* «прибежище, опора государства», *'alampanāh* «прибежище, опора мира»], которое, судя по контекстам, имеет тот же круг значений, связанный с одинаковым кругом представлений у этих народов ¹⁶¹.

В основе величания, видимо, лежит обожествление личности царя (князя), свойственное иранским народам и неприемлемое для мусульман. О том же говорят первые слова эпистолярной нашей формулы *'t βγw γwβw*, дословное значение которых «богу *γwβw*-у» или «богу благодворящему», если учесть предложенную выше этимологию слова *γwβw*- и свидетельства арабских источников. У Табари и Ибн ал-Асира приведен допрос усрушанского афшина Хайдара, сына Кауса, обвиненного в 225 (841) г. арабами в ереси. Согласно этому рассказу, потомок Гурека Марзбан спросил афшина: «„А не пишут ли они (т. е. твои подданные), обращаясь к тебе, так-то и так-то»? И сказал (тот): „Да!“. Сказал тогда Марзбан: „А нельзя ли это понять по-арабски так: богу богов от раба его такого-то, сына такого-то"? И сказал афшин: „Да!“» ¹⁶².

В приведенном отрывке текста формулы на усрушанском (согдийском) языке нет; последний заменен арабским «так-то и так-то». Но арабский перевод, данный у Табари, не оставляет сомнения не только в общем смысле усрушанской формулы обращения, но и в ее конкретном содержании. Как следует из того же отрывка, то была эпистолярная формула («не пишут ли они, обращаясь к тебе») и формула традиционная при обращении к усрушанским князьям. Согласно гордому ответу усрушанского афшина своим судьям, именно так обращались к его отцу и деду и к нему самому до принятия им ислама. Сопоставление усрушанской эпистолярной формулы обращения к усрушанскому афшину, приведенной арабскими источниками, с формулой эпистолярного обращения в мугских документах к пенджикентскому князю Деваштичу и к другим согдийским князьям представляется соблазнительным,

---

¹⁶¹ К значению перс. *panāh* см. Fr. Wolff, *Glossar zu Firdosi Schahname*, Berlin, 1935, S. 202 (ср. там же композит *puštu panah* «опора и прибежище») и Vullers, *Lexicon*, I, 373.

¹⁶² Табарн, II, 1312, Ибн ал-Асир, IV, 366. Относительно эпистолярной формулы обращения к усрушанским князьям см. О. И. Смирнова, *Согдийские монеты...*, стр. 362, а также «Согдийские документы с горы Муг», вып. II, стр. 81.

а если прибавить к этому, что, как выше было указано, Каус, отец усрушанского афшина Хайдара, а следовательно, и сам Хайдар и его прадеды носили титул $\gamma\omega\beta$, то и неизбежным. В согдийских Старых письмах мужским именам не только в обращении, но и в адресе предшествует стандартное (дословно): «Богу государю» ($'R \beta\gamma\omega \gamma\omega t'w$), дополненное в одном из писем (письмо III) словами «великому сыну богов» ($\beta\gamma 'ny BRY$), вторая половина формулы (подпись) такая же, как в мугских письмах «От его раба» ($MN \gamma\omega\rho\delta \beta ntk$).

Совпадение содержания этих формул лишней раз подтверждает их традиционность и устойчивость у согдийцев. Интересна также одиозность их для мусульман, включивших обращение к усрушанскому афшину в обвинительный материал против него: они предъявляют афшину обвинение в величайшей с их точки зрения ереси — обожествлении личности царя. Афшин отстраняет от себя это обвинение и говорит, что он допускал такое обращение к своей особе, лишь следуя обычаю своих предков, дабы не утратить престижа у своего народа.

Все это позволяет судить о силе местных традиций и свидетельствует о сложной, выработанной иерархии, несомненно уже носившей феодальный характер. Об этой иерархии каких-либо других прямых указаний у нас пока нет. Косвенные данные о ней можно почерпнуть из китайских источников, сообщающих нам о титулах и званиях западных князей и вельмож (самаркандских, бухарских, чачских, кешских и других). Их исследование еще предстоит и потребует совместных усилий иранистов, китайцев и, конечно, тюркологов.

Азаты

Широкой социальной основой для верхушки землевладельческой знати и владетельных князей служили азаты, название которых распространялось и на нее.

В согдийском, так же как в персидском и армянском, за производным от азат- (согд. $''z''t-$), собственно «рожденный», «знающий свое происхождение» (ср. согд. $'zt'$ «известный») закрепились два взаимосвязанных значения «свободный» и «благородный» ($''ztk, -\check{c}$), употребляемые в языке равно в простом их смысле и в терминологическом

как термины социальной градации¹⁶³. В текстах буддийского содержания согдийский 'ztk, -č не противопоставляется понятию «раб»¹⁶⁴; но в сочетании с глаголом w'č-«отпускать» получает значение «освобожденный» в смысле «отпущенный на волю»¹⁶⁵.

Общее обозначение азатов как социальной категории зафиксировано в документе А 9 Мугского собрания¹⁶⁶. Слово представлено композитом 'ztk'r (āzātkār), дословное значение которого «люди, народ āzāt ('zt + k'r) — народ, люди», ср. древнеперсидское kara-народ, «свободная община» (см. GGMS, § 1124 A), resp. «люди равноправного, свободного состояния», resp. «благородные, знатные». Документ А 9 составляет, видимо, часть письма (r'spn-a) к некоему лицу, именуемому в письме MR'Y «государь», как полагают, к Деваштичу. Из содержания первых двух строк письма можно заключить, что люди азат ('ztk'r) являлись одной из трех категорий, из которых, в представлении согдийцев, состоял народ (n'β)¹⁶⁷.

¹⁶³ О значении и терминологическом развитии иранского azat см. Н. Bailey, *Iranian studies*, — BSOS, vol. VI, 1930, pp. 953—955.

¹⁶⁴ V. Y. 1697—1699: rty βn z'tt'tty 'krty ZKh 'z't čh βy'n'yk γr'ywh ZY βnty «Ваши благородные и божественные особы, о дети, стали рабами и рабынями».

¹⁶⁵ Ср. 'ztk «освобожденный» во фразе: 'PZY ZKw 'yw knpy 50 w'tδ'g γr'yn'y ZYšn 'zt'k w'čy «и выкупил и освободил 50 животных».

¹⁶⁶ Издание документа см. ВДИ, 1960, № 2, стр. 76—82 и «Согдийские документы с горы Муг», вып. II, стр. 91—95.

¹⁶⁷ Согд. n'β- отнюдь не равнозначимо общему mrtymk «люди», а обозначает совокупность людей, имеющих определенную общность, и в этом отношении может быть сближено с араб. ахл соответствующих по времени источников. Одно из его конкретных значений — это совокупность людей в смысле страна, область (совокупность людей, их населяющих). Именно в таком значении согд. n'pw зафиксировано в письме II из собрания старых писем (см. стк. 17—19): 'HRZY xwt'yn L' z'n'ymn kt'rw ZY ZNH wy'pryt'kw cun (18) ZNH xwn šk'rtw wn'y'nt MN 'xwmt'n 'WZYn-n ZNH p'r'kw n'p-n'β (19) ny's'y'nt «then, Sir, we do not know whether the remnant Chines were able to (18) drive those Huns out of "Khamdan are occupied their (19) other land». (W. B. Henning, *The Date...*, pp. 604, 606, n. 8). К значению ср. также производные от n'β-, такие, как n'βc'n'y «локальный, национальный» (I. Gershevitch, *A grammar...*, § 1040) n'βc'kh и n'βcy'kh «страна», дословно «народность» (I. Gershevitch, *A grammar...*, § 1003) n'βδ'g «правитель». Ср. также согдийский перевод кит. «страны (находящиеся) за рубежом» kyγ'n n'βcy'kh z'y'h, дословно «земли пограничной народно-

Двумя другими категориями были $\gamma w'kr$ -ы «торговцы» и $k'gukr$ -ы «работники», т. е. податное сословие. Из этих трех категорий ($n'\beta$ -а) первое место принадлежало людям $'z$ - ($'ztk'r$), второе — торговцам ($\gamma w'kr$ -) и третье — податному сословию ($k'gukr$ -) ¹⁶⁸ — людям неблагородным. Во всяком случае именно такова последовательность, в которой перечислены эти категории в док. А 9: (1)... $rty m\gamma wn n'\beta w$ pr (2) $pr \gamma m'ug prug nu\dot{z}'nt \dot{c}w 'ztk'r ZY \dot{c}w \gamma w'kry ZY \dot{c}w k'gukr$ ... «И весь народ бежал (или «спешно вышел») навстречу эмиру, и которые знать, и которые торговые, и которые работники» ¹⁶⁹.

Остальные (подневольные) категории населения, слуги, рабы, надо полагать, как народ, люди ($n'\beta$ -) для согдийцев вообще не существовали, поскольку в мугском письме говорится о всем народе ($m\gamma wn n'\beta w$). Еще раз согдийское азаткар ($'ztk'r$ -) встречается в рассказе о земледельце и рыбаке, в котором оно обозначает ближайшее окружение царя ($\gamma wt'w$) — сопровождающих его лиц, что очевидно из контекста: $rty \dot{s}y zy'rt \beta r'm'yu nu''t ZY\dot{s}y \gamma w 'ztk'r nuu's'nt ''ny'nt k'w \gamma wt'w's'r$ «И царь приказал тотчас привести его (крестьянина). И его (царя) азаткар схватил (крестьянина) и привел его к царю» ¹⁷⁰. В близ-

сти (области). А также $\gamma m'mn'\beta c$ «гость» (I. Gershevitch, *A grammar...*, § 421) дословно «чужестранец», «чужестранный», то же, что арабское *غريب* (согд.-христ. $\gamma w'm / w\gamma'm$ — «foreign country» (I. Gershevitch, *A grammar...*, § 214). Второе значение согд. $n'\beta$ - (терминологическое) совокупность людей в смысле мир, община, в том числе религиозная. Ср. в манихейских текстах $n'\beta$ «религиозная община», «прихожане» ($\dot{c}'nw n'\beta 'nwzd$ «когда собираются прихожане» — GGMS, § 1652) и $n'\beta \dot{c}$ — член манихейской общины (I. Gershevitch, *A grammar...*, § 1003). Ср. также в документах с Муга: А 13 (MN $pn\dot{c}y kn\dot{c}\dot{c} \beta'zkr'm ZY MN n'\beta kw try'n$) и док. Б 6 (MN $\delta r\gamma ''wtk n'\beta \gamma wn$ ... ZY MN $\beta tm'wtk 'nwt\dot{c} ZY pr\gamma wn k$ ...).

¹⁶⁸ Дословно «делающий работу»; здесь в смысле податного (низшего) сословия. И. Гершевич переводит согд. $k'gukr$ «ремесленники» (artisans). См. I. Gershevitch, *The sogdian word for «advice» and some Mugh documents*, — CAJ, vol. VII, 1962, pt 2, p. 86, В. А. Лившиц толкует его как работники вообще, то же, что перс. *kārgar*, ср. перс. *kārgār* (папирусы), и соответственно не рассматривает слово как возможный социальный термин, каким он предстает. См. «Согдийские документы с горы Муг», вып. II, стр. 100.

¹⁶⁹ Строки 1—2 док. А 9 читаются и переводятся исследователями по-разному.

¹⁷⁰ SH, I, S. 59 (фр. II, стк. 25). Значение слова установлено Б. Хеннингом (W. B. Henning, *The date of the Sogdian ancient letters*, — BSOS, vol. XII, 1948, pt 3, p. 606, n. 9).

ком к этому последнему значению встречается другое производное от 'z (') t- (во множественном числе 'z'tyt), в согдийском тексте Карабалгасунской надписи, к сожалению, частично не сохранившемся¹⁷¹.

Другим композитом с компонентом 'zt- является прочитанное Хеннингом в письме II из собрания изданных Г. Рейхалтом старых писем IV в. н. э. согдийское 'ztrudrk (азатпидрак) дословно «относящийся к сыну (сыновьям) благородного», герср. «благородные», «знатные» по происхождению¹⁷². Из письма мы узнаем, что в Турфгане в это время находилось сто 'ztrudrk-ов выходцев непосредственно из Самарканда (...δrw'ny 50 'ztrudrk sm'rknδč). В. Б. Хеннинг в свое время отметил, что данное место прежде всего свидетельствует о многочисленности населения согдийских колоний на востоке. Достаточно прибавить к указанным в письме ста человекам знати, жившим в Турфгане, их семьи, а также их слуг и рабов, чтобы прийти к выводу, что в одном этом городе согдийцев было во всяком случае не меньше тысячи¹⁷³. На самом деле общая цифра согдийского населения, конечно, была значительно больше. Для нас это место важно еще и потому, что позволяет составить себе известное представление о социальном составе населения колоний, кем и откуда они заселялись. Дает оно нам и известное представление о роли этой части населения в жизни страны. Дальнейшее изучение писем позволит уточнить вопрос¹⁷⁴.

Сложные с азат-('zt-) согдийские композиты: азаткар ('ztk'ry) «люди, народ (категория) азат», азатпидрак ('ztrudrk) «сын (сыновья)» азат(ов) и āзатак (м. р.), азатач(жен. р.) ('ztk: 'zlc) «относящийся(-аяся) к азатам»¹⁷⁵, представляют разные по содержанию термины: азатпидрак ('ztrudrk') служило для обозначения родовитой знати,

---

¹⁷¹ O. Hansen, *Zur Soghdischen Inschrift...*, S. 19(14): ZY mrt'nyh MN s't 'z'tyty, в переводе издателя «und durch Mannhaftigkeit von Eden».

¹⁷² W. B. Henning, *The date...*, vol. XII, 1948, pt 3, p. 604 (II, стк. 20).

¹⁷³ Там же, р. 606, п. 9.

¹⁷⁴ Новое издание письма (текст и перевод) готовится венгерским ученым И. Харматта.

¹⁷⁵ Производное аналогичное среднеперсидскому азадакан, образованное расширительным суф. -ак от азад(ан) (ср. также выше vispuvran: vispuvrakan).

высшей категории азатов ¹⁷⁶, тогда как ''ztk'r- представляется термином социальной градации, так же как его производные ''ztk и ''ztc. Последнее кроме указанных переводных текстов буддийского содержания отмечено в письме I из того же собрания, а следовательно, того же времени, написанное молодой согдианкой, по-видимому, самаркандкой по происхождению, своей матери ¹⁷⁷. Именно она так себя именует в адресе на обороте письма: MN ḍwxth mywn'yh ''z'tch 'R pryw m'th č'tysh «От дочери mywn'yh = благородной (дословно «рожденной») любимой матери č'tysh», и при обращении к матери в самом письме. К сожалению, текст письма несколько попорчен и некоторые места остаются неясными. Но и в настоящем виде письмо содержит ряд черточек, в известной мере характеризующих социальное положение представительницы азатов, и некоторые данные о семейном укладе согдийцев этой группы населения. Письмо, по-видимому, написано молодой согдианкой, отданной замуж и оказавшейся по тем или иным причинам в плохих условиях, а может быть, и в бедственном положении, вдали от родительской семьи, в доме мужа. В своем письме матери молодая женщина жалуется, что она хотела бы к ней приехать, но никак не могла получить разрешения от представителя семьи kt'wnt'k-a ¹⁷⁸, и ей пришлось обратиться через пограничного чиновника (β'zkr'm) к самому prywntu, т. е. к местному правителю, который и разрешил ей ехать к матери, даже в том случае, если представитель семьи (kt'wntk) не даст своего согласия. Затем она жалуется на свою полную обездоленность и бедность, на то,

---

¹⁷⁶ В согд. ''ztpyḍrk В. Б. Хеннинг видит отражение древнеиранского azatarīdḡaka, слова, насколько мне известно, незасвидетельствованного; скорее в нем можно видеть образование, параллельное (по аналогии) западноиранскому vispuhḡakan, но на согдийской почве.

¹⁷⁷ SH, II, 9.

¹⁷⁸ SH, II, 1, 9. В письме согдианка называет себя ḍwxth, что равно значит дочь и девушка. О. А. Сухарева полагает, что речь идет о замужней дочери и что в данном случае под kt'wntk-ом следует понимать представителя семейно-родовой группы мужа молодой женщины; последняя, не получая разрешения на отъезд от родичей мужа, вынуждена была обратиться к местным представителям власти, что могло вполне иметь место, тогда как жалоба правителю на свою семью при существовавшей патриархальности того времени иметь места не могла.

что никто ей не оказывает помощи, что у нее нет ни пищи, ни одежды, ни даже войлока для подстилки. Но она знает со слов жреца местного храма, что все должно хорошо для нее кончиться, и последний ей даже пообещал предоставить для поездки к матери верблюда. Вот собственно и все.

Согдийское производное азатец: азатка засвидетельствовано также в уникальном документе из Мугского собрания — брачном контракте ¹⁷⁹. Естественно, что этот документ является источником первостепенной важности для характеристики азатов как одной из категорий населения Согда.

Первым исследователем брачного контракта из Мугского собрания стал В. А. Лившиц, издавший его дважды ¹⁸⁰. Замечания, опубликованные И. Гершевичем к первому изданию документа ¹⁸¹, позволили издателю внести существенные улучшения в чтение и понимание последнего, в частности в области терминологии правовой и социальной, встречающейся в документе, которую И. Гершевичу удалось выявить и установить.

Брачный контракт из Мугского собрания состоит из двух документов: собственно брачного договора (док. Nov. 3) и приложения к нему — обязательства жениха по отношению к опекуну невесты (док. Nov. 4). Вступающими в брак сторонами являлись два представителя сословия *āzā*тов *Ūttaḡān* ('wttkyn) т. е. царевич *Ниллān* (*Nūdnh*) и подопечная (*zynβrñč*) ¹⁸², она же жена (*wðwh*) Навикатского государя (*γwβ-a*) Чера, сына Вахзанака *δγwtγwnč* Чатта (*čtth*) ¹⁸³. В договоре зафиксированы, во-первых, права и обязанности вступающих в брак согласно такому договору лиц в соответствии с обычным правом (*szwn pdkh*) ¹⁸⁴, во-вторых, конкретные (частные) обязательства

¹⁷⁹ Документы Nov. 3 и Nov. 4 Мугского собрания («Согдийские документы с горы Муг», вып. II), стр. 17—45.

¹⁸⁰ СЭ, 1960, № 5, стр. 76—91; «Согдийские документы с горы Муг», вып. II, стр. 17—45.

¹⁸¹ I. Gershevitch, *The sogdian word for «advice»...*, pp. 90—94.

¹⁸² I. Gershevitch, *The sogdian word for «advice»...*, p. 90: *zynβrñč* «subject to tutelage, under (a guardian's) car».

¹⁸³ В. А. Лившиц предполагает, что речь идет о владельце семипре-ченского города Наваката на реке Чу, согдийской колонии («Согдийские документы с горы Муг», вып. II, стр. 27—28). Название дословно значит «Новый Кат» и было достаточно широко распространено.

¹⁸⁴ Слова *szwn pdkh* могут рассматриваться как сочетание тюркского заимствования в согдийском *sözün* «слово» («слово его»)

(uw'r)¹⁸⁵ сторон. Первые из них, надо думать, не распространялись на представителей других категорий населения, поскольку в этой части контракта — брачном договоре (док. Nov. 3, R, 11—12) оговорено, что вступающий в брак (жених) берет на себя обязательства обращаться со своей женой так, как должен обращаться благородный мужчина с благородной женщиной ('YKZY ZK ''zt'k mrty ZKwh ''ztčh unčh); то же оговорено в контракте (док. Nov. 3, R, 15—16) в связи с обязанностями, которые берет на себя, вступая в брак, невеста ('YKZY ZKH'' ''ztčh unčh ZKw ''zt'kw mrty wurw δ'rt).

В. А. Лившиц в соответствии со структурой документа выделил статьи, касающиеся взаимных обязательств сторон, представленных в брачном договоре (док. Nov. 3); эти обязательства сформулированы исследователем следующим образом.

«1. Условия совместного проживания: обязанности мужа (R 8—12); 2. Условия совместного проживания: обязанности жены (R 12—16); 3. Ответственность мужа перед женой за нарушение условий совместного проживания (R 16—24); 4. Прекращение брака по инициативе мужа, имущественное обеспечение жены в этом случае и права мужа на вступление в новый брак (R 22 — V 2); 5. Прекращение брака по инициативе жены, имущественное обеспечение жены в этом случае и право жены на вступление в новый брак (V 2—9); 6. После прекращения брака жена и ее дети свободны от ответственности как за преступление, совершенное мужем, так и за переход его в рабство или другое зависимое состояние (V 9—13); 7. После прекращения брака муж и его дети свободны от ответственности как за преступление, совершенное женой, так и за переход ее в рабство или другое зависимое состояние (V 13—16); 8. (Обобщение статей 7—8). После прекращения брака одна из сторон свободна от ответственности за судьбу другой (V 16—17)¹⁸⁶».

и согдийское rōkh «закон» в смысле арабско-персидского «расм» с общим значением «обычное право». Ср. «Согдийские документы с горы Муг», вып. II, стр. 29, прим. к стк. 7.

¹⁸⁵ Согдийское uw'r «условие», здесь по договоренности (частной).

К значению слова см.: «Согдийские документы с горы Муг», вып. II, стр. 29, прим. к стк. 8.

¹⁸⁶ Там же, стр. 19.

Анализ текста статей привел исследователя к ряду интересных и важных выводов о том, что в Согде существовала полигамия, но многоженство не было широко распространенным явлением и ограничивалось главным образом средой знати, т. е. азатов, и зажиточных семей. Что касается формы брака, то в домусульманском Согде существовали, видимо, все его формы, известные для сасанидского Ирана; во всяком случае, как вытекает из текста договора, существовали три его формы: «полноправный» (сходный со среднеперсидским *pataxšaytha zanīh*, высшей формой брака в сасанидском Иране, дававшей наибольшие права жене), брак с подопечной и побочный брак. Законная «полноправная», жена азата рассматривалась как юридически ответственное лицо наравне с мужем. Муж имел право вступить в побочный брак только с согласия «полноправной» жены. Вместе с тем муж — азат, глава семьи (*kt-a*) являлся полноправным владыкой над членами семьи и рода, имел право продать в рабство свою «полноправную» жену и, надо полагать, что таково же было его право над детьми¹⁸⁷.

Насколько правильны все перечисленные положения, сейчас судить трудно, тем более если учесть оговорку издателя документов, что ряд мест в переводе брачного контракта требует уточнения. Однако уже сейчас можно сказать, что последний из выводов о праве продажи азатом своей законной юридически «полноправной» жены вряд ли подтвердится. Этот вывод основан на одном из параграфов приложения к брачному договору — обязательстве жениха (док. Nov. 4), гласящем: (10) «И, господин, в присутствии тебя (11) и в присутствии (бога) Мидры (клянусь): я (ее) не продам». Как пишет сам издатель, «можно предполагать, что документы Nov. 3 и Nov. 4 являются типичным для согдийской знати брачным контрактом», и, следовательно, данная статья не фиксирует исключения из общего правила — права мужа продать в рабство «полноправную» жену. Эта статья свидетельствует об обратном — о том, что азат не имел права продавать таковую в рабство. И в этом отношении права мужа в Согде ничем не отличались от прав мужа в сасанидском Иране по отношению к жене высшего ранга.

¹⁸⁷ Там же, стр. 30, 34, 36.

Текст трех последних статей договора (6, 7 и 8) также допускает иную трактовку. Эти статьи, как представляется, фиксируют, при каких обстоятельствах обе стороны, будучи в состоянии брака (а не после его расторжения), не несут ответственности друг за друга¹⁸⁸. Кроме того, все три статьи следует рассматривать как одну, состоящую из двух параграфов, употребляя современную терминологию, один из которых касается жениха, другой — невесты. Параграф, касающийся жениха, гласит (Nov. 3, стк. 9—13): rtkδ 'wtl (10) kyn γw'nh ZY γnt'kw kwn'wty rtšw γwty βr'ty ZY twy (11) 'z'ty rtnkδ ''δ'k βntk ZY np'k ZY wn''k' ZY γурδ (12) n'y'ty rty ZNH ctth rm 'krtcy ''zwny pw 'nsp'nh (13) γwυčkh β'ty «И если Ут-тегин совершит проступок или плохое, то он сам пусть несет (ответственность) за это (совершенное) и уплатит (должное); и если он будет уведен в качестве βntk-а (раба) кого-либо, или np'k-а (заложника), или wn''k'-а (пленного), или γурδ-а (принадлежащего лично), то (упомянутая) Чатта пусть будет отпущена без возмещения ('nsp'nh) вместе „с произведенными ею детьми“, т. е. придет в состояние расторгнутого брака. Иными словами, потеря свободы мужем влечет развод как следствие изменения равноправия.

¹⁸⁸ Такой вывод издателя основан на том, что данной статье в договоре предшествуют другие, касающиеся обязательств, соответственно которым по желанию одной из сторон может быть дан развод. Рассматриваемая статья (или статьи) в этом отношении от предшествующих не отличается. Как здесь, так и там составитель договора употребляет выражение γwυč'k(h) β'ty (Nov. 3, V 13 и 16, R 25), дословно «да будет, пусть будет отпущен (отпущена)». Согд. γwυč(h) «отпущенный, освобожденный» (ср. γwυsk-kryny «delivered»), герминологическое значение которого «тот (или та), которому предоставлен развод, тот (или та), который считается разведенным», в сочетании с глаголом быть γwυč'k(h) β'ty] в рассматриваемом контексте будет значить «пусть будет ему (или ей) предоставлен развод, пусть он (или она) считается разведенным». К значению термина ср. хорезмийское (Книга о разводе): مَخَاوَسَانَف «я отпустил тебя» — одна из формул развода (А. А. Фрейман, *Хорезмийский язык. Материалы и документы*, М. — Л., т. I, 1951, стр. 61); по значению согдийское γwυč'kh β't то же, что персидское رها کردن ср. хорезмийское مَخَاوَسَا رِيک, то же, что персидское رها کرده «освобожденный», بيخداوند «без хозяина», тюрк. بولارغو «вольноотпущенник» (там же, стр. 81), в отношении раба.

Такой же параграф, но касающийся невесты, фиксирует то же условие теми же словами, и его текст отличается от текста первого только упомянутой в нем юридической стороной и соответственным изменением в роде, что установлено И. Гершевичем (Nov. 3, V 13—16): rtnkδ ZNH γw'nh ZY γnt'kw kwn'ty rtšw (14) γwty βr'ty ZY twy'z'ty rtkδ ''δ'k δ'yh ZY np'kh (15) ZY wn''kh ZY γурδh n'y'ty rty 'wttkyn rm 'krtčyh (16) ''zwny pw 'nsp'nh γwυčk' β'ty «И если она (Чатта) совершит этот проступок или это плохое, то она сама пусть несет (ответственность) за это (совершенное) и уплатит (должное); и если она будет уведена в качестве δ'yh (рабыни) кого-либо, или np'kh (заложницы), или wn''kh (пленницы), или γурδh (принадлежащей лично), то Ут-тегин будет отпущен без 'nsp'nh (возмещения) с произведенными (ею, Чаттой) детьми»¹⁸⁹, т. е. также придет в состояние расторгнутого брака. Следовательно обе стороны являются в исходном положении вполне равноправными и владеют имуществом раздельно.

За этими двумя параграфами, составляющими данную статью, следует заключение к последней (Nov. 3, стк. 16—17): KZNH ZY ZK' ny'MN 'ny' (17) γw'nyh L'βr'ty L'twy'z'ty «Итак: один за другого вины не несут, не выплачивают».

В приложении к контракту (док. Nov. 4) зафиксированы обязательства жениха по отношению к опекуну невесты. Согласно этим обязательствам, в случае, если будет иметь место развод, жених обязывался возвратить (отдать) невесту здоровой и невредимой опекуну, его сыну и роду (kw t'β'k čyr ZY kw BRYw ZY kw pδw s'r y't...ptwy'nk'm ZY δβr'mk'm). В случае же невыполнения этого условия он обязывался выплатить тем же лицам (rtyšw kδ L' δβr'n Ly''t ptwyδn) 100 драхм весом в динар (в качестве возмещения). В случае если эта сумма не будет своевременно выплачена, то данное обязательство будет рассматриваться как долговое с пеней (ежегодной?) в размерах двух драхм с каждых десяти. Можно предполагать, что

¹⁸⁹ См. I. Gershevitch, *The sogdian word for «advice»...*, p. 91: rtnkδ ''δ'k δ'yh(βntk) ZY np'kh (np'k),ZYwn''kh (wn''k') ZY γурδh (γурδ) n'y'ty rty 'wttkyn (ZNH čth) rm 'krtčyh 'zwny pw 'nsp'nh γwυčk' (γwυčkh) β'ty «and if she (he) is taken as somebody's slave-girl (slave), or hostage, or prisoner, or (generally)own, then Ut-tegin (Catta) with the existing (lit. made) issue shall be free without compensation».

в основном документе брачного контракта (док. Nov. 3) под словом 'nsp'nh «возмещение», от выплаты которого при известных обстоятельствах освобождался жених, подразумевалась обусловленная во второй части договора (док. Nov. 4) сумма в 100 драхм. Что имели в виду составители договора под возмещением, от выплаты которого освобождалась невеста (по сути дела опекун) при тех же обстоятельствах, мы не знаем. Можно думать, что кроме документа, содержащего обязательства жениха, как дополнение к договору должен был существовать еще и другой документ, в котором были зафиксированы обязательства второй стороны.

Таким образом, согласно приведенной статье брачного договора, стороны не несут материальной ответственности (уплаты штрафа, «возмещения») друг за друга в двух случаях: 1) если одна из сторон совершит проступок, карающийся законом, и 2) если одна из сторон будет взята в качестве раба, заложника, пленного или γурδ(h); во втором случае соответствующая сторона считается свободной от брака — γууϛk(h) (отпущенной).

Текст рассматриваемой статьи подсказывает и другой, более важный вывод. Азат «благородный» мог быть взят (уведен) в качестве βntk-а, np'k-а, wn''k'-а и γурδ-а. Как это следует понимать? В том же приложении к брачному договору (док. Nov. 4) — обязательстве жениха по отношению к невесте (опекуну) — зафиксирована следующая статья: (10)... rβy ZKп βyу (11) ZY ZKп тудr' nβ'nty L' pr'удn k'm L' np'kh Lwn''kh L' ''pty kwn'm k'm «И, господин, в присутствии тебя и в присутствии (бога) Мидры (клянусь): Я никогда ее (Чатту) не продам и не сделаю ее ни np'kh (заложницей), ни wn''kh (пленницей), ни ''pty»¹⁹⁰. Из данной статьи видно, что продавать людей трех последних категорий было нельзя, тогда как рабыня (δ'yh) и соответственно раб (βntk) подлежали купле и продаже.

Значение согдийских βntk «раб», np'k «заложник», wn''k «пленный» и γурδ «собственный» в смысле лично при-

¹⁹⁰ I. Gershevitch, *The sogdian word for «advice»...*, p. 92: «And, Sir, in your (βyу) presence, and in that of Miδra, I shall neither sell (her) or treat (her) as a hostage, or prisoner, or (otherwise) under lock». Формула ZKп βyу ZY ZKп тудr' nβ'nty установлена и переведена И. Гершевичем исходя из параллельного текста в VY, стк. 1204 и сл.: 'wyn... 'мудry pt'yϛh ZY... ZKп γ'yh ѳytk nβ'nt.

надлежащий кому-либо и соответствующих им терминов жен. р. δ'uh «молодая рабыня», пр'kh «заложница», wn'kh «пленница» установлены И. Гершевичем, так же как текст данной статьи и ее перевод¹⁹¹. Термин 'pty И. Гершевич связывает с глаголом 'p'u и переводит как «находящийся под покровительством», откуда предложенный им перевод «under guard, locked up»¹⁹². Согдийскому 'p'u в приложении (док. Nov. 4) соответствует термин γурδ(h) в статье брачного договора (Nov. 3) [отмечено В. Лившицем], в связи с чем эти слова представляются если не тождественными, то во всяком случае терминологически однозначными. В. Хеннинг устанавливает для согдийского γурδ(h) «собственный, лично принадлежащий» и второе (вторичное) значение «подданный (покорный)» в смысле вассальный¹⁹³. И. Гершевич сближает согдийское γурδ с русским крепостным¹⁹⁴. Согдийское βntk означало только раба-мужчину, женщина-рабыня была δ'uh. Оба термина засвидетельствованы как термины социальные в текстах буддийского содержания (первые века н. э.) и в том же устойчивом сочетании δ'uh ZY βntk, иногда с опущенным союзом: δ'uh βntk. Это то, что продалось и дарилось (prδ't- и βγš-) ¹⁹⁵.

В надписи Шапура этой паре соответствует 'BDK и knuzk-¹⁹⁶, второе из которых значит в данном случае то же, что арабское (из перс. джарийа «рабыня»). В персидских текстах им соответствует другая пара: гулам (غلام) или ридак (ريدك) и канизак (كنيزك), или парастар и парастанда собственно согдийское 'sp's'yth «слуги», которые в согдийских текстах с понятием «раб» отнюдь не смешиваются. К слову δ'uh «молодая рабыня» в статье брачного договора относится фраза L' pr'ud'n k'm «я ее не продам» в приложении к договору (док. Nov. 4)

¹⁹¹ I. Gershevitch, *The sogdian word for «advice»...*, p. 92, n. 40; «Согдийские документы с горы Муг», вып. II, стр. 42.

¹⁹² I. Gershevitch, *The sogdian word for «advice»...*, p. 93, VJ 162, 12^c и 1247.

¹⁹³ W. B. Henning, *The date...*, p. 605, 5..

¹⁹⁴ «Согдийские документы с горы Муг», вып. II, 35, 36.

¹⁹⁵ К термину δ'uh ср. в документах найа dajha «раб мужчина» и персидское dāya «кормилица», «мамка».

¹⁹⁶ См. VJ прим. издателя к стк. 162, а также статью И. Гиршмана в «Revue des arts asiatiques», vol. X, p. 124. Перевод уточнен Е. Херцфельдом (Altpersisch. Inschrift, 1938, S.87, n. I) и О. Хансеном (ZDMG, 1938, p. 448).

[отмечено В. А. Лившицем]. Согдийское βntk (или $\delta'uh$), $pr'k$ и $wn''k'$ равнозначимы арабским (соответствующего времени) *ракик* «раб» (перс. бандэ), *рахин* «заложник» и *асир* «пленный». Согдийское $pr'k$ (араб. рахин) и $wn''k'$ (араб. асир) в своем прямом значении представляют объекты военной добычи — заложников и пленных, которые, во всяком случае теоретически, могли себя выкупить или могли быть выкуплены другими у врагов, в том числе у иноплеменных, или просто возвращены при определенной договоренности. Но эти термины указывают вместе с тем и на различные источники происхождения рабов — рабы-пленные и рабы-заложники.

Под термином βntk «раб» (позднее отражение древнеиранского *bandava* «вассал»), надо полагать, понимались рабы независимо от их происхождения, в том числе и потомственные домашние рабы, часть которых восходила в конечном счете к тем же пленным. Из сопоставления двух приведенных статей следует, что термины $\gamma ur\delta$ и $'pty$ могли представлять собой понятия того же порядка, как согд. $pr'k$, арабское *рахин* и согдийское $wn''k'$, арабское *асир*, с которыми они в брачном договоре стоят в одном ряду, и в этой связи согдийский $\gamma ur\delta$ и равнозначимый ему $'pty$, можно полагать, обозначали третью категорию несвободного состояния, одного плана с заложниками и пленными как объектами военной добычи.

Такая категория нам хорошо известна из тех же арабских текстов. К ней относятся побежденные в бою и сдавшиеся без договора, а также лица, прибегнувшие к защите, покровительству кого-либо, по отношению к своему защитнику. Такие пленные, как правило, подлежали выкупу; размеры выкупа зависели от их имущественного положения, значимости. В Средней Азии рассматриваемого времени при имевшей место политической раздробленности, постоянных междоусобицах и войнах и в особенности при сложившихся взаимоотношениях с тюрками, грабительские набеги которых представляли постоянную угрозу населению страны, было важно фиксировать рассматриваемые статьи договора. Обстановка в крае в свою очередь нашла свое отражение в последнем.

Итак, в брачном контракте (док. Nov. 3) и в приложении к нему (док. Nov. 4) зафиксированы четыре категории несвободного состояния, в которых мог оказаться а з а т.

Первая из них — категория раба (предмет купли и продажи) и три категории, представляющие различные формы несвободного состояния временного характера, во всяком случае теоретически, практически было иначе. Такой вывод следует из приведенного выше параграфа, касающегося обязательства жениха по отношению к опекуну невесты, в котором зафиксировано соответствующее разграничение этих понятий: «(клянусь)я ее никогда не продам, не сделаю ни заложницей, ни пленницей, ни *pr'y(-yurdh)*, иными словами, ни при каких обстоятельствах я не продам своей жены в рабство, и ни при каких обстоятельствах не буду рассматривать ее как заложницу (не поставлю ее в положение заложницы), как пленницу, как лицо, отдавшееся под покровительство». Такое же разграничение можно усмотреть и в некоторых мусульманских источниках разного времени¹⁹⁷. Таким образом, в данном случае мы имеем дело по существу с двумя формами несвободного состояния: 1) рабы — предмет купли и продажи и 2) заложники и пленные разных категорий. Не лишено вероятия, что согдийское *pr'k*- «заложник» понималось широко; в таком случае под ним подразумевался также долговой раб¹⁹⁸. Пленные, как правило, обращались в рабов путем продажи. Известно, что пленные (иноплеменные) являлись главным источником пополнения рабов в Средней Азии. Правда, известия об этом относятся к послеарабскому времени, а мусульманское право не делало различия между рабами и пленными, но здесь, видимо, дело обстояло иначе. О том, что такая разница существовала юридически, свидетельствует уже то, что обозначающие их термины зафиксированы как разные

¹⁹⁷ Мусульманские источники не смешивают понятия «военнопленный», «пленный» (асир) с понятием «раб» (ракик, барда и банда). В рабов, как правило, завоеватели превращали мирное население захваченных районов после окончания военных действий. Так, в «Истории Бухары» рассказывается, что когда Кутайба захватил Пайканд, то он «в Пайканде перебил всех военных (اهل حرب), а оставшихся в живых сделал рабами (барда), так что в Пайканде никого не осталось, и он пришел в разрушение. Пайкандцы были кущами, и большинство (их) (в ту пору) уходило в Китай и другие места. Когда они вернулись, то выкупили у арабов своих детей, жен и близких...», — «История Бухары» (изд. Шефера), стр. 43.

¹⁹⁸ О *pr'k* «долговой раб» см.: «Согдийские документы с горы Муг», вып. II, стр. 35. В Денкарте, отражающей правовые установления сасанидского Ирана, идет речь о долговом рабе (*pr'k*), полученном в залог от чужестранца.

в нашем брачном контракте. Какова была эта разница в правовом отношении, мы не знаем; не знаем мы и того, в какой мере она осуществлялась на практике¹⁹⁹. Нет сомнения, что положение как тех, так и других в общем было скорее делом частного случая, но это вопрос другой. Переход из положения заложника на положение раба также зависел от случая. Например, знатные согдийцы, взятые в заложники арабами, были уведены вероломно последними в Медину и там обращены в рабов и поставлены обрабатывать землю²⁰⁰.

По мнению В. А. Лившица, «От продажи (pr'ud-) в рабство типа $\beta ntk/\delta'yh$ следует отличать долговую кабалу и долговых рабов, pr'k (ж. р. pr'kh), — обеспечение долга личностью должника. Нам неизвестно, являлось ли долговое рабство в Согде срочным или бессрочным. Можно полагать, что социальное положение долгового раба во всяком случае отличалось от статуса раба βntk . Если термин $wn''k'$ (жен. р. $wn''kh$) обозначал первоначально «побежденный, уведенный (в плен)», указывая, следовательно, на военнопленных как на один из источников пополнения рабов в Согде, то в нашем контракте это обозначение какой-то определенной категории зависимых людей, близких, возможно, по статусу к $\gamma ur\delta$, ''pty «отдавшихся под покровительство». Последнюю группу можно скорее сравнивать не с «клиентами» (*mawali*) арабов, а с «усыновленными» ассирийских источников — людьми, входящими в дом «усыновителя» и обязанными работать на «усыновителя», нести его повинности»²⁰¹. В этой связи исследователь приходит к выводу, что в перечисленных в контракте четырех категориях несвободных следует видеть «четыре разновидности зависимого, несвободного состояния, в которые может быть, по крайней мере теоретически, обращен согдийский *azat* — «свободный, благородный», и что «сформулированное в договоре положение о возможности перехода свободного в одну

¹⁹⁹ В этой связи интересны, правда весьма отдаленные, известия, приведенные В. А. Лившицем из Арташастры, относительно положения рабов разного происхождения. Так, если арий был взят в бою и сделан рабом, он должен был быть освобожден за половину цены (с учетом его работы), а долговой раб — при уплате долга («Согдийские документы с горы Муг», вып. II, стр. 35, прим. 5).

²⁰⁰ Белазури, стр. 241; «История Бухары» (изд. Шефера), стр. 42.

²⁰¹ «Согдийские документы с горы Муг», вып. II, стр. 36.

из категорий зависимого состояния весьма важно для характеристики уровня общественного развития Согда²⁰². Из текста договора этого не следует прежде всего потому, что в нем оговорены случаи захвата или «увода» азата в качестве раба, заложника или пленного врагами или иноплеменными, а не продажа его. Нет сомнения, что таковой мог быть обращен в раба своим сюзереном в наказание (репрессия сюзерена), но и только. Будучи взятым в плен в качестве заложника врагом своего сюзерена или врагом иноплеменным, он мог быть обращен ими в раба и продан.

Рабство как уклад существовало, и количество рабов было достаточно велико. Об этом говорят прежде всего массовые поставки согдийцами рабов арабам по мирным договорам. Нет сомнения, что часть рабов поставлялась из местного населения (низших его слоев) путем простой разверстки²⁰³. Но у нас нет пока данных считать, что в эту часть населения входили азаты.

Можно полагать, что азаты в Согде примерно соответствовали азатам Ирана и Армении и азнаурам Грузии. Как и последние, они были землевладельцами. Термин *ztrūrk* обозначал родовитую знать, составлявшую вместе с первыми непосредственное окружение владетельного князя и несшую службу при его дворе. Как те, так и другие безотносительно к их значимости принадлежали к азатам. Согдийцы придавали немалое значение своей принадлежности к привилегированному словию азаткар «людей, народа азат». Об этом можно судить хотя бы по приведенному письму согдианки к своей матери, в котором его отправительница не забывает называть себя *dwūth tuwn'-yh* *'z'tč* «дочь *tuwn'yh* благородная» не только в адресе, но и в самом тексте письма. В свете изложенного трудно себе представить, что в рассмотренном свадебном договоре противопоставляются представители двух социальных категорий Согда — свободные (азаты) и рабы. Других данных о социальном положении азатов у нас пока нет.

В этой связи может представить интерес содержание одной из манихейских притч, в которой мы находим описание идеала преуспевающего согдийца, главы патриархальной семьи, обладателя большого количества рабов

---

²⁰² Там же, стр. 34.

²⁰³ Именно так обстояло дело и позже, вплоть до XVIII в.

и скота, именно такого, каким он рисуется после знакомства с брачным договором Нилана и Чатты. К сожалению, текст притчи не оригинален, что, естественно, снижает для нас ее ценность (перевод с парфянского или среднеперсидского текста). В притче говорится следующее: «Если человек приложит старание и ему удастся после больших трудов собрать большую казну и стать богатым, он поставит как должно свой дом, создаст большую семью, возьмет себе много жен, получит от своих жен много сыновей и дочерей, даст своим сыновьям жен, а дочерям женихов, устроит им свадебное пиршество, то много народу принесет ему поздравление с богатой и радостной жизнью, поздравит его с большим богатством, многочисленными сыновьями и дочерьми, зятьями и внуками, рабынями ($\delta'yh$) и рабами ($\beta nt'yt$) и скотом ($'stwr\beta'k$), преуспеванием... и будет его превозносить по всему городу ($kn\delta-$)»²⁰⁴. С содержанием этой притчи удивительно согласуются китайские известия о том, что в Согде и родители и дети думают о том, как бы разбогатеть, и чем они становятся богаче, тем больше почитают друг друга. Но при этом добавляется, что даже богатейшие из них мало чем отличаются от бедных, они одинаково едят и одеваются²⁰⁵. Этим сведениям противоречат слова халифа Мамуна, правда сказанные им о жителях Мерва что «знатный и простой бедняк равны только относительно дынь баранг, ледяной воды и мягкого хлопка»²⁰⁶.

Итак, мы можем выделить основные группы населения. Высшее сословие — азаты, верхушку которых составляла титулованная знать, несли постоянную княжескую службу и были освобождены от податей и повинностей. Основное податное население составляли «работники» (карикар) — ремесленники и крестьяне²⁰⁷. Особое место принадлежало торговцам (хвакар). И, наконец, последнюю ступень социальной лестницы занимали рабы (пожизненные и временные) и слуги различных категорий. Первых из них источники рисуют на прекрасных конях, в одеждах из дорогих тканей, в золотых поясах, с мечами и кинжалами в золоте и серебре,

²⁰⁴ W. B. Henning, *Sogdian tales*, p. 486.

²⁰⁵ [S. Beal], *Si-yi-ki...*, vol. 1, p. 27.

²⁰⁶ В. А. Жуковский, *Древности Закаспийского края. Развалины старого Мерва*, СПб., 1896, стр. 17.

²⁰⁷ «История Бухары» (изд. Шефера), стр. 42.

возбуждающих алчность арабов²⁰⁸. Хорошо известны рассказы Белазури и Наршахи²⁰⁹ о том, как группа заложников бухарской царицы была вероломно уведена арабами в Медину, где у них были отняты мечи и пояса, парчовые одежды, золото и серебро. В золотых поясах и в кулаках являлись диккане ко двору нести службу²¹⁰. Покидая свои владения, бессильные перед арабскими полчищами, они, в золотых поясах, вели за собой людей²¹¹. Такими же рисуют их неизвестные согдийские художники на стенах айванов, храмовых и дворцовых зал. На пиру они изображены в роскошных одеждах из узорчатых парчовых и шелковых тканей, в золотых венцах и золотых поясах, с кинжалами у пояса и мечами на коленях, в серьгах, ожерельях, браслетах, с изнеженными лицами и тонкими девичьими талиями, с золотыми чашами в изящных руках. В бою, на поединке — в длинных кольчугах, перетянутых узорчатыми поясами, в блестящих шлемах. Роскошные одежды знати представляют потрясающий контраст с одноцветной грубой одеждой слуг и рабов, такими, какими мы их видим на пенджикентской росписи, в нижних ее ярусах, как бы отделенных невидимой чертой от своих господ. Только такую одежду носили простолюдины, другой они не знали и не имели права носить. Достаточно вспомнить известный рассказ об убийстве Йездигерда на мервской мельнице: когда он попытался спасти свою жизнь ценой своей одежды и драгоценностей, предложив их мельнику, тот отказался, говоря, что все равно носить он их не сможет.

Такими рисуются перед нами сейчас согдийская знать и противостоящее ей остальное население.

---

²⁰⁸ Табари, II, 1243, 19.

²⁰⁹ Белазури, 412; «История Бухары» (изд. Шефера), стр. 54 (ср. В. А. Шишкин, *Варахша...*, стр. 240).

²¹⁰ «История Бухары» (изд. Шефера), стр. 57.

²¹¹ Табари, II, 1441.

ИЗ ЭКОНОМИКИ СОГДА

К вопросу о землевладении и других источниках доходов дихкан

Одним из основных источников доходов и благосостояния дихканства была земля. Существование разных видов собственности на землю в Согде, как и во всей Средней Азии рассматриваемого периода, само по себе сомнений не вызывает. Однако формы земельной собственности, как таковые, до сих пор лишь частично подвергнуты анализу на конкретном материале.

Мусульманские раннесредневековые источники сообщают, как известно, особенно много сведений о крупной земельной собственности бухарских дихкан и их верховных правителей — бухархудатов. Содержащиеся в этих трудах сообщения неоднократно изучались¹. Эти сведения прежде всего свидетельствуют о наличии в Средней Азии крупной земельной собственности, наряду с которой сохранялась общинная собственность селений на землю.

Для понимания удельного веса первой важно, что к концу VI в. (судя по имеющимся данным) большинство

¹ Одним из первых, привлечшим эти известия, был В. В. Бартольд. А. Ю. Якубовский подверг специальному исследованию сведения, содержащиеся в «Истории Бухары», касающиеся земельной собственности бухархудатов (см. работы А. Ю. Якубовского: *Ирак на грани VIII—IX вв. (черты социального строя халифата при Аббасидах)*, — «Труды Первой сессии Ассоциации арабистов, Труды ИВАН СССР», т. XXIV, М.—Л., 1937, стр. 25—49; *Об испольных срендах в Ираке в VIII в.*, — СВ, 1947, № 4, стр. 178—179; *Главные вопросы изучения истории развития городов Средней Азии*, — «Труды Н ТаджССР, т. XXIX, 1951, стр. 15; *Вопросы изучения пенджикентской живописи*, — сб. «Живопись древнего Пенджикента», М.—Л., 1954, стр. 16—17 и др.).

земельных владений в пределах Бухарского оазиса составляла собственность бухархудатов. Это известно нам из «Истории Бухары» Наршахи. Другие источники того же порядка почти ничего конкретного не сообщают. В «Истории Бухары» к земельным владениям бухархудатов прилагается тот же термин, что и к саманидским *зай'и* и *зия'ат*, (мн. ч. от ед. *зай'ат*), понимая под этими терминами поместья и домены². Термин в единственном числе в противоположность его множественному числу обозначал обрабатываемые земельные участки с угодьями (фермы).

Другим важным источником доходов дикхан была собственность на городские земли, иногда целые кварталы, на мельницы, считавшиеся одной из их главных доходных статей, и, возможно, мастерские. Существовали две формы их эксплуатации — непосредственная эксплуатация и сдача в аренду. Собственность, эксплуатируемую путем сдачи в аренду, арабы называли мустагаллами (мустагаллат). Истахри перечисляет основные виды мустагаллов в Иране. Это были базары, мельницы и заведения, в которых изготовлялась розовая вода³. Нар-

² К значению термина (конкретному) см. Белазури, стр. 158, 311 и 322; Табарн, *Glossarium*, CCCXXXVI; I, 157, 158; II, 216, 218; III, 21, 22. Словари: Lane, *Arabic-english lexicon*, vol. I, 5, London, 1874, p. 1812; Dozy, *Supplément*, vol. 2, 1881, p. 16.

³ Истахри (BGA, I, 158) поясняет слово так: «Мустагаллы, а это налог с базаров в Ширазе и других кроме Шираза (места), лавки которых принадлежали людям, платящим аренду за земли и за мельницы, принадлежащие царю, и аренду за дома, в которых изготовлялась розовая вода». В персидском переводе Истахри (тегеранское изд., стр. 137) это место передано в сокращенном виде. К значению термина см. Lane, *Arabic-english lexicon*, vol. I, 6, 1877, p. 2278 (رحله غلله). В нашей литературе о Средней Азии

арабско-персидский термин «мустагалла» обычно связывается только с представлением о земельных участках, используемых под зерновые культуры. Так, о доходных участках, принадлежавших Хасану б. Ала в Бухаре, О. А. Сухарева пишет: «Термин, которым обозначались эти участки (мустагаллат), показывает, что и на них высевалось зерно», и заключает свою мысль такими словами: «При сохранении кварталами облика селений и значительного развития в них сельского хозяйства, в том числе и возделывания зерновых культур, это (т. е. слабое развитие торговли) вполне естественно» (см. О. А. Сухарева, *К истории городов Бухарского ханства*, Ташкент, 1958, стр. 29, 30). Вывод О. А. Сухаревой о том, что «кварталы внутри шахрстана сохранили облик селений», также сомнителен и основан на недоразумении. В «Истории Бухары», в том месте, на которое ссылается автор, речь идет не о собственно городе—

шахи употребляет этот термин по отношению к собственности среднеазиатских дихкан в отличие от поместий зйа⁷.

Владение поместьями было наследственным, причем их могли дробить, дарить и, вероятно, продавать. Никаких прямых данных для суждения о том, передавались ли земли в качестве ленного владения (позднейшая икта), как это имело место в Иране, для рассматриваемого нами времени пока нет ⁴.

По словам Нишапури (один из источников Наршахи), первому бухархудату принадлежало большинство поместий в Бухарском оазисе, и большинство рядового населения оазиса находилось от него в зависимости — было его кадиварами и хидматгарами ⁵, дословно «слугами». Другому бухархудату, Тууаспаде, сыну бухархудата Бидуна и получившей легендарную известность царицы Бухары Хатун, принадлежало (аз а́н-и малик) в свое время поместье по каналу Мавалиан в непосредственной близости от Бухары; оно, по словам Наршахи, было лучшим из поместий во всем Бухарском оазисе. При Саманидах оно славилось своими павильонами (сарай) и садами (ба́р). Эти земли Тууаспада «роздал по частям своим сыновьям и зятьям». Ему же, Тууаспаде, принадлежали верхние

шахристане, а об его пригороде, отдельные части которого действительно сохраняли облик селений.

⁴ По мнению А. Ю. Якубовского, дихканская собственность на землю представляла собой аллоидальное землевладение, сохранившееся от рабовладельческой эпохи, в то время как иктадарная собственность (икта) возникла лишь в X в. и представляла своеобразную форму сначала восточного бенефиция, а затем восточного феода (см. «Вестник АН СССР», 1953, 2, стр. 66, — Сессия, конференции и совещания). Относительно последней см.: Fr. Lokkegard, *Islamic taxation in classic period*, Copenhagen, 1950, а также: С. Cahen, *L'évolution de l'iqta*, — «Annales: économies, sociétés, civilisations», t. 8, Paris, 1953, № 1, pp. 25—52. О феодальной земельной собственности в Иране см.: Н. В. Пигулевская, *Города Ирана в раннем средневековье*, М.—Л., 1956, стр. 211—218. Контекст см. выше, стр. 15—16.

⁵ Известия Нишапури, включенные в дошедшую до нас версию «Истории Бухары» Наршахи, неоднократно обсуждались. На них по сути дела основано заключение исследователей относительно быстрого процесса создания феодальной собственности на землю, «сопровождавшегося процессом перехода свободных общинников на положение феодально-зависимых от дихкан лиц», имевшем место, как полагают, уже в VI—VII вв. См. А. М. Мандельштам, *Средняя Азия в VI—VII вв.*, — в кн.: «Очерки по истории СССР», т. II, М., 1958, стр. 359.

поместья Хунбуна ⁶, лежавшие к северо-западу от Бухары за Шахристанскими воротами, носившими в то время название ворот Нур или Нун. Хунбунские земли бухархудат отдал в качестве приданого дочери своему зятю — арабскому наместнику Насру, сыну Саййара ⁷. Тот же источник сообщает, что когда впоследствии Абу Муслим убил сына Туруспады бухархудата Кутайбу, то земельные владения последнего и приносящая доход его собственность (зи'а'т ва мустагаллāt, о последней пойдет речь ниже) были переданы арабами другому его сыну — Нанивйату. Когда же Нанивйат за отступничество от ислама был в свою очередь казнен арабами, халиф конфисковал его земельные владения в казну (мулки байт ал-мал кард) ⁸.

Источники различают землевладельческую знать, жившую в городе (шахр) и в сельской округе (рўстā). Принадлежавшие к первой группе кроме поместий (зи'а'с) имели в городе (шахристане) дворцы (ках) или дома (хā'), первые из которых занимали иногда, судя по немногословному описанию Наршахи дворца дихкана Хина в Бухаре, целые кварталы. Кварталы или улицы города (кўй) имели свои названия. Было известно, кто и на какой улице живет, существовало нечто вроде адреса ⁹. Согласно мирному договору с Кутайбой, землевладельческая знать, жившая в Бухаре, должна была отдать половину своих домов (хāн) и поместий (зи'а'с) арабам, а купцы — домов и товаров. Такими поместьями были открытые археологами в разных местах Согда и в Бухарском оазисе усадьбы-замки с примыкавшими к ним службами и жили-

---

⁶ «История Бухары» (изд. Шефера), стр. 26. R. N. Frye, *The history of Buchārā, Translated from a Persian abridgment of the arabic original by Narshakhi*, Cambridge (Mass.), 1954, p. 27 (he gave every one of his children and sons-in-law a share). Впоследствии эти земли были отданы одному из сархангов халифа Мустаина (862—866), некоему Хасану, сыну Мухаммада, сына Талута; а затем их купил эмир Исмаил; последний построил там дворец и посадил сады.

⁷ «История Бухары» (изд. Шефера), стр. 59. R. N. Frye, *The history of Buchārā...*, pp. 61, 62.

⁸ «История Бухары» (изд. Шефера), стр. 9: «Когда Абу Муслим убил Кутайбу, сына Туруспады, за отступничество от ислама, и его брата, и членов дома (ахли байт), то его земли и доходные места (мустагаллāt) он отдал Нанивйату, сыну Туруспады, и они принадлежали (потомкам) последнего до времени Исмаила Самани». Ср. R. N. Frye, *The history of Buchārā...*, p. 10.

⁹ «Кандия Малая», перевод В. Л. Вяткина, — «Справочная книжка Самаркандской области», Самарканд, т. VII, 1906, стр. 244.

пами, а иногда при крупных замках и целыми поселениями. Первые из них удивительно напоминают кушки (замки), построенные выселившимися из Бухары иноземными купцами и описание которых сохранилось в «Истории Бухары»¹⁰. В. А. Шишкин подчеркивает большое различие, существовавшее между замками, к числу которых он относит такие грандиозные сооружения, какими были в свое время замки Вардана и Харкана. Оба эти замка со своими землями, по его мнению, в свое время представляли собой крупнейшие поместья Бухарского оазиса¹¹. Если он прав, а это, видимо, так, то поместья бухарских дихкан, о которых рассказывает Наршахи, должны были близко напоминать персские имения дасткарты¹².

Наряду с поместьями, составлявшими собственность бухархудатов — крупнейших помещиков оазиса, представителей их рода и других крупных дихкан, источники упоминают об отдельных селениях (согд. *dux'w*, у Наршахи *дйха*¹³), также являвшихся собственностью (мулк) дихкан, различая, таким образом, владение поместьем и селением; последнее сохраняло общинную собственность на землю. Несколько селений принадлежало двум собственникам бухархудата Туруспады. По словам Наршахи, Туруспада, пользуясь своими дружескими отношениями с арабским наместником Насром, сыном Сиййара, старался увеличить свои земельные владения за счет других бухарских дихкан; в их числе были и его собственники. Так, два его собственника — два бухарских дихкана явились в Самарканд к арабскому наместнику, т. е. к тому же Насру, с жалобой на притеснения, чинимые им бухархудатом. Бухархудат оказался в это время у Насра. Но дихкане, несмотря на его присутствие, заявили все же Насру, что тот силой отнял от них принадлежащие им

¹⁰ «История Бухары» (изд. Шефера), стр. 29 и 51.

¹¹ В. А. Шишкин, *Варахша* (опыт историко-географического исследования), М., 1963.

¹² Н. В. Пигулевская, *Города Ирана...*, стр. 202.

¹³ I. Gershevitch, *A grammar of Manichean Sogdian*, Oxford, 1954. Известное представление о согдийских селениях дают сведения арабских географов, к сожалению относящихся к IX—X вв. Так, по словам Истахри (BGA, I), в Нахшебе имелись селения (каррийэ), превосходившие размерами город, а в Фергане было селение, раскинувшееся на целый фарсах с многочисленным мелким рогатым скотом (сутур) и большим количеством пахотных земель (кышаварзй). Ср. персидский перевод Истахри (тегеранское изд.), стр. 256 и 266.

селения (диха) и в этом действует заодно с арабскими чиновниками и «они захватывают имущества людей». Затем один из них набросился на бухархудата, сидевшего рядом с Насром, и смертельно его ранил. Оба дихкана были тут же убиты арабами¹⁴.

О значительности владений дихкан можно судить по рассказу того же Наршахи о заселении Бухары и Самарканда арабами, имевшем место после заключения Самаркандского договора 712 г. Упомянутому выше дихкану Хина принадлежал в Бухаре дворец (к̄ах, согд. k'γ), который был у него отобран Кутайбой. В 765 г. его наследники обратились к халифу Мансуру с исковым прошением, прося восстановить их права наследников, причем предъявили документ (қабалу), несколько строк из которого приведены одним из редакторов «Истории Бухары» в ее тексте. Согласно этому документу, бухарскому дихкану Хина принадлежали кроме дворца весь квартал, в котором стоял дворец, носивший название дворцового квартала (Куи ках) и занимавший четверть шахристана (внутреннего города), а также значительная часть лавок на бухарском базаре. Кроме того, согласно тому же документу, ему принадлежали 75 селений (дих) по двум каналам: бухарскому и верхнего Фараза¹⁵. После того как дворец был у дих-

---

¹⁴ «История Бухары» (изд. Шефера), стр. 59. Дело происходило в Самарканде, куда Тууаспада приехал к Насру. Рассказ Наршахи таков: «Был месяц рамазан, время заката солнца. Наср б. Саййар разговаривал с бухархудатом, когда из Бухары прибыли два дихкана. Они оба были свойственники (аз хишан), оба приняли ислам из рук Насра б. Саййара, и оба принадлежали к знати (бузургзадаган). Оба они пожаловались Насру на притеснения бухархудата и сказали, что-де бухархудат силой отнял наши селения (дих). Тут же был эмир Бухары Васил, б. 'Амра. Они попросили защиты и от него и сказали: оба они (бухархудат и Васил) действуют заодно и захватывают имущества (мулкха) людей...». Тот же эпизод приведен у Табарни под 121 г. х./ 739-740 г., но в несколько иной версии (Табарни, II, 1693, 3 и сл.).

¹⁵ О предъявленном наследниками бухарского дихкана иске в «Истории Бухары» рассказывается следующее: «Был некий дихкан, имя его Хина. Когда он принял ислам, он принял имя Ахмада. Квартал Каха ему принадлежал весь. В этом квартале находился дворец (ках), принадлежащий этому дихкану. (Арабские) эмиры Бухары постоянно жили в этом дворце. После дихкана дворец перешел к другому хозяину. В 150 (767) году наследники дихкана, именуемые кадаран Хина (?), обратились к Абу 'Дж'а фару Даванаки, бывшему халифом, с иском прошением (да'ва) относительно этого дворца и предъявили кабалу. В этой кабале были упомянуты

кана отнят Кутайбой, его квартал был заселен арабами. Иск был предъявлен наследниками дихкана халифу Мансуру в 765 г., т. е. почти полвека спустя после того, как дворец перешел к другим хозяевам. Откуда этот документ взят, составителям «Истории» неизвестно. Весьма вероятно, что число селений и лавок в нем значительно преувеличено. Но сам факт права собственности бухарского дихкана на значительное число селений в Бухарском оазисе не подлежит сомнению. Известно, что канал верхнего Фараза был проведен уже при арабах. Но из этого отнюдь не следует, что селений, упомянутых в документе, раньше не существовало. Вероятно, значительная населенность местности потребовала проводки канала.

К середине VIII в. значительная часть поместий, селений дихкан, как известно, принадлежала уже арабам¹⁶. Часть захватили сторонники арабов. Это видно хотя бы из приведенного отрывка об убийстве бухархудата его двумя родственниками. Еще в 719 г. самаркандцы требовали от арабов возврата своих земель.

Другим видом землевладения знати, к тому же древнейшим, были парки, или парадизы (согдийское *rgduz*, парфянское *rgduz*, древнеиранское *pari-daiža* «место, обнесенное стеной», авестийское *pari-daeža*-). Из мугских документов мы знаем, что пенджикентский владетель Деваштич имел парадиз, вероятно в гористой части пенджикентских владений. В мугских документах должность начальника парадиза (согд. *rgduzpt* «глава парадиза») упоминает

границы квартала: первая граница — стена шахристана, прилегающая к торжку (джуба) баккалов, вторая граница — стена шахристана, прилегающая к базару писташканов, третья граница — прямая дорога, по которой, войдя через ворота Дари Нур, ты дойдешь до середины шахристана. И все от ворот Дари Атгаран до ворот Дари Нур является одним махалла, которое составляет четверть шахристана. (Кроме того, они упомянули 1000 лавок на базаре города Бухары и 75 селений, составлявших частную собственность (хасс) по каналам бухарскому и верхнего Фараза, проведенному во время ислама. Относительно всего этого они обратились с искowym прошением к халифу и предъявили кабалы. Свидетели дали свидетельские показания. Халиф приказал составить судебный акт (сиджилл). Они привезли (этот акт) в Бухару и все получили обратно». См. «История Бухары» (изд. Шефера), стр. 52—53. Ср. R. N. Frye, *The history of Buchārā...*, p. 54.

¹⁶ По словам Табари, Мервское селение Махуван в 124 г. х. /746-747 г. принадлежало ал-Ала, сыну Хариса, и Абу Исхаку Халиду (Табари, II, 1698); по словам Наршахи, владетелем

ся наряду с другими¹⁷. По значению должность начальника парадиза была ниже должности главы винных складов (согд. *zwtpt*) и церемониймейстера двора Деваштича (*δrwtpt*), так, согласно расходной ведомости пожалований, лицо, ее занимавшее, получало на 5 драхм меньше, чем лица, которые занимали две другие должности, указанные выше. В манихейских текстах парадизами (согд. мн. ч. *prδyzt*) называются, видимо, парки-сады или даже просто сады, но не виноградники¹⁸.

О среднеазиатских парадизах (греч. *παράδεισος*) упоминают античные авторы; по их словам, это были обширнейшие охотничьи парки, обнесенные стеной, для которых выбирались лучшие леса и горные пастбища. Такие парки были одним из свидетельств богатства их владельцев. Один из них находился в окрестностях Самарканда и изобилвал всевозможными зверями¹⁹. В позднем средневековье аналогичные парки были известны под тюркским названием *догуу*, или *доғиқ* «заповедное», «запрещенное», каковым обозначались заповедные пастбища и охотничьи угодья, принадлежавшие ханам и крупным феодалам²⁰. По словам Махмуда Кашгарского, тюркское *догуу* обозначало всякое охраняемое место, владения, равно эмирский и не эмирский заповедники²¹. Именно о таких парках-заповедниках скорее всего идет речь в мугских документах. Наконец, в качестве особого вида земельной собственности выступают обрабатываемые земельные участки — баги и патарканы (*β'γ* и *ptrk'n*), на которых специально высаживались виноград и разные садовые и огородные

селения Наршах при Мукавне была вдова одного из военачальников (сархангов) Абу Муслима, — «История Бухары» (изд. Шефера), стр. 69 и т. д.

¹⁷ Док. А 5, стк. 22—23 (см. «Согдийские документы с горы Муг», М.—Л., вып. II, 1962, стр. 184; вып. III, 1963, стр. 53—54 и 97).

¹⁸ ВВВ, S. 571.

¹⁹ W. Tomaschek, *Centralasiatische Studien, I. Sogdiana*, Wien, 1873, стр. 80. Известия о среднеазиатских охотничьих заповедниках см.: М. Е. Массон, *О бывших охотничьих парках в Средней Азии*, — «Труды ИИАЭ АН ТаджССР», т. XVII, 1953, стр. 145—150; Е. А. Мончадская, *О царском городе или второй столице Согдианы*, — ВДИ, 1959, № 2, стр. 119—120. Быть может, название этого царского города у античных авторов — Базиста — соответствует Посите в китайских хрониках?

²⁰ А. Л. Троицкая, *Заповедники — курук кокандского хана Худояра*, — «Сборник Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина», вып. III, 1955, стр. 122—126.

²¹ Махмуд Кашгарский, I, 313,15.

культуры или высевались зерновые. К вопросу об этой категории земельной собственности мы вернемся ниже.

Обширные поместья дихкан, о которых шла речь, далеко не исчерпывали всех земель края. Значительную часть их составляли общинные земли селений. По крайней мере существование общинных земель наряду с землями дихканов предполагается исследователями так же, как и то, что основная масса земледельческого населения жила общиной²². К сожалению, о действительном положении этой части населения у нас сведений крайне мало. Даже термин, служащий для обозначения общины, не установлен. Таковым, можно полагать, было согдийское n^{β} «народ, люди» в смысле русского «мир, община». В таком значении слово выступает в док. Б 6 из Мугского собрания, представляющем нечто вроде памятки-перечня ряда лиц из верхнезеравшанских селений ($\delta u x^{\omega}$) Даруаута, Фатмаута, Парута и Варза; судя по содержанию документа, эти лица являлись представителями общин перечисленных в документе селений или людьми, выделенными этими селениями для выполнения каких-либо работ — несения определенных повинностей²³. О взиманиях с сельского населения и о повинностях, которые оно несло до прихода арабов в страну, каких-либо прямых известий в источниках нет²⁴. Для суждения по этому вопросу мугские документы дают не очень много.

Податной единицей было селение. Подать с селений взималась натурой. Среди хозяйственных документов сохранились приходные и приходо-расходные записи на пшеницу, ячмень, вино и другие продукты, а также несколько докладных относительно доставки $\delta \beta^{\prime} n k$ -а (значение слова

²² См. кроме указанных выше работ А. Ю. Якубовского итоговую статью А. М. Мандельштама: *Средняя Азия в VI—VII вв.*

²³ Док. Б 6: (1) $M N \delta r y^{\prime} w t k n^{\beta} Z K^{\prime} n c^{\prime} n t k \gamma w n Z Y \gamma r t^{\prime} k Z Y M N^{\prime} \beta t m^{\prime} w t^{\prime} k^{\prime} n^{\prime} w t c Z Y p r u y w n k$ (2) $Z Y M N p^{\prime} \gamma w t^{\prime} k n^{\beta} p^{\prime} \gamma \beta r z Z Y^{\prime} r t / \dots$ (3) $Z Y M N \beta r z^{\prime} n k n^{\beta} w z \gamma w y^{\prime} n Z Y w t \delta u^{\prime} n$ «От даруаутского n^{β} -а $n c^{\prime} n t$ -ский Гун и Хартак, и от фатмаутского (n^{β} -а) Анучт и Париуунак, (2) и от пахутского n^{β} -а Париварз и ... (3) и от варзского n^{β} -а Вазхувйан и Вардйан...». «Согдийские документы с горы Муг», вып. III, М.—Л., 1963, стр. 83.

²⁴ А. Ю. Якубовский в одной из своих последних работ писал: «Таким образом, имеются все основания выдвинуть гипотезу о том, что сельские общины платили какие-то налоги или подати своим дихканам, а также несли повинности» (А. Ю. Якубовский, *Вопросы изучения пенджикентской живописи*, стр. 16).

не установлено), овец, кож, муки и вина. Зерно, овцы и, по-видимому, вино поступали в казну пенджикентского князя из селений верхнего Зеравшана.

Количество доставляемого зерна и вина указано в мерах рѣп- и капичах (крѣ-) (больших и малых). Размеры рѣп-а нам неизвестны; капич (позднейшее қафйз) равнялся примерно трем литрам. В этих записях в качестве податных единиц выступают некоторые селения. В документе Б 10 (записи на ячмень и пшеницу, поступившие с верховьев Зеравшана) это селения Хшиканд (γsyknδ) совр. Хшикат, и Фатмев (βtmyβ), совр. тоже Фатмев. Согласно этой записи, в разное время (время не указано) поступило из селений: Хшикат — 24 меры рѣп-а ячменя; Фатмев — 10 мер рѣп-а и 2 капича пшеницы; Фатмев 10 мер рѣп-а пшеницы; Хшикат 5 мер рѣп-а и 2 капича ячменя. Всего из Хшиката поступило 29 мер рѣп-а и 2 капича ячменя, из Фатмева 20 мер рѣп-а и 2 капича пшеницы, а всего с двух селений верхнего Зеравшана 49 мер рѣп, 2 капича ячменя и 2 малых капича пшеницы²⁵.

В документе Б 2 имеется запись (стк. 1) о доставке вина из селения Хшиканд (γsyknδ) от 28-го дня второго месяца согдийского календаря. Куда было доставлено вино — не указано. Можно полагать, что в ставку Деваштича. Вина доставлено 4,5 меры рѣп- (MN 'γsyknδh ctβ' r пум'kw рѣпуh Γ'MRH). Согласно второй записи в том же документе (стк. 3) от 4 дня следующего третьего месяца, писец, составлявший запись, доставил пшеницу из Сарвуга (s'rtβwγ-a) — селения или одного из багов, принадлежавшего пенджикентскому владельцу Деваштичу. Количество пшеницы не указано²⁶. В том же месяце то же лицо получило от некоего 'δp'δ'k-a 19 малых капичей муки (место не указано).

Сохранилась запись о доставке бара (β'г-a), принадле-

²⁵ Док. Б 10: ...rty MN γsyknδh 20 + 4 рѣпуh w'γyz rctnn βtmyβh 10 рѣпуh (2) yntm ZY' δw kpc w' γyz rty pyrnmstr MN' βtmyβh 10 рѣпуh yntm w'γyz [rty] MN (3) γsyknδh γytr w'γyz pñc рѣпуh ZY 'δw kpc'kk yw'.

«И из γsyknδ-а доставил 24 рѣп-(меры). И из βtmyβ-а 10 рѣп-(мер) пшеницы и два крс-а доставил; и раньше из βtmyβ-а 10 рѣп-(мер) пшеницы доставил и позже из γsyknδ-а доставил пять рѣп-(мер) и два малых крс-а ячменя» (см. «Согдийские документы с горы Муг», вып. III, стр. 34).

²⁶ См.: «Согдийские документы с горы Муг», вып. I, стр. 76—77; вып. III, стр. 29—30.

жавшего пармандару (pr̄m'nd'r-y) и состоявшего из вина и муки (или фисташки), откуда — неизвестно (док. Б 9) ²⁷. Согдийское βār(β'r) значит (как и персидское bār) «груз», «вьюк», «кладь», но равно может обозначать и налог (ср. среднеперсидское xarag ut bār). Наконец, сохранилась еще одна запись на доставку какого-то продукта (слово стерто) из селения Аскатар ('sk'tr-), совр. Искодар. Продукт был доставлен несколькими людьми, имена которых занесены в документ ²⁸. В отписи некоего 'sp'd'k-a, надо полагать доверенного лица пармандара (док. Б 11), последнему сообщается о том, что из трех селений верховьев Зеравшана — Азравадка ('zr'w'dk-a), совр. Зароватк, Аскатара ('sk'tr-a), совр. Искодар, и Азүанака ('zynk-a) — отправлен δβ'nk, а из Азравадка ('zr'w'dk-a) кроме того овцы (стк. 6). Количество δβ'nk-a не указано (в других документах такое указывается в капичах); овец — 63 головы. В конце докладной сообщается, что отправляется также один бар (β'r) муки. В другой докладной того же лица (док. Б 13) сообщается о выдаче некоему дуттруг-у половинной части (?) (причитающегося ему на половинных началах довольствия) с селения Аскатара ('sk'tr) фруктами (стк. 5) и о приказе (Деваштича или пармандара) выдать тому же лицу δβ'nk и 50 овец ²⁹.

Этимология и значение слова δβ'nk не установлены. Это может быть зерно (дословно «провеянное», ср. ягноб. dīvaun, хорезм. δβ'пу-, то же (по смыслу), что перс. dan, dān, араб. галлэ), — а может быть путевое довольствие (от иранского adwan-, авестийского advan «путь, дорога») ³⁰. Контексты допускают оба предложенных значения. Вместе с тем ни в одном из хозяйственных мугских документов на продукты нет записей прихода и расхода δβ'nk-a, что скорее говорит против первого толкования. Независимо от возможного значения этого слова нет сомнений, что в документе Б 11 речь идет о взимании налога натурой с селений верховьев Зеравшана. С некоторых категорий земель, но не с селений налог с зерновых (пшеницы) поступал, видимо, деньгами (док. Nov. 6).

²⁷ Там же, вып. III, стр. 32—33, 35.

²⁸ Там же, вып. II, стр. 147—148; вып. III, стр. 81—82.

²⁹ Там же, вып. II, стр. 145—146; вып. III, стр. 80.

³⁰ Там же, стр. 48, 76 и 77. Термин засвидетельствован также в «Старых письмах» (II, 23).

Селения в верховьях Зеравшана, во всяком случае те из них, которые нами упомянуты, принадлежали Деваштичу, так как Табари один раз называет последнего маликом Кума или кумской крепости (калы).

Налоговыми сборами и другими поступлениями с селений ведал пармандар (pr̄m'nδ'r) «ведающий людьми, постоянно (живущими) в доме (pr̄m'n)» — представитель высшей знати. Подчиненными ему должностными лицами были глава канцелярии (дапирпат др̄урпт «глава писцов»), затем арспаны ('r̄spn) «домоуправители» и их заместители ('ps'r̄spn) и kty' β̄šyws «господин ката», последний, возможно, просто «владелец ката», его хозяин или староста, представитель местного самоуправления (о нем см. прим. 62). В мугских документах упоминаются арспаны ('r̄spn-ы) Кума и Азраватка; первый отдает приказ о доставке веревок и какого-то снаряжения (док. В 12), второй распоряжается доставкой δβ'nk-а и снаряжения к пармандару (док. В 18). В одном из зеравшанских селений, каком — мы не знаем, все эти три должностных лица: дапирпат (др̄урпт), арспан ('r̄spn) и kty' β̄šyws, присутствуют при получении людей (n'β̄t), из каких селений и для чего — неизвестно³¹. Люди эти были переписаны по именам, вероятно, они были взяты для доставки бара (ср. док. Б 9 — поименный список людей, доставивших бар (β'r) пармандару) или на какие-то работы.

Судя по мугским документам, должность арспана была не малой. Так, по распоряжению арспана писец пишет (вероятно, под его диктовку) письмо Деваштичу (начало письма, его первая страница, утрачено). В письме описывается тревожная обстановка в крае, сообщаются некоторые сведения о Паргаре, дается ряд советов (док. А 9)³². На это письмо ссылается в свою очередь Партанский дихкан (γwβ-) Ривахшйан (док. Nov. 2, стк. 10).

В другом документе, отписи (док. Б 18), речь идет об арспане 'sr̄nč-а в селении Азраватк в том же Паргаре³³. Слово 'sr̄nč встречается в согдийско-буддийских, христианских и манихейских текстах. В первых из них оно значит «гостиница». В манихейском тексте, отрывке из проповеди к мирянам, согдийское 'sr̄nč упоминается

³¹ Там же, стр. 32.

³² «Согдийские документы с горы Муг», вып. II, стр. 94. Издатель документа считает слово 'r̄spn здесь именем собственным.

³³ «Согдийские документы с горы Муг», вып. III, стр. 76.

рядом с š'ukn — «дворцом», крепким (в смысле сильным, укрепленным) сарбагом (γns's'rβ'γ), казной, хорошим снаряжением и оседланным конем³⁴. В христианских переводах с сирийского слово упоминается трижды в таком же сочетании, как в мугских документах: 'rspn 'spnč, т. е. арспан аспанча (ST, I, 42,1; 43,14; 40,1) в значении домоуправителя, перевод сирийского rabbaytā (то же, что латинское oesopomus и греческое επιτροπος)³⁵. Из двух последних текстов можно заключить, что согдийское аспанч не означает обязательно гостиницу, а просто большую постройку, богатый большой дом. Поскольку азраватский домоуправитель распоряжается доставкой овец и продуктов из Азраватка, надо думать, что речь идет об усадьбе (доме с угодьями) Деваштича в Азраватке, одном из селений Паргара, и усадьбе достаточно крупной, судя по званию ее управителя, или о гостинице, ему принадлежащей, которой, вероятно, ведал поставленный им арспан.

О характере повинностей, лежавших на податном сельском населении, мы, собственно, ничего не знаем. В мугских документах засвидетельствовано согдийское арк ('rkh) «работа», возможно, как то полагают, в терминологическом значении этого слова «повинность»³⁶. В письме, написанном мартушкатским (mrtškte) γωβ-ом кштутскому (kwštwtk) γωβ-у (док. Б 7), первый сообщает своему адресату о том, что почти все пришедшие к нему для выполнения арка ('rk-a) люди спустя какое-то время сбежали, и он просит последнего принять соответствующие меры. Однако, поскольку перевод письма мартушкатского γωβ-а окончательно не установлен, делать какие-либо выводы из его содержания еще рано. Согдийское 'rk- В. А. Лившиц усматривает также в производном (композице) 'rkr'k (<'rkk'k?) «делающий, исполняющий 'rk(h) повинность» (работающий по принуждению) в док. Б 9 (к значению слова ср. ягноб. arkkarna «батрак») ³⁷. О каких работах

³⁴ W. B. Henning, *The murder at the magi*, — JRAS, 1944, 3—4, p. 138. Ср. I. Gershevitch, *A grammar...*, § 260 ('spnč resthause).

³⁵ «Согдийские документы с горы Муг», вып. III, стр. 91 (указатель действующих лиц).

³⁶ Там же, вып. II, стр. 136; вып. III, стр. 68.

³⁷ Разные толкования текста док. Б 7 см. «Согдийские документы с горы Муг», вып. II, стр. 172—173; вып. III, стр. 85. Но ср. употребление согд. 'rk в смысле работы вообще в притче о сверлильщике жемчуга и нанявшем его купце (W. B. Henning, *Sogdian*

идет речь в док. Б 7 и Б 9 — сказать сейчас нельзя. В док. А 9 перечислены три основные категории населения Согда, третья из которых, k'ruk-ы, «делающие работу, дело», как было отмечено, означает, без сомнения, податное сословие вообще. В других мугских документах это слово не встречается³⁸. В мусульманских текстах по значению к нему ближе всего персидское марди kār в «Истории Бухары». А автор недошедшей до нас книги «Ахбари Муканна», отрывок из которой введен Кубави в текст «Истории Бухары», рассказывает, что, когда Муканна подошел к Бухаре, дихкане собрали 580 тыс. военных (мардāni хурб), а Мааз, сын Муслима, «снарядил три тысячи марди kār-ов с вилами, лопатами, дубинами и топорами и всякого рода ремесленников, которые нужны при войсках»³⁹. Из этих слов видно, что автор под словами марди кар понимал отнюдь не ремесленников, а чернорабочих, собранных на осадные работы. О том, что крестьяне отправлялись в качестве подсобной рабочей силы в войска, известно из мусульманских источников.

Какова была организация податных селений, сохранивших общинную собственность на землю, мы не знаем. В док. Б 1 трижды упоминается γwυštr селения Аскагар ('sk'tr)⁴⁰. В том же док. Б 1 упоминается также γwυštr или γwυštk загородного сарбага (srβy) Деваштича (?). Согдийское γwυštr, срав. γwυšt, восходит к авестийскому hvoišta «глава». В текстах буддийского содержания согдийское γwυštr засвидетельствовано в значении «глава, старший»; в тех же текстах оно равно встречается в значении «почитаемый, наставник»⁴¹. В христианских текстах слово оз-

tales, — BSOS, vol. XI, 1945, pt 3), согласно которой последний спрашивает у нанимаемого им: čw 'rk γβy? «Какую работу ты знаешь?»

³⁸ «Согдийские документы с горы Муг», вып. II, стр. 157, 158, данные о термине 'rkh и его производном 'rkk- (там же, стр. 159). Чтение и перевод документа требуют уточнения. Так, стк. 4 — MN sky's'g «сверху» читай MN 'spys'g «из-за / относительно лошади».

³⁹ «История Бухары» (изд. Шефера), стр. 70.

⁴⁰ Аскагорский γwυštr, согласно записи в док. Б 1, берет для / /у (своего?) γwβ-а (Деваштича?) дважды по два 'uzn(мешка? копь?) (стк. 4 и 10) и позже еще один («Согдийские документы с горы Муг», вып. III, стр. 44, 45). Ср. в брачном договоре Nov. 3, 1, и Nov. 4, 11): γwυšt wγwγwk'n ZKп βγwγw'n BRΥ «жрец (?) Вахто-нак, сын Вархумана» (там же, вып. II, стр. 39).

⁴¹ К значению γwυštr в буддийских текстах см. TSP, 189, 190 (kp'yštwh γwυštrt); 638 (pwt'yštwh 'βc'nβy γwυštrt); 7; 172

начает духовный сан, священник вообще ⁴², в манихейских — настоятель монастыря ⁴³. Во всех этих случаях имеется в виду глава религиозной общины. В этой связи равно допустимо, что в мугских текстах речь идет о главах религиозной местной общины ⁴⁴ или о представителях общинного самоуправления «старшинах, старостах». Возможность второго подтверждается осетинским *x'istxoer* «старший, старейшина». Каких-либо других данных об органах самоуправления общин у нас пока нет. Во всяком случае таковые, надо думать, должны были состоять из представителей выделившейся части зажиточной верхушки ⁴⁵. Каков был характер общины, мы не знаем. Можно полагать, что то была территориальная община, сохранившая некоторые нормы и обычаи, связанные с больше семейной общиной.

Земледельческое население, как известно, не представляло собой единого целого. В согдийских текстах оказались зафиксированными обозначения отдельных его категорий. Основную массу зависимого крестьянства составляли киштичкары (*kšt'yčkr'k*) и кишаварзы (*kš'wrzymrty* или *kš'wrz'k*) «хлебопашцы и земледельцы» (то же, что перс. кишаварзы и киштка́ры) ⁴⁶. Арабские авторы, в частности Табари, называют их *харра́с* «пахарями», «земледельцами». Другие авторы — фаллахами и аккарами. По мнению исследователей, большая часть земледельческого населения была лично свободной. В этой связи любопытно, что тот же Табари, говоря о согдийских *харрасах*, упоминает и их хозяев (*сāхиб*), что может указывать

(šyr 'krtyh γwyštrty), VJ 48^b, 273, 1352 (γwyštr pyδr'k); 48^b, 1506 (γwyštr γwt'ynh).

⁴² I. Gershevitch. *A grammar...*, § 230.

⁴³ Presbyter — BBB, 611.

⁴⁴ Ср. BBB, 12 — 3γ r'ym'štrfryynd xwyštr «Herr (Gott) Rāymāst frazend (der Obere Meister)», где речь идет о священнике из (или в) местности 'δрууклδ в Восточном Туркестане.

⁴⁵ В мугском документе А 9 упоминается *pyrth msy'ttr* «старейший Паруара», то же, что персидское *михтар*, которое выше мы сопоставили с арабским *азим великий*, в смысле «великий, большой *дихкан*»; но слово равно может обозначать старейшину, главу объединенных общин.

⁴⁶ В. Б. Хеннинг не делает различия между согд. *kšt'yčkr* (*kšt'yč* «хлебное поле» + суф. *-kr* «делающий») и *kš'wrzymrty*, равно передавая оба слова немецким *Askerbau* (см. BBB, S. 72, 570). В противоположность ему И. Гершевич передает буддийское *kst'yčkr* английским *farmer*, а *man, kš'wrzymrty* — *plughman* (см. I. Gershevitch, *A grammar...*, § 147, 969).

на личную зависимость первых от своих господ. С дихк нами, уходившими в 721 г. в Фергану, таких земледельцев пошло, по словам того же Табари, 3 тыс. человек; согласно другой версии — 7 тыс. Из текста явствует, что именно с них взималась подушная подать — джизия ⁴⁷, которой соответствует согдийское *twu* — термин, известный до сих пор лишь из поздних хорезмских текстов.

В специальной литературе, трактующей о категориях земледельческого населения, до настоящего времени наибольшее внимание уделялось кадиварам. Как полагал А. Ю. Якубовский, кадивары были малоземельными земледельцами-издольщиками ⁴⁸. По мнению других, «кадивары — это категория полузависимых людей, напоминающих по своему положению клиентов» ⁴⁹. В основе этих трактовок лежат приведенные рассказы Нишапури о заселении Бухарского оазиса, согласно которым бедная часть его населения стала хидматгарами — слугами или работниками вернувшихся на родину бухарских дихкан, бежавших ранее в Туркестан от «гнета» Абура, иными словами, была поставлена какими-то обстоятельствами в зависимое положение от последних.

Впоследствии владыкой бухарских дихкан (бухархудатом) стал сильный дихкан древнего рода. Ему принадлежала ббльшая часть поместий (*зйā'*) оазиса, а большинство его рядового населения было его кадиварами и хидматгарами ⁵⁰. Судя по этим словам Нишапури, кади-

⁴⁷ Табари, II, 1445 (104 г. х. = 720—721 гг.). «И когда настало утро, призвал (ал-Хараши) земледельцев, а они не ведали, что сделали их сахиб-ы. И накладывали печати на шею мужчин, и гоняли (людей) от хаит-а к хаиту, а (других) убивали. И их было 3000 и говорят 7000». Первым, обратившим внимание на это место, был А. Ю. Якубовский, который видел в словах Табари свидетельство тому, что «в Средней Азии арабы очень рано ввели жестокий обычай навешивания печатей на шею земледельцев, платящих джизию и харадж». «История народов Узбекистана», Ташкент, т. I, ч. I, 1955, стр. 145.

⁴⁸ Установившиеся мнения об основных формах эксплуатации земледельческого населения см. работы А. Ю. Якубовского: *Вопросы периодизации Средней Азии в средние века (VI—XV)*, — КСИИМК АН СССР, т. XXVIII, 1949, стр. 32—33; *Об испольных арендах в Ираке в VIII в.*, стр. 184; см. также «История народов Узбекистана», т. I, Ташкент, 1950, стр. 174.

⁴⁹ В. М. Массон, В. А. Ромодин, *История Афганистана*, т. I, М., 1964, стр. 213—214.

⁵⁰ «История Бухары» (изд. Шефера), стр. 8; R. N. Frye, *The history of Buchārā...*, pp. 9—8.

вары и хидматгары являлись основными фигурами в сельском хозяйстве (производящими), и если первые из них, как полагают, были бы издольщиками, то вторые, вероятнее всего, должны были иметь общие черты с позднефеодальным каролем или ятимом (батраком, безземельным сельскохозяйственным работником)⁵¹, что соответствует позднефеодальному значению двух упомянутых терминов⁵².

Оба термина, кадивар и хидматгар, как и дихкан, претерпели длительную эволюцию, для первого из них она может быть отчасти прослежена, второму же дословно соответствует согдийское 'sp's'yt «слуги». Впервые по времени слово «кадивар» засвидетельствовано в парфянском kdubar «домохозяин». Таково же значение согдийского ktyβr-, которое встречается, насколько мне известно, всего дважды и оба раза в форме прилагательного ktyβr(')uk «относящийся к ktyβr-у», «хозяйственный» и в сочетании ktyβryk'rk «хозяйственная деятельность кадивара»⁵³. Последнее значение зафиксировано в упомянутом манихейском тексте 'muud pr III pty'p βyšu — «деление дня на три части», текст которого следующий: «Мудрый и благочестивый муж пусть делит весь день на три части. Первая часть (да принадлежит) царям [и] правителям (xwt'wt 'xš'wnδ'rtyh), дабы они были довольны, чтобы благодать (prn) их не была уязвлена и они не чинили бы ссоры и розыска. Вторая (часть) — заботе о хозяйственных делах (ktyβryk 'rk): пахоте (и) посеву, β'γ-у [и] ptrk'n-у, покупке и продаже, так чтобы дом был содержан в порядке и чтобы жена (и) дети не терпели нужды». И далее, «чтобы родственники (pnd), друзья и доброжелатели были

⁵¹ О социальном расслоении в позднесредневековой Средней Азии (издольщик, карол и ятим) см. О. А. Сухарева, М. А. Бекжанова, *Прошлое и настоящее селения Айкыран*, Ташкент, 1955, стр. 42—50.

⁵² Ср. в «Истории Самарканда» Насафи рассказывается о кадиваре сирийце Абу ал-Йамани, очутившемся неожиданно в окрестностях Самарканда, куда чудесным образом была перенесена гора, на которой он заснул, поливая свою пасиру (участок земли, отводящийся издольщику), засеянную чечевицей (рукописи собрания ЛО ИНА В 677, л. 35а). Этот рассказ хорошо известен, но во всех привлекавшихся до сих пор рукописях вместо слова «кадивар» стоит «дихкан».

⁵³ I. Gershevitch, *A grammar...*, § 994, 1131 (ktyβr- «Hausholder»); BBB, S. 71 (ktyβr- «Hausherrn, Hauspfleger» ktyβryk «hauswirtschaftlich»).

в совершенстве обслужены»⁵⁴. Третьей части, к сожалению, не сохранилось.

Прежде всего отметим, что текст содержит наставление о соблюдении обязанностей по отношению к государям, на которые должна была расходоваться одна треть дня, в данном случае согдийца. Другая треть отводилась хозяйственным делам (ktyβryk 'rk); под ними понимались заботы о ''kštyu pr'qndyu β'γ ptrk'n хγϷ 'ty rǧδ'n'', свидетельствующие о разнообразной деятельности ktyβr-ов. Это место, толкование которого при первом издании текста осталось неясным, В. Б. Хеннинг уточнил, вернувшись к нему в связи с публикацией манихейских заповедей, и передает β'γ словом «сад», а ptrk'n как «приусадебный участок»⁵⁵. Перевод основан на параллельном тексте одной из манихейских заповедей: cww pr mzyx 'β rxsyu pr β'γt 'tyu ptrk'ndt z'yh ''δβryu kšty pr'gndy prdyzt ĩmncyq w'r wrtyu wyws wndy'h spr γ myu 'sprxs wrδ tyu mδ'ndyu xrmty'... δ'n... rxmyu ps'wtδ'rm «Wenn ich in großer Unsichtigkeit in Garten oder Grundstücken, um fruchtbringenden (Samen) in die Erde zu pflanzen oder säen, um das den Kulturen rechten Zeit notwenige Wasser (zu geben), am Frühlingmorgen der Bäume, Blüten oder grassen, der Rosen, der... oder der... Samenkorn... ein wenig begüht habe»⁵⁶. И все же эти строки еще ничего не дают для того, чтобы установить разницу в значениях согдийских β'γ и ptrk'n. Можно лишь прийти к выводу о том, что в двух манихейских текстах — «Деление дня на три части» и в приведенной цитате из заповеди, речь идет о двух терминах, обозначавших земельные участки, которые засаживались разными садовыми культурами, а равно могли быть засеяны полевыми (зерновыми) и только. Обратимся к этимологии этих двух терминов. Дословное значение ptrk'n («наследственное (по отцу)», «наследственная часть» (Erbteil)). Это второе значение слова отмечено В. Б. Хеннингом в согдийском словаре к тем же манихейским текстам.

Слова β'γ и ptrk'n кроме манихейских текстов встречаются в христианских притчах. Согласно одной из этих притч, «Некий человек был домохозяином (xāny xēratāwant), он посадил сад (bāγ) и окружил его стеной (?) (γwrs-ом) и выкопал там čarxušt (давяльную яму) и возвел

⁵⁴ W. B. Henning, *Sogdian tales*, p. 84.

⁵⁵ ВВВ, S. 71 (прим. к строкам 567—576).

⁵⁶ Ibid, S. 35, 567—596.

там сарбаг sarbâṅ и поручил это bāyḏār-ам и ушел. Как только настало время снимать урожай, он послал своего близкого (bant-a) к ним...». Так как тот не смог ничего получить с bāyḏār-ов, хозяин послал следом за ним других; bāyḏār-ы их по очереди убивали. Наконец хозяин bāṅ-a послал своего сына, в надежде, что те его не тронут. «Но bāyḏār-ы, как только увидели сына хозяина bāṅ-a, сказали себе, что это-де наследник (pṛtqānxvār), мы его уьем и возьмем себе его pṛkân⁵⁷. Описательное христианское xânu xêpatāvnt «хозяин (дословно «собственник») дома, домохозяин» соблазнительно сопоставить в данном случае с термином katēḅar (ktyḅr)-, засвидетельствованным в манихейском katēḅar-k (ktyḅryk)⁵⁸.

Во всяком случае как в манихейском, так и в христианско-согдийском тексте речь идет о землевладельце, собственнике, обладателе βāṅ-a (или βāṅ-ов) и patarkân-a, что видно из самих текстов. В манихейском это — собственник, глава kat-a «дома, семьи», домохозяин. В манихейских текстах patarkân стоит рядом со словом βāṅ; в одном случае (мн. ч.) эти термины соединены союзом (β'yt 'ty pṛk'nt), в другом (ед. ч.) союз опущен (β'ṅ pṛk'n). В данном контексте эти термины могут обозначать как разные категории землевладения, так и представлять сочетание разнозначимых по сути дела терминов, передающих одно понятие. Согдийское βāṅ-, персидское bāṅ, таджикское боḡ — позднее отражение др.-иран. bāga «часть, домен, надел и земля возделываемая»⁵⁹, и можно полагать, что слово в дальнейшем стало обозначать равно обширные площади возделываемой земли и малые земельные наделы землевладельцев-общинников, позже участки благоприобретенной или выделенной земли в противоположность patarkân-у «родовому земельному владению по отцу» т. е. усадьбы с прилегающим участком⁶⁰. В обоих манихейских текстах говорится о βāṅ-ах и patarkân-ах как о землях, на которых высаживались равно садовые и огородные куль-

⁵⁷ ST, I, 21—22.

⁵⁸ Согд. ḡupt'wnt дословно «собственник» в смысле владелец, нем. Eigentümer.

⁵⁹ Altir .Wb., 921—922; W. B. Henning, *The murder of the mogi*, p. 133, p. 3.

⁶⁰ В буддийских текстах согд. pṛk'n не встречается. К значению слова ср. H. Bailey, *Zoroastrian problems in the ninth century books*, Oxford, vol. VI(2), 1943, p. 73, n. 3; I. Gershevitch, *A grammar...*, § 1063—1064.

туры и хлеб, так же собственно, как и в современных таджикских багах. В христианских текстах за словом $\beta\bar{a}\bar{u}$ уже закрепилось значение сада, собственно виноградника, поэтому легко понять, почему в дальнейшем слово обозначает загородный сад, в частности виноградник и бахчу (согд. $*\beta\bar{a}\bar{u}\check{s}$ «малый баг»). Средневековые $\beta\bar{a}\bar{u}$ -и, как, собственно, и теперь, могли находиться на значительном расстоянии от усадьбы.

В манихейских текстах речь идет о посадках в широком смысле этого слова, в христианском тексте в более узком — винограднике. Если верить переводу христианской притчи, то должно прийти к заключению, что хозяева $\beta\bar{a}\bar{u}$ -ов отдавали их в аренду (?) $\beta\bar{a}\bar{u}\delta\bar{a}r$ -ам, дословно «держателям $\beta\bar{a}\bar{u}$ -ов». И. Гершевич переводит согдийско-христианское $\beta\bar{a}\bar{u}\delta\bar{a}r$ - английским *farmlabourer*⁶¹. В остальных известных нам текстах согдийские $kat\bar{e}\beta\bar{a}r$ -, $\beta\bar{a}\bar{u}$ и $patark\bar{a}n$ не встречаются. В манихейских текстах, если принять толкование В. Б. Хеннинга, под словом $kat\bar{e}\beta\bar{a}r$ - следует понимать «домохозяина, владельца приусадебного земельного участка ($patark\bar{a}n$ -а) и загородного участка-сада ($\beta\bar{a}\bar{u}$ -а)» или, если согласиться с предложенными уточнениями, «домохозяина, владельца земель под зерновые и сады вне усадьбы». В обоих случаях речь пойдет о земледельце-собственнике, зависимом от своего сюзерена ($xwt'w$, $'xs'wn\delta$ 'r-), которому он должен был отдавать одну треть своего времени. Таково во всяком случае содержание слова $kat\bar{e}\beta\bar{a}r$ - в манихейских текстах.

В мугских текстах ни одного из исследуемых слов не встречается. В последних засвидетельствовано лишь согдийское $kt'\beta\check{s}yws$, дословно «господин» kt -а, уточнить терминологическое значение которого, исходя из контекста, трудно⁶². Владельцами $\beta\bar{a}\bar{u}$ -ов, а следовательно, надо пола-

⁶¹ I. Gershevitch, *A grammar...*, § 1136.

⁶² Согдийское $kt'\beta\check{s}yws$ ($kt + \beta\check{s}yws$) «господин, глава» kat -а'' в двух мугских документах засвидетельствовано (док. Б 1 и Б 17). В первом из них оно определено словом $kn\delta'k$ $kt'\beta$ $\check{s}yws$ « $kn\delta$ -ский $kt'\beta\check{s}yws$ » или « $kt'\beta$ $\check{s}yws$ $kn\delta$ -а», т. е. селения или местности $Kn\delta'$. В док. Б 17 $kt'\beta$ $\check{s}yws$ упоминается рядом с $dyrgpt$ -ом — старшим писцом, главой канцелярии, и с заместителем арспана ($'p\check{s}'srpn$ -ом), заместителем домоуправителя? Последнее позволяет предположить, что согд. $kt'\beta\check{s}yws$ означало представителя сельской местной администрации такого же плана, как ср.-перс. $ka\beta\bar{a}u$ -

гать, и *patarkān*-ов были также сами дихкане (*γwt'w*). В манихейских заповедях *βāy* и *patarkān* стоят в одном ряду с таким, как *paraḏēz* — парадиз, парк, сад. В *βāy*-ах, согласно вышеприведенному христианскому тексту, возводились сарбаги (*s'ṛβ'γ*), а сам *βāy* окружался стеной.

В манихейской проповеди мирянам, цитированной выше, сарбаг (*s'ṛβ'γ*) упоминается рядом с гостиницей (*'sprñc*) и дворцом (*š'-ykn*) на третьем месте и передает сирийское *magdlā* (греч. *πυργός* — «укрепление») ⁶³. В проповеди говорится о крепком (укрепленном) сарбаге, и речь в ней идет об укрепленной жилой постройке. В Карабалгасунской надписи упоминаются сарбаги (*s'ṛβ'γty*) «дворцы». Согдийский текст испорчен. По мнению В. В. Хеннинга, согдийское сарбаг то же, что сарбуг (*s'ṛbwγ*) «укрепленный замок» (древнее *labirinthine castel*), позднейшее персидское *sārūye* и арабское *sārūq* ⁶⁴. В мугских документах оба термина встречаются. В док. Б 1 (стк. 5) упоминается старшина сарбага (*srβγk γwyštck*), по-видимому принадлежащего Деваштичу. В другом документе (Б 2) говорится о сарбуге (*s'ṛbwγ*), из которого была доставлена в ставку (Деваштича?) на ежедневную еду пшеница. В обоих случаях речь, видимо, идет о загордных обрабатываемых землях под садами и зерновыми культурами — о *βāy*-ах с возведенными в них укрепленными жилыми постройками (*srβγ* или *s'ṛbwγ*), по которым эти участки назывались. Первое из них дало персидское сарай ⁶⁵. Эти постройки, в *βāy*-ах, при-

xwadāy (> перс. *kadxudā* «староста») (см. «Согдийские документы с горы Муг», вып. III, стр. 95 *ky'β šyws*).

⁶³ См. ST, I, S. 28.

⁶⁴ W. V. Henning, *The murder of the magi*, n. 6.

⁶⁵ И. Гершевич (*Le Muséon*, t. 38, 3—4 [1925], p. 44) и В. А. Лившиц ставят знак равенства между согд. *s'ṛβ'γ* и перс.-тадж. чорбог. Как представляется, для последнего может быть предложено другое объяснение: в основе современного термина чорбог, по-видимому, лежит древнеиранское *baγa* «часть, доля», соответственно с чем он должен означать «площадь в четыре бага (*β'γ-a*)», «садовое хозяйство на четыре секции». Такие чорбоги могли сложиться чисто практически (в параллель к слову ср. *čadruḡoša* (> *čarḡoš*) «квадратный»; *čadrusuk* (> *čarsu*) «четырёхсторонний» и в значении «рынок»; *saḡru-juviya* (> *saḡjūy*) «с четырьмя каналами»; ср. современное название среднеазиатского города Чарджуй. Такова и народная этимология слова. Например, так понимает его Байхаки (текст стр. 608, перевод А. К. Аредса, стр. 537): «У Бу Насра (в Нишапуре) был сарай... с багами на три стороны Бу Наср захотел еще прикупить земли, дабы у сарая был баг на четыре стороны».

надлежавших дихканам, иногда, видимо, носили характер садовых павильонов, что обычно для более поздних веков той же Средней Азии.

Крестьяне-землевладельцы, кадивары, видимо, мало чем отличались от представителей низшего слоя дихкан. А богатством они могли их превосходить во много раз ⁶⁶. Богатство определенного слоя райята обращало на себя внимание и позже. Так, Истахри и Ибн Хаукаль отмечали это обстоятельство ⁶⁷. Круг деятельности кадиваров был также примерно одинаков. В основе благосостояния кадивара лежала земельная собственность. Сомнений в том, что собственность (собственность семьи, рода) на какие-то категории земли существовала, не может быть, так как имела место продажа земли, что сейчас установлено документально. Факт продажи земли (непахотной) засвидетельствован таким документом, как купчая на земельный участок, сохранившаяся в мугских архивах (док. В 8). Характер документа установил В. А. Лившиц. Купчая включает следующие основные пункты: дата составления, договаривающиеся стороны, предмет сделки и на каких условиях эта сделка заключена, имена свидетелей и имя (или должность) ответственного за составление документа лица (писца).

Договор на земельный участок составлен от имени двух братьев m'yc-a и yšwmpntk-a сыновей 'sm'nč-a, купивших участок у двух других братьев žyřvřč-a и 'stnpsr'k-a сыновей rpnwnt-a. И каждая сторона, таким образом, представлена двумя братьями от одного отца. Факт продажи засвидетельствован (rty 'wđ wm't «и там были») четырьмя людьми, два из которых, надо полагать, являлись представителями продавцов, два других — двух братьев, купивших участок. Купчая (27 строк текста, в среднем по 5—6 слов в строке) написана отчетливым, хорошо отработанным почерком. Четыре строки (19—22)

⁶⁶ О богаче-кадиваре, жившем в цветущем и благоустроенном селении с большим количеством кварталов, улиц и базаров, рассказывается в легенде о Бахрам Гуре у Фирдоуси. Богач-кадивар скрывал свои богатства, притворяясь бедняком. Когда же их обнаружили и переписали, то оказалось, что у него было несколько тысяч овец, целые караваны верблюдов, множество коней, полные хумы масла, тысячи выюков с товарами Шираза и т. д. См. «Le livre des rois, par Abou 'l-Kasim Firdousi, publié, traduit et commenté par J. Mohl», Paris, t. V, 1838, p. 646, bb. 1150—1223.

⁶⁷ См. персидский перевод Истахри (тегеранское изд.), стр. 256.

дефектны. Общий смысл — продажа какой-то категории участка — не подлежит сомнению. Несколько слов, важных для понимания отдельных пунктов договора, так же как и его терминология, еще не установлены; последнее не дает возможности использовать текст купчей полностью. Текст купчей следующий ⁶⁸:

- (1) 'LK ŠNT 'YKZY ZK_n βγtyk
  - (2) MLK' pñcy MR'Y čk'yn čwr
  - (3) βyčk'n ZK_n pycwtl BRY
  - (4) 10 + 3 + 2 ŠNT 'γ m'γy zymtelyh
  - (5) myč 'sp'ntrmt rwc KZN ZY
  - (6) γr'yn m'γc ZY 'γšwmβntk
  - (7) ZKH 'sm'nc BRY' MN šyr-
  - (8) βγc ZY 'stnpsr'k cnn prnγw-
  - (9) nt BRY' ZKwy pyšγwčyh ⁶⁹ ZK-
  - (10) wyh cyzr'γyh nym'kw 'sks'-
  - (11) kw ⁷⁰ rm r'čw rm prywr pr 20 + 3 + 2 δrymy
  - (12) čyn'rk'yh ptwy'nc (?) 'sks'k
  - (13) pr KZN yw'r ZYn nwkr m'γc ZY
  - (14) 'γšwmβntk čnn pč 'myč nym'kw
  - (15) 'sk[s]'k mwrt'kw 'wsty'nt 'γšy-
  - (16) wn kwn'nt rtn 'ky nwkr m'γc
  - (17) ZY 'γšwmβntk ZYšn ZKw'pčw prym-
  - (18) 'yč nym'kw 'sks'k 'nywn't
  - (19) kt'r yγs't y'r ZY pcyw nh kwn'[t]
  - (20) rtšn šyr βγ[c] ZY [s] tn/p/sr'[k'] čnn
  - (21) pč' 'pw t'...[γ]wyck (?) kw[n'n]-
  - (22) t cnn.... 'pw γyčrpy
  - (23) rty 'wč wm't wkk'n ZK βγty'rs
  - (24) BRY ZY nnyprn ZK βγw'rz
  - (25) BRY ZY š'wc ZK prny'n
  - (26) BRY ZY tws'γ ZK zym BRY
  - (27) rty npyšt wrny'n'k
- (1) Вот (?) год, когда βγt-скому
  - (2) царю ⁷¹ афшину Панча sk'yn- swr-γ
  - (3) βyčk'n-у ⁷², сыну pycwtl-а (правлению)

⁶⁸ «Согдийские документы с горы Муг», вып. II, стр. 45—58. Первое слово 'čk, 'LK, читай 'LK, ср. арамейское 'lh «вот».

⁶⁹ или wušγwčy «луг»?

⁷⁰ Здесь и ниже допустимо чтение 'sksnk-.

⁷¹ Или kšt-скому царю.

⁷² «Согдийские документы с горы Муг», вып. II: "βyčk'", то же, что pγk'', что вряд ли возможно, так как последнее передает без подчеркнутого долгого гласного в конце тюркского bilgü.

- (4) 15 лет есть. Месяц *zumtuc-*
 (5) день *'spntrmt-rwc*. Итак: ⁷³ и
 (6) купил *m'yc* и *'yšwmβntk*,
 (7) сыновья *'sm'nc-a* от *šyr-*
 (8) *βyc-a* и *'stnpsr'k-a* ⁷⁴ от *pnnyw-*
 (9) *nt-a* сыновей на *pyšywd-e*
 (10) на *cyzr'y-e* ⁷⁵ половину *'sks'*
 (11) *k-a* ⁷⁶ с дорогой, вместе с прилегающей частью,
 за 25 драхм
 (12) динарских *ptwy'nc 'sks'k* ⁷⁷
 (13) На таком условии: пусть *m'yc* и
 (14) *'yšwmβntk* вместе с семьей (на) этой половине
 (15) *'sks'-k-a* установят труп, опла-
 (16) чут. И если который (из вас) *m'yc*
 (17) и *'yšwmβntk*, им, той семье относительно
 (18) этой/той половины *'sks'k-a* нарушат (условие)
 (19) или... ссору и распрю учинят ⁷⁸,
 (20) то их ⁷⁹ *šyrβy(c)* и *'stnpsr'k* вместе с
 (21) семьей (родом) без... освобод-
 (22) ят от ... без ущерба. ⁸⁰
 (23) И там были *wkk'n*, *βyty'rz-a*
 (24) сын, и *pnurpn*, *βyw'rz-a*
 (25) сын и *š'wc*, *pnny'n-a*
 (26) сын и *tws'y*, *zum-a* сын.
 (27) и написана *wpnny'nk-om* ⁸¹.

Значения слов *pyšywd-* и *'sks'k* не установлены. В первом случае речь идет об определении местности (по ее характеру или расположению), возможно, *wyšywd-e* —

⁷³ Там же: «И вот».

⁷⁴ Там же: *'st'psr'k*.

⁷⁵ Там же: «В местности Пашхувад у болота (лягушачья равнина)!!»

⁷⁶ Там же: «половину участка».

⁷⁷ Там же: «за 25 драхм динарских огороженный (?) участок...»

⁷⁸ Там же: «И при этом если кто-либо Махча (17) и Хишумвандака и их детей (потомков) на этой (18) половине участка потревожит (?) (19) или же поведи себя устраивать распри и скандалы...» (!?).

⁷⁹ Там же поясняется «то их» (= третьих лиц)?

⁸⁰ Там же: «И их потомки (21) без... пусть изгонят (освободят) (22) из... без ущерба (для покупателя)», что непонятно. Смысл же строк 16—22 в том, что если покупатели нарушат условия сделки и заведут с продавцами участка какие-либо распри, то последние имеют право сделку расторгнуть (освободить) без материального ущерба для купивших участок.

⁸¹ Т. е. «доверенным». См. там же *wn'yuz'k* — имя собственное.

луге? во втором — об участке (определенной категории или размера) ⁸². При любом из возможных толкований речь идет о покупке 'sks'k-a (его половины) вместе с дорогой и прилегающей к ней частью (или изгородью). Это купчая на какой-то участок, предназначенный, как то следует из ее текста, для установления на нем трупа умершего. Вторая половина этого участка при этом остается за собственниками участка. Факт продажи участка вместе с дорогой, зафиксированный в купчей, интересен хотя бы потому, что из него следует, что дорога, если она проходила через частную землю, была собственностью хозяина земли, само по себе указание немаловажное для характеристики землевладения в Согде. Дорога могла продаваться при продаже земли, по которой она проходила, но могла и оставаться за прежним хозяином земли, в противном случае не было бы необходимости оговаривать в купчей ее продажу. Дальнейшее исследование документа разрешит вопрос, о какой земле идет речь в нем. Возможно, что участок, на который была составлена купчая, являлся частью семейного кладбища. Во всяком случае юридическое оформление (закрепление) сделки путем составления купчей подразумевает существование наследственного или юридически оформленного права на эту землю у его владельцев. Стоимость участка зафиксирована в драмах, в каковых и надлежало произвести выплаты. Любопытно, что его стоимость равняется стоимости куска шелковой ткани, которой расплачивались с воинами в тюркских войсках. Факт совместной продажи двумя братьями одного участка и то обстоятельство, что юридически ответственными сторонами являются не только они сами, но и их семья, так же как и в арендном договоре, обнаруженном в архиве Деваштича, указывает в свою очередь на наличие в Согде семейно-родовой собственности на землю.

Другим важным источником дохода дихкан были мельницы, принадлежавшие крупнейшим дихканам, в первую очередь ихшидам. Среди мугских архивных материалов

---

⁸² В. А. Лившиц поясняет слово *ptwy'nč* как прилагательное (производное от *ptwy-*?) со значением «огороженный». В таком случае в параллель к сочетанию *ptwy'nč 'sks'k* может идти арабско-персидское *хазира* «огороженный участок», в смысле франц. *enclos*, и места на кладбище для фамильных могил. Такое толкование легко увязывается с общим смыслом документа.

сохранился уникальный документ — арендный договор на мельницы. Этот договор составлен на аренду трех однопоставных мельниц, принадлежавших пенджикентскому владельцу Деваштичу (док. В 4). Все три мельницы, о которых идет речь в договоре, стояли на одном канале. Юридическими сторонами являлись Махйан, сын Дапатшира, и собственник мельниц, каковым был пенджикентский владелец Деваштич, именуемый в договоре согдийским царем. Договор составлен из расчета арендной платы в 460 капичей муки в год. Арендаторы мельниц — Махйан, его сыновья и остальная семья (рѣ-) обязывались поставлять муку ежемесячно. Текст договора гласит ⁸³:

- (1) 'LK ŠNT 'YKZY ZKn sywđyk MLK'
- (2) sm'krndč MR'Y dyw'styč 'yw ŠNT
- (3) 'γ m'γy zymtyčy myd ''pwy|']n
- (4) KZNH ZY pčy'z m'γy'n ZK
- (5) δ'p'tšyr z'tk MN MLK' dyw'styč
- (6) MN ywδ'γšytk BRY kw twtysk'r (?)
- (7) pr wyspw znpw III γwt'rnk
- (8) pδy 'rδ pr w'n'kw yw'r ZYtn
- (9) δ'r't m'γy'n 'm'yδ γwt'rnkt
- (10) 'yw srδyy 'nywty pr 'sk'rtw
- (11) rty δβr't pr 'yw srδ m'γy'n
- (12) ZKn MLK' dyw'styč čymyδ
- (13) III γwt'rnk s'r ZKw 'sk'rtw pr
- (14) 'yw srδ III C XX XXXX kpč 'rtkw
- (15) pr mrtš'kw kpčw rtšw wyspy
- (16) m'γ ny'wδ prβyrew δβr't
- (17) rtkδ m'γy'n prymyδ yw'r
- (18) ršth L' kwn't L' 'm'yδ
- (19) 'rtkw 'spwrnw δβr't rty ZKn/ZKh
- (20) 'δ... mh ZKh 'pδ'ty MN m'γy'n
- (21) s'r 'krtčh β't wβyw ZY ms
- (22) čw ZK MLK' dyw'styč ZKn
- (23)... 'wrnyk'm δ'ty δstβ'r kwn't
- (24) 'PZYšn 'm'yδ 'rtkw 'spwrnw prwyδ't
- (25) rtšw wyspw m'γy'n rm BRY rm
- (26) pδ βr't ZY twy'z't rty 'wδ wm't

⁸³ См.: В.А. Лившиц, *Согдийский документ В—4 с горы Муг*, — ВДИ, 6, 1959. стр. 123—138; «Согдийские документы с горы Муг», вып. II, стр. 53—63.

- (27) ''pwγy'n ZK 'rwtprnč BRY ZY
 (28) 'yrkδrk ZK zrnyč BRY ZY y'rk'y
 (29) ZK γwt'ynč BRY rty tβty ZKh
 (30) pwstk rm 'wrnz'n'k n'βčy (?) μυδγυ
 (31) rty np'γšt sy'γnc ZKh
 (32) ty'γnc BRY pr m'γ'n prm'nh
 (1) Вот (?) год ⁸⁴, когда согдийского царя
 (2) самаркандского государя Деваштича (правлению)
 один год
 (3) есть. Месяц žymtyč, день ''pwγ'n.
 (4) Итак ⁸⁵: и получил Махйан,
 (5) č'p'tšyr-а сын, от царя Деваштича
 (6) от uwδ'γ šytk-а сына, в/для... ⁸⁶
 (7) на всем берегу (канала) 3 мельницы
 (8) однопоставные ⁸⁷ на следующем условии: пусть
 (9) держит Махйан эти мельницы
 (10) сроком один год за 'sk'rtw ⁸⁸.
 (11) И пусть отдаст Махйан за один год ⁸⁹
 (12) царю Деваштичу с этих
 (13) трех мельниц (однопоставных) этот 'sk'rtw за
 (14) один год ⁹⁰ 460 капичей муки
 (15) mrtš-скими (?) капичами ⁹¹. И ее (муку) каждый
 (16) месяц пусть он дает согласно этому prβyγ-у (?) ⁹².
 (17) И если Махйан это условие
 (18) не выполнит, эту
 (19) муку полностью не отдаст, и (если)
 (20) (в отношении) того... (или: «то...») это беззаконие
 Махйаном

⁸⁴ «Согдийские документы с горы Муг», вып. II: «Этот год (?)».

⁸⁵ Там же: перевод слова опущен.

⁸⁶ Там же: «в местности».

⁸⁷ Там же: «3 мельницы со всеми каналами (8) строения [и] жернова».

⁸⁸ Там же: «Пусть имеет Махйан (10) в течение (букв. «срок») одного года в аренде» (Гершевич), в первом издании «в пользовании (букв. «гонянии»)».

⁸⁹ Там же: «в (течение) одного года».

⁹⁰ Там же: «с этих трех мельниц в качестве арендной платы за один год» (Гершевич), в первом издании «за пользование в течение одного года».

⁹¹ Там же: «выверенными (?) кафчами».

⁹² Там же: «согласно договоренности», ср. указанные Гершевичем prβ'γnyk pwstk (SH, II, S. 47), и prβ'γnyk (ibid. 43), значение которых остается неясным; ср. согд. prβyγ- to explain (I. Gershevitch, *A grammar...*, § 997).

- (21) будет совершенно ⁹³, а также равно
 (22) что царь Деваштич тому
 (23) γωβ-а (?) ⁹⁴ чиновнику укажет (из) должного ему
 по праву ⁹⁵,
 (24) то пусть он (этот чиновник) с них (или «им», т. е. царю)
 ту муку полностью взыщет.
 (25) И за все Мауѳан с сыновьями, вместе с
 (26) родом пусть будет в ответе и выплатит (должное).
 И там были:
 (27) 'rwγy'n, 'rwtprn-а сын, и
 (28) 'yrgkδrk(?), zγynč-а, сын, и y'rk'y,
 (29) γwt'yпс сын. И скреплен этот
 (30) документ подлинной общинной(?) печатью ⁹⁶,
 (31) и написан sy'yпс-ем,
 (32) ty'yпс сыном, по приказу Махѳана.

Оставшиеся невыясненными отдельные слова, в том числе и термины (юридические), зафиксированные в документе, не дают возможности конкретизировать перевод, а следовательно, и установить точную юридическую форму арендного договора, каким является настоящий документ. Невозможно также установить действительные размеры и формы взимания за аренду. Из договора ясно, что в нем речь идет о водяных мельницах, но остается неизвестным, о каких именно. В тексте договора эти мель-

⁹³ «Согдийские документы с горы Муг», вып. II: «то несоблюдение («ложь») и нарушение закона да будет на Махѳане».

⁹⁴ Строка 23 неясна. В первом издании документа дается следующий перевод строк 22 и 23: «И также (22) если (ѳw) царь Деваштич (23) поручит чиновнику государя, в соответствии с законом...». Однако согд. ѳw, стоящее в начале стк. 22, не имеет, как известно, значения «или». Также нет уверенности в чтении слова γωβ, предложенном издателем.

⁹⁵ Ср. персидское *dad* «закон, право», но и «должное (кому-либо) по праву».

⁹⁶ То есть печатью представителя общины (см. «Согдийские документы с горы Муг», вып. III, стр. 72). Ср.: там же, вып. II: 'wtgnz'n'k γ'y тудру «подлинная печать (глиняная печать)»; В первом издании «оттиск печати (глина знака доверия) Миш».

В качестве параллели согдийскому γ'y тудру издатель приводит перс. *gilmuñge*, которое такого значения не имеет. И хотя для наложения (оттиска) печати употреблялась, как известно, глина, но глиняных печатей не было. При процедуре наложения печати, например, арабы строго разграничивали значение терминов «приложить глину» (для наложения печати) и «приложить печать». См., например: А. И. Михайлова, *К оформлению государственных актов*, — ЭВ, т. VII, 1952 стр. 4—5.

ницы именуется $\gamma w t' r n k p' d u ' r d$ «мельницы однопоставные» (ср. персидское *radī āsiyā* «жернов»). В таком случае третья строка договора $p r w y s p w z n p w$ III $\gamma w t' r n k p' d u ' r d$ будет значить «на (pr) всем берегу (канала) 3 мельницы однопоставных» или «на (pr) каждом берегу (канала) по 3 мельницы однопоставных». Слова III $\gamma w t' r n k p' d u ' r d$ этой строки можно перевести, как это делает издатель документа: «3 мельницы, здания, жернова», в смысле «3 мельницы вместе со зданиями жерновами» или «3 мельницы, (их) здания (и) жернова». Но юридически такое перечисление вряд ли оправдано, поскольку речь идет не о продаже мельниц, а о сдаче их в аренду⁹⁷. Тогда как фиксировать в договоре, о каких мельницах идет в нем речь и сколько таких мельниц имеется на канале или его отводе (от чего зависело количество приходящейся на каждую из них воды), было необходимым. От этого зависела арендная плата, которая, как и позже, должна была определяться исходя из количества зерна, которое могло быть смолотым на мельнице за определенное время.

Неясным также остается значение слова $' s k' r t w$, встречающееся в договоре дважды. Нет также сомнения, что мы имеем дело с термином, обозначающим арендную плату, что явствует из строк 12—14: $r t y d b r' t p r ' u w s r d m' y u' n$ ... сумуд III $\gamma w t r' n k s' r Z K W ' s k' r t w p r ' u w s r d 460 k p c ' t' k w p r m r t s' k w k r c w$ «Пусть Махйан отдаст за один год... сзятих трех мельниц тот (вышеупомянутый) $' s k' r t w$: за один год 460 капичей муки, капичами $m r t s$ -скими». В других текстах это слово не встречается⁹⁸. Размеры $' s k' r t w$, установленные договором в 460 капичей муки, причем мука должна быть отдана в капичах $m r t s$ -ских, что может быть понято как в капичах, объема, установленного в районе

⁹⁷ Перевод стк. 7 и 8: $p r w y s p w z n p w$ III $\gamma w t' r n k p' d u ' r d$ «3 мельницы со всеми каналами, строения (и) жернова» (1) сомнителен еще и потому, что предлог $p r$ не засвидетельствован как предлог совместности, а глагол $p' s u z$ такого управления не требует. Перевод $p' d u ' r d$ как «строения (и) жернова» допустим («Согдийские документы с горы Муг», вып. II, стр. 59). В этой связи любопытно определение водяной мельницы (Табари, I, 2874) как «дом, в котором ручная мельница (или дом, в котором жернов)».

⁹⁸ И. Гершевич переводит фразу (стк. 3): $r t y d b r' t$ ... $Z K w ' s k' r t w$ «он должен отдать в качестве $' s k' r t w$ », т. е. арендной платы (*rent*) (I. Gershevitch, *On the word for 'advice'...*, p. 84), и возводит согдийское $' s k' r t w$ к древнеиранскому *na-k(a)rtā-*, ср. скр. *kaṛa-* «плата, сбор»; ср. «Согдийские документы с горы Муг», вып. II, стр. 60.

Мартуш(ката), селения верхнего Зеравшана⁹⁹. Другое значение согдийское *mrts'k*, предложено В. А. Лившицем — «хороший, исправный», откуда «выверенный» в отношении меры. Последнее, хотя и соблазнительно, но пока ничем не подтверждается¹⁰⁰. Согдийское *капич*, позднее *кафиз*, судя по мугским документам и мусульманской географической литературе, было основной объемной мерой в раннесредневековой Средней Азии, и в частности в Согде¹⁰¹.

Среди мугских документов сохранилась накладная (док. Б 9), записи которой приведены выше, на доставку бара (*β'r*) от пармандара из Ахсиканда (*'ysuknd-a*) (куда — неизвестно), состоящего из вина и муки (?)¹⁰². Кладь, количество которой дается в *капичах*, доставляют 11 человек, из которых каждый несет ношу в 3, 4 и 5 *капичей*, и, следовательно, один человек мог перебрасывать при определенных условиях до 5 *капичей*. Соответствующее согдийскому слову персидское *bar*, таджикское *бор*, объясняются в толковых словарях как «то, что можно поднять на спину», т. е. то, что может снести один человек¹⁰³. И, следовательно, исходя из размеров ноши (*β'r*) одного человека можно составить себе представление о размерах *капича* (*кафиза*). В этой связи любопытно свидетельство Рашид-ад-дина, что кладь одного человека равнялась трем *кафизам*¹⁰⁴.

В «Сказании о Чингизе» слово «*кафиз*» у Рашид-ад-дина соответствует китайскому *доу* — название меры сыпучих и жидких тел, равное по объему 10 с небольшим литрам. В таком случае *бār* в три *кафиза* должен был равняться примерно 31 литру, что составляет около двух пудов зерна (два пуда без одного фунта). Согласно согдийской накладной, один из носильщиков пармандара нес три

---

⁹⁹ Размеры одной и той же объемной единицы в разных местах Средней Азии были, как известно, разными, и в этой связи они соответственно уточнялись, например: бухарская, самаркандская, исфаганская и т. д.

¹⁰⁰ «Согдийские документы с горы Муг», вып. II, стр. 61.

¹⁰¹ Так (кроме мугских документов) следует из слов Истахри: «А что касается Абгара... то земли (арази) его плодородные. Мне рассказали, что один *кафиз* семян дает на них урожай в сто *кафизов*» (BGA, I, 321).

¹⁰² «Согдийские документы с горы Муг», вып. III, стр. 32.

¹⁰³ Vullers, *Lexicon*, p. 1, 166, 167.

¹⁰⁴ Рашид-ад-дин, *Сборник летописей*, М.—Л., т. II, 1952, стр. 173.

капича, т. е. около 31 литра. Другой нес четыре капича, что равнялось примерно 41,35 литра — чуть больше 2,5 пуда. Остальные несли по пяти кашичей — по 52 литра, и каждый из них доставил несколько более трех пудов (3 пуда 4 фунта) — ноша вполне допустимая. Еще сравнительно недавно, насколько мне известно, кладь от 2 до 3 пудов перебрасывалась одним человеком (иногда со сменщиком) по горным дорогам Средней Азии. Таким образом, можно полагать, что размеры капича (как меры объемной) были от 8 до 10 литров (второе число вероятнее), что, конечно, далеко не точно. Но других данных, к сожалению, для этого времени у нас нет.

Все же исходя из этих, хотя и приблизительных, размеров капича мы можем составить себе известное представление о количестве муки, которое было установлено договором в качестве арендной платы за эксплуатацию трех мельниц за год; она должна была равняться $480 \times 10 = 4800$ л или, беря наименьший размер капича, $480 \times 8 = 3840$ л муки, что составит в первом случае около 300 пудов муки, во втором — 230¹⁰⁵. Точный смысл строк 22 и 23 также ускользает. При всем том содержание документа — арендный договор на водяные мельницы — бесспорно доказывает, что крупнейшие дикхане Согда, одним из которых был Деваштич, являлись собственниками водяных мельниц и эти мельницы сдавались ими в аренду; арендатором в данном случае был человек свободный, обладатель определенной профессии. О водяной мельнице идет речь у Табари и у Саалиби в рассказе (разные его версии) об убийстве сасанидского царя Йездигерда III в окрестностях Мерва. По словам Саалиби, мельница принадлежала марзбану Мерва. Табари называет мельника хозяином мельницы¹⁰⁶. По данным Саалиби, мельник выплачивал марзбану налог (дарйба) с мельницы из расчета четырех дирхемов хусрувани в день¹⁰⁷. По мнению Н. В. Пигулевской, речь идет об арендной плате. То, что мельник мог выручить сверх этой суммы, составляло

¹⁰⁵ «Согдийские документы с горы Муг», вып. II, стр. 60.

¹⁰⁶ Саалиби, 746; Табари, I, 2874; согласно другой версии, Табари называет его мельником (там же, 2878); Саалиби — только мельником (Саалиби, 746).

¹⁰⁷ Саалиби, стр. 747: «Сказал (мельник): дарйба с мельницы четыре дирхема хусрувани в день», т. е. четыре дирхема царских (хусрувани). О последних см. ниже.

его заработок и оставалось ему. Как мельница, так и земля, на которой она была выстроена, принадлежали марзбану¹⁰⁸.

Значение термина дарйба достаточно широко. В частности, этот термин служил для обозначения ежедневной денежной подати с раба, выплачиваемой последним своему господину. В этой связи можно высказать предположение, что мельником на мельнице марзбана был его раб, ежедневную денежную повинность которого составляли четыре дирхема. Существует мнение, что цифра «четыре дирхема» вообще фантастична. Оснований для него, как представляется, нет¹⁰⁹. Мы не знаем ни размеров мельницы (количества поставов, размера жерновов и т. п.), ни количества пропускаемого ею в день зерна. По словам Саалиби, мельница стояла на реке Мерва, выше устья канала Разик, и речь идет о крупной мельнице. Остатки больших водяных мельниц с гранитными жерновами до метра в диаметре обнаружены археологами на берегу канала Сиоб у северного края городища Афразиаб в Самарканде.

Как отметил А. И. Тереножкин, это обстоятельство свидетельствует о крупных успехах мукомольного дела в VII в.¹¹⁰. В X в. водяные мукомольные мельницы стояли почти на всех крупных каналах и реках, причем расход воды, требующейся для их эксплуатации, подлежал учету наравне с количеством воды, необходимым для полива земель, расположенных по этим каналам¹¹¹. Незави-

---

¹⁰⁸ Н. В. Пигулевская, *Города Ирана в раннем средневековье*, М.—Л., 1956, стр. 209—211 (вопросу о водяных мельницах в книге посвящен специальный раздел). Возможно и то, что, поскольку Табари называет мельника хозяином мельницы, мельница была выстроена последним на земле марзбана. Однако это второе предположение представляется менее вероятным, и права Н. В. Пигулевская, утверждая, что как земля, на которой стояла мельница, так и сама мельница принадлежали марзбану. Табари просто не были известны те подробности, о которых пишет Саалиби.

¹⁰⁹ «Согдийские документы с горы Муг», вып. II, стр. 61. Но известно, например, что при Харруне ар-Рашиде на рабе — по профессии портном — лежала повинность (дарйба) господину в размере двух дирхемов в день, после выплаты которой он мог работать на себя. См. А. Ю. Якубовский, *Ирак на грани VIII—IX вв. (черты социального строя халифата при Аббасидах)*, — «Труды ИВАН СССР», М.—Л., т. XXIV, 1937, стр. 39.

¹¹⁰ А. И. Тереножкин, *Согд и Чач*, — КСИИМК, т. XXXIII, 1950, стр. 168.

¹¹¹ BGA, II(2) 483. Истахри упоминает о мельнице в шахристане главного города Усрушаны Бунджикате (BGA, I, 326); ср.

симо от решения этих вопросов приведенных данных достаточно, чтобы прийти к заключению, что в раннем средневековье имели место две формы эксплуатации мельниц: сдача в аренду и собственная эксплуатация.

Второй доходной статьёй того же порядка, и немалой, являлись базары, где значительная часть лавок составляла собственность дихкан; некоторым из них принадлежали, кроме того, целые городские кварталы, с которых они получали постоянный доход (галла). Об этом мы можем судить на основании иска, предъявленного наследниками бухарского дихкана Хина халифу. Правда, наименее достоверной частью договора представляется именно та, которая относится к числу лавок на базаре, принадлежавших дихкану (о них см. ниже). Тому же бухарскому дихкану, судя по границам, указанным в договоре, принадлежала четверть шахристана. Даже если считать, что эти границы относятся к более позднему времени, то сам факт принадлежности дихкану какой-то части шахристана, в которой к тому же стоял его дворец (ках), не подлежит сомнению. Каким образом использовал свою собственность в шахристане дихкан, мы не знаем. Об этом мы можем судить с большей или меньшей вероятностью лишь по описанию позднейшего хозяйства бузурга Хасана, сына 'Ала, в собственность отца которого перешел дворец дихкана. Хасан отстроил квартал (кўй), а за его воротами устроил хазира, т. е. огородил земельный участок, с которого получал ежемесячно двести динаров дохода. Кроме того, он имел мустагаллы в самом шахристане; ими могла быть любая недвижимость, сдаваемая в эксплуатацию¹¹².

К X в. в Бухаре, существовало крупное ткацкое заведение — байт ат-тираз. По словам Наршахи, оно находилось между цитаделью и шахристаном. В этой мастерской изготовлялись великолепные хлопчатобумажные ткани, а также роскошные занавеси (парда), молитвенные ковры-

---

также персидский перевод (тегеранское изд.), стр. 239, 241. Известно, что сила воды в каналах измерялась по количеству мельниц, которые они могли обслужить.

¹¹² «История Бухары» (изд. Шефера), стр. 53; R. N. Frye, *The history of Buchārā...*, pp. 54—55 (последний переводит арабское *галла* английским «*estates*»); О. А. Сухарева, *К истории городов Бухарского ханства*, Ташкент, 1958, стр. 29, по мнению которой, под словом хазира (дословно «огороженное место») следует понимать огороженное место, в которое входила и отстроенная Хасаном улица (жуй).

ки и т. п. Изделия мастеров этой мастерской были настолько хороши и ценились так высоко, что, по словам того же Наршахи, за ними приезжал специальный чиновник из Багдада, который их забирал в счет бухарской подати халифату¹¹³. Не позже XII в. мастерская прекратила свое существование¹¹⁴. К какому времени следует отнести основание этой мастерской, мы не знаем. Ткацкое дело в Согде было одним из наиболее развитых ремесел, в особенности хлопко- и шелкоткачество. Не менее развитым было кожевенное дело, и можно предположить, что специальные мастерские типа бухарского байт ат-тираза в VII—VIII вв. существовали. Известные данные для такой гипотезы имеются в мугских хозяйственных документах, среди которых сохранилось несколько реестров. В одном из них записаны разные изделия из кожи (док. Nov. 1), изготовленные для разных лиц, в двух других — деньги и предметы ремесленного производства (док. А 5 и Б 1), выданные разным лицам. Судя по первому из них, можно думать, что в Пенджикенте имелось заведение (или заведения), принадлежавшее его владельцу, в котором было налажено достаточно широко производство изделий из кожи, мерлушки, овчины, в том числе чепраков (zupʷud) и плащей (wʷrpn-) ¹¹⁵. И те и другие изготовлялись из шкурок ягнят; на один плащ шло от 30—35 таких шкурок (wʷguʷk) и до 50, если они были небольшими (guɕʷkk). Для изготовления одного чепрака требовалось от 7 до 12 шкурок или, опять-таки если шкурки были небольшими, до 15. Судя по сохранившимся записям, учет изготовленного велся чрезвычайно тщательно, указывалось, из чего сделана вещь и сколько на нее пошло материала, какие именно вещи сделаны, какое количество их изготовлено и для кого. Нескольким лицам были даны шкурки ягнят и овчины.

Запись относится к трем месяцам — третьему, восьмому и девятому согдийского календаря. Среди лиц, по-

¹¹³ «История Бухары» (изд. Шефера), стр. 18; R. N. Frye, *The history of Buhārā...*, pp. 19—20; В. В. Бартольд, *Туркестан в эпоху монгольского нашествия*, — Сочинения, т. I, стр. 160. А также R. V. Serjeant, *Material for a history of Islamic textiles up to the Mongol conquest*, — «Ars Islamica», 1946, № 11—12, p. 121.

¹¹⁴ О. А. Сухарева, *К истории городов Бухарского ханства*, стр. 32.

¹¹⁵ «Согдийские документы с горы Муг», вып. I, стр. 85—86; вып. III, стр. 37.

лучших сделанные для них вещи, а также овчины и шкурки, упоминается, видимо, сам Деваштич (γwβ-), затем 'wt, вероятно управитель (пармандар) Пенджикента тохарский царь (twγ'g MLK'), какой-то кушаниец (kws'nyk), бухарец (pwγ'r), тардуш (trδwš) и, наконец, арабский эмир (γmγ). О каком эмире идет речь, мы не знаем. Мастерская, судя по лицам, для которых изготовлялись вещи, принадлежала Деваштичу. Изготавливались ли в ней вещи по приказу или по заказу, неизвестно. Док. Nov. 1, если текст его понят правильно издателями, представляет список именно таких вещей, изготовленных для разных лиц, в том числе приближенных Деваштича и для него самого.

Известно, что позднейшие казенные мастерские специализировались главным образом на производстве оружия. Так же, надо полагать, обстояло дело и в Согде. В реестрах А 5 и Б 1 из канцелярии Деваштича¹¹⁶ записаны предметы вооружения и одежды, выданные разным лицам, в том числе и должностным лицам его двора. Основными выдаваемыми вещами (постоянными предметами выдачи) были кольчуги, рубахи к ним, шлемы, обувь. В реестре А 5 (записи жалований) проставлена стоимость каждой выдаваемой вещи. Судя по спискам лиц, которым жаловались эти вещи, такие мастерские должны были обслуживать прежде всего двор и знать.

Мастерская (или мастерские) по обработке кож, из которой кожи поступали в казну Деваштича, имелась в верховьях Зеравшана — в районе современного Мартушката (сogd. mrtškt-). Сохранились две расписки пармандара. Согласно одной из них, расписавшийся лично получил кожи, в том числе одну крашеную и две лисьи шкуры от некоего γwšmγyk-а мартушкатского учетчика ('w'γypt-a) (док. В 3)¹¹⁷. По другой расписке (док. Б 5) пармандара, выданной им некоему sy'mγ'k-у, для казны Деваштича, кем неизвестно, были взяты выделанные шкуры (овчины) от кожевенных дел мастера (или мастеров) того же райо-

¹¹⁶ «Согдийские документы с горы Муг», вып. II, стр. 181; вып. III, стр. 51 (док. А 5); вып. III, стр. 43 (док. Б 1).

¹¹⁷ «Согдийские документы с горы Муг», вып. II, стр. 71; вып. III, стр. 62. Слово 'w'γypt читается и толкуется по-разному издателями документов. Согласно одним, слово читается 'w'γkpt и значит «счетчик» (в смысле бухгалтер), согласно другому, его следует читать 'w'γypt «начальник водоема».

на ¹¹³. Известно, что во всяком случае позже значительная часть кож поступала в оседлые районы от кочевников-тюрок (от них же поступал убойный и вьючный скот). Тюрки привозили кожи в необработанном виде, которые дубились уже на месте оседлым населением. Так, по словам географов, дело обстояло в Шапе. Зеравшанское селение Мартушкат (mrtškt), лежавшее в горах, в районе высокогорных пастбищ, находилось в пограничной с кочевниками полосе, чем, возможно, и объясняется то обстоятельство, что, судя по мугским документам, именно там было особо развито кожевенное дело.

В самом Самарканде должна была существовать с середины VIII в. мастерская, где изготовлялась тряпичная бумага.

Приведенных данных, хотя и весьма ограниченных, достаточно для того, чтобы предположить существование в раннесредневековом Согде крупных для того времени мастерских, принадлежавших дикханам. Были ли такие мастерские источником определенного постоянного дохода, сказать сейчас все же трудно.

Рынки

Работами многих исследователей установлено, что в экономике Средней Азии, в частности Согда, важнейшую роль играла торговля, как внешняя, так и внутренняя. Сведения о ней сосредоточены в основном в китайских источниках и в более поздних мусульманских. В настоящее время к этим двум источникам добавился третий — согдийские монеты, позволяющие понять некоторые обстоятельства, которые в первых не отражены.

Согдийцы в рассматриваемое время, как известно, принимали немалое участие в мировой торговле не только в качестве посредников, но и вывозили свою продукцию в Переднюю Азию и Китай. В их городах накапливалась масса разно-

Общие сведения

¹¹³ Текст и перевод документа Б 5 требуют уточнения. Так, для строк 6 и 7 предложены следующие варианты: 1. MN pwstβr'n'k rmn 32 pwst «[Взял]... из склада кож всего 32 кожи»; 2. MN pwst-kny'k r'm' 32 pwst «[Взял]... от кожевенного дела людей 32 кожи»; 3. MN pwstkrny'k rmn 32 pwst «[Взял]... от кожевенного дела мастера всего 32 кожи». См. «Согдийские документы с горы Муг», вып. I, стр. 71; вып. III, стр. 58.

образных товаров, как привозных, так и местного производства. Вместе с тем в ходе интенсивного экономического развития края вследствие расцвета ремесел и специализации местных центров (городов, селений) расширились и укреплялись местные торговые связи. Об оживленности внутреннего рынка Согда в раннем средневековье говорит прежде всего огромное количество находимых на городищах монет. Достаточно напомнить, что на одном пенджикентском городище за 12 лет раскопок обнаружено более 2 тыс. монет, в основном бронзовых. Немало бронзовых монет обнаружено археологами также на небольших городищах и отдельных тепе. Обилие монет, узкие ареалы их распространения (судя по местам их находок), наличие местных чеканов говорят о том, что деньги уже достаточно прочно проникли в местную экономику. Из этого явствует, что в экономике страны кроме внешней торговли, ведущей, как известно, по двум линиям (караванная торговля и торговля со степью), далеко не последнюю роль играла торговля внутренняя.

Между тем если внешней торговле, главным образом караванной, посвящен ряд исследований как частного, так и общего порядка, то по вопросам местной (внутренней) торговли в доисламской Средней Азии нет даже простого обобщения скудных и разрозненных данных источников. Поэтому мы не имеем до сих пор представления о характере внутренней торговли Согда, ее формах и организации, в первую очередь о согдийских рынках (базарах), сведения о которых встречаются в источниках. В этой связи представляется важным дать сводку известий, которая нам поможет выявить эту сторону жизни края.

Китайские источники почти не содержат конкретных сведений о внутренней торговле и местных рынках Согда. Их сообщения, как известно, или относятся к внешней, караванной торговле, или имеют общий характер. Данные, позволяющие судить о внутренней торговле края, сосредоточены в основном в мусульманской литературе, т. е. в источниках, сравнительно поздних по времени, и в этой связи требующих предварительного исследования для отбора этих сведений. Известная работа в этом направлении уже проделана такими учеными, как И. Маркварт, В. В. Бартольд, А. Ю. Якубовский; но результаты их исследований разбросаны в разных трудах и не носят обобщающего характера. Более поздние работы, насколько

мне известно, не вносят чего-либо нового сравнительно с прежними. Так, Б. Шпулер, посвятивший специальный раздел одной из своих последних книг теме торговли Ирана в широком смысле слова, почти не затрагивает вопросов организации внутренней торговли не только Согда, но и доисламской Средней Азии в целом, ограничиваясь общей характеристикой ее рынков¹¹⁹. Достаточно сказать, что такие торгово-ремесленные центры, какими были в свое время древний Арүүд (или *'гү), позднейший Тававис (при арабах) и Зандана, в его книге не упомянуты. Между тем тщательный отбор и сводка таких известий позволяют воссоздать достаточно отчетливую картину состояния внутренней торговли края, выявить ее основные формы и наметить некоторые моменты ее организации.

В мусульманских трудах наиболее подробные сведения о внутренней торговле относятся к бухарскому оазису и к его двум крупнейшим для того времени городам — Бухаре и Пайканду. Известий о самаркандских и других рынках собственно Согда значительно меньше. Отчасти это объясняется тем, что в нашем распоряжении имеется такая замечательная компиляция сведений о бухарском оазисе, как «История Бухары», отдельные разделы которой посвящены интересующему нас вопросу. Аналогичная компиляция по истории Самарканда дошла до нас в значительно более переработанном виде, а истории Кеша и Несефа до сих пор не обнаружены. Кроме того, сведения о внутренней торговле содержатся в лучшем случае в источниках IX в., т. е. того времени, когда экономическим и политическим центром края становится Бухара, и, возможно, сравнительная скудость известий о самаркандских рынках по сравнению с бухарскими является следствием экономического первенства бухарских районов при Саманидах. Все это, вместе взятое, заставляет соблюдать осторожность, но не снижает познавательной ценности фактов.

Для полноты картины в настоящем разделе привлечены по возможности все доступные материалы, касающиеся не только собственно Согда, но и других среднеазиатских районов с согдоязычным оседлым населением, в том числе северо-восточных, таких, как Шаш (Чач), Испиджаб, а так-

---

¹¹⁹ В. Spuler, *Iran in früh-islamischer Zeit*, Wiesbaden, 1952, S. 400—408.

же Суяб. Сведения, касающиеся этих пограничных со степью районов, особенно важны, так как позволяют судить о характере торговых связей земледельческого населения края с кочевниками.

Все источники сходятся на том, что искусство согдийцев в торговле было велико, обстоятельство, обратившее в свое время на себя внимание китайцев, специально интересовавшихся этой областью экономической жизни. По словам китайского паломника Сюань Цзана (629), половина жителей Согда занималась земледелием, половина — торговлей¹²⁰. В Самарканде родившимся мальчикам намазывали язык «каменным медом», а на ладонь клали клей, чтобы они крепко держали денежку¹²¹. С пяти лет они изучали книги. Когда же подрастали, их посылали учиться торговать («извлекать большую прибыль») ¹²². Достигнув двадцати лет, юноши уезжали в соседние владения и посещали те места, где могли надеяться на прибыльную торговлю¹²³. В свою очередь многие иностранцы приезжали к согдийцам для торга. Последнее несомненно говорит о налаженных и оживленных торговых сношениях внутри страны и за ее пределами; важную роль здесь играли согдийские колонии, просуществовавшие до X в., если не позже. О роли согдийских колонистов в торговой жизни Согда мы узнаем из их писем (IV в. н. э.) родным в Самарканд и Бухару; в письмах они сообщают о торговых сделках, закупке товаров на медь, серебро и золото, о ценах на товары, а также жалуются на почтовые затруднения, вызванные неспокойным временем¹²⁴. По словам китайских хроникеров («Тан шу»), в Турфгане было два рынка: один у западных ворот города, другой у восточных. Эти рынки назывались соответственно «рынком западным» и

¹²⁰ [S. Beal], *Si-yi-ki. Buddhist records of the Western world*, transl. from the Chinese by S. Beal, London, vol. I, 1884, p. 27: «The strong bodied cultivate the land; the rest (half) engaged in money-getting business»; А. М. Мандельштам, *Средняя Азия в VI—VII вв.*, стр. 367.

¹²¹ Н. Я. Бичурин (Иакинф), *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*, М.—Л., т. II, 1950, стр. 310.

¹²² Abel-Rémusat, *Nouveaux mélanges Asiatiques*, Paris, t. I, 1829, p. 229 (Ма-гуан-лин).

¹²³ Н. Я. Бичурин (Иакинф), *Собрание сведений...*, т. II, 281.

¹²⁴ SH, II, Br. I, IV. Переиздание письма см. W. B. Henning, *The date of the sogdian ancient letters*, — BSOS, vol. XII, 1948, pt 3—4, pp. 600—615.

«рынком восточным». На «рынке западном» торговали и совершали торговые сделки западные купцы, которых источник называет купцами *ху* ¹²⁵.

Среднеазиатский город к рассматриваемому времени уже сложился как экономический и торгово-ремесленный центр района ¹²⁶.

Самарканд, главный город Согда, стал одновременно его торгово-промышленным центром и играл роль крупного узлового пункта на караванном пути. В нем, по свидетельству китайского паломника Сюань Цзана, сосредоточивалось наибольшее количество иноземных товаров ¹²⁷, а также основная масса продукции местного ремесла. В X в. дело обстояло так же. Например, по свидетельству Истахри, Самарканд был местом, куда съезжались купцы. По словам того же автора, все необходимое для Мавераннахра привозилось в Самарканд и уже из Самарканда расходилось по его районам ¹²⁸. Богатство и разнообразие вывозимых из Самарканда товаров, о которых сообщают китайские и мусульманские источники, дают представление о накопившейся в нем ремесленной продукции. Следовательно, за три века, прошедшие со времени путешествия Сюань Цзана, Самарканд не только не потерял значения экономического центра края, а укрепил его.

Пайканд, один из древнейших городов Бухарского оазиса, Табари называет городом купцов. Его купцы торговали с Китаем и даже вели морскую торговлю ¹²⁹. Такая характеристика дается в источниках только Пайканду. Важное значение в торговле имел ряд других крупных для того времени городов, например Интихан и Арбинджан, и торгово-промышленные селения, такие, как Арүүд, позднейший Тававис и Зандана. Вывозившаяся отсюда

---

¹²⁵ [Éd. Chavannes, P. Pelliot]. *Un traité manichéen retrouvé en Chine, traduit et annoté par Ed. Chavannes et P. Pelliot*, pt. II, 1913, p. 230, n. 3.

¹²⁶ К вопросу экономической характеристики города см.: А. И. Тереножкин, *Согд и Чач*, стр. 152 и сл.; А. М. Манделъштам, *Средняя Азия в VI и VII вв.*, стр. 360 и сл.

¹²⁷ [S. Beal], *Si-yu-ki...*, vol. I, p. 32.

¹²⁸ ВГА, I, 317. Большинство персидских авторов, в том числе анонимный автор географического сочинения X в. Худуд ал-'Алам, называют Самарканд так же, как и ряд других городов, баргах «складом товаров».

¹²⁹ В. В. Бартольд, *Туркестан...*, стр. 169.

продукция шла далеко за пределы владений. Известно, что Интихан в 742 г. отплавил в качестве дани в Китай свои местные товары¹³⁰. Бухара должна была славиться в древности своими ювелирными изделиями, так как, согласно местной легенде, в числе бухарской дани Самарканду посылались ежегодно серебряные зайцы и золотые газели, изготовляемые бухарскими ремесленниками¹³¹.

Ярким показателем состояния внутренней торговли служат местные рынки. Согдийцы называли свои рынки w'šrn (и с метатезой w'šrn)¹³². Арабские авторы, как правило, называют среднеазиатские рынки *сух* «рынок» и *асвак* «рынки», персидские — *базар*. И только у Истахри и Ибн Хаукаля наряду с обычными «рынок» и «рынки» встречается определение *маджма'* «место сбора» и *азим маджма'* «великое место сбора»¹³³. Уже одно это последнее название, правда относящееся в данном случае к X в., дает представление о многолюдности тех мест торговли, к которым оно прилагалось. Согдийское w'šrn- и его синоним арабское *сух* имели два значения: «базар» и «улица» с рядами лавок и распространялись на места торговли безотносительно их значимости и характера — и здесь по существу мы имеем дело с нераскрытыми терминами.

По словам Истахри, в Самарканде в его время большинство рынков (*асвак*) находилось в пределах рабада (пригорода, городской стены), т. е. вне доисламского собственно города; там жили торговцы; в самом шахристане рынков почти не было¹³⁴. В домусульманском Самарканде, по словам того же Истахри, рынки были сосредоточены в северной части Самарканда в ремесленном пригороде у Кешских ворот, в том месте, на котором и позже находились городские рынки, на древнем канале, «существовав-

¹³⁰ Abel-Rémusat, *Nouveaux mélanges...*, p. 236.

¹³¹ «Кандия Малая», стр. 247 (см. также: рукопись собрания ЛО ИНА 677, лл. 236 — 24а).

¹³² W. B. Henning, *Sogdian tales*, p. 406, n. 1. Также «улица» (I. Gershevitch, *A grammar...*, § 272, 399, 1218). К этимологии слова см.: Н. Bailey, *Zoroastrian problems...*, p. 75, n. I (< aičara); BBB, 116 (wahačarana); E. Herzfeld, *Zoroaster and his World*, London, vol. I, 1947, p. 232 (< vcar — versiri, circulate); O. Hansen, АРАУ (1937), 9, p. 41.

¹³³ ВГА, I, 313; ВГА, II(2) (о ярмарках в Тавависе).

¹³⁴ ВГА, I, 317: «Большинство рынков и торговцев (находятся) в рабаде, кроме немногих во внутреннем городе... а место сосредоточения рынков (базаров) — (квартал) Головы арки».

шем во времена неверия». Вся эта местность около Кешских ворот, по мнению В. В. Бартольда, входила в состав города еще до ислама. Квартал, где находились рынки, назывался Рас ат-Так¹³⁵, дословно «Голова арки», по находившимся там рыночным постройкам, такам. Это было, во всяком случае в IX в., самое оживленное место города. В том же IX в. здесь жили муги (огнепоклонники), которые должны были содержать канал в порядке на доходы, поступавшие с участков земли по берегам канала, вдоль которого располагались лавки¹³⁶. В персидском переводе Истахри сказано, что доходы, которые шли на ремонт канала, приносили именно лавки: «Наиболее оживленное место в городе — это место, называемое Головой арки. Канал Арзиз (Свинцовый) тут же. Большая часть лавок (дукан) базара предназначена в вакф на поддержание огнепоклонников, которые смотрят за ним (нигāх дāранд) летом и зимой».

Слово *так* принадлежит к числу древнейших архитектурных терминов и обозначало, в частности, постройки с криволинейным перекрытием проемов в стене (арками). Как название купольных рыночных построек до сих пор сохранилось в Средней Азии в таджикском и узбекском языках. До последнего времени в Бухаре имелись крытые торговые дома, известные под названием «токи саррафон» — ток менял и «токи тилпакфурушон» — ток продавцов тюбетеек. Поэтому весьма вероятно, что раннесредневековое название квартала у Кешских ворот Рас ат-Так (Голова арки) в смысле «предбазарный» связано с находившимся здесь в древности купольным зданием — пассажем, составлявшем единый комплекс с примыкавшими к нему торговыми улицами.

Еще одно древнейшее название архитектурного торгового ансамбля, авестийское *čāvγusuk* «рынок» (дословно «четырёхсторонний») сохранилось в современном названии городских рыночных сооружений под куполом (чахарсу), давшее в стяженной форме таджикское чорсу¹³⁷.

¹³⁵ В. В. Бартольд, *Туркестан...*, стр. 136.

¹³⁶ BGA, II, 366; ср. BGA, I, 316; III, 378; V, 332.

¹³⁷ К значению терминов *тақ* и *чахарсу* см. у Херцфельда, в работе которого специальный раздел посвящен рассмотрению известий о древнеиранской архитектуре (E. Herzfeld, *Zoroaster and his world*, vol. I, p. 567 и сл.).

В ранней географической литературе названия чахарсу не встречается; но это отнюдь не доказывает, что рынок типа чорсу в доисламское время в Согде и вообще в Средней Азии не существовало, тем более что сам термин (пранский) принадлежит к числу древнейших. Насколько мне известно, только в истории Самарканда (Кандии) имеется упоминание о *чахарсу* (чорсу) самаркандском, на котором, согласно преданию, были похоронены легендарные его строители ¹³⁸. Наряду с термином *чахарсу* в персидских текстах встречается другой — *чахарбазар* — «четырёхбазарный», «о четырех базарах», видимо, калька с первого ¹³⁹. Арабское «сук» (рынок) сохранилось, вероятно, в названии «Суқи Тарохи» одного из современных бухарских кварталов ¹⁴⁰.

Таким образом, самаркандские доисламские базары, как и позже, сосредоточивались у Кешских ворот на главном канале, вдоль которого тянулись крытые торговые ряды, а в самом городе имелся чахарсу, о котором говорит автор Кандии. Других известий о самаркандских рынках, насколько мне известно, нет. На Афрасиабском городище еще В. Л. Вяткиным открыты остатки бани и небольшого базарчика рядом с ней, где торговали посудой ¹⁴¹. Такие базарчики, вероятно, имелись не только при банях, но и в других бойких местах. Были, надо полагать, судя по аналогии, в Самарканде и торговые улицы — проезды ¹⁴².

О бухарских доисламских рынках у нас сведений имеется больше, чем о самаркандских. По словам Наршахи, в начале VIII в. в Бухаре имелся только один рынок, который находился у одних из ворот тогдашнего города (шахристана), и, следовательно, он, так же как и самаркандский, был вне его стен, при въезде в город. Ворота, где был базар, в мусульманское время назывались Дари

---

¹³⁸ «Кандия Малая», стр. 242 (см. также рукопись собрания ЛО ИНА В 677, л. 11в).

¹³⁹ Абдурразак Самарканди, рукопись ЛГУ № 157, л. 257а (экземпляр В. В. Бартольда).

¹⁴⁰ На современное название бухарского квартала Суқи Тарохи любезно обратила мое внимание О. А. Сухарева.

¹⁴¹ В. Л. Вяткин, *Городище Афрасиаб*, Ташкент, 1926, стр. 16. Баня и базарчик при ней, открытые Вяткиным, относятся к ранне-мусульманскому времени.

¹⁴² См. стр. 131, прим. 148.

Аттаран — «Ворота москательщиков»¹⁴³, по специализированному торговому ряду, в котором шла торговля соответственными товарами, а в доисламское «Ворота базара».

По словам того же Наршахи, юго-восточная часть шахристана, составляющая его четверть, между воротами Дари базар и воротами Нур, или Нав, некогда принадлежала бухарскому дихкану Хина, наследники которого в 150/767 г. предъявили свои права на тысячу лавок (дукан). В иске, предъявленном наследниками, были указаны границы земельных городских владений бухарского дихкана; одной из них (первая граница) являлась стена шахристана, прилегавшая в их время к ряду бакалейщиков (джубай баккалан), второй была стена шахристана, прилегавшая к базару колольщиков фисташек (Базари писташиканан), третьей границей была «прямая дорога, по которой, пройдя через ворота Нур, ты дойдешь до середины шахристана»¹⁴⁴. Таким образом, размеры рынка, о котором говорит Наршахи, во всяком случае в третьей четверти того же, VIII в., были немалые и рынок со своими лавками и базарами располагался за чертой внутреннего города вдоль южной и восточной стен шахристана. Упомянутое в иске число лавок, вероятно, преувеличено и округлено, но все же оно было достаточно большим и позволяет составить себе известное представление о рынке, на котором они стояли. Нет сомнений, что бухарский рынок уже сложился к приходу арабов, т. е. к началу VIII в., так как Наршахи говорит о нем как о единственном бухарском базаре, имевшемся у городских ворот именно в это время¹⁴⁵.

Лавки на базарах, в которых сидели ремесленники, служили им одновременно мастерскими; здесь они работали и здесь же продавали свой товар. Так, в истории Самарканда рассказывается о заезжем еврее, который, разгуливая по базару золотых дел мастеров, увидел там

---

¹⁴³ Собственно «парфюмерней, галантерейными изделиями и снадобьями».

¹⁴⁴ «История Бухары» (изд. Шефера), стр. 52—53; R. N. Frye, *The history of Buchārā...*, p. 54.

¹⁴⁵ «История Бухары» (изд. Шефера), стр. 52: «У шахристана было семь ворот (дарваза). Первые ворота назывались Дари бāзār (Ворота базара), потому что в то время ни у одних ворот вблизи города не было базара, кроме как у этих ворот, а мы (их) называем Дарвазан 'аттаран».

человека, делавшего «двух газелей из золота и зайца из серебра» для выплаты дани Самарканду¹⁴⁶. На базарах же нанимали ремесленников. Среди дошедших до нас манихейских притч сохранился рассказ о ремесленнике — сверлильщике жемчуга и нанявшем его на базаре купце. Содержание притчи приведено выше.

В городах, как и позже, существовали определенные дни, называемые базарными. В эти дни на рынок в город съезжались ремесленники и жители ближайших селений со своими товарами, начиналась оживленная базарная торговля¹⁴⁷. В остальные дни недели базары должны были пустовать. Как обстояло дело с лавками, мы не знаем. Лавки имелись и вне базаров, на городских улицах во внутреннем городе (шахристане), где они сосредоточивались в определенных местах. Это были, как правило, небольшие помещения с выходом на улицу, использованные под мастерские-лавки, в которых ремесленники изготавливали и продавали продукцию своего ремесла. Мастерские-лавки открыты археологами на пенджикентском городище. Эти лавки, судя по тем, которые обнаружены, располагались вдоль улиц и так тесно примыкали к жилым комплексам и даже входили в них, что в таковых, вероятнее всего, должны были сидеть люди, зависимые от владельцев домов, — ремесленники-рабы или ремесленники, арендовавшие помещения у дихкан¹⁴⁸. Известно, что базарные лавки и складские помещения, как и сами

---

¹⁴⁶ «Малая Кандия», стр. 60 (см. также рукопись собрания ЛЮ ИНА, 677, л. 236).

¹⁴⁷ См. персидский перевод Истахри (тегеранское изд.), стр. 235.

¹⁴⁸ А. М. Беленицкий, *Общие результаты раскопок городища древнего Пенджикента*, стр. 117—119. Мукаддаси упоминает о лавках, находившихся в шахристане Кедера (Фараба), согласно В. В. Бартольд, о «винных лавках» («Туркестан в эпоху монгольского нашествия», СПб, 1904, стр. 178). Ср. новое издание его труда («Туркестан в эпоху монгольского нашествия», — Сочинения, т. I, стр. 234), примечание редактора тома И. П. Петрушевского, указавшего, что *حوانیت* (так у Мукаддаси) обозначало всякого рода лавки, а не только винные. За последнее время на пенджикентском городище открыто так много помещений торгово-ремесленного назначения, что археологи пришли к заключению, что «городские магистралы были местом торговли и ремесленной деятельности населения». См. А. М. Беленицкий, *Из итогов последних лет раскопок древнего Пенджикента*, — СА, 1965, 3, стр. 179—186.

базары, представляли немалую доходную статью дихкан, о чем говорилось выше. Земля, на которой они стояли, была собственностью владельца-дихкана, в Бухаре — бухархудата, в Самарканде — самого царя Согда, в Пенджикенте — пенджикентского владельца и т. д. Лавки принадлежали населению, в том числе дихканам, которые платили за землю владельцу. Какая-то часть лавок принадлежала, вероятно, самому владельцу. Лавки в свою очередь сдавались их хозяевами в аренду¹⁴⁹. Арендаторами были купцы и ремесленники. Возможно, что лавки, как и позже, сдавались в откуп. В них могли также сидеть люди дихкан, владельцев лавок. Как уже упоминалось, одному из бухарских дихкан в первой четверти VIII в. принадлежало большое количество лавок на бухарском рынке. Можно думать, что, как и позже, часть лавок не только снималась самими ремесленниками, а даже принадлежала им, одновременно являясь их мастерскими.

Большие рынки, доходы с которых поступали в руки владельцев и местных дихкан, имелись в Иштихане и других крупных городах. О рынках в Иштихане рассказывают Истахри и Ибн Хаукаль. По их словам, иштиханские рынки в свое время были конфискованы халифом Мутасимом (833—842), а впоследствии доходы с них розданы уже халифом Мунсуром (870—892). Факты, о которых сообщают географы, общеизвестны¹⁵⁰. Но они говорят о том, что иштиханские рынки и в доисламское время были одной из основных доходных статей местных дихкан, которая была отнята у них арабами, так же как и другие источники их доходов (мустагаллы).

Подобные же рынки должны были быть в Кушании, Карминии, Кеше и др. Большой рынок должен был быть и в Арбинджане. Во всяком случае уже Табарни сообщает о вывозе из него ремесленной продукции (кошм, шерстяных тканей).

Другими торговыми рыночными единицами в доисламское время были так называемые тумы, существовавшие и сохранившие свое значение вплоть до эмирской Буха-

¹⁴⁹ BGA, I, стр. 158 (ср. персидский перевод: زمین اجرة از دکان بدهند «с лавок платят аренду за землю»). Подробнее см. выше.

¹⁵⁰ В. В. Бартольд, *Туркестан...*, стр. 147; А. Ю. Якубовский, *Ирак на грани VIII—IX вв.*, стр. 48 (BGA, I, 323; BGA, II (2), стр. 492—493).

ры. Название «тим», сохранившееся по сей день, встречается в согдийских текстах и в мусульманской литературе. Согдийское *tum* (арабской графикой *تيم*) в значении «лавка, торговое помещение», «постройка как таковая» заимствовано в согдийский язык из китайского (кит. *tien* > согд. *tum*)¹⁵¹, что указывает на раннее, во всяком случае доисламское, происхождение в Средней Азии таких торговых единиц. Иакут поясняет, что слово *тим* на языке хорасанцев значит *хан*, в котором проживают купцы¹⁵², иными словами, гостиница, постоялый двор, в котором живут торговцы, приезжающие с товарами. Согласно толковым персидским словарям, *хан* то же, что арабское манзил, персидское караван-сарай. *Тим*, согласно тем же словарям, обозначал также большой караван-сарай — специальное помещение, где шла торговля тканями¹⁵³. На чагатайском языке *тим* значит «сводчатая постройка», *тимча* «малый тим» — просто базарчик. Оба термина бытуют у современных таджиков и узбеков и значат «крытый базар и пассаж для продажи тканей»¹⁵⁴. О среднеазиатских тимах упоминает ряд мусульманских авторов. В «Истории Бухары» упоминаются тимы на бухарском базаре у Самаркандских ворот напротив того места, где собиралась бухарская ярмарка Марчуч, по ту сторону речки, а также о тимах сапожников (кафшгаров), находившихся там же. Как те, так и другие вместе со всем кварталом выгорели при Саманиде Нухе в 937 г.¹⁵⁵

Мукаддаси сообщает о крытых тимах в Нумичкате, в доисламской Бухаре¹⁵⁶, а также о тимах в Испиджабе (не в рабаде, а в старом городе); по его словам, в испиджабских тимах продавали карбас (хлопчатобумажные ткани)¹⁵⁷. Тимы, по словам того же географа, имелись в чачском городе Уштуркате. Географ называет их «красивыми тимами»¹⁵⁸. Красивые крытые рынки были в Чага-

¹⁵¹ W. B. Henning, *Sogdien tales*, p. 94.

¹⁵² Иакут, II, 909 (см. *تيمك*), см.: Н. И. Леонов, *Мавзолей X в. в Зеравшанской долине*, — СА, 1960, № 4, стр. 190.

¹⁵³ Vullers, *Lexicon*, I, p. 649, 493.

¹⁵⁴ «Таджикско-русский словарь», М., 1954, стр. 394.

¹⁵⁵ «История Бухары» (изд. Шефера), стр. 93; R. N. Frye, *The history of Buchārā...*, p. 96.

¹⁵⁶ BGA, III, 281.

¹⁵⁷ BGA, III, 272.

¹⁵⁸ BGA, III, 277.

ниане ¹⁵⁹. Йакут упоминает о нисбе (относительном имени) ат-Тимаки по постоянному двору (хан — тим) в ряду продавцов карбаса (хлопчатобумажных тканей) в Самарканде. Под этой нисбой был известен ученый-традиционалист Х в. Можно полагать, что ряд согдийских селений обязан своими названиями имевшимся в них когда-то тимам ¹⁶⁰.

Сведения арабских географов и позднейших источников говорят о том, что стабильные рыночные единицы типа тимов и токов, а следовательно, и спецификация рядов по товарам существовали не только в их время, но и раньше. Напомним о «базаре» мастеров золотых дел в доисламской Бухаре и о торговых рядах (лавках), открытых в Пенджикенте. О спецификации торговых рядов к Х в. мы можем говорить с полной уверенностью. Можно полагать, что в интересующее нас время уже существовало два типа тимов: тимы — специфицированные торговые по-

---

¹⁵⁹ В. В. Бартольд, *Туркестан...*, стр. 123 (ВГА, I, 298 и ВГА, III, 283). См. также: Г. Н. Пугаченкова, *Искусство зодчих Узбекистана, II, Мавзолей Араб-ата*, Ташкент, 1963, стр. 9. По мнению Г. Н. Пугаченковой, крытые базары в Чаганиане представляли «особые рыночные сооружения, перекрытые либо деревянной кровлей, либо куполами. Преобладали, очевидно, деревянные кровли». Доказательство последнему Г. Н. Пугаченкова видит в том, что раннесредневековые бухарские тимы полностью выгорели во время вышеупомянутого пожара 937 г.

¹⁶⁰ Йакут (XIII в.) со ссылкой на Ибн ал-Факиха (Х в.) упоминает о селении Тим самаркандского Согда. Селение отождествляется исследователями с современным одноименным селением Нарпайского района (Карнапский совхоз); рядом с ним имеются остатки древнего большого селения в виде всхолмления, окруженного буграми, общей площадью в 400—500 м, представляющего остатки древнего поселения раннего средневековья. Поблизости от этих мест имеются мощные залежи мрамора, разработка которых велась и сейчас еще ведется. Это обстоятельство обусловило в свое время возникновение здесь, на тракте, крупного торгово-промышленного селения, каковым, судя по его названию, и должно было быть селение Тим. Правильно ли предлагаемое исследователями отождествление селения Тим у Йакута с современным Тимом Нарпайского района — вопрос другой. Упомянутые тем же Йакутом вместе и рядом с Тимом два других места — Насаф и Касаф — такого отождествления не подтверждают. Первое из них — известное Насаф, читай Нашаф, возможно, диалектальная форма, согд. *n'γšr., араб. графикой *نخشب* (современ. Карши); второе — *Кашаф, как можно думать, аналогичная диалектальная форма названия Кеша (современного Шахри-сябза) и сохранилось в названии речки Кашаф в верховьях Кашка-Дарьи (Йакут, V, 132; Н. И. Леонов, *Мавзолей X в....*, стр. 190; Г. Н. Пугаченкова, *Искусство зодчих Узбекистана...*, стр. 12.

стройки, при которых, как и позже, имелись постоянные дворы (ханы) со складскими помещениями и где велась также оптовая торговля, главным образом тканями, и тимы — крытые ряды. Образцом последних может служить в настоящее время ошский тим — старейший крытый рынок. Он стоит поблизости от неширокой речки Ок-бурак, протекающей через Ош в широкой и глубокой пойме. Это место почти до последнего времени считалось центром Оша, и здесь были сосредоточены городские базары.

По рассказам местного уроженца и старожила Тура-Нияза ходжа-Ниязогли Ниязова (68 л.), еще на его памяти (в конце XIX — начале XX в.) здесь через речку были перекинута два висячих моста (осма-купрюк) на расстоянии 800—900 м друг от друга. Тим стоял между этими мостами на главной городской улице, проходившей по правому берегу речки параллельно ее руслу, в 40—50 м от последнего, там же, где стоит и теперь. Это деревянное каркасное сооружение, нечто вроде надземного тоннеля длиной в 700—800 м, перекрывающее улицу и открытое с двух сторон. Внутри тима по обеим сторонам улицы тянулись, как и сейчас, лавки, которые он защищал от жаркого солнца летом и непогоды зимой. Раньше тим был покрыт камышом (бурьё), в настоящее время камышовая кровля заменена листовым железом.

Лавки в тиме располагались в определенной последовательности. Сначала шли лавки продавцов духов и лекарств (аттор) и сладостей (кандфуруш), глубже — продавцов тканей, одежды и тюбетеек (баззо), а за ними уже лавки слесарей (тамурчи), ювелиров (заргар) и ювелирных инструментов (пучоқчи), в которых сидели ремесленники. Лавки последних состояли из двух помещений — переднего, где ремесленник работал, выставлял и продавал свой товар, и заднего — пристройки для товарных запасов. Вокруг тима сосредоточивалась почти вся городская торговля, в особенности в базарные дни. Между тимом и речкой (от моста до моста) шла бойкая торговля чаем (чой-бозор), тюбетейками (душпи-бозор), одеждой (тон или джома-бозор). По другую сторону тима торговали зеленью — арбузами и дынями (кавун-бозор), изюмом (узум-бозор), овощами и фруктами. Ниже мостов и тима по обеим сторонам речки в базарные дни собиралось несколько базаров. На левом берегу, между ним и дорогой, торговали фура-

жом (утун, или алаф-бозор); по другую сторону дороги, между этим базаром и тимом, шла торговля лошадьми (қой-бозор) и скотом (мол-бозор). На правом берегу речки, ниже моста, шла торговля камышом и камышовыми поделками (бурьё-бозор). Около висячих мостов у воды были чайханы и ошханы, по две с каждой стороны моста, в базарные дни переполненные народом. Чайханы играли большую роль в базарной жизни, здесь люди встречались, заключали разные торговые сделки; тут же на базарных площадях стояли мечети и мадрасе.

Описание торгового центра старого Оша местным старожилом удивительно напоминает приведенное выше краткое описание самаркандских и других средневековых рынков географами и помогает лучше их себе представить. Именно так на берегу речек и каналов у воды, дающей свежесть и прохладу, шел древний торг. Такими должны были быть выгоревшие бухарские тимы саманидского времени.

К иному типу восходит бухарский тим с тремя выходами на одну и ту же улицу. Квадратный в плане, он состоит из центральной части (ядра) и восьмиугольного кругового обхода, на каждом углу которого поставлены купола (разной формы) на пилонах (разного сечения), служащие световыми фонарями. Между пилонами идут ниши, где сидят торговцы, причем каждый ряд закреплен за определенным видом ремесла, как и в ошском тиме.

Итак, в доисламских среднеазиатских городах имелись крупные для того времени рыночные комплексы с торговыми постройками, которые, несмотря на некоторую обособленность размещения, органически входили в состав города. Здесь же были базарные площади, пустовавшие от одного базарного дня до следующего, на которых в базарные дни шла бойкая торговля с пригородом и сельской округой разными товарами, на каждой — своим.

Об организации внутренней торговли мы почти ничего не знаем. На рынок в базарные дни продукты и товары доставлялись и продавались как самими их производителями — крестьянами и ремесленниками, зачастую тут же изготовлявшими их, так и скупщиками; роль последних была немалой. Из должностных лиц источники, насколько мне известно, упоминают только об одном, о даллале — посреднике. Так, по словам Табари, на балхском базаре

через даллала продавались рабы¹⁶¹. О продаже на балхском рынке арабами пленников (арабов же, а равно мавали и их детей) Табари рассказывает и в другом месте¹⁶². Надо полагать, что функции даллалов были достаточно широкими и примерно такими, как и позже, но о них для интересующего нас времени сведений нет¹⁶³. К вопросу об организации торговли мы вернемся ниже в связи с сельской торговлей и ярмарками.

Особенно бойко шла торговля в торгово-промышленных селениях, где жили в основном ремесленники, продукция которых поступала не только на местный рынок, но и за его пределы. Там стояли тимы, имелись свои базарные дни. Все это позволяет судить о том, что в Средней Азии основные черты среднеазиатского рынка успели сложиться весьма рано.

У городских ворот и на торговых дорогах стояли подворья — караван-сарай, или ханы, которые арабы называли зачастую так же, как и военные станции, рибатами¹⁶⁴. Такие подворья-гостиницы имелись при тимах, которые некоторыми, например Йакутом, отождествлялись с ними. Само слово *sarai* принадлежит к числу древнейших местных терминов и обозначало, да и сейчас еще означает, определенного типа постройки; вместе со словом *караван* оно стало обозначать подворье, значение, сохранив-

---

¹⁶¹ Табари, II, 1599 (119 г. х./737-38 г.) فعانى اسد مثل وجميع اهل بيتك الذى حلف ان لم يبع امراتك الدلال فى سوق بلخ
Такая же судьба — продажа в рабство — постигла, видимо, жену и семью марзбана Джурджана, после сдачи крепости которого сам марзбан был убит, а его жена и дети превращены в рабов [M. H. Zotenberg,], *Chronique de Tabari traduite sur la version persane d'Abou Ali Mohamad Bel'ami par M. H. Zotenberg*, Paris, vol. IV, 1874, p. 232).

¹⁶² Табари, II, (118 г. х./736 г.), стр. 1589.

¹⁶³ О значении термина см. Lane, *Arabic-english lexicon* London, vol. I, 1867, pt 3, p. 902. Даллал хорошо известен и в позднейшее время. Так, в Кокандском ханстве, как то установлено А. Л. Троицкой по архивным документам, даллалы были ведомственными должностными лицами. Этим посредникам по делам шел определенный процент от каждой заключаемой сделки и от продавца и от покупателя. Маклерские поступали в казну. Сбор маклерских обложений сдавался в откуп (اجرای دلالی). В таком случае даллал был уже лицом откупщика. В Кокандском ханстве существовал особый штат даллалов, во главе которых стоял даллалбаши, старший даллал.

¹⁶⁴ В. В. Бартольд, *Туркестан...*, стр. 169, 8.

пееся за ним до XX в. ¹⁶⁵. Согдийцы свои гостиницы называли 'srnc (>перс. sipanč «временный»). В этом значении согдийское слово зафиксировано в согдийских переводных текстах разного содержания и в старых письмах ¹⁶⁶. В VII — начале VIII в. две гостиницы ('srnc) в верховьях Зеравшана принадлежали Деваштичу; ими ведали его домоуправители. Эти же подворья-гостиницы являлись почтовыми станциями. О налаженности почтового сообщения в стране еще в IV в. можно судить по тем же старым письмам, письмам согдийцев из Турфана в Самарканд, жаловавшихся на то, что почтовое сообщение было непривычно нарушено в связи с беспокойной обстановкой в крае. Нарушено оно было и в самом Согде в бурное время арабских завоеваний. Об этом можно судить хотя бы из того, что арабам пришлось заботиться о поддержании подворий (ханов). Так, уже Омар II (717—720) постройку ханов вменил в число главных обязанностей своих наместников ¹⁶⁷. Рибаты (военные станции) были впервые учреждены Ашрасом, сыном Абдаллаха ас-Сулами (727—729) ¹⁶⁸. Часть ханов содержалась товариществом купцов (по городам), другие — сельскими общинами (n'β-). В Пайканде подворий сельских общин было столько же, сколько селений, иными словами, каждая бухарская деревня имела свое подворье у пайкандских ворот. К X в. у пайкандских ворот имелось около тысячи подворий. Столько же их было в Карминии ¹⁶⁹. В том же X в. подворья — караван-сарай (xāны), они же манзили, имелись во всех селениях. По словам Истахри и Ибн Хаука-

---

¹⁶⁵ В документах архива кокандских ханов караван-сарай обозначает подворье, где останавливались купцы и где они торговали своими товарами. Имелись специальные караван-сарай, как сарай хлопковых (сарай пахта), где останавливались купцы, торговавшие хлопком и ватой. Это были двухэтажные постройки с двором посередине и складскими помещениями в первом этаже; во втором этаже были комнатки (худжры), в которых жили приезжие. Здесь же шла торговля (оптовая).

¹⁶⁶ «Согдийские документы с горы Муг», вып. III, стр. 91 ср. в согдийско-христианском тексте (spncyrspnspunc 'rspn), в котором оно передает сирийское gabbayta «домоуправитель». См. ST, II, 42, 1; 43, 14; 40, 1. Об этимологии персидско-арабского сарай (< srβ'γ / s'γβ wγ).

¹⁶⁷ В. В. Бартольд, *Туркестан...*, стр. 246 (Табари, II, 1364).

¹⁶⁸ Там же, стр. 247 (Табари, II, 1504).

¹⁶⁹ В. В. Бартольд, *Туркестан...*, стр. 169.

ля, в Мавераннахре их было более 10 тыс.¹⁷⁰. Во многих из них предоставляли, когда это требовалось, корм животным, еду и постельное (джамэ) людям¹⁷¹. Истахри рассказывает, что ему пришлось видеть одно подворье в Согде, ворота которого были накрепко прибиты, и ему говорили, что ворота этого подворья не закрывались вот уже более 100 лет и что путнику никто не отказывал здесь в приюте. Подворье вмещало до 200 человек вместе с челядью, лошадьми и вьючным скотом¹⁷².

В Испиджабе, судя по их названию, подворья содержались товариществом купцов¹⁷³.

Нет сомнения, что подворья купеческих товариществ и других существовали еще в доисламское время: в источниках имеются косвенные данные, позволяющие говорить об этом с уверенностью. К этим данным в первую очередь относятся известия о больших съездах купцов на ярмарки, о которых речь пойдет ниже. Археологическое обследование Пайканда и его района (1939 и 1940 гг.) подтвердило известия письменных источников, открыв значительное количество подворий, относящихся к доисламскому времени. Сведения арабских географов об этих подворьях свидетельствуют об интенсивной торговле в крае.

Ярмарки	Торговля в сельских местностях, особенно
и сельские	но в торгово-промысловых селениях, шла
базары	так же бойко, как городская. Но она имела

свои особенности, одной из которых были специализированные ярмарки, другой — периодические сельские базары.

Трудно переоценить экономическое значение ярмарок, одной из древнейшей форм торговли в Средней Азии. Их роль была весьма велика, а для торговли со степью имела решающий характер. Ярмарки собирались при больших селениях и при городах, в том числе крупнейших.

Первые по времени сведения о среднеазиатских ярмарках принадлежат Сюань Цзану, по словам которого в Суябе (долина реки Чу) «ежегодно на большие ярмарки съезжа-

---

¹⁷⁰ BGA, II(2), 489.

¹⁷¹ BGA, I, 290.

¹⁷² BGA, I, 289; ср. персидский перевод Истахри (тегеранское изд.), стр. 228.

¹⁷³ BGA, II (2), 468. Такие караван-сарай существовали в Бухаре и в XIX в. Так, О. А. Сухарева упоминает о караван-сараях торговцев Хивы, живших в Бухаре (сарайи урганчжхо), см. О. А. Сухарева, *История городов...*, стр. 29.

лись купцы из всех стран», и там «они обсуждали свои торговые дела, продавали и покупали». Других известий о среднеазиатских ярмарках для более раннего времени у нас нет. Более поздние сведения дают уже мусульманские источники. Часть этих сведений относится к доисламским согдийским ярмаркам.

Об одной из таких ярмарок — бухарской — упоминается в «Истории Бухары». Рассказы о ней использовались неоднократно В. В. Бартольдом, А. Ю. Якубовским и др.¹⁷⁴. Бухарская ярмарка собиралась два раза в год и всегда в одном и том же месте. Торг продолжался каждый раз один день. Торговый оборот ярмарки составлял при Саманидах сумму 50 тыс. дирхемов. Бухарская ярмарка собиралась еще при жизни Наршахи, но обычай ее (расм) восходит к глубокой древности — к тому времени, когда жители Бухары поклонялись идолам (бутпараст буданд). Согласно Нишапури, чьи сведения приводит переводчик Наршахи Кубави, ярмарка собиралась на левом берегу рукава Зеравшана против города (шахристана). Берега реки в то время не были застроены, здесь росли деревья, в тени которых и происходил торг. На ярмарке продавались раскрашенные деревянные фигурки (бут «идол»). Эти фигурки (вотивные изображения?) поставляли на ярмарку ремесленники — резчики по дереву (друдгар) и художники (наккаш); они изготовляли их по приказу царя специально для этой ярмарки, куда сами доставляли их в ярмарочный день и где их сами же продавали. Население раскупало фигурки взамен тех, которые за год «портились или терялись». На базаре для поощрения торга присутствовал бухарский царь Мāх, восседавший на престоле на том месте, где впоследствии был выстроен храм огня, известный под тем же именем. Последний стоял до VIII в., когда был перестроен в мечеть, которая сохранила за собой древнее название храма и именовалась Масджиди Мāх, собственно Мечеть Луны (согд. m'y «луна») ¹⁷⁵. Ярмарка была известна как базари

---

¹⁷⁴ «История Бухары» (изд. Шефера), стр. 18—19; R. N. Frye, *The history of Buchārā...*, pp. 20—21, там же библиография. О ярмарке см. работы В. В. Бартольда, *Туркестан...*, стр. 158—159; *Места домусульманского культа в Бухаре*, стр. 61 и сл.; *Восточно-иранский вопрос*, — ИРАИМК, т. 2, 1922, стр. 381 и сл.

¹⁷⁵ См.: Ar. Christensen, *Die Mosche Mākh in Bukhārā*, — OLZ, 7(1904), S. 49—51.

Мах — базар Луны, т. е. под таким же названием, как храм огня и позднее мечеть¹⁷⁶. По мнению исследователей, в «Истории Бухары» речь идет о древнем храме, связанном с культом Луны, и о современном ему базаре¹⁷⁷. В списках «Истории Бухары» наряду с приведенным всем известным названием ярмарки базар Маха встречается его вариант базар Махруз, или базар Махруч, соответствующие согдийскому *m'ū rws* «День, (посвященный божеству) Луны», каковым был, как известно, 12-й день согдийского календарного месяца¹⁷⁸. Название базар Мах, очевидно, является позднейшей и неполной формой первоначального базар Махруч, «Базар дня, посвященного Луне». Судя по этому последнему, знаменитая в свое время ярмарка, на которой шел торг вотивными(?) фигурками, должна была собираться каждый раз на 12-й день месяца, какого неизвестно. Как сообщает Наршахи, ярмарка собиралась два раза в год, а следовательно, и праздник, посвященный Луне, должен был праздноваться дважды в году.

Бируни отводит особые разделы согдийским праздникам и приуроченным к ним ярмаркам. Он единственный из авторов, который отмечает прямую связь последних с первыми. Уже одно это обстоятельство указывает на наличие ярмарок, как обособленной и древнейшей формы внутренней торговли. Ярмарки, по словам Бируни, были приурочены к местным храмовым праздникам, именуемым *aḡām* (согд. *'γ'm*, ар. *آغام*)¹⁷⁹. Два таких праздника,

---

¹⁷⁶ В. В. Бартольд, *Туркестан...*, стр. 159; О. А. Сухарева, *К истории городов...*, стр. 18—20.

¹⁷⁷ В. В. Бартольд, *Места домусульманского культа в Бухаре*, стр. 61. Ср. также у А. А. Беленицкого, *Вопросы идеологии и культуры Согда по материалам пенджикентских храмов*, — сб. «Живопись древнего Пенджикента», М., 1954, стр. 61. На чем основывается А. М. Беленицкий, утверждая, что в названии бухарских ворот Мухра следует видеть имя «солнечного божества Михра (Митра), святилище которого, по всей вероятности, находилось в данном месте», остается неясным.

¹⁷⁸ Согдийское название 12-го дня *m'ū rws* засвидетельствовано в мугском документе А 12 (столб. 1), см.: «Согдийские документы с горы Муг», вып. 1, стр. 48 (док. А 12, столб. 6). Ср. *m'ū jmnw* «Monday», I. Gershevitch, *A grammar...*, § 63 п 512.

¹⁷⁹ [R. Wright], *The book of instruction in the elements of the Astrology*, ed. by Ramsay Wright, London, 1934, p. 184. Список согдийских праздников приведен у Бируни также в его «Хронологии» («Chronologie Orientalischer Völker von Albiruni», hrsg. von E. Sachau, Leipzig, 1876—1878, S. 233—235) с указанием тех из них, в

по его словам, назывались один «Махизач I», другой — «Махизач II». Первый из них приходился на 13-й день месяца нисан или нисанич (согд. nysnyс)¹⁸⁰, второй — на 13-й же день месяца писак (согд. βsk'nyс I)¹⁸¹. В эти дни собирались ярмарки, но где, на этот раз Бируни не говорит. На них продавались (сбывались) «краденые вещи» (!), согласно существующим толкованиям текста Бируни; условия при этом были таковы, что после заключения сделки возвращать купленную вещь или требовать назад проданную никто не имел права. Согласно «Хронологии» Бируни, Мāхйзач I и Мāхйзач II праздновались не 13-го, а 12-го числа соответствующего месяца¹⁸², и можно думать, ярмарки, связанные с ними, открывались не в день праздника, а на следующий — 13-го числа. Арабская передача названия согдийского праздника Махизач (*m'yuzc), вероятно, вариант согдийского m'yuzm или m'yuzm, дословно значившего «время, (посвященное) Луне»¹⁸³; оба праздника, о которых говорит Бируни, были связаны с местным культом Луны.

Бухарская ярмарка, упоминаемая в «Истории Бухары», собиралась также два раза в год и была приурочена к одному из местных празднеств, посвященному божеству Луны. Вероятнее всего, этими праздниками были упомянутые Махизач I и Махизач II, посвященные божеству Луны, о которых говорит Бируни. Правда, по словам последнего, ярмарки, связанные с этими двумя праздниками, собирались на 13-й день месяца, а не на 12-й. Но, поскольку такие ярмарки открывались, по свидетельству источников, на следующий день после соответствующего праздника, можно полагать, что и ярмаркам в Бухаре предшествовал торг

Связи с которыми собирались ярмарки и когда и где последние собирались; ср. переводы М. Салье (Абурейхан Бируни (973—1048) *Избранные произведения*, Ташкент, т. 1, 1957, стр. 252—255) и А. Э. Шмидта, *Материалы по истории Средней Азии и Ирана*, — Уз ИВАН, т. XVI, 1958, стр. 490—493).

¹⁸⁰ Третий месяц согдийского календаря. «Chronologie...», р. 234.

¹⁸¹ Четвертый месяц согдийского календаря.

¹⁸² «Chronologie...», р. 234.

¹⁸³ Для арабского **ماخيزج** в связи с особенностями графики арабского шрифта соблазнительно предложить конъектуру **ماخيزمنج** или **ماخيزمازج**, восстановив слог **ما** упущенный переписчиками: **ماخيز[ما]نج**.

вотивными фигурками, имевший место в самый день праздника, т. е. 12-го числа месяца. Возможно и другое. В «Истории Бухары» ничего не говорится о том, что на базаре Мах или Махруч продавались одни только вотивные фигурки, изготовляемые к этому дню ремесленниками, и на той же ярмарке мог одновременно идти торг другими предметами. В таком случае храм должен был именоваться Мах, тогда как ярмарка — Махруч, по названию дня, в который она собиралась; само же празднество имело место на 12-й день месяца, что соответствует приведенным выше сведениям Бируни. Распродажа «краденых вещей» происходила на следующий день: первый раз 13-го числа третьего месяца согдийского календаря, второй — 13-го же числа четвертого месяца того же календаря.

По словам Буруни, такие же ярмарки, как на Мāхйзач I и на Мāхйзач II, открывались: одна 15-го числа месяца мажаханда (согдийское m'zuyntyc или RBKūntyc «большой yntyc») ¹⁸⁴ в Тавависе и длилась семь дней, другая — в середине месяца масафуг (согд. msβwūyc «большой βwūyc») ¹⁸⁵ в Шарге и длилась десять дней. Автор говорит, что ярмарки в указанных селениях были такие же, как те, которые собирались на Махизач I и Махизач II, и, следовательно, на этих ярмарках должны были также торговать «крадеными вещами», — торговля попросту невероятная. Об этих последних ярмарках Бируни рассказывает в своей «Хронологии»; его сведения совпадают с приведенными им же в другом своем сочинении, в «Тафхиме». По его словам, на третье число месяца мажаханда (т. е. того же большого yntyc-a) приходился праздник кашумин, во время которого открывалась ярмарка в селении Кумиджкат, а 15-го числа того же месяца открывалась другая ярмарка — тавависская, куда съезжались торговцы «из всех стран света». Ярмарка в Тавависе длилась семь дней. В месяце масафуг (большой βwūyc) у согдийцев был праздник, длившийся по 15-е число того же месяца. В этот же день мусульмане открывали ярмарку на семь дней в селении Шарг ¹⁸⁶.

¹⁸⁴ Шестой месяц согдийского календаря. Пятнадцатый день согдийского календаря носит то же название, что и восьмой, — tsrwc.

¹⁸⁵ Десятый месяц согдийского календаря.

¹⁸⁶ А. Э. Шмидт, *Материалы по истории Средней Азии и Ирана*, стр. 492—493. «Chronologie...», S. 234.

Бируни отмечает, что Тававис и Шарг славились своими ежегодными ярмарками¹⁸⁷. Ярмарка в Шарге собиралась также в древности. В «Истории Бухары» имеются сведения Нишапури об ежегодной ярмарке в Тавависе. По словам последнего, Тававис, бывший Арүүд, считался одним из древнейших бухарских селений. Селение лежало на границе с Согдом. Ярмарка имела место еще в древности (т. е. до ислама)¹⁸⁸. Она собиралась ежегодно зимой в месяц тир и продолжалась десять дней¹⁸⁹, тогда как, по словам Бируни, она длилась всего семь дней. На ярмарку приезжали из Ферганы, Чача и других мест и возвращались с большой прибылью. На тавависской ярмарке, по словам Нишапури, торговали бракованными (с изъянами) остатками (ахирийани ма'й'уб) тканей и других текстильных товаров. Причем, согласно обычаю (расм), купленный на этой ярмарке товар не подлежал возврату и условные сделки не допускались¹⁹⁰.

Рассказ Нишапури о ярмарке в Тавависе по сути дела повторяет сведения Бируни (или наоборот), с той разницей, что, согласно Бируни, на тавависской ярмарке и на других таких же шел торг не выбракованными изделиями ткацкого производства, а «краденными вещами» (масрӯкāt). В остальном текст обоих источников почти тождествен. В этой связи было естественным предположить, что текст, принадлежащий Бируни, как и в ряде других аналогичных случаев, неправильно понимается или требует конъектуры. И действительно, если мы снимем одну точку над қāф-ом в слове *مسروقات* и будем его читать *مسروقات*, то получим вариант текста, который почти дословно совпадает с соответствующим местом у Нишапури. Арабское *مسروقات* (мн. ч. от единственного *مسروفة*) означает «что-либо источенное червем» (*سرفة*)¹⁹¹, собственно «тра-

¹⁸⁷ Хронология (изд. Тоғана), pp. 234, 546 и 547.

¹⁸⁸ В. В. Бартольд, *Туркестан...*, стр. 149; А. Ю. Якубовский, *Зеравшанская экспедиция 1934 г.*, — ТОВЭ, т. II, стр. 125.

¹⁸⁹ Месяц тир — четвертый месяц иранского солнечного календарного года (22 июня — 22 июля), входящий в летнее время (см. R. N. Frye, *The history of Buchārā...*, p. 113, n. 58).

¹⁹⁰ «История Бухары» (изд. Шефера), стр. 11; R. N. Frye, *The history of Buchārā...*, p. 11.

¹⁹¹ См. Lane, *Arabic-english lexicon*, vol. I, 1866, pt 2, p. 1352. В словаре приводится следующее значение *مسروفة* «a tree of which the leaves have been eaten by the *سرفة*».

ченное молью». В таком случае речь у Бируни пойдет о «тканях, источенных червем» (مسروقة), т. е. о тех же испорченных товарах — тканях с изъяном, о которых говорит Нишапури, называя их «порченными остатками». Если согласиться с таким исправлением текста, из слов Бируни (ведь он говорит о тканях مسروقات «источенных червем») последует, что на ярмарках в Тавависе и Бухаре торговали остатками шелковых и шерстяных, а не хлопчатобумажных тканей. Тогда непонятная фраза арабского текста تقاع فيها المسروقات و يستعمل فيها التخاليت و لا يكون فيها رجوع проясняется — она означает то же,¹ что в переводе арабского текста на персидский язык: همه بدن . . . معيوب بودی . . . بازار فروختندی و باز رد کردن امکان و سامان نبودى

II Бируни и Нишапури оба говорят о том, что на этих ярмарках распродавались залежавшиеся и заведомо испорченные ткани и другие текстильные товары.

Согласно Бируни и Нишапури, такая распродажа имела место в Тавависе; по словам Бируни, аналогичная распродажа происходила также в Шарге и, кроме того, два раза в год в третьем месте — на бухарской ярмарке; последнее остается пока лишь предположением.

Как бы то ни было, но сам факт распродажи на согдийских ярмарках бракованных изделий ткацкого производства не подлежит сомнению. Трудно, конечно, себе представить, чтобы на ярмарки свозились одни только залежавшиеся и испорченные вещи. На них шла торговля разными ткацкими изделиями, и, поскольку речь идет о ярмарках, надо думать, главным образом торговля оптовая; к концу ярмарки оставшиеся и залежавшиеся товары распродавались населению по дешевым ценам. Как явление необычное, такая распродажа должна была привлекать к себе внимание. Даже простое установление этого факта имеет немалое значение. Каким же огромным был запас тканей, свозившихся на ярмарки, если такие распродажи установились по обычаю. Это может свидетельствовать о высоком уровне организации торговли в крае; в то же время такие распродажи могли являться пережитками архаического торга. Известия Бируни и Нишапури интересны и с другой стороны. Из них следует, во-первых, что

П. А. Грязневич любезно помог мне подыскать нужное арабское слово для данной конъектуры текста.

в местной торговле практиковались сделки, носившие условный характер, при которых можно было вернуть купленную или потребовать обратно проданную вещь. Такие условные сделки, согласно нашим текстам, при распродаже бракованных изделий не допускались обычным правом (араб.- перс. *расм*, согд. *szwn rdk'*). Эта последняя оговорка наших источников важна, из нее видно, что в торговых тяжбах решения принимались в соответствии с обычным правом, а не по закону, — положение, характерное и для Ирана соответствующего времени ¹⁹².

Ярмарка в Шарге, имевшая, по словам Нишапури, место в древности ежегодно зимой и продолжавшаяся 10 дней, по рассказам Бируни, собиралась в мусульманское время в середине 10-го месяца согдийского календаря, причем торг шел только 7 дней. При Саманидах ярмарки в Шарге уже не было, и географы о ней не упоминают. Вместо ярмарки в Шарге бывал еженедельный базар. Наршахи говорит, что в его время на базаре в Шарге закупался на вывоз лес, овчины, мерлушка, рыба (свежая и соленая) и сласти ¹⁹³.

Тававис славился своими ярмарками и позже. По Истахри и Ибн Хаукалю, в Тавависе были рынки; кроме того, в определенное время года там собиралась большая ярмарка (маджма'), на которую съезжались купцы, в том числе хорасанские, закупали хлопчатобумажные ткани и в большом количестве вывозили их в Ирак ¹⁹⁴. Ежегодную ярмарку в Тавависе упоминает также Мукаддаси ¹⁹⁵. О ней же рассказывает анонимный географ X в., по словам которого, эта ярмарка длилась уже только один день, но народу на нее съезжалось по-прежнему много ¹⁹⁶. Тававис и Шарг еще в домусульманское время были, как и позже, торгово-промышленными селениями.

К числу специфицированных — частных ярмарок, обычай которых сложился в домусульманское время, относилась ярмарка в Навчкате в Испиджабе, о которой рассказывает Мукаддаси, собиравшаяся регулярно каждые

¹⁹² Ср. Н. В. Пигулевская, *Города Ирана...*, стр. 253.

¹⁹³ «История Бухары» (изд. Шефера), стр. 13.

¹⁹⁴ BGA, I, стр. 313; Ибн Хаукаль повторяет этот текст почти слово в слово (BGA, II, 1936, стр. 489).

¹⁹⁵ BGA, III, 281.

¹⁹⁶ Рукопись Туманского, л. 22^б.

три месяца (т. е. четыре раза в год), на четвертый день соответствующего месяца. Четвертым днем согдийского календаря был *'ūšywt gwc*¹⁹⁷. На ярмарке распродавалось мясо покалеченных животных по дирхему за ман. Вероятнее всего, как это имело место и позже, кочевники в течение двух-трех месяцев, протекавших между ярмарками, собирали лошадей, скот, а затем пригоняли их для продажи на ярмарку. В конце ярмарки не нашедший сбыта покалеченный и выбракованный скот забивали, а мясо распродавали местному населению. Возможно и другое: кочевники специально собирали и пригоняли на ярмарку в Навчкат покалеченную скотину, которую здесь же забивали, а мясо ее распродавали по дешевым ценам. При огромном количестве скота у кочевников последнее вполне допустимо. Там же, вероятно, сбывало свой покалеченный скот местное население.

Ничего удивительного нет, что такие ярмарки бывали в Навчкате. Испиджабский Навчкат, лежавший на границе со степью, так же как в свое время Отрар на Сыр-Дарье, являлся одним из центров торговли с кочевниками. Как и последний, Навчкат лежал на торговых путях, соединявших кочевую степь с богатыми земледельческими районами Согда¹⁹⁸. Таким же центром, во всяком случае в первой четверти VII в., были города Суяб (на реке Чу) и Тараз, о которых говорилось выше. В X в. в Савран, пограничный с владениями гузов и кимаков город, приезжали торговать гузы¹⁹⁹. Большая ярмарка, пользовавшаяся широкой известностью в X в., собиралась в начале каждого года, в каком месяце неизвестно, в горном рустаке Усрушаны Марсманда. Ибн Хаукаль рассказывает, что на эту ярмарку приезжали из отдаленных мест. Об оживленных рынках в той же Марсманда упоминает Мукаддаси²⁰⁰, но об ярмарке ничего не говорит. Об ярмарке в Мар-

¹⁹⁷ Четвертый день согдийского календаря был посвящен иранскому божеству «лучшему царству» (А. А. Фрейман, *Датированные согдийские документы с горы Муг в Таджикистане*, — ТИВАН, т. XVII, стр. 145). В списке согдийских праздников, приведенном у Бируни, какого-либо праздника, к которому могли бы быть приурочены эти ярмарки, нет.

¹⁹⁸ Краткую сводку известий об Отраре см.: С. Г. Кляшторный, *Кангуйская этно-топонимика в орхонских текстах*, — СЭ, 1951, № 3, стр. 58.

¹⁹⁹ В. В. Бартольд, *Туркестан...*, стр. 234.

²⁰⁰ ВГА, II, 2, стр. 507; ВГА, III, стр. 278.

сманда говорит анонимный автор X в., по словам которого последняя длилась в его время всего один день (как и ярмарка в Тавависе), а торговый оборот ее составлял более 100 тыс. динаров ²⁰¹. Собиралась ли эта ярмарка в доисламское время, мы не знаем. Вероятно!

Таковы вкратце наши сведения о среднеазиатских ярмарках.

Кроме ярмарок во многих селениях собирались, как и в городах, периодические сельские базары местного значения. О них рассказывают Истахри и Бируни. Последний заканчивает раздел о согдийских праздниках (агамах) и приуроченных к ним ярмарках следующими словами: «Согдийцы устраивают торжища в деревнях в дни, имеющие в каждом месяце одно и то же название. Это делается в селениях Бухары и Согда» ²⁰². Такими «одноименными» днями были восьмой, пятнадцатый и двадцать третий день месяца, т. е. первые дни второй, третьей и четвертой недели согдийского календарного месяца, которые были посвящены верховному божеству Ормузду, как творцу (авест. Dađušō), и соответственно назывались датас-роч (δts rwč) «день творца». Тому же верховному божеству был посвящен первый день каждого согдийского месяца, т. е. первый день первой недели его, носивший название ахурмазт-роч (ʿywrmtz rwč) «день Ормузда». По словам Истахри, во всех бухарских селениях, находившихся внутри районной стены и вне ее, имели место базары, на которых торговали тканями, рабами, мелким скотом и разными произведениями ремесла. В мусульманское время такие базары имелись уже почти во всех селениях края. Так, в Искичке, лежавшем против селения Шарг на другом берегу канала Самчан, при арабах бывал еженедельный базар по пятницам. При Саманидах пятничного базара в Искичке уже не бывало; зато он был в Шарге вместо ярмарки, обслуживавшей как сам Шарг, так и Искичку и окрестные селения. Еженедельный базар по пятницам бывал и в селении Зандана ²⁰³. Базары в Зандана были и в древности. Так, же, как Тававис и Шарг, оба селе-

---

²⁰¹ Рукопись Туманского, л. 23а.

²⁰² Перевод М. А. Салье, цит. по: Абурейхан Бируни (973—1048), Избранные произведения, т. I, стр. 255.

²⁰³ «История Бухары» (пзд. Шефера), стр. 12; R. N. Frye, *The history of Buchārā...*, p. 13. Географы, кроме Истахри (BGA, I, 312), названия этого селения не упоминают.

ния — Искичкат и Зандана — были торгово-промысловыми селениями. Еженедельные базары бывали в селениях Вардана и Афшана Бухарского оазиса (дни неизвестны)²⁰⁴. Базары в Искичкате, Зандана, Вардана и Афшана относятся к числу тех, которые, по словам Бируни, периодически собирались у согдийцев и бухарцев в определенные дни месяцев. Зандана славилась хлопчатобумажными тканями.

Сельские базары в противоположность ярмаркам обслуживали главным образом нужды своей округи (сельской)²⁰⁵. Наши скудные сведения все же позволяют указать на их сходство с так называемыми переходящими базарами, имевшими место еще в начале XX в. в Средней Азии. Последние образовывали базарные своеобразные недельные циклы, охватывающие селения отдельного района, в частности Касанского. Базарными были селения, которые являлись центром сельской округи, они имели свои определенные базарные дни. Туда в эти дни съезжалось и сходилось окрестное население для продажи своей продукции и закупки всего необходимого. Промежутки между базарными днями в разных селениях устанавливались так, чтобы торговцы, обычно одни и те же, успевали к базарному дню переехать со своими товарами из одного селения в другое²⁰⁶. Такие же базарные циклы существовали и в древности, о чем можно судить по косвенным данным источников и по аналогии. Каков был временной цикл базаров у согдийцев, мы еще сказать не

---

²⁰⁴ В XII в. в бухарском селении Гидждуван бывал еженедельно однодневный базар, на котором собирались для торга люди селений (см. В. В. Бартольд, *Туркестан...*, стр. 171).

²⁰⁵ Остатки районного базара, правда позднего, обслуживавшего несколько селений, сохранились в долине Сарытага (верховья Зеравшана). Место, на котором бывал когда-то базар, сейчас называется Бозорджо (место базара); это обширная сравнительно ровная площадка на берегу ручья, усеянная черепками. И надо думать, что постоянно открываемые археологами участки, сплошь покрытые черепками около остатков поселений, как и Бозорджо, в древности были местами ярмарок и базаров.

²⁰⁶ См. М. А. Андреев, *Поездка летом 1928 г. в Касанский район (север Ферганы)*, — «Известия Общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами», т. I, 1928, стр. 127. К статье приложена любопытная схема движения базаров Касано-Наманганского района, на которой помечены кишлаки и их базарные дни. Вероятно, названия селений по дням недели, такие, например, как Душанбе и др., обязаны своим происхождением обычаю недельных базарных циклов.

можем; вероятно, такой же, как и в IX—X вв., т. е. недельный²⁰⁷. В источниках упоминаются также базары, устраивавшиеся каждые пятнадцать дней. При такой организации торговли (цикловой) торговцы, обслуживающие базары, переезжали из селения в селение. В таком случае они должны были, как и позже, выступать в роли скупщиков, снимая лишь на время рыночные лавки, пустовавшие от базара до базара. Косвенным подтверждением этому являются рассказы путешественников, по словам которых согдийские торговцы разъезжали по стране.

Попутно упомянем о базарах-аукционах, в частности собиравшихся в военных лагерях; бывали они и у тюрок. На таких лагерных базарах продавалось все необходимое для войска, в том числе и оружие, сбывалась (продавалась или обменивалась) награбленная в походе военная добыча. О таких базарах в лагере Рутбиля Систанского упоминает Табари под 80 г. х. (699/700)²⁰⁸. На таком же базаре происходила распродажа оружия после взятия Пайканда, о которой сообщают Табари и Балами, и т. д.

Итак, характерной чертой домусульманского города было наличие у его стен местного торгового рынка (рыночной площади), на котором возводились торговые помещения (гостиницы, дворы). В этих городах шла торговля не только с местным населением, но и с иноземными купцами. Известно, что возраставшие потребности города постепенно приводили к расширению городской торговли, появлению новых рынков — процесс, характерный для периода последовавшего за арабским завоеванием Средней Азии.

Чем больше были интервалы между ярмарками, тем шире был диапазон их торговли и значительней торговые обороты. На них заключались также сложнейшие торговые сделки. Естественно, что условия для возникновения крупных экономических узлов, какими являлись ярмарки, сложились прежде всего в районах производящих и были связаны с находившимися в эксплуатации торговыми пу-

---

²⁰⁷ Как известно, у согдийцев месяц делился на четыре части (четыре недели), первые дни каждой из которых (первый, восьмой, пятнадцатый и двадцать третий) были посвящены верховному бо- жеству Ормузду.

²⁰⁸ Табари, II, 1045 (80 г.х.)

тями и кочевой степью. Основные места обмена с кочевниками установились в пограничных со степью районах, куда тюрки приезжали, пригоняли свой скот и привозили свои изделия; туда же прибывали согдийские и другие купцы и, судя по аналогии, согдийские чиновники для закупки и обмена. Так же обстояло дело в районах, пограничных с Китаем, где в установленных местах встречались для совершения обмена тюрки и китайские чиновники; после обмена оставшиеся товары тюрки могли сбывать частным лицам — населению.

Теснейшие экономические связи кочевого мира с оседлым выразились и в том, что не только согдийцы, но и тюрки-кочевники к этому времени уже пользовались деньгами и были втянуты в денежную торговлю.

К сожалению, сведений о предметах торговли доисламского периода у нас мало. Мы можем о них судить в основном по археологическим материалам (вещевые находки). Некоторые данные имеются в китайских источниках (значительная часть которых до сих пор недоступна для некитаиста), в частности в династийных хрониках, содержащих сведения о торговых караванах-посольствах.

Основными объектами торговли в Согде были, во-первых, разные сорта хлопчатобумажных и шерстяных тканей, шелка и другие ткацкие изделия, затем кожи, среди которых особое место занимала шагрень, скорняжные и гончарные изделия, всевозможные поделки из дерева, металла и кости; большую роль играла торговля рабами, лошадьми и крупным и мелким скотом, т. е. почти теми же товарами, которые были характерны для IX—X вв.²⁰⁹, причем торговля рабами занимала чуть ли не первое место, что до сих пор не отмечалось. Из Кана (Самарканда) вывозились золото, нашатырь, разные благовония, белый жемчуг, замша, ковры, шерстяные ткани, камка, полотно²¹⁰. О камке (согдийское в арабской графике — кимхāv) упоминают арабские авторы: Ибн Хордадбех называет эту ткань шелковой²¹¹, Саалиби говорит о ней как о ткани

²⁰⁹ Перечень товаров, вывозимых из разных мест Мавераннахра, см.: В. В. Бартольд, *Туркестан...*, стр. 294—295.

²¹⁰ Н. Я. Бичурин (Иакниф), *Собрание сведений...*, т. II, стр. 272; Abel-Rémusat, *Nouveaux mélanges...*, t. I, pp. 228—229. |

²¹¹ BGA, VI, 70.

китайской ²¹². Среди образцов обиходных тканей мугской коллекции имеются шелковые одноцветные крашенные ткани полотняного переплетения и узорчатые ткани типа камки (кимх̄ав) киперного переплетения, которые нам дают представление о шелковых согдийских тканях, их выработке и узорах ²¹³. Самой распространенной хлопчатобумажной тканью в Средней Азии, в частности в Согде, был, как и теперь, кирбас (из санскр. *kaṅraśa*, ср. арм. *kegras*, греч. *χαλκράσας*), современный карбас — хлопчатобумажное полотно, которое китайцы называли ку-бей. Как и современный карбас, согдийский кирбас был, по словам тех же китайских авторов, грубой простой тканью ²¹⁴. Именно таковы образцы некрашенных хлопчатобумажных тканей полотняного переплетения, найденные на горе Муг. Кроме кирбаса (карбаса) в Согде ткалась особая хлопчатобумажная ткань, которую китайцы называли бо-де «бумажная парча». Хлопчатобумажная парча в значительной мере шла на внешний рынок, где, во всяком случае в IX в., она с успехом конкурировала и даже вытеснила на какое-то время шелковую парчу. Ткалась также полушелковая ткань с хлопчатобумажной основой и шелковым утком ²¹⁵. Хлопчатобумажные ткани карбас были наиболее употребительные в быту, с чем отчасти связано то обстоятельство, что, судя по известиям источников, они производились во многих промысловых селениях Согда, жители которых специализировались по их изготовлению. Производством отличного карбаса славилось бухарское селение Зандана. Этот карбас стал известен на рынках Согда и за его пределами под названием занданачи «занданский». Белые полотняные одежды носили цари Согда, что также говорит о высоком качестве хлопчатобумажных тканей. Хой-чао рассказывает, что народ носил шерстяные и меховые одежды, знать же — шелк и хлопчатобумажные ткани. О кожах, выработывающихся в Согде, мы знаем

²¹² Саалиби, 123.

²¹³ В согдийских текстах встречаются названия шелковых тканей *суп* «шелк (белый)» и *р'унок* «дама» четырех цветов — темносиняя (*кр'wtk*), голубая (*sm'n'wп*), белая (*spуty*) и зеленая (*zr'wпk*). Шелк *суп* служил также для письма, вероятно для указов.

²¹⁴ В. Laufer, *Sino-Iranica*, Chicago, 1919, pp. 490—492.

²¹⁵ Мугская коллекция, инв. № СА 8934, 8951а, 8951б, см. М. П. Винокурова, *Ткани из замка на горе Муг*, стр. 329, табл. 1а:

мало. В мугских хозяйственных документах называются чаще всего овчины (pwst) и мерлушка (waryak), упоминаются бычьи кожи (yawcarm), ослиные (xagacarm) и архара (nřyr), кожи крашеные (rankcarm). Вывозились главным образом шагрень, согдийское кимухт, последняя, видимо, особенно ценилась, так как она поставлялась в качестве дани, в том числе и по мирным договорам с арабами. Из Арбинджана на рынок шли кошмы. Фергана и Тохаристан производили цветное стекло: Фергана в 675 г. отправила в числе дани Китаю зеленое стекло, Тохаристан в 660 г. — красное и изумрудное ²¹⁶.

Местные товары вывозили из Маймарга, Кеша, Иштихана, Кушанин, Мерва, Бухары ²¹⁷.

Интересные сведения об основной продукции края дают мусульманские источники, и прежде всего Самаркандский договор с арабами 712 г. ²¹⁸. Самаркандский договор обязывал согдийцев ежегодно поставлять арабам в счет джизии рабов, ткани дига, шелк харир, золото и серебро. Цены, указанные в договоре, следующие: ткань дига, на большой комплект (сауб ул-кибар) — 100 драхм, на малый (сауб ус-сиар) — 60 драхм; отрез шелка (шикка) — 80 драхм; раб (молодой) — 200 драхм; золото, мискаль — 20 драхм; серебро (драхма) — 1 драхма. Поскольку речь в договоре о массовых поставках, то и цены в нем приведены из расчета средних. Так, по данным Табари, отрез шелка в 743 г. стоил 25 драхм. О том, что арабы при оценке товаров учитывали местные цены, мы узнаем от того же Табари. По словам последнего, арабский наместник Мухаллеб заключил в 61 г.х. (680—681) мир с Мервом с условием, что возьмет дань с него товарами, исходя из половины их стоимости ²¹⁹. Очевидно, речь идет о местных товарах.

---

²¹⁶ Н. Я. Бичурин (Иакинф), *Собрание сведений...*, II, стр. 321—322; Ed. Chavannes, *Notes additionnelles sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux*, — «Tong Pao», vol. V, Leiden, 1904; p. 21, n. 2; Abel-Rémusat, *Nouveaux melanges...*, I, 227.

²¹⁷ Н. Я. Бичурин (Иакинф), *Собрание сведений...*, стр. 272—275 и 311—316; Ed. Chavannes, *Documents...*, pp. 136 et suiv.

²¹⁸ Текст (арабский и персидский) договора и его перевод см.: О. И. Смирнова, *К истории Самаркандского договора 712 года*, — КСИВАН, т. XXXVIII, 1960, стр. 70—74.

²¹⁹ Табари, II, 394: «И было обусловлено мирным договором, что он возьмет с них товарами ('арузан), и будет брать раба (арра'с) за половину его стоимости, и коня (даба) за половину его

Как на базарах, так и на ярмарках, несмотря на то что деньги были в большом ходу, все же, как и в более позднее время, широко практиковалась меновая торговля. Особенно в сельских местностях и при торговле с кочевниками. Однако последние, как об этом сказано выше, имели бронзовую монету и были втянуты в денежную торговлю. Интересны сведения некоторых источников о восточных тюрках, их торгово-меновых сношениях с Китаем и объектах обмена, к которым относились: кони, овцы, верблюды, крупный рогатый скот и их собственные изделия — особые ткани, рыбий клей, изделия из хотанской яшмы, чаши «с семью» драгоценными камнями, а также оленья. Основным объектом обмена были кони, за которых Китай расплачивался шелком²²⁰. Единицей стоимости был отрез шелка (р'и). В 607 г. за три тысячи коней было «заплачено» 13 тыс. отрезов шелка, следовательно, конь «стоил» $\frac{4}{3}$ с половиной отреза. В 763—779 гг. уйгуры поставляли китайцам ежегодно 100 тыс. коней в обмен на более чем миллион отрезов шелка, и стоимость коня равнялась стоимости 10 отрезов. А в конце того же VII — начале VIII в. за одного коня «платили» 50 отрезов²²¹. В этой связи интересны данные Табари и мугских документов. По словам Табари, кочевники расплачивались с согдийскими наемными войсками не деньгами, а отрезами шелка, причем наемный воин (речь идет о войске Курсула) получал в качестве платы за месяц один отрез шелка стоимостью 25 драхм (по другим известиям — стоимостью 20 драхм)²²². В док. А 5 из Мугского собрания указана цена коня в 200 драхм. Если исходить из стоимости шелка, указанной Табари: один отрез — 20 драхм, то цена одного коня равнялась стоимости 10 отрезов шелка, и это была та цена, по которой уйгуры поставляли в третьей четверти VII в. коней Китаю²²³. Любопытно, что, судя по этим данным, шелк являлся единицей стоимости у тюрков при сношениях как с согдийцами, так и с Китаем. А сам Китай выступает как

стоимости, и шагренъ за половину ее стоимости (кимухт). И дошла стоимость всего того, что он взял, до пятидесяти тысяч тысяч.

²²⁰ Liu Mau-tsai, *Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'u-küe)*, Wiesbaden, t. II, 1958, S. 452—456.

²²¹ Ibid.

²²² Табарн, II, 1689.

²²³ Таким образом, стоимость коня во второй половине VII в. по сравнению с началом VII в. возросла примерно в два раза.

поставщик шелка тюркам. В Согде, судя по ценам, указанным в Самаркандском договоре, средняя цена отреза шелка была 28 драхм.

Список цен, встречающихся в мугских документах и мусульманских источниках, приведен в разделе о деньгах.

Денежное хозяйство

Что же представляло денежное хозяйство Согда в это время? Торговля в Согде велась уже главным образом на деньги, единицей стоимости была серебряная драхма. Во внутренней торговле господствовала бронзовая монета, разменная, выпускавшаяся в большом количестве, о чем свидетельствуют многочисленные находки бронзовых монет на городищах и на малых тепа. Последнее говорит о том, что бронзовой монетой уже пользовались повсеместно не только в городах, но и в сельских местностях. В денежную торговлю были отчасти втянуты и тюрки, выпускавшие бронзовую монету по образцу согдийских и китайских. Среднеазиатских золотых монет этого времени пока неизвестно. Во время археологических работ таковые не обнаружены. Ни в одном из мугских документов о золотых монетах речи не идет, тогда как в тех же документах встречаются названия серебряных и бронзовых денег.

Контрибуции арабам, а позднее и дань рассчитывались и устанавливались в среднеазиатских владениях, прежде всего в Бухаре и Самарканде, в дирхемах и выплачивались местными драхмами, что также говорит о том, что золотые монеты в стране не чеканились, а если и чеканились, то на внутренний рынок не поступали²²⁴. Золотые монеты (динары) во внутренней торговле не употреблялись и позже, хотя и чеканились. Наравне с денежной торговлей в Согде практиковалась и меновая. Основными меновыми единицами были пшеница и ткани — карбас (хлоп-

²²⁴ Упоминание о золотой монете в Средней Азии имеется у китайских авторов, которые рассказывают о новогодних празднествах и устраивавшихся по их поводу состязаниях в стрельбе из лука, во время которых мишенью служила золотая монета. О какой золотой монете идет речь — неизвестно (Ed. Chavannes, *Documents...*, p. 133, Abèl-Rémusat, *Nouveaux mélanges...*, t. I, p. 229). Согд. дун'г обозначало равно единицу веса и монету. Как название монеты засвидетельствовано в переводных текстах (притчах), т. е. в текстах заимствованных (см. W. B. Henning, *Sogdien tales*, pp. 468—469).

чатобумажная) и харир (шелк). О пшенице и карбасе как мерах стоимости ничего не известно. Кусок шелка был приравнен к 20 драхам (по другим известиям — к 25 драхам) и служил меновой единицей главным образом в торговле с тюрками и вытеснял из обращения золото.

На типах серебряных и бронзовых монет сказались разновременные торговые, культурные и политические связи Средней Азии, в особенности Согда, со странами Запада — Ираном и Востока — Китаем, воздействие монетного дела которых они на себе испытали. Серебро, связанное в основном с внешней торговлей, чеканили, следуя старой традиции, по образцу монет, тип которых восходит к сасанидским образцам, а позднее — со второй половины VIII в. — по типу арабских дирхемов, одновременно продолжая чеканку первых. На бронзовую монету, господствовавшую на местных рынках, наложило свой отпечаток монетное дело Китая, а позже — монетное дело арабов. Чеканившаяся в Средней Азии по типу сасанидских драхм серебряная монета сохранила за собой название своего оригинала (согд. *δγϋθ*), тогда как бронзовая монета, во всяком случае в VII в., была известна под китайским названием (согд. *рлу*, от кит. фень). В согдийских текстах, в том числе и в мугских документах, оба слова засвидетельствованы как название монетной единицы. Второе из них зафиксировано на самих монетах ²²⁵.

Согдийские серебряные монеты чеканились по образцу сасанидских драхм уже с V в., в частности по образцу монет Варахрана V (421—438), тип которых с профильным изображением царя на лицевой стороне и жертвенником на оборотной они воспроизводят полностью, за исключением пехлевийской надписи; в ней имя сасанидского царя заменилось местной, согдийской, безымянной надписью, выполненной письмом, свойственным эпиграфическим памятникам бухарского оазиса. О времени заимствования образца имеются разные мнения. Одни считают, что зеравшанские драхмы образца варахрановских начали чеканить только в VII в. (П. Лерх, Дж. Уокер), другие, относящие начало их чеканки к V в., считают, что согдийцы выпускали их без перерыва вплоть до VII в. и позже. Оба

²²⁵ Л. Р. Кызласов, О. И. Смирнова, А. М. Щербак, *Монеты из раскопок городища Ак-Бешим (Киргизская ССР) в 1953—1954 гг.*, УЗ ИВАН, т. XVI, М.—Л., 1958, стр. 209 и сл.

мнения сходятся на том, что такие драхмы чеканились в Бухаре ²²⁶. Первая точка зрения опирается по сути дела на свидетельство Наршахи, по словам которого эти монеты стали чеканиться при халифе Абу Бекре (632—634). Последнее сомнительно. Если бы Бухара в VII в. заимствовала тип своих монет непосредственно от Сасанидов, она приняла бы, как несколько позже арабы, за образец драхмы Хосрова II, но не Варахрана V, тем более что такие драхмы находились некоторое время в обращении в Средней Азии. Вместе с тем нет сомнения, что чеканить драхмы по типу варахрановских начали именно в Бухаре. Об этом свидетельствует кроме письма и содержания надписей тот же Наршахи ²²⁷. Но позже, в VII в., их чеканит не только Бухара, но и Самарканд. Неясной остается лишь одна сторона вопроса: чеканились ли такие драхмы без перерыва начиная с V в. вплоть до VII в. и позже или выпуски их прекратились в том же V в., с тем чтобы возобновиться уже в VII в. Судя по изменениям во внешнем виде драхм, в их весе и отчасти составе серебра, такой ощутимый перерыв бесспорно был. Это положение косвенно подтверждается и тем, что в конце V или начале VI в. в Средней Азии были в ходу драхмы образца других сасанидских монет, например Пероза (459—486). Эти последние в отличие от первых принято называть эфталитскими среднеазиатскими драхмами. Среди них особняком стоят несколько монет с надчеканами в виде знаков и , из-

---

²²⁶ О времени и месте чеканки согдийских драхм образца варахрановских и дальнейшем развитии типа см.: В. В. Бартольд, *Туркестан...*, стр. 262—265; Y. Walker, *A catalogue of the Arab-Sassanian coins*, London, 1941, pp. XC—XCVII; М. М. Явич, *О неисследованном среднеазиатском алфавите*, — ТОВЭ, т. IV, 1947, стр. 207 и сл.; О. И. Смирнова, *Материалы к сводному каталогу согдийских монет*, — ЭВ, т. VI, 1952, стр. 18—19; В. А. Лившиц, К. В. Кауфман, И. М. Дьяконов, *О древней согдийской письменности Бухары*, — ВДИ, т. 1 (47), 1954, стр. 156 и сл.; М. Е. Массон, *К вопросу о «черных дирхемах» Мусейяби*, — «Труды ИНА АН УзССР», вып. 7, Ташкент, 1955, стр. 175—189; О. И. Смирнова, *Монеты древнего Пенджикента*, — МИА, т. 66, 1958, стр. 241—242; Е. А. Давидович, *О загадочных дирхемах Мусейяби, Мухаммеда и Гитрифи (Из истории монетного дела Средней Азии в IX—X вв.)*, — «Доклады делегации СССР, XXV Международный конгресс востоковедов», М., 1960.

²²⁷ «История Бухары» (изд. Шефера), стр. 34.

вестных нам по согдийским монетам, и разных надписей (βϣϣ, δšϣϣ βϣϣ, tkyn и др.).

Анализ состава металла, из которого изготовлены согдийские монеты ранних выпусков образца варахрановских и эфталитские — образца перозовских, установил, что как те, так и другие чеканились из сплава серебра с медью при содержании серебра в сплаве порядка 80%, что сближает по времени монеты обеих групп²²⁸. В настоящее время выдвинута новая гипотеза, согласно которой серебряные монеты типа перозовских выпускались Самаркандом, тогда как типа варахрановских только Бухарой и соответственно носили у согдийцев название «бухарских» (согд. pwy'g) в отличие от первых, именовавшихся теми же согдийцами просто драхма (согд. δρϣm)²²⁹. В пользу последнего утверждения пока серьезных доводов нет, тем более что название «бухарский» в мугских документах, послужившее поводом для такого мнения, относится к человеку (его имя, прозвище?), а не к монетной единице²³⁰. Что касается эфталитских драхм типа перозовских, то они обнаружены археологами не только за Сыр-Дарьей, но и в Согде и за его пределами, на юге в районах Термеза. Правда, арабы, участники походов на Мавераннахр, именовали согдийские драхмы «бухарийа», т. е. бухарскими, но такое название было вызвано необходимостью как-то различать местную серебряную монету и свои собственные дирхемы²³¹. Познакомившись с местными серебряными

²²⁸ Анализ металла монет произведен в лаборатории археологической технологии ЛО ИИА АН СССР ее сотрудниками И. В. Богдановой-Березовской и Д. В. Наумовым. См.: И. В. Богданова-Березовская, Д. В. Наумов, *Результаты анализа монет (городища Пенджикент, Афрасиаб, Мунчак-тепе)*, — приложение 3, в кн.: О. И. Смирнова, *Каталог монет с городища Пенджикент*, М.—Л., 1963, стр. 168—172. Согдийские надчеканы поставлены на полях серебряных монет образца перозовских между краем кружка и штемпелем, иногда немного перекрывая точечный ободок вдоль его края. Эти монеты хранятся в Отделе нумизматики Государственного исторического музея (Москва), инв. № 478500, 478520 и 478522; две монеты (целая и фрагмент) в Ташкентском историческом музее. Воспроизведение одной из монет с надчеканом см.: В. М. Массон, *История Афганистана*, М., т. I, 1964, табл. 22.

²²⁹ «Согдийские документы с горы Муг», вып. II, стр. 2.

²³⁰ Документы В 2, стк. 5; А 5, стк. 4, 8, 15, 17; Nov. 1R, стк. 28, — издание документов см.: «Согдийские документы с горы Муг», вып. III, стр. 41, 51, 37.

²³¹ Табари рассказывает, что местные жители осыпали войско Джунейда бухарскими дирхемами, Джунейд возрадовался и роздал эти деньги своим войскам (Табари, II, 1552).

монетами впервые в Пайканде и Бухаре, арабы, естественно, могли их называть бухарскими; позже это название у Табари не встречается.

Зеравшанские драхмы сравнительно хорошо изучены. Для них установлена более или менее точная классификация, которой мы обязаны Дж. Уокеру. Монетные находки на горе Муг в Таджикистане и на пенджикентском городище позволяют ее уточнить, дополнив список монет, изданных Дж. Уокером, монетами двух новых типов.

В соответствии со своим иконографическим типом и надписями, весом и составом сплава, из которого они отчеканены, согдийские драхмы составляют две основные группы, к первой из которых относятся монеты с пехлевийской надписью и местной, согдийской, ко второй — с арабскими надписями, заменившими остатки пехлевийской, и местными, согдийскими. Промежуточное место между этими двумя группами монет занимают несколько экземпляров с небольшой, малой, как мы ее будем называть, надписью, которую Дж. Уокер считает остатками пехлевийской, так же как и его предшественник П. Лерх; другие считают ее арабской и читают *سنی* «суннитский» или *سج*, смысл последней остается темным.

Местная надпись, как и пехлевийская слева за венцом царя, на монетах первых выпусков выполнены каллиграфически художественно, рукой настоящего мастера, но в дальнейшем искажается и теряет изящество своих очертаний, тип монеты постепенно деградирует. Текст надписи восстановлен В. Б. Хеннингом, который ее читает *pw'g gwβ k'w'*, и им же дана ее последняя интерпретация как двух титулов бухарских владык: «Бухарский *gwβ* царь» или «*gwβ* Бухары царь»²³², второй из которых последние носили будучи вассалами Сасанидов.

²³² Разные чтения надписи см.: П. И. Лерх, *Монеты Бухар-хундов*, СПб., 1909, стр. 134 и сл.; М. Явич, *О неисследованном среднеазиатском алфавите*, стр. 207; Н. Frye, *Note on the early coinage of Transoxiana*, — «Numismatic Notes and Monographs», New York, 1949, № 113, p. 27 (*pw'g gwβ k'u/β'u* — чтение Хеннинга); О. И. Смирнова, *Материалы к сводному каталогу согдийских монет*, стр. 18, прим. 2; В. А. Лившиц, К. В. Кауфман, И. М. Дьяконов, *О древней согдийской письменности Бухары*, стр. 157 (*pw'g gwβ k'n'*), W. B. Henning, *Orientalistik. Handbuch der Orientalistik*, Leiden—Köln, Bd IV, Absh I, 1958, S. 53 (*pw'g gwβk'w'*); О. И. Смирнова, *Монеты древнего Пенджикента*, стр. 242, прим. 4.

Когда наступает перерыв в чеканке согдийских драхм образца варахрановских, мы не знаем, вероятнее всего, вскоре после ее начала, чтобы возобновиться уже только в начале VII в., и слова Наршахи относительно начала их чеканки в VII в. можно понимать лишь только так. В таком случае придется признать, что согдийцы заимствовали в VII в. тип своих монет у себя или у кого-нибудь из своих ближайших соседей, но только не у Сасанидов. Чем это было вызвано, мы не знаем. Вероятнее всего, сыграли роль местные традиции.

Ответить на этот вопрос тем более затруднительно, что наше представление о денежном обращении предшествующего периода недостаточно отчетливо. Сейчас мы можем отметить лишь тот факт, что возобновление согдийцами чеканки местных драхм по типу своих прежних серебряных монет совпадает по времени с возникновением государства согдийских ихшидов. И только. Именно в начале VII в. вместо художественно выполненных драхм V в. образца варахрановских согдийцы выпускают монеты, хотя и чеканенные по их типу, но технически выполненные значительно грубей. Изображения схематизированные; надписи в разной степени искажены. Весь тип монеты в целом деградирует.

К концу VII — началу VIII в., вероятно при ихшиде Тархуне, устанавливается новый тип монет. Новые монеты чеканятся штемпелем диаметра меньшего, чем монетный кружок, на котором остаются свободными широкие гладкие поля. Сильно схематизированные изображения на обеих сторонах монеты заключены теперь в широкий и гладкий ободок вместо прежнего мелкоточечного круга. Местная надпись еще больше деформирована, пехлевийская же не читается вовсе. Время хождения этого типа согдийских драхм с пехлевийскими и местными надписями определяется археологическим комплексом мугских находок первой четвертью VIII в., в связи с чем за ними закрепилось условное название драхм мугского типа, а за драхмами, предшествующими им по времени, — драхм домугского типа.

Средний вес драхм мугского типа колеблется от 2,7 г до максимального 3,15 г при диаметре кружка до 33 мм. Как и прежде, драхмы мугского типа чеканятся из сплава серебра с медью, но процент серебра в сплаве падает с 80 до 60%, количество меди в сплаве соответственно возра-

стает на 20%, а это не так мало. Драхмы мугского типа обнаружены археологами в районах Пайкенда и Бухары, на городище древней Варахши, на афрасиабском городище в Самарканде и на пенджикентском, в древней Усрушане на шахристанском двойном городище и в Ходженде. Это свидетельствует в первую очередь о том, что по всей территории от Пайкенда до Ходженда население пользовалось этими монетами и что такие монеты чеканились не только в Бухаре, но и в Самарканде, а возможно, и в Пенджикенте. Последнее, естественно, пока лишь предположение.

Начавшееся в конце VII в. стремительное продвижение арабов в глубь страны нарушает ее нормальную жизнь. В 712 г. заключен Самаркандский договор. Согдийский ихшид изгнан арабами из своей столицы, хотя и признан ими царем Согда. Страна выплачивает огромные суммы по мирным договорам и должна это делать в дальнейшем. Серебро из страны уходит. Арабы продвигаются дальше от Ходженда, занимают долину Кашка-Дарьи. В стране наступает жестокий голод, поля запущены. Торговые связи нарушены. Должное арабам по договорам согдийцы перестают выплачивать. Серебро, продолжавшее чеканиться по прежнему образцу, но из более низкопробного серебра, видимо, вообще перестает выпускаться. В стране появляется арабское серебро. С середины VIII в., после смерти Гурека, можно уже говорить о каких-то улучшениях в хозяйстве страны. Это не могло не сказаться прежде всего на ее монетном деле.

В 738 или в 739 г. самаркандский престол занимает Тургар, сын скончавшегося царя Гурека, законный преемник своего отца в глазах арабов и в глазах согдийцев. При нем, но когда мы не знаем, имеет место новое изменение весового стандарта серебряной монетной единицы и ее типа. Монетный штампель, правда в пределах своего образца, резко меняется. Об этом мы можем судить по монетам с именем этого ихшида. Его драхмы резко отличаются по своему внешнему виду от драхм домугского и мугского типа. Те же рисунки теперь компактны и схематичны, но выполнены в новой технике — точками и разной величины штрихами и заключены в крупноточечные ободки по краю монет. Плечи царя подчеркнуты рядом крупных точек вместо прежней сплошной линии. Грудь его намечена двумя сплошными кружками. Теперь диаметр монет-

ного кружка и штемпеля равны: монетный штемпель совпадает с монетным кружком. Свое имя царь приказывает нанести на лицевой стороне драхм вместо прежней безымянной надписи, на том месте, где раньше писалось имя сасанидского царя. Остатки пехлевийской надписи за венцом царя в свою очередь уступают место малой надписи.

Существенным отличием драхм Тургара является почти полное отсутствие гладких свободных полей. Диаметр монет сильно уменьшается. Размер их колеблется от 25 до 27 мм, средний вес падает до 2,97 г. Драхмы Тургара, как и прежде, чеканятся из сплава серебра с медью, но процент серебра в сплаве еще уменьшается, содержание его в сплаве падает до 50%. Драхм Тургара пока известно три. Одна из них принадлежит коллекции Нумизматического отдела Государственного Эрмитажа, две другие обнаружены на пенджикентском городище²³³. Драхмы с именами других царей Согда нам неизвестны. Принадлежащие Тургару пока составляют исключение. Можно полагать, что последний был единственным царем Согда, чеканившим от своего имени, точнее со своим именем, серебряную монету. Местом чеканки последней был Самарканд, в этом сомнений быть не может, а следовательно, и резиденция царя была там.

Очевидно, после кончины Гурека политическое и экономическое положение Самарканда настолько окрепло, что царь Согда объявил о себе как о таковом на своих монетах, одновременно объявляя и о своей прерогативе на чеканку последних. Как долго чеканил от своего имени царь Согда серебряную монету, мы не знаем. Одно несомненно: драхмы с его именем не могли быть выпущены ранее 738 г. (год смерти Гурека) и не позже, вероятно, 750 г., после которого упоминаний о сыне Гурека в источниках уже не встречается. Независимо от решения этого второго вопроса сейчас можно считать нумизматически доказанным, что между 738 и 750 (?) г. при ихшиде Тургаре имела место денежная реформа, в результа-

---

²³³ Государственный Эрмитаж, Основное собрание, Лерх, № 7 в: Пенджикентское собрание, инв. № 1402/68 $\left(\frac{\text{ТП}-56}{\text{I}-16}\right)$ и в составеклада серебряных монет второй четверти VIII в., № 2738/7 (ТП — 62).

те которой Согд начинает чеканить драхмы нового типа и нового весового стандарта. По тому же новому типу и весовому стандарту чеканит теперь серебряную монету и Бухара. На бухарских монетах в отличие от тургаровских вместо имени царя Согда сохраняется прежняя надпись. Та же безымянная надпись вскоре, в пределах указанного времени, заменяет имя ихшида и на самаркандских монетах, для которых устанавливается новый тип.

Отличительным признаком самаркандских монет служит кружок над венцом царя, вместо которого на бухарских изображается полумесяц с точкой над ним. Так же как и самаркандские, бухарские драхмы с малой надписью чеканились из сплава, содержавшего 50% серебра. Правда, возможно и то, что Бухара, а не Самарканд начинает чеканить монеты нового стандарта и типа, но второе, судя по малой надписи, менее вероятно. Малая надпись пишется по-разному: раздельно на самар-

кандских монетах, слитно и, судя по почерку, позже на бухарских. Проследив изменения, которые претерпевали остатки пехлевийской надписи, легко убедиться, что в первом случае мы имеем дело с несколькими буквами от той же надписи, достаточно грубо выполненными и подтравленными столь же грубо под арабскую формулу «во имя Аллаха» без ее третьего слова — аллах. Во втором — с арабской надписью «во имя мое», в которой слово «Аллах» заменяется личным местоимением первого лица. На первый взгляд такая замена представляется грубым и даже невозможным нарушением традиции. Но случаи отклонений от традиций и отклонений сознательных нам известны. Так, И. Ю. Крачковский отметил в свое время, что в арабских деловых папирусах в формуле прославления Аллаха «Я восхваляю тебе Аллаха» слово «тебе» опущено, так как они адресованы представителям христианского населения²³⁴. Такое же отклонение могло иметь место и на наших монетах, на которых в обычной формуле символа веры «Во имя Аллаха» слово «Аллаха» было заме-

²³⁴ И. Ю. Крачковский и В. А. Крачковская, *Древнейший арабский документ с горы Муг в Таджикистане*, — «Согдийский сборник», 1934, Л., стр. 67.

нено другим — личным местоимением первого лица. Под последним в таком случае мог подразумеваться пророк Мухаммад: «Во имя Мухаммада (и его близких)». Эта отнюдь не традиционная формула могла опираться на цитату из корана, на ту, которую воспроизводит на своих монетах эмиссар Аббасидов в Средней Азии и позднее наместник последних Абу Муслим, а затем и его преемник в Хорасане и Средней Азии Абу Дауд Халид: «Я не требую от вас ничего, кроме любви к (моим) близким»²³⁵. Независимо от того, выпускались ли тургаровские драхмы одновременно с бухарскими с такой же, как на них, малой надписью, или бухарские послужили образцом для самаркандских, — все они были выпущены в наместничество Абу Муслима и не позже 755 г.

При халифе Мансуре (754—775) чеканка серебра переходит в руки арабских наместников Хорасана. При нем, как и позже, арабские наместники чеканят серебряную монету по образцу самаркандских и бухарских драхм с малой надписью. Оставив на лицевой стороне этих драхм местную безымянную надпись, они ставят вместо малой надписи свое имя. Первым хорасанским наместником, отчеканившим серебряные драхмы со своим именем, был Абу Дауд Халид (755—757), уникальная драхма с именем которого обнаружена на пенджикентском городище²³⁶. Его драхма — пока первая известная нам серебряная монета, которая была отчеканена аббасидскими наместниками в Мавераннахре со своими именами. В дальнейшем такие же драхмы чеканит наместник Хорасана, будущий халиф Мухаммад ал-Махди (775—785), сначала со своим именем, а с 775 г. со своим почетным прозвищем. Внешним отличием драхм с именами наместников от домусульманских согдийских драхм, кроме их типа и веса, как и для монет с малой надписью, в том числе и тургаровских, является отсутствие гладких внешних полей. Размеры штемпеля и монетного кружка одинаковые, и точечный круг по краю штемпеля совпадает с краем монетного круж-

---

²³⁵ Коран, XLII, 221. Та же цитата чеканится на серебряных монетах, выпущенных неизвестным лицом в Хорасане (г. Джей) в 128 г. х. (745 / 746 г.), которым мог быть тот же Абу Муслим (см.: ZDMG, Bd 46, 1892, стр. 441—444).

²³⁶ Монета издана, см.: О. И. Смирнова, *Клад аббасидских драхм с пенджикентского городища*, — ЭВ, т. XV, М.—Л., 1963, стр. 58 и сл.

ка. Устанавливается новый тип драхм — аббасидских, Диаметр аббасидских драхм такой же, как драхм Тургара. и колеблется от 24 мм до 27 мм. Средний вес таких драхм 2,95 г, что также соответствует среднему весу драхм последнего. Таким образом, можно считать установленным, что не позднее чем с 50-х годов VIII в. в основу денежного обращения Согда кладется драхма, средний вес которой такой же, как аббасидских дирхемов. Качественный анализ состава серебра разных групп драхм установил, что зеравшанские драхмы всех типов (ранних и поздних) чеканились из сплава серебра с медью²³⁷. Драхм, отчеканенных из серебра (без примесей), до сих пор не обнаружено. Но разным хронологическим типовым подгруппам соответствует разный состав сплава с характерным для группы в целом постепенным уменьшением количества серебра в сплаве от 80 до 60% и с соответствующим увеличением процента меди. Для хронологически следующих подгрупп драхм, чеканенных от имени согдийского царя и позднее наместников Хорасана, имеет место дальнейшее падение содержания серебра в сплаве до 50%.

Серебро чеканилось по единому образцу, и в этом отношении районы по Зеравшану представляли единую нумизматическую область. Серебряные монеты Чача и Ферганы для этого времени неизвестны. Их население могло пользоваться согдийскими драхмами. Позднее было именно так. В Чаче, возможно, обращалось серебро перовозского типа.

С приходом арабов в стране появляется сначала омейядское серебро, а затем и аббасидское, находившееся в обращении вместе с местным, вероятно игравшее существенную роль. Об этом говорят находки на городищах как единичных арабских серебряных монет, так и их кладов разного состава. В этой связи первостепенное значение имеет клад серебряных монет, найденных на пенджикентском городище в 1962 г.²³⁸. Клад состоит из 18 серебряных монет, из них 6 — омейядские дирхемы

---

²³⁷ Согласно данным, опубликованным Дж. Уокером, драхмы с местными и пехлевийскими надписями, как и драхмы с малой надписью (спорной) чеканились из серебра, тогда как драхмы с именами наместников из сплава (биллона), что не совпадает с результатами анализа состава металла таких же драхм, произведенного в лаборатории ИАИ АН СССР.

²³⁸ Клад подготавливается для публикации А. М. Бленицким.

(чеканки Кирмана, Дамаска, Истахра, Васита и ал-Баба). Остальные 12 — зеравшанские драхмы домусульманского чекана, из которых одна — драхма Тургара. Времяклада определяется этой последней, и клад был спрятан, как полагаем, не ранее 738 г. Первый по времени известный нам сейчас дирхем, выпущенный в Самарканде, отчеканен в 150 г. х. (767/768), а в Чаче (Ташкенте) в 180 г. х. (796/797)²³⁹.

Иначе и сложнее обстоит дело с бронзовой монетой, имевшей свой, самостоятельный путь развития. Не только Бухара, Самарканд, Кеш, Чач и Фергана выпускали свои бронзовые монеты, отличавшиеся по типу и представлявшие в этом отношении полусамостоятельные нумизматические районы в одной области, но таковыми являлись также пенджикентский район, вероятно, чилекский и некоторые другие, границы которых установить пока не удастся. Казалось бы, картина достаточно пестрая и свидетельствующая о большой политической раздробленности в крае. Но это не совсем так.

Если мы обратимся к самим монетам, то легко убедиться, что в подавляющем большинстве это монеты бессюжетного эпитафического типа, литые по форме китайских. Значительно меньшую их часть составляют монеты совершенно иного типа, изготовленные по образцам старых местных монет или образцам, восходящим к таковым. Большая часть первых принадлежит согдийским ихшидам, которые выпускают их начиная со второй четверти VII в. и до третьей четверти VIII в. Немалую часть монет бессюжетного типа составляют монеты пенджикентских владений. Повсеместные находки монет ихшидов не только в самом Согде, но и за его пределами очерчивают широкий ареал их обращения, количество — возрастающий удельный вес в местной торговле. И наоборот, районы распространения монет других типов, и в особенности разных типов монет местного образца (исключая монеты Чача и его районов), ограничены, как правило, пределами мелких владений, их выпускавших, население которых охотно пользовалось одновре-

²³⁹ За 1962—1964 гг. на пенджикентском городище археологами обнаружено несколько арабских дирхемов; среди них один самаркандской чеканки. Эти монеты изучаются А. М. Беленицким и недоступны для желающих с ними ознакомиться.

менно монетами ихшидов. О последнем свидетельствуют их монеты, которые археологи обнаруживают почти на всех городищах и тепе вместе с местными.

Естественно, встает вопрос, какова же причина такого широкого распространения бронзовых монет ихшидов. Это можно объяснить только тем, что образовавшееся к середине VII в. государство самаркандских ихшидов, обусловившее экономическое первенство Самарканда, постепенно распространяло свое влияние и власть на окружающие мелкие владения и их поглощало. К этому же времени, т. е. ко второй четверти VII в., относится также возобновление торгово-политических сношений среднеазиатских владений с Китаем, что в свою очередь сказалось на монетном деле Согда, взявшего именно в это время за образец для своих монет китайскую.

Не надо забывать, что и развитие внутренней торговли Согда, ярким показателем состояния которой являются местные рынки, требовало хотя бы относительной, но унификации монеты. В результате Согд ко второй четверти VII в. переходит к выпуску монет китайского образца, а с середины VII в. — стандарта, приближенного к стандарту монет, установленному в Китае при династии Тан. Их выпускают большими эмиссиями согдийские ихшиды, стремившиеся сосредоточить в своих руках выпуск бронзовых монет. Одновременно монеты китайского образца начинают выпускать соседние с Согдом самостоятельные владения, такие, как Пенджикент, а также некоторые мелкие владения в пределах самого Согда. Эти последние, судя по числу находимых монет, выпускали их короткое время и в незначительных количествах.

С этого времени бессюжетный тип согдийской бронзовой монеты становится ведущим в Согде. Согдийские ихшиды фиксируют на них свои имена и титулы, переданные на монетах идеограммой MLK'. На лицевой стороне монет наносятся по два знака, различное сочетание которых составляет своеобразный герб выпустившего данную монету ихшида. Надписи, содержащие его имя и титул, пишутся на оборотной. Из этого видно, что сами согдийцы надписям придавали второстепенное значение. Что касается знаков, то согдийцы, как правило, воспроизводят те, которые изображались на среднеазиатских монетах, выпускавшихся в предшествующие периоды при тюрках и эфталитах и до них. Так, трех-

конечный знак на монетах ихшидов встречается в измененном виде не только на эфталитских монетах, о которых говорилось выше, но и на древнейших согдийских монетах (медных), изготовленных по образцу, восходящему к античным монетам. Происхождение знаков на среднеазиатских монетах, в том числе и согдийских, разное. Некоторые из них представляют символы божеств или их атрибуты, ставшие впоследствии их же символами. К сожалению, вопрос настолько сложный, что требует специального рассмотрения, выходящего за пределы настоящего очерка ²⁴⁰.

Первый известный нам ихшид Согда Шипшир (вторая четверть VII в.) выпускает от своего имени монеты не менее двух достоинств, отличающиеся весом и размером и одинаковые по оформлению: большие, диаметром в 26—25 мм и весом до 5 г, и малые, размером 22—19 мм с максимальным весом в 2,4 г и минимальным в 1,1 г. Их одинаковые знаки, расположенные по обеим сторонам квадратного отверстия, и и надписи в две параллельные строки (по схеме $\Leftarrow$), содержащие имя и титул ихшида, на малых монетах лишь несколько изящнее выполнены. В правление следующего ихшида, Вархумана, так называемого собирателя согдийских земель, занявшего самаркандский престол не позднее 655 г., Самарканд переходит к выпуску бронзовых монет стандарта, приближенного к танскому. При нем, надо думать, были выпущены согдийские монеты, воспроизводящие тип китайской танской монеты с надписью «Кай-юань тун-бао» на лицевой стороне и гладкой оборотной, без каких-либо изменений. Тогда же должны были изготавливаться такие же монеты, но с бухарским знаком на оборотной стороне, и двуязычные согдо-китайские монеты, на лицевой стороне которых находится такая же иероглифическая надпись, как на танских монетах, а на оборотной знак , либо вос-

²⁴⁰ Основные публикации монет ихшидов см.: О. И. Смирнова, *Со́гдийские монеты собрания нумизматического отдела Государственного Эрмитажа*, — ЭВ, т. IV, 1951, стр. 6—11; *Материалы к сводному каталогу согдийских монет*, стр. 22—37; *Монеты древнего Пенджикента*, стр. 219—221; *Каталог монет...*, стр. 61—91.

производящий китайский ключ тао (нож), характерный для круглых и ножевидных денег времени Ван Мана (7—22 гг. н. э.), либо, что вероятнее, воспроизводящий у-образный знак самаркандских ихшидов, стилизованный под этот ключ.

Знак сопровождается надписью, согдийской, $\beta\gamma\upsilon$, возможно передающей титул китайского, тюркского или согдийского владыки. Надпись сделана согдийским полукурсивным письмом, на одной из монет каллиграфически.

Монеты первых выпусков самого Вархумана, до «реформы», как и монеты его предшественника, большие, диаметром 26—25 мм и тяжелые весом до 4 с небольшим граммов; в дальнейшем его последующие эмиссии состоят из монет меньших размеров двух достоинств: крупных единиц, диаметром 24—22 мм, максимальный вес которых 2,6 г, и мелких, диаметром 21—17 мм при максимальном весе 1,6 г. Судя по количеству монетных находок на разных городищах и тепе, поздние монетные эмиссии Вархумана значительно превышали его первые выпуски, не говоря уже о выпусках его предшественника. Знаки на монетах Вархумана такие же, как на монетах последнего, но иначе расположенные (повернуты влево и переставлены местами): и ; надписи на оборотной стороне его монет идут двумя полуконцентрическими строками, позже двумя концентрическими. На последующих монетах ихшидов надписи располагаются так же.

Из «Истории Самарканда» Насафи, точнее — ее персидской переработки, мы знаем, что «до ислама» в Согде царствовало 13 царей (маликов). И речь, надо полагать, идет о царях самаркандской династии. Китайские источники в свою очередь называют 8 имен самаркандских владетелей, из них 6, утвержденных Китаем ванами Согда. Согдийские монеты подарили нам девять имен, шесть из которых идентифицированы с именами, упомянутыми в китайских анналах и с встречающимися в мусульманских источниках. Это Шишпир ($\beta\gamma\upsilon\beta\upsilon\gamma$), Вархуман ($\beta\gamma\upsilon\omega\mu'n$), Тукаспадак ($t\omega k'sp'd'k$), Тархун ($t\alpha r\upsilon\omega n$), Гурек ($'w\gamma'rk$ или $'w'r'kk$) и Тургар ($t\omega r\gamma'r$). Имена остальных трех отождествить не удалось. Одно из них, Мастан ($m'st\alpha n'w\upsilon'n$), в свое время было предложено сблизить с именем согдий-

ского вана Нинйе-шиши в китайских хрониках, в первой половине которого Нинйе-, вероятно, следует видеть имя согдийской (среднеазиатской) богини Нана (согд. nny), засвидетельствованное неоднократно в качестве компонента в согдийской ономастике. Неясна также последовательность правлений ихшидов, занимавших самаркандский престол между Вархуманом и Тархуном, царствовавшим не менее десяти лет и погибшим в 710 г.

Известия китайских хроник в этом отношении сбивчивы. Благодаря последним монетным находкам неизвестное до сих пор сочетание знаков на монетах Тукаспадака удалось установить. Оно оказалось таким же, как на монетах Тархуна, на которых слева воспроизводится правый знак (его вариант на монетах Вархумана), спра-

ва особый знак . Общность знаков свидетельствует об известной преемственности монетных выпусков этих двух ихшидов. Наоборот, знаки на монетах Мастана такие, как на монетах Вархумана. Относительно всех этих правителей китайские хроники сообщают следующее: «И эту местность (т. е. Кан) сделали кангюйским генерал-губернаторством (Кан-гюй дуду-фу). Ее вана Фухуманя (т. е. Вархумана) сделали дуду. В годы правления Ван-суй-тунтянь большого вождя (да шао-лин) Дусаботи (т. е. Тукаспадака) сделали ваном. Умер. Сын Нинйе-шиши поставлен. Умер. Народ поставил Тухуня, сделав его ваном»²⁴¹. Из приведенного отрывка неясно, кто был поставлен правителем после Тукаспадака — Нинйе-шиши или его сын — и кто был сам Нинйе-шиши — сыном Тукаспадака или сыном Вархумана? По другим известиям он стал царем в 698 г. Помнению Н. Я. Бичурина, Нинйе-шиши был сыном Вархумана. Тукаспадак до своего вступления на самаркандский престол, по словам китайцев, был одним из крупнейших дикханов Согда. Как и позже Гурек, он был избран царем советом старейшин и, следовательно, не имел законного прямого права на самаркандский престол. Надо полагать, что оба этих ихшида, Тукаспадак

²⁴¹ Перевод приведенного отрывка любезно сделан для меня Б. И. Панкратовым, известным знатоком китайских старых текстов. Ср.: Н. Я. Бичурин (Иакинф), *Собрание сведений...*, т. II, стр. 311. Даты Дусаботи см.: Ed. Chavannes, *Notes additionnelles...*, стр. 25.

и Тархун, принадлежали к одной и той же боковой ветви рода, а не к правящей. Сочетание знаков на их монетах одинаковое и вместе с тем другое, чем на монетах других ихшидов. Если судить по этим сочетаниям, Мастан должен был царствовать после Вархумана и до Тукаспадака. Законным преемником Вархумана был его сын Нинийе-шиши (по Н. Я. Вичурину), но он царствовал, как сказано выше, после Тукаспадака, и Мастан (в случае, если то были разные лица) мог занять самаркандский престол только после Вархумана. В таком случае Тукаспадак правил уже после Мастана, а не перед ним. Монетные эмиссии этих двух ихшидов, Мастана и Тукаспадака, судя по находкам их монет, были сравнительно небольшими в противоположность тархуновским, общее количество монет которого насчитывает выше двухсот экземпляров.

Небольшими были также эмиссии следующего ихшида, царствовавшего после Тархуна, Гурека, находки монет которого, несмотря на длительность его царствования (710—738), сравнительно редки. Последнее отчасти объясняется имевшей место в его царствование хозяйственной разрухой и двоевластием в стране. Вместе с тем его монеты превосходной выплавки с четкими знаками и надписями, лишь несколько иного стиля, чем у его предшественников; знаки и надписи более компактны по рисунку и не столь изящно выполнены. Сочетание знаков на монетах Гурека также другое, чем на монетах Тархуна, второй из них заменен новым для монет ихшидов знаком

, тогда как вариант левого знака воспроизведен справа

ва . Сами монеты по сравнению с тархуновскими тяже-

лей и приближаются по весу к монетам первых выпусков Вархумана. Максимальный их вес достигает 4,6 г при минимальном в 2,9 г.

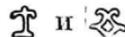
Такие же надписи, как на монетах Гурека, имеются и на других, составляющих особую большую группу монет, отличную от монет ихшидов прежде всего тем, что у них квадратное отверстие заменено его изображением в виде рамки посередине монеты на обеих ее сторонах. Знаки на них такие же, как на монетах Тархуна, тогда как надписи содержат имя Гурека и его титул MLK'. Как

надписи, так и знаки сильно искажены, сами монеты небрежно выполнены, надписи однострочны. Можно лишь предположить, что они могли выпускаться самим же Гуреком где-нибудь в другом месте, а не в Самарканде, скажем, уже после заключения Самаркандского договора 712 г., когда Гурек был вынужден покинуть свою столицу. Но в это смутное время выпускать монеты от имени Гурека мог кто-нибудь другой. Наконец, такие монеты могли быть выпущены и позже как подражание монетам Гурека. Тургар, сын и законный преемник Гурека, как и остальные ихшиды, продолжает выпускать монеты по китайскому образцу со своим именем и тем же титулом MLK'. Известны два типа его монет. Его монетные эмиссии были большими. Это был последний известный нам по имени ихшид Согда, выпускавший такие монеты со своим именем. Монеты с именем его преемника неизвестны. Выпуск их, виде^{XLIII}, прекратился после битвы при Таразе.

Среди согдийских монет китайских по форме имеется несколько одинаковых монет с такими же знаками, как на монетах Вархумана и Мастана, но с другой надписью, которую можно прочесть MLK'tnwkk «царь Тануг (?)» или MLK'wzwrk «царь Вазург (Великий?)». Надписи на них расположены, так же как на монетах Шишира, в две прямые, а не концентрические, параллельные строки, что указывает на их раннее происхождение. В отличие от монет Шишира имя царя занимает нижнюю строку надписи, тогда как титул — верхнюю. Археолог Б. И. Маршак, ведущий раскопки на пенджикентском городище, датирует такие монеты, по археологическим данным, серединой VII в., соответственно с этим они должны занять место между монетами Шишира и Вархумана. Загадочными остаются многочисленные монеты, надписи на которых еще не получили окончательного толкования. Условно они датируются мугским комплексом первой четверти VIII в. (в его состав входят две такие монеты). Отметим, что только такие монеты были найдены в пенджикентских наусах²⁴².

Монет местного образца, воспроизводящих тип монет прдшествующего периода, ихшиды Согда от своего имени уже не выпускали.

²⁴² См.: О. И. Смирнова, *Каталог монет...*, стр. 89—91.

Бронзовую монету по форме китайской кроме ихшидов выпускали владельцы Пенджа. Так же, как и последние, они выпускали ее от своего имени и со своими знаками, но другими, чем на монетах ихшидов, и с другим титулом, переданным идеограммой MR'Yn²⁴³. Монеты их первого по времени типа крупные диаметром до 27—26 мм, при максимальном весе в 5,5 г и минимальном 3,5 г, т. е. примерно таким же, как монет первых ихшидов. На их лицевой стороне, как и на последних, изображены два разных знака , вариант второго из которых встречается на так называемых эфталитских монетах в виде надчекана. На обороте стоит титул MR'Yn и имя владельца.

Позднее пенджикентские монеты отливались уже одного примерно размера с монетами Тархуна, но их вес не превышает 3 г. Меняется и тип монет, один из знаков на них исчезает, тогда как второй, несколько видоизмененный и получивший добавочную подставку, искусно вписывается в поле монеты таким образом, что его корпус становится рамкой для квадратного отверстия . Надпись содержит двойной титул владельца $\gamma\omega\beta$ рпсу MR'Yn и его имя.

Вторую группу монет тех же пенджикентских владельцев составляют монеты, на лицевой стороне которых изображен вариант того же и так же расположенного знака , как на предыдущих, но с надписями иного содержания на оборотной стороне. Эти надписи прежде нами читались рпсу β' тpнh «Панча — превосходительная госпожа» и рпсу $\gamma\delta$ β рпpнwh «Панча превосходительная госпожа госпож». Монеты трех размеров (24, 23—22 и 17—16 мм) и соответственно трех типов, два из которых отличаются друг от друга лишь почерком своих надписей и их расположением. Ряд новых находок таких монет позволил автору восстановить действительный текст надписей рпсу пп δ 'тpнh и рпсу

²⁴³ Основные публикации монет см.: О. И. Смирнова, *О двух группах монет владельцев Согды VII—VIII вв.*, — «Известия Отделения общественных наук АН ТаджССР», Душанбе, т. 14, 1957, стр. 117—128; *Монеты древнего Пенджикента*, стр. 223 и 247—251; *Каталог монет...*, стр. 7—22, 91—121.

пнδβрпнwh и дать наконец уже не вызывающий сомнения их перевод «Панча Нана госпожа». Терминологическая разница в значении титулов δβ'mрnh и δβрпнwh пока ускользает.

В одном из изданных В. Б. Хеннингом согдийских манихейских текстов М 549 (стк. 20) упоминается пн δβ'mрnh «госпожа Нана» — the lady Nan(a). По мнению издателя текста, речь в отрывке идет о богине Нана goddess Nana(i), имя которой равно встречается в сопровождении другого женского титула—bānūk «госпожа» — одного из главных среднеазиатских божеств, в частности согдийских²⁴⁴. Надписи на пенджикентских монетах содержат то же имя в сопровождении тех же двух титулов пнδβ'mрnh (пн + δβ'mрnh) и пнδβрпнwh (пн + δβрпнwh) «госпожа Нана». В этой связи можно понять надписи на монетах по-разному — или как содержащие теофорное имя царицы (Нана) и титул ее в качестве супруги γωβ-а Пенджикента, в прямом смысле этих слов «Панча госпожа Нана», или как имя пенджикентской богини Нана: «Панча (богиня) Нана-госпожа», как в приведенном манихейском тексте. В этом втором случае последует вывод, что в Пенджикенте выпускались бронзовые монеты в честь почитаемого в этом городе божества — богини Нана. В среднеазиатской нумизматике аналогичные факты уже наблюдались. Так, имя богини Нана (Нано), как и имена других божеств среднеазиатского пантеона (Фарро, Окшо, Вахшо и Ардахшо), писалось на кушанских монетах с изображениями этих божеств²⁴⁵. Но в таком случае согдийские монеты с именем Наны могли быть только храмовыми монетами.

К монетам китайским по форме принадлежит также группа монет того же времени, состоящая всего из двух эк-

²⁴⁴ Культ Наны—Анахиты был одним из самых распространенных в Средней Азии, в частности у согдийцев, что нашло свое отражение и в ономастике последних. Так, в «Старых письмах» встречаются имена пнуβntk, пнуδ't и пнуδβ't: в одном из писем (№ 1) упоминается глава местного храма, что дало В. Б. Хеннингу основание высказать предположение, что в Дунхуане имелся согдийский храм, посвященный богине Анахите — госпоже Нана. См. W. B. Henning, *The dates of the sogdian ancient letters*, — BSOS, vol. XII, 1948, p. 602, n. 3.

²⁴⁵ Воспроизведение кушанских монет с изображениями божеств и их именами см.: К. В. Тревер, *Золотая статуэтка из селения Хаит*, — «Труды Государственного Эрмитажа», т. II, М.—Л., 1958, стр. 137—144.

земляров. Обе монеты отлиты по образцу китайских. На их лицевой стороне слева от квадратного отверстия нанесен такой же знак, как на монетах ихшидов . Тогда

Знак сопровождается надписями (справа от квадратного отверстия). На одной из них это prp «Фарн», на другой $prp\beta yu$ ($prp + \beta y$ — «бог, владыка») «Фарнбаг», возможно, эпитет одного из иранских божеств — Ормузда (ср. Фарнбаг — название одного из четырех священных огней сасанидского Ирана). Надпись нанесена напротив знака, на том месте, где на монетах ихшидов находится обязательный для них второй. Вторая надпись расположена на оборотной стороне. Эта последняя содержит титул владетелей, их выпускавших, $pns'r/u \gamma w\beta$ — или $p's'r/u \gamma w\beta$ (типа $rw\gamma'r \gamma w\beta$ и $rpсу \gamma w\beta$) и их имена. В первом случае это будет титул владетелей области *Fansār или *Fansāy в верховьях Зеравшана, название которой сохранилось в названиях реки Фан-Дарьи и местности по озеру Искандер-Куль. Во втором — титул владетеля области Pāsār, название которой Bāsār, Bāsārā или Bāsārān упоминают арабские источники в связи с Хуталем²⁴⁶. Имен на монетах — два, и монеты были выпущены от имени двух владетелей той или другой местности. На одной из них, с малой надписью « prp », имя владетеля такое же, как на первых по времени монетах владетелей Панча, а сама надпись сделана не только тем же почерком, но даже той же ru ой. На второй монете имя владетеля полустерто и полностью не читается. Одна из этих монет обнаружена в 1964 г. на пенджикентском городище (полевой шифр М $\frac{ТП-64}{XVI-96}$), другая принадлежит Самаркандскому краеведческому музею²⁴⁷.

Монеты китайского образца выпускались, по-видимому, также в районе современного Чилека. К ним относятся семь однотипных монет, на лицевой стороне которых изображены два одинаковых знака в виде незамкнутого круга с точкой посередине на подставочке с небольшим прямым основанием . На другой стороне мо-

²⁴⁶ В. В. Бартольд, *Туркестан...*, стр. 120, пр. 2.

²⁴⁷ Инвентарный список согдийских монет Самаркандского краеведческого музея (рукописный), 1962, № 139.

неты находится круговая надпись из двух слов $\text{pny}'\text{bu}'\text{t}$ $\text{smudn}\dot{\text{c}}$, первое из которых имя или титул, второе — относительное имя от названия места smudn — «Самитан» — «Самитанская», образованного компонентом- smudn ²⁴⁸. Последний в среднеазиатской топонимике широко распространен; образованные им названия характерны для бухарского оазиса и реже, но встречаются в топонимике самаркандского Согда.

Название Сумитан или Самитан носило в раннем средневековье бухарское селение Чорбекр. Под таким же названием был известен хорасанский тракт, именовавшийся при Саманидах Самитанской дорогой ²⁴⁹. Аналогичное название с начальным протетическим гласным اسمیتن , согласно Самани и Йакуту, носило селение в окрестностях Кушании в Согде ²⁵⁰. Две из семи имеющихся в нашем распоряжении монет были найдены археологом Г. В. Григорьевым при раскопках городища древнего Чилека на северном берегу Зеравшана к северо-востоку от Мианкальской долины, тогда как четыре остальных обнаружены на пенджикентском городище ²⁵¹.

В бухарском оазисе пока таких монет не обнаружено, и надо полагать, что в надписи на монете говорится о кушанийском селении Самитан, а не о бухарском. В таком случае это селение в раннем средневековье должно было быть центром одноименных владений. К западу от Чилека и от Пай-арыка, на том же берегу Кара-Дарьи, почти напротив Иштихана, по сей день существует селение Митан. Возможно, его название является неполной передачей древнего Исмитана, который таким образом окажется локали-

---

²⁴⁸ Собственно «жилище», из древнеиранского — $\text{mae}\dot{\text{d}}ana$ «жилище» «дом»; Altir. Wb., 1106.

²⁴⁹ В. В. Бартольд, *Туркестан...*, стр. 160; R. N. Frye, *The history of Buchara*, p. 109, n. 31.

²⁵⁰ В. В. Бартольд, *Туркестан...*, стр. 171 (Самтин); Самани, л. 20; Йакут, I, 265.

²⁵¹ В 1940 г. на том же объекте, но в другом помещении была обнаружена медная византийская монета Артемия Анастасия (713—715), которая дает нам известный временной ориентир. Монета хранится в фондах Отдела Средней Азии Государственного Эрмитажа инв. № СА 7567 вместе с согдийскими, инвентарные номера которых СА 7569 и СА 7570. Пенджикентские монеты принадлежат пенджикентскому собранию инв. № 1291, 1383 и 1384 (полевые цифры $\frac{\text{ТП}-56}{\text{VI}-37}$ $\frac{\text{ТП}-56}{\text{XIV}-85}$ и $\frac{\text{ТП}-56}{\text{XIV}-113}$).

зированной. Последнее пока остается предположением. Вся эта часть Согда в раннем средневековье была одним из богатейших и оживленнейших его районов, которую еще географы называли сердцем Согда. Но ни монет Иштихана, ни Кушании до сих пор не обнаружено; тем больший интерес будут иметь самитанские монеты, если их локализация окажется правильной. Отметим, что знаки, схожие со знаками на самитанских монетах, встречаются на хорезмийских монетах, изданных С. П. Толстовым²⁵². Последние в отличие от знаков на чилекских монетах вместо точки пропускают через полукружье верхней части стерженек подставочки . Аналогичные знаки отмечены также на предметах дальверзинского клада, значительно более раннего по времени.

Неизвестным остается место выпуска монет китайского образца с так называемым бухарским знаком на их лицевой стороне, так же расположенным как на пенджикентских, и надписью: r'mčytk βуу «блаженный духом владыка» или «владыка Рамчитак», которая равно может относиться к божеству и к владельцу²⁵³.

Монеты китайского образца с надписями на согдийском языке согдийским письмом выпускали тюргеши и тюрки, осевшие в согдийских колониях и зависимые от тюргешей, а также ферганские оседлые тюрки; все они, как известно, имели непосредственные сношения с Согдом и с Китаем, что и нашло свое отражение на их монетах.

Монеты тюргешей известны давно. Впервые надписи на них были прочтены Ф. В. К. Мюллером как тюркские и соответственно переведены²⁵⁴. Между тем надписи на них

²⁵² С. П. Толстов, *Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования*, М., 1948, табл. 85 (на оборотной стороне монеты имеется дополнительная надпись согдийским полукурсивным письмом MLK' «царь»).

²⁵³ Ср. согдийское манихейское r'mtəwβyuy «мир ниспосылающий бог» (I. Gershevitch, *A grammar...*, § 1107) и βуу r'ymst frzynd xwyštr «Herr (Gott) Rāymast fraزند, der Obere (Meister)», — ВВВ, S. 12. Надпись можно также прочесть r'mčβtk βуу «Рамчйфтский владыка», и в ней в таком случае речь идет о владыке местности Рамчйфт. Публикации монет см. О. И. Смирнова, *Каталог монет...*, стр. 121—123. Среди монет группы наметились два их типа.

²⁵⁴ F. W. K. Müller, *Uigurica*, II, Berlin, 1911, S. 95, n. 1.

оказались согдийскими, так же как и на монетах, получивших пока условное название монет круга тюргешских, выпускавшихся в колониях ²⁵⁵. Шесть монет из числа последних опубликованы А. Н. Бернштамом под общим названием монет тюргешей. От предложенных им дешифровок надписей и их интерпретаций приходится отказаться ²⁵⁶. На лицевой стороне своих монет, выпускаемых от лица хакана, тюргеша ставили свою тамгу , а на оборотной

писалась одна и та же надпись, которой подчеркивалась принадлежность монет: $\beta\gamma\tau\kappa\upsilon\delta\ \gamma'\gamma'p\pi\eta$ «Тюркского небесного хакана деньга». Тюрки племени тухси, изготовлявшие монеты круга тюргешских, воспроизводили на лицевой стороне своих монет надпись с монет своего сюзерена — тюргешского хакана, а на оборотной стороне писали свой титул и ставили свой знак, вероятно, как и тюргеша, свою тамгу. Другие типы тюргешских монет и монет круга тюргешских предстоит еще изучить.

Надпись на монетах ферганских, западных тюрков состоит из одного слова $\gamma'\gamma'p$ «хакан», написанного в левой части монеты сверху вниз. Знак расположен против надписи по другую сторону квадратного отверстия. Форма знака, одного и того же, варьирует от простого $\mathfrak{H}$ к

ложненному добавочной черточкой справа снизу $\mathfrak{H}$. Мож-

но думать, что мы имеем дело с монетами двух представителей одного рода, скажем отца и сына, или представителей двух ветвей этого рода. Монеты ферганских тюрков обнаружены археологами во время раскопок на пенджикентском городище и на городище средневекового ферганского города Кува. На пенджикентском городище найдена всего одна такая монета, тогда как на ферганском их обнаружено

---

²⁵⁵ Л. Р. Кызласов, О. И. Смирнова, А. М. Щербак, *Монеты из раскопок городища Ак-Бешиш...*, стр. 527 и сл.; см. также О. И. Смирнова, *К вопросу о языке легенд на тюргешских монетах*, стр. 265—272.

²⁵⁶ А. Н. Бернштам, *Новый тип тюргешских монет*, — «Тюркологический сборник», М. — Л., 1951, стр. 68—72; Л. Р. Кызласов, О. И. Смирнова, А. М. Щербак, *Монеты из раскопок городища Ак-Бешиш...*, стр. 532—542; В. А. Лившиц, *Согдийский посол в Чаче*, — СЭ, т. V, 1960, стр. 84.

15²⁵⁷. Таким образом, в долине Зеравшана, правда в ее крайней восточной части — на пенджикентском городище, отмечены находки монет ферганских тюрков и тюргешей; монет круга тюргешских не обнаружено. Широкий ареал распространения тюргешских монет, вероятно, находит себе объяснение в широких связях самих тюргешей.

Итак, в VII—VIII вв. форма бронзовой китайской монеты была прочно освоена не только иранским населением Средней Азии, но и тюрками под непосредственным влиянием согдийцев. Такие бронзовые монеты в соответствии со своим образцом назывались фень; их название встречается в надписях как на самих монетах (тюргешей), так и в письменных источниках, в том числе в мугских документах (Б 27)²⁵⁸.

Характерной чертой монет китайского образца разных серий (групп) и типов является устойчивость рисунка знаков, правда допускающих для монет даже одного типа варианты, и надписей; почерк последних, расположение, даже местоположение букв не меняются (в пределах типа). Все это, вместе взятое, позволяло легко отличать по вариантам графики разные типы монет, давало возможность идеографического их восприятия, что было важно для основной массы неграмотного населения, пользовавшейся бронзовой монетой.

Кроме монет китайского образца на среднеазиатских городищах и тепе имеют место находки разновременных бронзовых монет, тип которых восходит к местным прежним образцам — греко-бактрийским, кушанским, подражаниям сасанидским, соответственно с чем за такими монетами закрепилось упомянутое выше условное общее обозначение «монет местного образца». Судя по местам и обстоятельствам находок, часть их них находилась в обращении одновременно с монетами, литыми по образцу китайских, о чем уже говорилось. Эти монеты в настоящее время представлены несколькими разновременными груп-

²⁵⁷ Предварительное издание монеты с пенджикентского городища см.: О. И. Смирнова, *К вопросу о языке легенд на тюргешских монетах*, стр. 271, прим. 23 (рис. 6). Монеты той же группы обнаружены во время археологических работ на городище древней Кувы в раскопочные сезоны 1960 и 1961 гг. археологом В. А. Булатовой, любезно предоставившей мне открытые ею монеты для изучения и публикации.

²⁵⁸ «Согдийские документы с горы Муг», вып. III, стр. 55—56. Там же к этимологии слова.

нами, пасчитывающими до пяти и более типов, хронологическая последовательность которых определяется внешними данными оформления монет — иконографическими и эпиграфическими. На последних из них по времени, выпущенных данниками арабов, появляются арабские надписи.

Количество монет местного образца по сравнению с количеством монет ихшидов весьма незначительно; сфера их обращения была очень узкая, и какой-либо серьезной роли в денежном обращении они уже не играли. От монет с квадратными отверстиями они резко отличаются не только внешним видом, но размером и весом. В противоположность последним их тип крайне неустойчивый.

В настоящем очерке не представляется возможным охарактеризовать известные теперь серии монет местного образца, поэтому, отметив их многообразие, остановимся лишь на некоторых наиболее характерных. К их числу принадлежат монеты двух разновременных весовых групп с конем и сопроводительными надписями, еще не прочтенными. Диаметр монет 21—22 мм. На другой стороне, назовем ее условно лицевой, тяжелых монет весом до 3 г в поле, полностью его занимая, располагается знак , с надписью над ним из одного слова, которое можно прочесть как иисбу ṣškōk «хшикадский», «относящийся к Хшикаду» или ṣškōk. В первом случае речь пойдет о ферганской средневековой столице Ахсикенде, которую Белазури называет Хшикатом (خشکات). На лицевой стороне одной из монет другой весовой группы (до 2 г), представляющей дальнейшее развитие типа, сохранился портрет правителя(?) с монголоидными чертами лица; последнее говорит о том, что такие монеты выпускались тюрками, а судя по надписи, если предложенное ее чтение подтвердится, ферганскими правителями Ахсикета. На остальных монетах этой же второй весовой группы лицевая сторона монет настолько стерта, что производит впечатление гладкой, каковой она и считалась до тех пор, пока не была обнаружена монета с портретом²⁵⁹. Особую серию составляют анэпиграфные монеты, тип которых, надо думать, был древнейшим для Согда и дальнейшего развития не имел. На лицевой стороне таких монет имеется изобраа-

²⁵⁹ Публикации монет см.: О. И. Смирнова, *Каталог монет...*, стр. 127—128, № 734—740.

жение мужской головы, черты лица которой почти стерты, с гладкой прической на пробор и в тяжелых грушевидных серьгах. На оборотной стороне крупный у-образный знак ихшидов занимает все поле монеты, по

краю которой, как и на лицевой ее стороне, идет широкий гладкий обод ²⁶⁰. Диаметр монет — 23—21 мм при максимальном весе в 3 г. К совершенно иному типу принадлежат 10 экземпляров с изображением царственной пары на лицевой стороне и надписью, содержащей известный среднеазиатский женский титул «хатун» (согд. $y'ttwnh$), на оборотной. Монетные типы этой серии в противоположность двум предшествующим сильно деградируют. Еще одну серию составляют бронзовые монеты, выделенные под общим названием «позднекушанских монет местного среднеазиатского чекана», с погрудным изображением правителя (?) в крылатом венце или слона (эмблемы мудрости) на лицевой стороне и трех разных зна-

ков на оборотных , последний из которых представляет совмещение двух первых, наложенных друг на друга ²⁶¹. На одной из монет рядом со знаком изображен

равноконечный христианский крест. Двустрочные надписи, содержащие имя и титул (или сан) лица, от имени которого монета выпущена, находятся на лицевой стороне или на оборотной в зависимости от типа. Одна из них, повторяющаяся на монетах двух разных типов, — $stcry MR'Y$ «Господин Сатачари», или «Господин Учитель», или «Наставник на правильный путь». На второй — такой же титул $MR'Y$, сопровождаемый почти стертым именем, прочесть которое нет возможности. Места выпуска этих монет мы не знаем. Одна из этих монет (с изображением слона) обнаружена в составе пенджикентского клада первой чет-

²⁶⁰ Там же, стр. 128—129, № 741, 742.

²⁶¹ Публикации монет см.: О. И. Смирнова, *Каталог монет...*, стр. 129—130, № 745, 746. Одна такая же монета хранится в нумизматическом отделе Ташкентского исторического музея, где она числится среди позднекушанских монет среднеазиатского чекана вместе с несколькими другими монетами, также оказавшимися согдийскими.

верти VIII в., что позволяет отнести ее выпуск не позднее чем к этому времени.

Резко отличную картину дают районы за Сыр-Дарьей, состав монет которых отличается самобытностью их типов и в связи с этим, как сейчас представляется, отсутствием среди них монетных подражаний. Последнее обстоятельство может говорить о том, что рынок этих районов не был в предшествующий период наводнен ни монетами Китая, ни своего экономически более развитого соседа — Согда. Ведущим типом монет Чача (границы которого соответствовали примерно позднейшей Чачской области арабских географов) и соседних с ней районов по Сыр-Дарье был тип бронзовых монет с разными вариантами вилообразного знака с прямыми створками и загнутыми внутрь . Они представлены разновременными

типами монет от VI в. до первой половины VIII в. включительно. Основным и одновременно наиболее ранним монетным типом является, судя по их количеству, найденному во время раскопок, тип монет с изображением полуфантастического животного (льва?) в точечном (из перлов) или сплошном круге на лицевой стороне (эмблемой города или рода). На оборотной стороне таких монет в центре изображен знак , кругом которого расположена двустрочная концентрическая чаще всего надпись, содержащая титул правителя или его имя и его титул $\gamma\omega\beta\omega \text{ tr}\beta'/\check{\text{c}}$ или $\gamma\omega\beta\omega \text{ tr}'\beta'/\check{\text{c}}$ ²⁶². Второе слово нуждается в уточнении. Если это титул, то он читается по аналогии с такими, как *kwštwtk* (кштутский), $\gamma\omega\beta$ - и $\gamma'\gamma\text{sr}\check{\text{c}}$ (хаксарский), $\gamma\omega\beta$ - в мугских документах: $\text{tr}\beta\check{\text{c}} \gamma\omega\beta\omega$ или $\text{tr}'\beta\check{\text{c}} \gamma\omega\beta\omega$, в первом слове которого следует видеть относительное прилагательное от названия места $\text{tr}\beta$ или $\text{tr}'\beta$ ($\text{tr}\beta$ -ский $\gamma\omega\beta$ или $\text{tr}'\beta$ -ский $\gamma\omega\beta$ -). Известны средневековой Тарāб (араб. граф. طاراب) в районе Бухары около Хунбуна (по хорасанской дороге) и Тарнаб на территории современного Афганистана. Но оба эти названия не могут быть отождествлены с названием на монетах, так как последние по археологическим данным должны бы-

²⁶² Публикации монет см.: О. И. Смирнова, *Каталог монет...*, стр. 130—132, №№ 747—774.

ли выпускаться в районах по Сыр-Дарье, вероятно к северу от нее. Можно предположить и другое. У Табари и Белазури встречается название города Тарбанд, которое принято отождествлять со средневековым Отраром (Фарабом), название которого встречается у того же Табари. Тюрколог С. Г. Кляшторный отождествил арабское Тарбанд с топонимом Тарван, засвидетельствованном в орхонских текстах. Большинство исследователей помещают средневековый Отрар к западу от Фараба. В. Ф. Минорский считает, что он вероятнее всего находился на Сыр-Дарье в пределах Чачской области²⁶³. Ал-Хорезми (географ первой половины IX в.) приводит в своих таблицах название Тарбанд и указывает его координаты. Откуда Хорезми взял свои сведения — неизвестно, также неизвестны и его источники. У других географов, кроме зависимых от ал-Хорезми Сухраба и ал-Баттани, названия Тарбанд не встречается²⁶⁴. Надпись на монете допускает, правда с известной натяжкой, чтение tr'βn и с перестановкой гласного t'rβn. При условии такого чтения согдийское tr'βn γωβω на монетах можно интерпретировать по аналогии с приведенными сочетаниями (такими, как, скажем, рwγ'г γωβ- «бухарский γωβ», «γωβ Бухары»), γωβ tr'βn-а, т. е. Тарбан(д)а. В таком случае владелец Тарбан(д)а должен был носить титул его γωβ-а и выпускать монету со своим титулом и знаком. С тем же знаком выпускали монеты правители Чача (Шаша) в первой половине VIII в. Монеты последних принадлежат к тому же кругу, как только что рассмотренные, но к другой серии. На их лицевой стороне вместо животного находятся портреты правителей с явно выраженными монголоидными чертами. Известное указание на тюркское происхождение династии можно усмотреть также и в том, что варианты знака, присвоенного этим правителям, позднее помещают на своих монетах джучидские князья. В дальнейшем двустрочная надпись на монетах заменяется круговой, сохранившейся только на одной из них и только частично:...|č'k γωβω z/ny[...«... [ча]чский γωβ (такой-то)», имя стерто. Затем устанавливается

²⁶³ По М. Е. Массону, легенда на наших монетах означает «правитель Тарбена» (-Тарбанд арабов).

²⁶⁴ Ю. Буряков, *Городище Минг-Урюк в Ташкенте*, Труды САГУ, в. LXXXI, стр. 126.

эпиграфический тип монет со знаком в крупноточечном круге на лицевой стороне и надписью на оборотной, состоящей из трехстрочной надписи в поле... /γwβ/tδwn «государь тудүн. (по имени)» и второй круговой по краю монетного кружка. От этой последней ни на одной из имеющихся в нашем распоряжении монет ни одного слова полностью не сохранилось ²⁶⁵. Монеты, принадлежащие к этой серии, неправильной овальной формы, как правило, небрежной работы, к тому же плохой сохранности, что еще более затрудняет работу с ними. Диаметр их не превышает 17—18 мм. Об их реальном весе из-за плохой сохранности экземпляров судить нельзя; надо думать, что таковой не превышал 2 г. Первый из титулов лиц, выпускавших такие монеты, γwβ, как мы могли уже убедиться, встречается на разных согдийских монетах и хорошо известен по мугским документам. Как на тех, так и на других он обозначает владетельных дикан. Второй тудун (tδwn), как и первый, встречается в мугских документах, в одном из которых он впервые прочтен В. А. Лившицем ²⁶⁶. Район выпуска монет с этим титулами и со знаком и его вариантами по археологиче-

ским данным локализуется в пределах чачских владений. Значительное количество таких монет хранится в Ташкентском историческом музее, основные фонды которого, как и самаркандского, сложились из числа местных находок. Арабские источники поясняют слово тудун (согдийское tδwn, арабское тудүн) как титул правителей Чача. У Табари под этим титулом фигурируют правители Чача и царь Хутгалья; последний у него именуется Тудун-тархан ²⁶⁷. Сам термин введен в Средней Азии в начале VII в. тюрками при попытке реально подчинить себе владения Заречья. Так назывались тюркские чиновники при местных владетелях, которые были переведены тюрками номинально на положение наместников. Эти чиновники наблюдали за правлением последних и сбором дани.

В китайских источниках тудунями именуются сами

---

²⁶⁵ Публикации см.: О. И. Смирнова, *Каталог монет...*, стр. 133—134.

²⁶⁶ «Согдийские документы с горы Муг», вып. II, стр. 82—83.

²⁶⁷ Табари, II, 1629 (тудүн-тархун малик ал-Хутгалья), 1694 (тудүн малик аш-Шаша).

Тюркские правители Чача, за которыми этот титул, по-видимому, закрепляется в середине VII в. Во всяком случае он с этого времени появляется в качестве постоянного компонента при именах чачских правителей²⁶⁸. Вероятнее всего, что монеты со знаком и его вариантами выпускались от имени представителей одного из осевших по Сыр-Дарье тюркских родов, и в частности представителей небольшой династии, власть которой установилась после того, как в 605—606 гг. тюрки, вторгшись в Чач, убили местного владетеля и поставили своего собственного правителя.

Монеты Чача, судя по местам их обнаружения, проникали в районы к югу от Сыр-Дарьи до долины Зеравшана. Значительное количество этих монет обнаружено за последнее время на пенджикентском городище, где обстоятельства их находок отнюдь не носят случайного характера. В районах к западу от Пенджикента и к югу от него таких монет, насколько мне известно, обнаружены до сих пор единицы, и можно полагать, что границей их обращения являлся пенджикентский район. Проникали сюда из-за Сыр-Дарьи и другие монеты, но находки их также единичны.

В середине VIII в., возможно несколько раньше, на согдийских бронзовых монетах, кроме монет ихшидов, так же как и на серебряных, появляются первые арабские надписи, которые помещают на них данники арабов. Обычно это вторая часть символа веры «Мухаммад — посланец Аллаха». Первая часть символа «Нет бога кроме Аллаха» не писалась или писалась крайне редко. Во всяком случае ее можно установить только на одной согдийской монете и то с оговоркой, что в правильности чтения этой надписи уверенности нет, так как монета плохой сохранности. Согдийских и других среднеазиатских монет арабских данников сохранилось всего несколько экземпляров. Показательно, что монет китайского образца с арабскими надписями не обнаружено ни одной. Но нам известны монеты согдийцев-данников, чеканенные по образцу арабских фельсов.

Два совершенно одинаковых согдийских фельса (но

---

²⁶⁸ Н. Я. Бичурин (Иакинф), *Собрание сведений...*, II, стр. 313—314.

разных матриц) найдены на пенджикентском городище. Оба фельса выпущены от имени кешского ихрида, который на одной и той же монете называет себя одновременно «дихканом Кеша». Монеты выпущены не позднее 748 г. В надпись на монете вошло название новой для Согда монетной единицы — «фельс»: «Выбит этот фельс в Кеше»; надпись на другой ее стороне гласит: «Ихрид дихкан Кеша»²⁶⁹. Кешские фельсы представляют образец монет, по которому мы можем судить о раннем непосредственном воздействии арабского монетного дела на согдийское. Интересно, но и закономерно, что на кешских фельсах, во-первых, нет еще круговых легенд и в этом они схожи с омейядскими, а не с аббасидскими, характерным признаком которых, как и позднейших фельсов, являются круговые легенды, а во-вторых, надписи на них, как мы могли убедиться, не содержат ни первой, ни второй части мусульманского символа веры.

В дальнейшем Согд, как и вся Средняя Азия, переходит к серийным выпускам фельсов с центральными и круговыми легендами. Влияние арабского монетного дела сказывается и на монетной технике Согда: бронзовая согдийская монета теперь уже чеканится, а не отливается²⁷⁰.

Систематический выпуск в крае среднеазиатской аббасидской бронзовой монеты начинается только с третьей четверти VIII в., когда в крае право чеканки не только серебра, но уже и бронзовой разменной монеты переходит в руки арабских чиновников. С этого времени на монетных дворах Самарканда, Бухары и Ахсикета (Фергана) начинают чеканить бронзовую монету с центральными и круговыми легендами, содержащими первые — мусульманский символ веры, вторые — имена местных аббасидских чиновников и имя хорасанского наместника, при котором чеканилась данная монета. Так же как и на других аббасидских фельсах, в их надписях указывается место и год выпуска серии.

---

²⁶⁹ Публикации монет см.: О. И. Смирнова, *Заметки по среднеазиатской титулатуре*, — ЭВ, т. XIV, 1961, стр. 62—70; О. Г. Большаков, *Второй фельс Ихрида, правителя Кеша*, — ЭВ, т. XV, 1963, стр. 165.

²⁷⁰ Точнее, процесс изготовления бронзовой монеты образца арабских фельсов проходит две стадии: сперва отливается монетный кружок; когда кружок изготовлен, его штампуют, тогда как прежде бронзовая монета отливалась в изложницах.

Первый известный нам по времени среднеазиатский аббасидский фельс, отчеканенный в Самарканде (на самаркандском монетном дворе), имеет дату 143 г. х. (760) и выпущен от имени представителя арабской власти в Самарканде Дауда, сына Гураза, самаркандского эмира, титул которого он носит на монетах. Последний принадлежал, как и Абу Дауд Халид, к числу ближайших сподвижников Абу Муслима и продолжал тип монет последнего. На своих монетах на их лицевой стороне в поле он размещает первую половину символа веры, на обратной — стих из Корана «Я не хочу от вас ничего, кроме любви к (моим) близким». Надписи на монетах выполнены каллиграфическим куфи рукой мастера, головки букв изящно украшены точками. Резчик штампа, без сомнения, прекрасно владел арабским языком и арабским письмом. То был, надо полагать, мастер не местный, а вывезенный из Ирака, возможно не непосредственно из него, а из Мерва, в котором чеканка арабской монеты была уже до известной степени освоена. На монетах Дауда, сына Гураза, кончается преемственность монетного чекана Абу Муслима. Уже следующие фельсы, выпущенные в Самарканде в 144 г. х. (761/762) самаркандским эмиром ал-Ашасом, принадлежат к другому типу: стих из Корана в поле на оборотной стороне фельса заменяется второй половиной символа веры: «Мухаммад — посланец Аллаха». Под надписью ставится у-образный знак, перенесенный сюда с монет ихшидов. Позже знак стилизуется под куфическую надпись. Монеты ал-Ашаса отличаются друг от друга по почерку своих надписей.

Надписи на одних монетах выполнены, как и на монетах Дауда, сына Гураза, рукой мастера, хорошим четким куфи, но предельно простым, тогда как на других такие же по содержанию надписи сделаны грубо, с пропусками отдельных букв. Неизбежно приходишь к выводу, что человек, резавший штамп, которым эти монеты были отчеканены, не знал ни арабского языка, ни арабского письма. Он только копировал, и копировал неумело. Надо думать, что то был местный мастер, еще мало знакомый с арабским письмом. Почерк надписей следующих по времени арабских фельсов, отчеканенных в Самарканде, уже выработан. Очевидно, в эти годы арабская письменность была принята в качестве официальной (государственной) письменности Согда и, как таковая, вводилась в его уч-

реждения. В Хорасане это мероприятие имело место несколько ранее — в 124 г. х. (742). Бухара отчеканила свои первые фельсы в 138 г. х. (755/756), за шесть лет до Самарканда. Известны фельсы этого года. Они отчеканены в наместничестве Абу Дауда Халида. Эти фельсы — единственные известные нам пока монеты столь раннего года. Ахсикат (Фергана), видимо, начинает чеканить аббасидские фельсы тогда же, когда и Самарканд. Чач (Шаш) позже.

Бронзовые согдийские монеты китайского образца, так же как и монеты тюргешей и ферганских тюрок, продолжали находиться в обращении какое-то время вместе с аббасидскими фельсами. Такую же картину мы наблюдаем и для серебра, когда в стране одновременно пользовались зеравшанскими драхмами и омейядскими дирхемами, а позже чеканили в одно и то же время аббасидские драхмы (имеются в виду драхмы с именами наместников), выпускавшиеся по образцу местных, и аббасидские дирхемы с центральными и круговыми легендами ²⁷¹.

Итак, в денежном обращении Согда рассматриваемого времени можно установить два основных периода. Первый из них приходится на время становления согдийского государства ихшидов. Этот период охватывает вторую половину VII в. и почти всю первую половину VIII в. Второй из них — период освоения арабами Средней Азии — почти всю вторую половину VIII в. Точный рубеж между ними установить еще трудно. Одно несомненно, что он приходится на конец правления царя Согда Тургара и на совпадающее с ним по времени наместничество аббасидского эмиссара Абу Муслима.

Первый период денежного обращения Согда VII—VIII вв. характеризуется драхмами образца, восходящего к монетам Варахрана V, разного иконографического типа с двуязычными пехлевийскими и местными, согдийскими, надписями, чеканенными из сплава серебра с медью (серебра в сплаве от 80 до 60%), и согдийской бронзовой монетой китайского образца, стандарт которой к середине VII в. в Согде устанавливается близким к стандарту танскому. С этого времени монеты китайского образца

²⁷¹ Поскольку одним из характерных моментов денежного обращения в крае было совместное хождение местных серебряных монет, чеканенных по типу сасанидских с омейядским серебром, позднее и с аббасидским, за первым из них мы сохраняли название драм, а за вторым — дирхемов.

стандарта, приближенного к танскому, выпускаются от имени ихшидов (царей) Согда с титулом MLK' «царь». Выпуск таких монет остается их прерогативой до момента прекращения их выпуска вскоре после битвы при Таразе. Одновременно в Согде находились в обращении бронзовые монеты разных малых владений, которые выпускались ими по типу старых местных монет. Однако последние уже какой-либо существенной роли в денежном обращении не играли. Проникали в Согд также бронзовые монеты тюркских правителей районов к северу от Сыр-Дарьи, тюркшей и ферганских тюрков ²⁷². Ихшид Тургар (738—750?) чеканит серебро со своим именем.

Второй период в денежном обращении Согда определяется переходом чеканки серебра в руки аббасидских наместников (Абу Дауда Халида; Мухаммада ал-Махди и Абу-Джафара); для него характерными являются драхмы, выпускавшиеся этими наместниками от своего имени в подражание местным (серебра в сплаве порядка 50%), и бронзовые монеты (фельсы) данников и аббасидских чиновников, систематическая чеканка которых начинается с 60-х годов VIII в. в Бухаре, Самарканде и, вероятно, в Кеше (Шахрисябзе). Несколько ранее в Самарканде и Бухаре чеканятся первые аббасидские дирхемы. Одновременно в стране, во всяком случае в конце 50-х годов, продолжала обращаться бронзовая монета местных правителей; некоторые из них (например, кешские) выпускали такую же с арабскими надписями разного содержания ²⁷³. Намечается изменение состава бронзы.

Мугское собрание документов состоит из остатков княжеских архивов первой четверти VIII в., и, следовательно, имеющиеся в них данные о серебряных монетах характеризуют драхму так называемого мугского типа, чеканившуюся в первой четверти VIII в. О таких же драхмах естественно речь идет в Самаркандском договоре 712 г. О них же речь идет и у Табари, и других авторов при изложении

²⁷² Таким образом, государственной согдийской бронзовой монетой с середины VII в. по первую половину VIII в. была монета, отлитая по китайскому образцу с именами ихшидов, их титулами и особыми знаками. Эти знаки в качестве надчекана иногда ставились также на лицевой стороне серебряных монет. На одной из таких монет знак воспроизведен на ее оборотной стороне, где он замещает фигуру мобеда, справа от алтаря. На монетах Бухары ранних типов тот же знак заменяет алтарь.

²⁷³ См.: О. И. Смирнова, *Каталог монет...*, стр. 45 и сл.; *Первый клад согдийских монет*, стр. 65.

событий соответствующего времени. Судя по данным этих письменных источников, основой денежного обращения тогда была драхма. В драмах определялась стоимость товаров (цена); драхма являлась средством накопления и средством платежа. Основные расчеты и денежная отчетность велись в драмах; в них фиксировались денежные условия в юридических документах. В драмах выплачивалась дань. О дани идет, видимо, речь в мугском документе В 14, в котором зафиксирована огромная сумма в миллион драхм. К сожалению, найдены были лишь два небольших его отрывка — две неширокие полоски бумаги, на одной из которых две неполные начальные строки текста, на другой — две неполные же строки из его середины. И все же из этих строк ясно, что это документ — письмо, отправленное хахасарскому дихкану тем же лицом, которым было написано письмо В 16. В другом отрывке речь идет об арабах, в связи с которыми упоминается и названная сумма в миллион драхм, вероятнее всего сумма денежной дани ²⁷⁴.

В драмах ведутся все денежные записи, кроме ежедневных (расходных или приходных), которые ведутся в фенях. Денежных документов шесть. Один из них, документ А 5, представляет ведомость выдач должностным лицам и, вероятно, воинским чинам денег и вещей (содержание и обмундирование?) ²⁷⁵. Согласно этой ведомости, разным лицам были выданы кафши (род обуви) разного сорта (судя по их стоимости, которая оговаривалась в реестрах), шлемы (?), кольчуги, а также шелк и бумага. Другим лицам давались не вещи, а деньги, причем в реестре оговаривалось в ряде случаев, на что выданы деньги. Но имеется ряд записей без помет, на что выданы деньги. Так, на кафши (или вместо кафшей), согласно записи, было дано разным лицам от одной до двух драхм; на покупку коня — 200 драхм; на постройку здания (pyšknp-) — 100 драхм. Выданные по этому реестру суммы разные и меняются, очевидно, в зависимости от должности и положения лица, которому они предназначались. Ряд лиц получает от 4 до 5 драхм, другие по 8—10 драхм, причем последние суммы преобладают. Начальник парадиза (охотничьего княжеского парка) получает 10 драхм; та-

²⁷⁴ «Согдийские документы с горы Муг», вып. II, стр. 130.

²⁷⁵ Там же, вып. III, стр. 51.

кую же сумму получает таможенник; палач получает 5 драхм; сумма в 50 драхм получена старшим жрецом (mṣwpt); вторая такая же сумма — неким Ривахшьяном, возможно дихканом Партана. От второго аналогичного документа сохранилось только несколько строк (док. А 11). В документе Nov. 6 заприходованы поступления денег за 34 месяца (с 4/III 10 г. по 21/II 13 г. правления Деваштича) также в драхмах²⁷⁶. Согласно записи, деньги были получены от разных лиц в разное время за пшеницу. И можно полагать, что при взимании пшеницы с определенных категорий земель она расценивалась деньгами и в казну князя могла поступать и натурой и деньгами.

В юридических документах название денежной единицы — драхмы — сопровождается ее развернутым определением. В зависимости от характера документа — юридического акта — это определение вносилось в него (акт) в полном или сокращенном виде. Определение драхмы встречается в трех юридических документах. Из этого ясно, что такое определение было официально установленным и не носило случайного характера. Эти документы — купчая на земельный участок (док. В 4), арендный договор на мельницы и брачный контракт ферганского царевича (Nov. 3 и Nov. 4). Развернутое (наиболее полное) определение драхмы зафиксировано в док. Nov. 4 (20): ḍṛṣṣuḥ ḍuṇ'rk'h n'krtynch (21) ptsynch šyrh kr'nh; во второй части того же договора (Nov. 3) драхма определяется короче: (20) ḍṛṣṣuḥ ḍuṇ'rk'h šyrh, а в док. В 8 просто: (11) ḍṛṣṣuḥ ḍuṇ'rk'uh.

Издатель брачного контракта следующим образом переводит зафиксированное в юридических документах определение драхмы: «драхма динарская, серебряная, утвержденная (=гарантированная, имеющая хождение?), хорошей сохранности, чистая (без примесей)»²⁷⁷. Что следует понимать под словами ḍṛṣṣuḥ ḍuṇ'rk'uh «драхма динарская», остается неясным. Ни о каких золотых драхмах в тексте документа речи не может идти, хотя бы уже потому, что эти драхмы определены в нем же как драхмы серебряные (n'krtynch). Динарской драхмой могли называть эти монеты в связи, скажем, с их весом или курсом. В восточной нумизматике известны тяжелые драхмы весом

²⁷⁶ Там же, вып. III, стр. 49.

²⁷⁷ «Согдийские документы с горы Муг», вып. II, стр. 31 (комментарий к стк. 20 договора).

в мискаль или, что то же самое, в динар. Сами источники называют такие драхмы хусрувани «царскими». Так, по словам Масуди, сасанидский царь Ануширван в первый год своего царствования получил доход в 150 млн. драхм, весом каждая в мискаль²⁷⁸. И надо думать, что в согдийских юридических документах речь идет о «драхмах весом в динар (мискаль)». Соответственно изменится и сумма, будучи выраженная в простых драхмах, в сторону увеличения. Паршахи, известия которого, правда, относятся к X в., т. е. к значительно более позднему времени, приводит любопытные данные о ценах на земельные участки, согласно которым цены на них фиксировались в купчих в весовых единицах — «весовых дирхемах серебряных» (дирами санги нуфра)²⁷⁹. Такая фиксация денежных расчетов в юридических документах должна была придавать устойчивость условиям, ставившимся заключающими договор сторонами. Сам факт фиксации в юридических документах развернутой формулы определения драхмы для нас важен, так как из него следует, что.

1. В Согде чеканилась драхма обычного веса и драхма весом в динар (мискаль), т. е. драхмы двух разных достоинств²⁸⁰.

2. Выплата денег по договорам производилась в той или иной форме, но драхмами. Денежные суммы не только фиксировались, но и выплачивались таковыми, и драхма являлась средством платежа.

3. При расчетах за основную единицу бралась драхма весом в динар. Развернутая формула определения этой драхмы «драхма (весом) в динар, серебряная, имеющая хождение, хорошая, настоящая». Попутно отметим что арабы в своих договорах с среднеазиатскими владениями фиксируют денежную дань в драхмах весом в драхму.

Единственный мугский документ, в котором упоминаются фени, — это подневная денежная запись (расходная или приходная) Б 27²⁸¹. Запись эта дефектная, не

²⁷⁸ ВГА, VIII, 39 (15).

²⁷⁹ «История Бухары» (изд. Шефера), стр. 29.

²⁸⁰ Вес среднеазиатского динара для рассматриваемого времени еще не установлен. Впервые попытались это сделать Е. А. Давидович и Б. И. Маршак. Выводы авторов требуют проверки. См. Е. А. Давидович, Б. И. Маршак, *Уникальная гиря VI—VIII вв. из Пенджикента*, — КСИИМК, вып. XXX, 1959, стр. 81—87

²⁸¹ «Согдийские документы с горы Муг», вып. III, стр. 51.

имеет ни начала, ни конца. Дни в записи обозначаются своим порядковым числом по дням месяца (девятый, десятый и т. д.). Общая сумма расхода или прихода за десять дней согласно этой записи составляет 460 феней, от 30 до 130 феней в день. Расход (или приход) по дням следующий:

День месяца	—	9	10	11	12	13	14	15	16	17						
Сумма в фенях	—	40	30	42	22	+	?	100	30	+	?	130	24	+	?	42

Других записей ежедневных расходов не сохранилось.

По всей вероятности, такие записи служили только основой для общих сводок, после составления которых они попросту уничтожались. В общих подсчетах суммы уже выражались в драмах. Поскольку ежедневные расходы фиксируются в фенях, а не в драмах, ясно, что население ими и пользовалось в повседневной жизни. На одном из черепков, найденных на пенджикентском городище, сохранились полусмытые остатки записей каких-то денежных сумм в драмах и фенях. Но сколько считалось феней в драме, мы не знаем. По новым, неопубликованным данным, в середине VIII в., при Абу Муслиме, к одному дирхему было приравнено 60 фельсов.

Как теперь установлено, согдийская разменная монета чеканилась только из бронзы, а не из меди²⁸². В 1965 г. в лаборатории археологической технологии ЛОИАИ АН СССР произведен спектральный количественный анализ 88 монет, ранее именовавшихся медными, из раскопок на пенджикентском городище за 1947 — 1957 гг., в том числе одной кушанской, 57 согдийских, двух китайских и двух аббасидских местного чекана. В результате анализа установлено, что все монеты, найденные на городище, кроме одной — кушанской, медной, оказались изготовленными из сплава меди (основа) с оловом, свинцом и цинком в различных сочетаниях (количественных и качественных), т. е. из разного типа бронз. Анализ определил два типа основных бронз, из которых из-

²⁸² Установлено И. В. Богдановой-Березовской и Д. В. Наумовым (см. И. В. Богданова-Березовская, Д. В. Наумов, *Результаты анализа...*). В дальнейшем анализ состава бронзы, результаты которого сведены в настоящей работе, производился по просьбе автора в той же лаборатории археологической технологии И. В. Богдановой-Березовской и В. Н. Сидоровым. Монеты для анализа подбирались и систематизировались автором. Выводы обработаны совместно с И. В. Богдановой-Березовской

готовлялись монеты: бронза *B* (условное обозначение лаборатории) — сплав меди (основа) и свинца (5—18%), и бронза *B* — сплав меди (основа), олова (1—7%) и свинца (2—18%). Внутри этих двух основных типов бронз (*B* и *B*) выделены подгруппы (*B'*, *B'* и *B''*) за счет добавочных компонентов (сурьма, мышьяк). Для основных указанных сплавов отмечены также примеси, характерные для обоих и зависящие от использованной руды.

Все согдийские монеты, взятые выборочно из разных серий за период почти в полтора века, оказались изготовленными из бронзы типа *B*, т. е. из сплава меди с оловом и свинцом. Из того же сплава изготовлены две подвергнутые анализу китайские монеты. Последние отличаются от согдийских только по примесям. Аббасидские фельсы (местной чеканки) изготовлены из бронзы *B* (т. е. из сплава меди и свинца) — 21 экз. и бронзы *B* — 7 экз. Таким образом, можно утверждать, что с переходом права чеканки разменной бронзовой монеты в руки аббасидских чиновников меняется не только тип монет и техника их изготовления, но и рецептура сплава — появляются монеты, отчеканенные из бронзы *B*, каковых среди согдийских монет, подвергшихся анализу, не обнаружено. Наличие среди аббасидских фельсов монет из бронзы *B* очевидно объясняется тем, что основная масса монет шла в переплавку, а следовательно, какое-то количество олова должно было присутствовать и в первых. Кроме того, несомненно, при Аббасидах продолжали пользоваться старым рецептом изготовления бронзы. Дальнейшее исследование металла монет, а также предметов соответствующего времени разрешит этот вопрос окончательно. Несомненно одно: анализ металла аббасидских фельсов убеждает в том, что монеты из сплава *B* начинают чеканиться в Согде во всяком случае не ранее конца 40—50-х годов VIII в. Согдийских монет из бронзы *B* пока не обнаружено. Как долго продолжалась в Согде и вообще в Средней Азии чеканка монет из сплавов типа бронзы *B* — вопрос другой. В связи с изложенным, любопытно отметить, что бронза *B*, представляющая сплав меди и свинца, по своим основным компонентам такая же, как бронза испидруй (белая медь), характеристику которой среди прочих дает Бируни в своей «Минералогии». Этот тип бронзы, по его словам, получил широкое распространение благодаря своим качествам. Бируни тут же приводит интересную легенду,

согласно которой наместник Ирака Хадждадж (660—714 гг.) запретил изготавливать в Ираке и Иране сосуды для питья из золота и серебра, и тогда их стали изготавливать сперва из серебра и меди, а затем из сплава меди и свинца. Последний благодаря своим качествам получил широкое распространение²⁸³. Делать из этого какие-либо непосредственные выводы относительно среднеазиатской бронзы *B* конечно нельзя. Однако совпадение известий Бируни о распространении в Ираке и Иране сплава типа бронзы *B* с данными анализа монет стоит отметить.

Монеты ихшидов Согда пока остаются единственными бронзовыми монетами края, типы которых могут быть расположены в более или менее твердо установленном хронологическом порядке от первой четверти VII в. до 50-х годов VIII в. включительно. В этой связи была сделана попытка исследовать, основываясь на данных взвешивания и измерения этих монет, хотя бы предварительно, метрологию согдийской бронзы. Удалось выяснить, что в противоположность серебру согдийская бронзовая монета не имела твердо установленного весового стандарта²⁸⁴. Известная нормировка металла выражалась в том, что из определенного количества бронзы изготовлялось определенное же количество монет. Вес бронзовой единицы имел лишь относительное значение, зачастую завися от чисто технических причин, и, следовательно, говорить о полноценной бронзовой монете для этого времени не приходится. Все же наблюдение над разницей в весе и размере монет ихшидов и других монет китайского образца наметило не менее двух весовых групп как для монет Самарканда, так и для монет других мест. В этой связи в свое время было уже высказано соображение, что в Согде в VII—VIII вв. выпускались бронзовые монеты разных достоинств, — явление, характерное для древнего Китая. Вместе с тем анализ тех же данных привел к выводу, что одновременно имело место общее падение веса бронзовой мо-

²⁸³ По словам Бируни, изготовлением изделий из такой бронзы особенно славилась систанцы: «Жители Саджистана отличаются искусством и изощренностью изготовлять его (т. е. ее — бронзу. — *О. С.*) и привыкли его применять. Саффариды занимались этим ремеслом до того как достигли власти» (Бируни, *Минералогия*, пер. А. М. Беленицкого, М. — Л., 1955, стр. 246).

²⁸⁴ О. И. Смирнова, *Монеты древнего Пенджикента*, стр. 267—269; Е. А. Давидович и Б. И. Маршак, *Уникальная гиря...*, стр. 83, прим. 10.

петы и соответственно уменьшение ее размера. Так, в середине VII в., как было уже установлено, из килограмма бронзы изготовлялось в среднем 425 единиц, а в середине следующего века из такого же количества металла в среднем отливалось 963 монеты. Такая деградация типа бронзовой монеты может рассматриваться как общее закономерное явление; но она может быть также связана с вздорожанием меди в стране; о последнем нам известно по косвенным данным источников.

Для рассматриваемого времени в целом наблюдается постепенное уменьшение веса и размера серебряных и бронзовых монет VII—VIII веков, выпускавшихся согдийскими правителями. Для драхм, кроме того, как уже об этом говорилось, характерно уменьшение серебра в сплаве — 80%, затем 60 и 50%. А к концу VIII в. многие драхмы уже чеканятся из меди (серебра в сплаве порядка 5%); последние получают в народе название черных дирхемов ²⁸⁵.

Бронзовые монеты так же, как и серебряные, служили средством накопления. Так, за время раскопок на пентжикентском городище обнаружено несколько кладов разновременных бронзовых монет. Этот факт свидетельствует о том, что часть накоплений, и немалая, местного населения (его торгово-ремесленных слоев) состояла из бронзовых монет, что было уже отмечено в печати.

Золотых монет, относящихся к рассматриваемому в работе времени, как уже об этом говорилось, пока не обнаружено. Соотношение между стоимостью золота и стоимостью серебра устанавливается только для начала VIII в. и только по одному факту — Самаркандскому договору 712 г. Оно выражается пропорцией 14 : 1 или 13 : 1; вопрос требует уточнения ²⁸⁶.

---

²⁸⁵ Сводку данных по вопросу см.: Е. А. Давидович, *О загадочных дирхемах...*, стр. 1 и сл. В общем автор прав, утверждая, что «к тому моменту, когда в Средней Азии сложилось и получило свое окончательное название (дирхемов Мусейяби, Мухаммеди и Гитрифи) три вида монет „бухархудатского типа“, — они обращались по разным курсам, а в основе этой разнокурсности лежала разница в их металле; эта же металлическая разница была практически критерием различия трех видов дирхемов» (там же, стр. 2). Однако практически Е. А. Давидович отошла от выдвинутого ею тезиса, так как не произвела анализа состава металла разных групп. Последний дает очевидно несколько иную картину.

²⁸⁶ О. И. Смирнова, *Каталог монет...*, стр. 50.

В заключение настоящего краткого очерка о денежном обращении Согда приведем данные о покупательной способности согдийской драхмы первой четверти VIII в., взятые из мугских документов, из Самаркандского договора (его арабского текста) и из соответствующих по времени рассказов Табары.

Товар	Количество	Качество	Стоимость в драмах	Источник
Раб	один	молодой и сильный	200*	Самаркандский договор
Ткань	кусок большой	парча джаба	100	« «
Ткань	кусок малый	« «	60	« «
Ткань	отрез	шелк харир	23	« «
Ткань	«	« «	25	Табары
Ткань	«	« «	20**	Ибн Мискавейх
Керамика	штука	корчага	2	Табары***
Золото	мискаль	червонное	20	Самаркандский договор
Серебро	драхма	чистое	1	« «
Козь	один	верховой (?)	200	Мугские документы
Корова	одна	на убой	11	« «
Волю	два	запряжка	12	« «
Кольчуга (?)	штука	с рубахой (?)	12	« «
Кафши	пара	—	1—2	« «
Шлем (?)	один	—	2	« «
Яхонт***	«	—	80	« «

* Согласно Табары, при Абу Муслиме, т. е. каких-нибудь 40—50 лет спустя, раб уже стоил 300 драхм вместо 200.

** Тот же Табары приводит анекдот о том, что после взятия Майканды схваченный в нем местный старик предложил за себя выкуп в 5 тыс. кусков китайского шелка стоимостью в миллион (Табары, II, 1188); согласно Балами, выкуп, предложенный стариком, был в 50 тыс. кусков шелка, стоимостью в миллион драхм. Следовательно, по Табары, кусок китайского шелка стоил 200 драхм, тогда как по Балами—всего 20 драхм, что явно говорит в пользу точности некоторых сведений Балами и его источников. Табары рассказывает еще, что после взятия Ходжента в 721 г. какой-то человек купил у участника захвата города—Илба, сына Ахмеда ал-Йашкари, корчагу за два дирхема и обнаружил в ней слитки золота (Табары, II, 1446). Данные того же порядка, но относящиеся к более позднему времени, здесь приводить излишне.

*** Возможно, что слово *ywth* «яхонт» неверно прочтено и его следует читать с начальным β : $\beta ywth$, ср. тюркское *بوغ* «тюк товара» и *بوغچه* «сверток с одеждой» и *بختوی/بختای* «катанная сумка для одежды». В XIX в. такими свертками кокандские ханы жаловали своих приближенных. В них были комплекты одежды или отрезки на комплекты одежды.

В документе А 5, кроме того, имеется запись о выдаче бумаги и шелка (материала для письма) на 8 драхм; количество ни того, ни другого неизвестно. Но из записи ясно, что, как и следовало ожидать, бумага ценилась наравне с белым шелком, (сүпү'), служившим для письма.

В рассказе о том, как был заключен мир между Кутайбой и Тархуном, царем Согда, в 90 г. х. (709), сообщается между прочим, что в арабском лагере при распродаже захваченного оружия стоимость меча доходила до 50 драхм, щита до 50 или 60 драхм, а кольчуги до 700 драхм²⁸⁷. По этим цифрам нельзя, конечно, судить о действительной стоимости оружия и доспехов, но можно себе представить соотношение цен на них: меч и щит были примерно в одной цене, тогда как кольчуга могла стоить дороже в 14 раз.

Покупательная способность бронзовых монет неизвестна, так как цен, выраженных в них, в источниках не зафиксировано. Об этом можно составить представление, исходя из расчета 1 драхма = 16 феней. Бронзовое обращение базировалось на однотипных монетах разного достоинства.

Вот собственно основное, что мы можем пока сказать о денежном хозяйстве Согда. Восстанавливаемая нами картина его денежного обращения хотя и неполная, но ярко свидетельствует о развитости товарно-денежных отношений внутри страны не только в городах, но и в сельских местностях.

---

²⁸⁷ «История Бухары» (изд. Шеффера), стр. 44; R. Frye, *The History of Buchārā...*, p. 46; ср. Табари, II, 1204 и Ибн ал-Аспр, IV, 430.

ГЛАВА III

ИЗ ИСТОРИИ АРАБСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ СОГДА

Первые походы арабов в Заречье — Маверааннахр — «То, что за рекой» приходится на третью четверть VII в. Ихшидом Согда в это время был Вархуман (654—?). Обосновавшись в Мерве в 651 г., арабы начинают действовать за Аму-Дарьей. Они направляют свои войска через переправу у Амуля на Пайканд и Бухару, постепенно продвигаясь в глубь Средней Азии. Был и другой путь — с юга на Кеш (долину Кашка-Дарьи) и далее уже прямо на Самарканд, которым арабы впервые проникли за Аму-Дарью. Первоначально военные мероприятия арабов носили, как известно, характер грабительских походов. Из отрывочных сведений, имеющих в китайских хрониках, можно заключить, что еще в 654 г. арабы предприняли поход на Согд, вероятно через Кеш, во время которого они доходили до Маймарга (Ми) — резиденции согдийских ихшидов¹. Об этом раннем походе упоминают также мусульманские источники². Первый большой поход за Аму-Дарью, о котором у нас имеются сколько-нибудь конкретные сведения, был возглавлен хорасанским наместником Убайдуллою, сыном Зиайда (673—675), в 673 г. Именно этот поход сами согдийцы считали началом арабской экспансии в Заречье. Арабы захватили Рамитан, половину Пайканда, окрестности Бухары и заключили с бухарцами мир. Тюрки, находившиеся в этих районах, бе-

¹ Ed. Chavannes, *Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux*, — «Сборник трудов Орхонской экспедиции», VI, СПб., 1903, p. 172, п. 1.

² Имеется в виду ранний поход Саида ибн Усмана при участии Куссама сына Аббаса, который, по мнению В. В. Бартольда, не подтверждается. См.: В. В. Бартольд, *К истории арабских завоеваний в Средней Азии*, — ЗВРО, т. XVII, 1907, стр. 0142.

жали. За этим походом последовал ряд других. Первая попытка завладеть Самаркандом была сделана преемником Убайдуллы в Хорасане наместником Саидом, сыном Усмана (675—677). Последний после жестоких боев под городом вынужден был заключить перемирие с согдийцами и уйти, взяв с собой заложников.

Новый период в истории завоевания арабами Средней Азии связан с именами иракского наместника Хадджаджа и известного военачальника Кутайбы, сына Муслима, назначенного в 705 г. наместником в Хорасан. С этого времени начинается планомерное завоевание Заречья. После неудачного похода Кутайбы на Бухару в 707 г. он по приказу Хадджаджа составляет карту района и отправляет ее последнему. Кутайба умело использует распри и разногласия в Согде и безуспешно старается привлечь на свою сторону местных династов.

Как политика арабов в стране, так и борьба согдийцев с завоевателями проходят разные этапы. Эти этапы пока лишь намечены исследователями, но они несомненно имели место и были связаны помимо всего с той ролью, которую играли тюрки в истории края и отчасти Китая, поддерживавший согдийцев против арабов. Борясь с арабскими завоевателями, согдийцы неоднократно обращались к Китаю за военной помощью. Достаточно вспомнить о письмах ихшида Согда Гурека и князей Бухары и Каратегина к китайскому императору в 719 г. Со своей стороны арабы, едва обосновавшись в Мерве, пытались завязать непосредственные сношения с Китаем. Первое посольство они отправили туда сразу же в 651 г. и заявили о себе Китаю, как о государстве, три царя которого царствуют последовательно уже 34 года³. Другое посольство ко двору китайского императора арабы посылают в 713 г. (по китайским источникам) или в 714 г. (по мусульманским)⁴, т. е. уже после взятия Самарканда в 712 г. Следующие посольства

³ E. Bretschneider, *On the knowledge possessed by the Anciens Chinese of the arabes and the arabian colonies*, London, 1871, p. 8.

⁴ [M. H. Zotenberg], *Chronique de Tabari, traduite sur la version persane d'Abou Ali Mohammad Bel'ami par M. H. Zotenberg*, Paris, vol. IV, 1874, pp. 198—200; Н. Я. Бичурин (Иакинф), *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*, М.—Л., т. II, 1950, стр. 332—333; E. Bretschneider, *On the knowledge...*, p. 9.; Ed. Chavannes, *Notes additionnelles sur les Tou-kiue (turcs) occidentaux*, — «Tong Pao», vol. V, Leiden, 1904, pp. 32—33, 46, 48, 50, 56.

имели место в 716, 725, 728, 729, 733 гг., посылаются они и в дальнейшем. Что касается тюрков, то здесь картина настолько сложная, что требует специального исследования. Складывающиеся между согдийцами и тюрками отношения осложнялись грабительскими походами последних. Роль, которую играли тюрки в разворачивающихся событиях, менялась в зависимости от обстоятельств. В ряде случаев они выступали в качестве наемных войск, которые местные династии стремились использовать в своих военных действиях против арабов.

Не раз согдийцы обращались к Чачу, Фергане и к тюркам. Впервые, насколько можно заключить из источников, согдийцы обратились к ним осенью 707 г. (88 г. х.), прося оказать им помощь против Кутайбы, взявшего Нумишкат и Рамитан и собравшегося уходить обратно в Мерв. Согласно рассказу Табари, на арьергард уходивших арабов напали тюрки и вместе с ними согдийцы и люди Ферганы. Узнав о нападении тюрков, на помощь своим спешно вернулся Кутайба, и тюрки потерпели жестокое поражение. Бахилитское предание добавляет, что во главе тюрков был Кўр-бағанўн ат-Туркӣ, сын сестры царя ас-Сйна, т. е. Китая, тюрков же было 200 тыс. человек⁵. Об этом гибельном сражении тюрков с арабами упоминают равно Йакуби и Белазури. Подробно рассказывается о нем в «Истории Бухары», в которой приводятся некоторые известия, отсутствующие в других источниках, но весьма важные. Так, в ней рассказывается, что сражение произошло между Тарабом, Хунбуном и Рамитаном, где арабы оказались окруженными. Туда подошли согдийский царь Тархун, Хунукхудат и Варданхудат со своими войсками. Туда же пришел к ним на помощь против арабов Кўр-Бағанўн, сын сестры фағфура Чина, «которого они наняли за плату (ба музд), с 4000 людей (мард)»⁶. О том, что в источниках речь идет об одном и том же лице, сомневаться не приходится. Совершенно очевидно, что то был тюркский царевич, мать которого была сестрой или

⁵ Табари, II, 1195.

⁶ «История Бухары» (изд. Шефера), стр. 44; R. N. Frye, *The history of Buchārā...*, p. 45. Имя тюркского принца у Наршахи транслитерировано арабской графикой كورباغانون, у Табари (II, 1195) كورمغانون; Йакуби (История, II, 342) называет его كورمغانون قشى. Балами كورين غابون الت قشى.

ближайшей родственницей китайского императора, носившего у иранцев и тюрков титул багапура, позднее фэгфур «сын неба». Кто был этот тюркский царевич — неизвестно. Его имя этимологизируют и читают по-разному ⁷. Но независимо от того, какое он в действительности носил имя, из слов Наршахи совершенно очевидно, что согдийцы не просто обратились к нему за помощью, а наняли его вместе с его людьми, которых он привел 4 тыс. Вторая цифра в 200 тыс. на наш взгляд явно преувеличена и не заслуживает доверия. Из приведенного факта можно заключить, что согдийцы платили тюркам, как и ранее в аналогичных случаях. Последнее обстоятельство открывает еще одну из сторон взаимоотношений согдийцев с тюрками, выступавшими в качестве их союзников. Сами согдийские войска, как и тюркские, состояли частично из наемников. Согдийцы, как известно, вербовали в свои войска людей попросту на базарах, куда те специально приходили, но на каких условиях происходил наем, мы не знаем. К числу наемников принадлежали и чакиры. В тюркских войсках один воин получал ежемесячно кусок шелка ценою в 25 драхм. Арабы в 20-х годах платили туземцам-мусульманам (мушрикам) по 300 и 600 драхм. Тюркский хакан во время военных действий, предпринятых против него арабами в 729 г., пытался переманить их на свою сторону, обещая увеличить им плату: тем, кто получал 300 драхм, давать 600, тем, кто получал 600, — тысячу ⁸.

⁷ И. Маркварт предлагает читать имя тюркского царевича Kūl-baṣātūn; Р. Н. Фрай читает его писбу, приведенную Йакуби, التوفتى или التوبتى «тибетец» (R. N. Frye, *The history of Buchārā*, p. 133, n. 178), тогда как ее лучше читать الترقشى «тюркеш», как это предлагал И. Маркварт, тем более что у Табари он попросту именуется ат-Тюрки, т. е. «тюрком», что то же самое. Скорее всего во второй части имени царевича следует видеть тот же иранский титул китайского императора багапур (позднейшее фэгфур) — «сын неба» и читать все имя Кūr, сын багапура, или Кūr-багапур, рассматривая вторую его часть как компонент при тюркском Кур/Кюль. Такое имя вполне мог носить царевич, тюрк по отцу и член императорской фамилии по матери. Аналогичное имя-титул зафиксировано в надписи Тонъюкука «сын сына неба» (tinsi oḡli), носителем которого, по мнению С. Г. Кляшторного, был согдийский царь Гурек (С. Г. Кляшторный, *Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии*, М., 1964, стр. 148).

⁸ Табари, II, 1518.

Судя по скудным данным источников, к 20-м годам VIII в. тюрки начали уже играть главную роль в борьбе с арабами. Так, по словам самих согдийцев, после назначения к ним нового наместника ал-Хараши они вынуждены были покинуть Согд, боясь репрессий ал-Хараши за помощь, оказанную ими тюркам при его предшественнике Хузайне⁹. С какими обстоятельствами это было связано — вопрос другой, и его касаться здесь не будем. Решающее значение для хода арабских завоеваний в Средней Азии имела победа Кутайбы над Самаркандом и подписание Самаркандского договора. В этом договоре, по-видимому впервые, четко сформулированы основные требования, предъявляемые арабами к завоеванным среднеазиатским владениям и их городам. Согласно Самаркандскому договору, Согд признавал свою вассальную зависимость от арабов со всеми вытекающими из этого последствиями. Так расценивали этот договор сами согдийцы и сами арабы. Согласно же арабской традиции, время до взятия Самарканда считалось «временем неверия» (джāхилийэ), после этого — «временем ислама» (ислāmийэ). Второму важному периоду в борьбе согдийцев с арабами положило начало восстание 719—722 гг. В связи с ним встает вопрос о той роли, которую играли в борьбе с арабами два царя Согда — два современника — известный Гурек и ставший сейчас столь же известным пенджикентский князь Деваштич, правивший не менее 14 лет и носивший титул согдийского царя не менее чем два года; в какой именно год титул царя Согда был ему присвоен, не выяснено, но не ранее 710 г., года гибели Тархуна, предшественника Гурека на самаркандском престоле, и не позже 722 г., когда сам Деваштич был казнен арабами. Попытаемся рассмотреть эти два вопроса.

Самаркандский договор 712 г.

Самарканд был взят арабами в 712 г. Падению Самарканда предшествовало упорное сопротивление согдийцев, возглавляемое согдийским царем Гуреком. Ход военных действий до взятия Самарканда во многом остается еще неясным¹⁰. По одной версии ему предшество-

⁹ Табари, II, 1439.

¹⁰ Данные источников разного плана о событиях, предшествующих договору, и о самом договоре см.: Ed. Chavannes, *Documents...*, p. 289 et suiv.; В. В. Бартольд, *К истории арабских завоеваний...*,

вали тяжелые сражения в районе Арбинджана, в которых согдийцы и их союзники чачцы и ферганцы потерпели поражение, после которого согдийцы, преследуемые арабами, стали медленно отходить к Самарканду, поблизости от которого те и другие остановились лагерем. Здесь были даны с переменным успехом решающие сражения, в результате которых согдийцы были разбиты и арабы взяли Самарканд и вошли в город.

По другой версии, представленной сводным рассказом Табари и одним из приведенных у него бахилитских преданий, Гурек обратился за помощью к тюркам лишь месяц спустя, после того как согдийцы были осаждены арабами¹¹.

Согласно этой версии, люди Согда, по бахилитскому преданию — сам Гурек, испугавшись затянувшейся осады, написали царю Шаша (Чача), ихшиду Ферганы и тюркскому хакану просьбу оказать им помощь против арабов, предупреждая, что если арабы одержат над согдийцами верх, то неизбежно нападут на них и принесут им то же, что принесли согдийцам. Те договорились между собой и ответили, что придут, но что для успеха дела необходимо напасть на арабов врасплох, пока те, ничего не подозревая, заняты осадой. Затем союзники собрали отряд из аристократической конницы и храбрейших витязей и отправили его, согласно бахилитскому преданию, под началом одного из сыновей хакана. Тем временем лазутчики донесли Кутайбе о продвижении отряда. Кутайба выслал ему навстречу брата своего Салиха с

стр. 141—147; Н. Gibb, *The arab conquests in Central Asia*, London, 1923, pp. 44—46; А. Н. Курат, *Kutaybe bin Muslim'in Hvarizm ve Samarkand'i zabti*, — АУДТРСФД, с. VI, 1948, № 5, 387—430; сравни также его статью: А. Н. Курат, *Abū Muhammad Ahmad bin A'sam al-Kūfi'nin «Kitāb al' futūh'us»*, — АУДТРСФД, с. VII, 1949, № 2, С. 255 и сл.; С. Г. Кляшторный, *Из истории борьбы народов Средней Азии против арабов*, — ЭВ, т. IX, 1954; С. Г. Кляшторный, *Древнетюркские рукописные памятники...*, стр. 60—62, 149—150; О. И. Смирнова, *Из истории арабских завоеваний в Средней Азии*, — СВ, 1957, № 2, стр. 119—134; О. И. Смирнова, *К истории самаркандского договора 712 года*, — РСИВАН, т. XXVIII, 1960, стр. 62—80; А. Джалилов, *Согд накануне арабского нашествия и борьба согдийцев против арабских завоевателей в первой половине VIII в.*, — ТИИАЭ АН ТаджССР, т. XXX, Душанбе, 1961, стр. 127—130. Переводы соответствующих мест из Табари см.: Fr. Altheim, *Geschichte der Hunnen*, Bd II, Berlin, 1960, S. 98.

¹¹ Табари, II, 1242, 1247, 1249, 1250.

20 тыс. отборных людей, устроившего засаду на дороге, по которой шел отряд; согласно сводному рассказу, в двух фарсах от лагеря противника, по бахилитскому преданию, в двух фарсах от лагеря Кутайбы.

Отряд тюркского царевича, спешивший на помощь осажденным согдийцам, вместо того чтобы напасть на арабов, сам попал в засаду и был почти весь уничтожен после жестокого сражения, жуткое описание которого дважды приводит Табари со слов двух его очевидцев, одним из которых был стрелок Кутайбы¹². После того как люди отряда были частью перебиты, а частью захвачены в плен, арабы, обыскав убитых и собрав их оружие, догадались, что имели дело отнюдь не с простыми воинами. Они стали расспрашивать своих пленников об убитых и те ответили, что то лучшая часть их знати и лучшие из их витязей, с каждым из которых не сможет сравниться сотня мужей. Тогда арабы написали имена убитых у них на ушах и привесили их головы к своим поясам и так вернулись в лагерь Кутайбы. «И не было ни одного из нас, у которого на поясе не висели бы головы именитого противника», — говорит дальше один из рассказчиков. «И взяли мы, — продолжает он, — прекраснейшее оружие, дорогие ткани, золотые пояса, отборных коней, и подарил нам это все Кутайба. И были сломлены согдийцы этим, а Кутайба наставил на них катапульты и обстрелял их, сам же в это время сражался с ними и не отходил от них, примером же ему служили бухарцы и хорезмийцы, бывшие с ним и жестоко сражавшиеся».

Тогда-то и были сказаны Гуреком его известные слова, приведшие Кутайбу в великий гнев: «Ты сражаешься со мной моими братьями и людьми дома моего — не арабами, а ты поставь против меня арабов»¹³. По словам еще одного непосредственного свидетеля этих событий, уничтожение отряда союзников настолько сломило согдийцев, что они тут же обратились к арабам с просьбой о мире и предложили выкуп. Но Кутайба отказался, заявив: «Я мститель за кровь Тархуна, он был моим клиентом (мавла) из числа моих зиммиев»¹⁴. Далее следует описание осады Самарканда и его падения, рассматривать кото-

---

¹² Табари, II, 1244, 1248.

¹³ Табари, II, 1244.

¹⁴ Табари, II, 1249.

рые здесь нет необходимости. Обратимся непосредственно к сдаче города согдийцами.

Обстоятельства, сопровождавшие сдачу города, подробно изложены Табари, скрупулезно подобравшего в своем рассказе разные известия, устные и письменные, и в связных повествованиях Балами и ал-Куфи. Совокупность этих известий позволяет ярко нарисовать достаточно отчетливую картину всего происходившего при сдаче города. Взяв город, Кутайба заключил с согдийцами предварительно мирное соглашение, после чего прекратил военные действия и приостановил начавшийся дикий грабеж города, а сам поднялся на самаркандскую возвышенность, откуда стал обозревать город и окружающие его зеленеющие поля, где метались испуганные люди. Согласно предварительно составленному мирному договору, согдийцы помимо денежной контрибуции и ежегодной дани должны были предоставить арабам определенное количество рабов, отдать сокровища своих храмов и украшения идолов, построить мечети, вывести свои войска из города, пропустить через весь город войска арабов и оставить город в их распоряжении. Когда был заключен мир, Кутайба прежде всего послал взять с согдийцев все указанное в мирном договоре. Между тем согдийцы вывели из города своих людей, устроили мечеть (в капище) и поставили кафедру для проповеди, а Гурек приказал приготовить для победителей еду. Согдийский царь отправился навстречу Кутайбе и встретил его у Кешских ворот. Здесь Гурек преклонил колени перед Кутайбой. От Кешских ворот Кутайба вместе со своей свитой отправился к самаркандскому капищу. Гурек его сопровождал. От ворот до капища царь шел пешком перед конем победителя. Когда они дошли до капища, Гурек встал перед Кутайбой. Меча на царя не было. Между тем Кутайба заметил двух личных рабов (гулам) Гурека, на которых были роскошные золотые пояса в драгоценных камнях. Увидев их, Кутайба пришел в такой гнев, что едва не убил Гурека. Затем Кутайба приказал вынести из храма идолов, содрать с них драгоценные украшения, а самих идолов сжечь. Идолов принесли к Кутайбе, украшавшие их драгоценности были взяты, а сами они сложены перед победителем, причем идолов было столько, что, по словам арабов, они возвышались горой высотой с замок. Кутайба отдал приказ сжечь этих идолов. Согдийцы попытались спасти их,

утверждая, что тот, кто это делает, погибнет. Тогда Кутайба, несмотря на уговоры Гурека, сам поджег идолов. Когда они сгорели, в кострище нашли 50 тыс. мискалей золотых гвоздей и серебра. Уничтожив идолов, Кутайба и сопровождающие его арабы вошли в мечеть, совершили намаз и приступили к еде. Согдийцы, видимо, к приготовленной ими трапезе допущены не были. После еды арабы омыли руки. Кутайба встал и совершил два раката намаза. Затем обратился с речью к согдийцам. После этого он приказал своему писцу Сабиту написать договор. Договор был составлен согласно предварительному соглашению. В качестве свидетелей его подписали четырнадцать арабских военачальников, представители разных племен, участвовавших в осаде Самарканда. Первым его подписал известный арабский военачальник, глава племени бакр Худайн, сын Мунзира аз-Зухли. После их подписей писец поставил свое имя и дату подписания договора 94 г. х. (712 г.). Затем договор был скреплен печатью Кутайбы и печатями свидетелей, военачальников Кутайбы, и передан Гуреку. Печатью Гурека договор, по-видимому, скреплен не был, во всяком случае его имени, как и имени Кутайбы, среди подписавших договор нет. Возможно, что существовал второй договор, написанный от имени Гурека. Согласно одной из версий, приведенных Табари, Гурек приготовил трапезу и пригласил на нее Кутайбу вместе с его ближайшими военачальниками после заключения мирного договора. А на утро он обратился к Кутайбе с просьбой подарить ему Самарканд. Кутайба ответил ему: «Уезжай (интикал) из него». И Гурек уехал из города.

Условия договора изложены писцом в десяти статьях, которые для удобства читателей выделены ниже в отдельные параграфы. Но даже подписав этот договор и изгнав из города царя, арабы продолжали испытывать перед защитниками Самарканда величайший страх. Иначе трудно объяснить себе последнее распоряжение Кутайбы, которое он отдал, перед тем как уйти обратно в Мерв, своему брату Абдуррахману, оставленному им вместо себя в Самарканде с большим войском. Он сказал: «Не разрешайте ни одному многобожнику (мушрик) входить ни в одни из Самаркандских ворот, не поставив ему на руку печати (из глины), и если глина ее высохнет раньше, чем он выйдет из города, убейте его, и если вы обнаружите у него железный нож, убейте его. И если будут закрыты

ворота на ночь и вы обнаружите в городе кого-нибудь — убейте его»¹⁵.

Текст договора, сохранившийся в труде ал-Куфи, следующий:

«Во имя Аллаха милостивого, милосердного! Это то, на чем заключил мир Кутайба, сын Муслима, сын Амра Бахилит, с Гуреком, сыном ихшида, афшином Согдийцем.

§ 1. Он заключил с ним мир и обусловил ему за это покровительство Аллаха и его поддержку, защиту (Аллаха) и защиту (его) посланника Мухаммада, да благословит Аллах и да приветствует его и его семью, и защиту эмира правоверных ал-Валида, сына Абд-ал-Малика, сына Марвана, и защиту эмира ал-Хадждаджа, сына Иусуфа, сына ал-Хакама, и всех правоверных, и защиту Кутайбы, сына Муслима.

§ 2. И он заключил с ним (Гуреком) мир относительно Самарканда и его рустаков, Кеша и Насафа, и его земель, и посевных площадей, и всей совокупности его пределов за 2 000 000 дирхемов немедленно, и 200 000 дирхемов ежегодно, и за три тысячи голов рабов, нет среди них ни детей, ни стариков.

§ 3. И на том, что они (согдийцы) будут послушны и покорны ал-Валиду, сыну Абд ал-Малика, сына Марвана, и эмиру ал-Хадждаджу, сыну Иусуфа, и эмиру Кутайбе, сыну Муслима.

§ 4. И на том, что Гурек, сын ихшида, афшин Согдийский выплатит то, на чем заключил с ним мир Кутайба, сын Муслима, добром и рабами.

§ 5. И то из этого, что в качестве джизии с его земли будет дано рабами, зачтется ему каждая голова за двести дирхемов; а что (будет дано) большими штуками тканей, каждый из которых (зачтется) — за сто дирхемов, а малый — за шестьдесят дирхемов, а что (будет дано) шелком, то каждый отрез (зачтется) за двадцать восемь дирхемов, а что червонным золотом — каждый мискаль за двадцать дирхемов, а чистым серебром — мискаль за мискаль.

§ 6. И на Кутайбе, сыне Муслима, (лежит) обязательство и договор, что он не предпримет ничего против Гурека, сына ихшида, афшина, не изменит ему и не возьмет с него сверх того, на чем он заключил с ним мир.

§ 7. И если какой-либо враг выйдет против Гурека, сына

¹⁵ Табарн, II, 1250, 1252.

ихшида, то на Кутайбе, сыне Муслима, лежит обязанность оказывать ему помощь и поддерживать его против врага.

§ 8. И клянется Кутайба, сын Муслима, что подлинно я делаю тебя, о Гурек, сын ихшида, царем Самарканда, и его земель, и его пределов, и Кеша и Несефа, и его городов и крепостей. И вверил тебе управление ими. И принял я печать твоего перстня над ними.

§ 9. И не будет противодействовать тебе ничто.

§ 10. И подлинно государство после тебя принадлежит сыну твоему на все то время, пока продолжается для меня наместничество Хорасана.

Свидетельствует об этом ал-Худаин, сын ал-Мунзира ал-Бакри, и Дарар, сын Хасана ат-Тамими, и Улаба, сын Хабиба ал-Абкаши, и Муавийа, сын Амира ал-Кинди, и Баки, сын Ауба Сура ал-Ханзали, и Аййас, сын Банхан, и ал-Ашджа, сын Абдуррахмана, и ал-Мухаррир, сын Хумрана, и ал-Муджассир, сын Музахима, и Абдаллах, сын ал-Азвара, и ал-Фадил, сын Абдаллаха, и Усман, сын Раджа, и ал-Хасан, сын Муавийи, и ал-Фадил, сын Башшама.

И написал Сабит, сын Абу Сабита, писец Кутайбы, сына Муслима, в год 94».

Совершенно очевидно, что, согласно договору, согдийцы признавали себя вассалами арабов и брали на себя обязательство выплаты единовременной дани и ежегодной джизии арабам, основную часть которой составляли деньги (драхмы), Кутайба же со своей стороны, во-первых, гарантировал царю Согда помощь против его врагов (т. е. против тех же согдийцев и тюрок), во-вторых, утверждал его от имени халифа царем над Согдом, а престолонаследником — его сына. Вместе с тем Кутайба счел нужным оговорить (§ 10), что заключаемый им договор действителен только на время его наместничества.

Кроме того, согласно предварительной договоренности, согдийцы, еще до того как арабы подписали Самаркандский договор, вывели свои войска из Самарканда и построили мечеть; условия торжественного въезда победителей в город были также оговорены устно, как и то, что арабы, въехав в город через Кешские ворота, выедут из него через Китайские, иными словами, проедут победителями через весь город. Все эти обстоятельства, сопровождавшие сдачу города, по рассказам историков, говорят о том, что арабы стремились всячески унижить согдийцев и в первую очередь их царя. Об этом можно судить и по не-

значительным на первый взгляд штрихам в рассказах наших источников. Так, ал-Куфи отмечает гнев Кутайбы при виде двух рабов Гурека в золотых, украшенных драгоценными камнями поясах, автор подчеркивает, что гнев Кутайбы при этом был так силен, что он едва не разорвал договор. Все три наши источника: Табари, ал-Куфи и Балами, сообщают о том, что Гурек шел перед конем Кутайбы от самих городских ворот до входа в капище и стоял перед Кутайбой без оружия — без своего меча.

Из известий, принадлежащих разным источникам, мы хорошо знаем о пышности среднеазиатских дворов и роскошных доспехах согдийской знати. Согдийские князья носили одежды из цветных шелков и парчи, расшитые жемчугом и драгоценностями, золотые венцы и перевязи, украшенные драгоценными камнями. Особую роль играл роскошный золотой пояс, на котором носилось оружие, принадлежавший к трем основным знакам отличия (венец, или кулах, перстень и пояс). Не менее богатым было убранство их коней. Только на коне, в окружении блестящей свиты видели князей и витязей на улице. Яркое представление о дворах согдийской знати дают нам современные самаркандским событиям пенджикентские стенные росписи, где наряду с мифологическими сюжетами изображены пиршества и битвы, княжеские приемы и обряды жертвоприношений в храмах. Только имея в виду эту сторону жизни согдийской знати, можно понять требование арабских военачальников, чтобы побежденные представляли перед ними не только без воинских доспехов, но без каких-либо пышных одежд и без своих отличий — венцов и поясов.

Таковы ли были условия, выставляемые арабами при заключении мирных договоров с другими владениями, и обстановка, при которой эти договоры подписывались, мы не знаем. Источники об этом ничего не говорят. Но известно, что именно в данный период завоеватели стремились не ослаблять той знати, с которой они вступали в мирные соглашения и на поддержку которой могли почему-либо рассчитывать. Здесь же имелась особая причина.

За три года до Самаркандского договора, в 709 г., предшественник Гурека на самаркандском престоле Тархун заключил с арабами мирный договор. Этот договор оказался для согдийцев губительным. После заключения мира с Тархуном арабы утвердились безбоязненно в Бу-

харе. Затем был завоеван Шуман, и, что особо важно, Кеш и Несеф, т. е. весь Кашкадарьинский оазис. Действия Тархуна вызвали среди согдийцев резкое недовольство. Табари приводит слова, с которыми они обратились к Тархуну после того, как последним была выплачена, согласно заключенному им договору, дань брату Кутайбы Абдуррахману и тот ушел вслед за Кутайбой в Мерв: «Поистине ты отдал предпочтение покорности и посчитал за благо платить джизию. И ты очень стар, и нет у нас больше в тебе нужды»¹⁶. Затем Тархун был низложен старейшими, а вместо него согдийцы избрали царем Гурека. Тархун, как писал в свое время И. Ю. Крачковский, погиб союзником арабов, и Кутайба объявил себя мстителем за него¹⁷. Из этого очевидно, что арабы вряд ли могли признать Гурека преемником Тархуна на самаркандском престоле. Наоборот, они должны были видеть в нем в ту пору только мятежника и своего врага, как это и было.

Текст Самаркандского договора начинается словами: «Во имя Аллаха милосердного и милостивого! Это то, на чем заключил мир Кутайба, сын Муслима, сына 'Амра Бахилит, с Гуреком, сыном ихшида, афшином Согдийцем». Еще трижды так же именует Гурека писец Кутайбы в тексте договора: в § 4 в связи с обязательством, взятым на себя Гуреком относительно ежегодной дани арабам; в § 6, согласно которому Кутайба обязывался ничего не изменять в договоре, и в § 8 и 9, согласно которым Гурек утверждался Кутайбой правителем Согда, а его сын — престолонаследником. Это обстоятельство случайным быть не могло.

Кто был по происхождению Гурек, мы не знаем. Свидетельства источников разноречивы¹⁸. Надо полагать,

¹⁶ Табари, II, 1229; Ибн ал-Асир, IV, 438; А. Джалилов, *Согд накануне арабского нашествия...*, стр. 123—124.

¹⁷ Табари, II, 1249. Об этом см.: И. Ю. Крачковский и В. А. Крачковская, *Древнейший арабский документ из Средней Азии*, — «Согдийский сборник», Л., 1934, стр. 62—63.

¹⁸ В. Томашек пишет о том, что Гурек принадлежал к дому усрушанских князей (dem Fürsten Hause) и был дядей Афшина; откуда эти сведения им взяты, не указывается (см. W. Tomaschek, *Centralasiatische studien I, Sogdiana*, Wien, 1877, S. 78). По другим известиям, Гурек был братом Тархуна. Насафи говорит так: «Когда пришел Кутайба, царем Самарканда был Гүзак (sic!). Рассказывают, что у Гүзака было два брата, один по имени Тархун, другой Ақарұн. Ақарұн был младшим» (В. В. Бартольд, *Туркестан...*,

что, именуя Гурека в договоре сыном ихшида, арабы вместе с тем объявляли и о том, что до заключения этого договора они его царем Согда не признавали. Но признав его царем и заключив с ним договор (см. § 9 договора), арабы тем же договором утверждали за его сыном право престолонаследия. В связи с вышеприведенным в свое время мы пришли к выводу, что время между низложением и смертью Тархуна (710 г.) и заключением Самаркандского договора (712 г.) было периодом своеобразного междоусобия, своего рода смутным временем: поставленный согдийскими старейшими царем Согда, Гурек не признавался таковым ни арабами, ни их сторонниками в стране. Этот момент важен также для установления хронологии царей Согда, так как отчетливо определяет две даты: год вступления Гурека на самаркандский престол после низложения Тархуна¹⁹ и год, когда он был признан и утвержден арабами царем Согда и в свою очередь признал себя их вассалом. Р. Н. Фрай, сопоставив некоторые известия источников, пришел к выводу, что после низложения и смерти Тархуна царем Согда в противовес Гуреку объявил себя, будучи сторонником арабов и, возможно, поддержанный ими, пенджикентский князь Деваштич, носивший, согласно мугским документам, не менее чем два года, но каких — неизвестно, титул царя Согда. Гурек же, опиравшийся на тюрок и китайцев, только после смерти Кутайбы (в 715 г.) стал бесспорным и общепризнанным царем Согда²⁰. И, следовательно, в это время в Согде существовало двоевластие.

1904, т. II (тексты), стр. 48); Р. Н. Фрай придерживается первой версии и полагает, что самаркандцы предпочли избрать на престол представителя другого княжеского рода (R. N. Frye, *Tarxūn — Tūrkhūn and Central Asian History*, — HJAS, vol. 14, 1951, № 1—2, p. 123).

¹⁹ Согласно выводам О. Г. Большакова, начало правления Гурека относится к 711 г., а не к 710 г. Мнение О. Г. Большакова основано на том, что после рассказа о низложении Тархуна, приведенном под 91 г. х. (9 ноября 709 г.—29 октября 710 г.), добавлена фраза «и сделали они это, когда Кутайба вышел в Сиджистан», т. е. в 92 г. х. (см.: О. Г. Большаков, *Борьба народов Средней Азии против арабского завоевания*, — в кн. «Очерки по истории СССР», М., т. II, 1958, стр. 422, прим. 6; «Согдийские документы с горы Муг», вып. II, стр. 66, прим. 12); но 92 г. х. соответствует время между 29 октября 710 г. и 17 октября же следующего 711 г. нашего летоисчисления.

²⁰ R. N. Frye, *Tarxūn — Tūrkhūn...*, pp. 123—125; С. Г. Кляшторный, *Титул согдийского владетеля в древнетюркском тексте*, —

По мнению других исследователей, Деваштич носил титул царя Согда во время походов Кутайбы в Фергану и Чач и принял этот титул в связи с капитуляцией Самарканда в 712 г. Наконец, существует и третье предположение, что Деваштич был царем Согда в годы, непосредственно предшествующие его гибели (719—722 гг.). Расходятся мнения и о том, какую из партий согдийской знати он возглавлял, будучи царем Согда,— антиарабскую или, наоборот, сторонников арабов. Был ли он вождем восставших согдийцев и когда? А может быть, он был ставленником арабов? К этим вопросам мы и обратимся.

Письмо Абдурахмана сына Субха Деваштичу

Убийство Кутайбы в 715 г. и последовавшая за этим в 716 г. смерть хана северных тюрков еще более осложнили обстановку. В бассейне реки Или сильные племена тюргов, поддержанные Китаем, образовали новое государство. Последовавшая после гибели Кутайбы быстрая смена арабских наместников в крае, смещаемых халифом вследствие их неудачных действий, не могла также не ослабить арабов. Князя Мавераннахра, правильно оценив возможности при создавшейся сложной обстановке, снова пытаются противопоставить свои силы арабским и ищут теперь поддержки у Китая. В феврале 719 г. бухарский царь Тушпада (Тушаспада), согдийский ихшид Гурек и владетель Кумеда (Каратегина) Нарайана отправляют посольства к китайскому императору, прося письменно военной помощи (т. е. войск) у Китая, а также у тюрков, опять-таки через посредство Китая. В своих письмах к китайскому императору, текст которых до нас дошел, они настойчиво просят его поддержать их против арабов²¹.

Бухарский Тушпада пишет о том, что все последнее время, вот уже несколько лет, его страна непрестанно страдает от опустошений, производимых арабами, и в ней нет больше спокойствия. Он просит поддержать его против

ПВ, 1960, стр. 134—135; С. Г. Кляшторный, *Древнетюркские рукописные памятники...*, стр. 153.

²¹ Письма см.: Ed. Chavannes, *Documents...*, pp. 203—205, n. 1. По мнению Шаванна, письмо Гурека написано в 718 г., а не в 719 г. Но в китайском тексте прямо сказано, что посольство, привезшее письмо, было отправлено в 719 г.

грабителей и отдать распоряжение тюргешам прийти к нему на помощь в условное место, куда и он придет и приведет свои пешие и конные войска, чтобы совместно уничтожить арабов. Владетель Кумеда (Каратегина), отправивший свое письмо в тот же месяц и в тот же день, пишет в свою очередь о том, что арабы опустошают страну, что Тохаристан, Бухара, Ташкент и Фергана подчинились им, что его собственные владения разграблены арабами: все, что было в его казне и в его складах, все его драгоценности, так же как и достояние народа, ему подвластного, отняты грабителями-арабами и увезены. Наконец он просит оградить его владения от поборов арабов в будущем. В том же месяце отправил свое письмо Гурек. Он писал о том, что вот уже 35 лет как согдийцы непрерывно сражаются с арабами и что это настоящие грабители. «Каждый год мы собирали большие войска пеших и конных, но вы не присылали нам на помощь свои войска».

Далее он сообщал о том, что шесть лет назад к ним пришел арабский полководец эмир Кутайба во главе многочисленной армии. Он сражался против них и разбил их. Но много его воинов при этом было убито или ранено. Так как войска арабов были очень многочисленны и силы согдийцев не могли им противостоять, ему пришлось укрыться за стенами Самарканда. Арабы осадили город, установили 300 метательных орудий против городских стен и в трех местах прорыли рвы. Они хотели уничтожить город и страну. Теперь он просит прислать ему в помощь китайских солдат. Если только китайские солдаты придут к нему на помощь, то он наверное сумеет вместе с ними уничтожить арабов. Кроме того, могущество арабов должно длиться 100 лет, а в этом году эти сто лет истекли. Таковы эти хорошо известные исследователям три письма. Вместе с тем часть местной знати оставалась союзниками арабов.

Союзником арабов выступает и пенджикентский князь Деваштич. Об этом свидетельствует прежде всего его собственное письмо, написанное им хорасанскому наместнику ал-Джарраху вероятнее всего в том же 719 г. В этом письме Деваштич называет себя клиентом (мавла) эмира: «(1) Во имя Аллаха, милостивого, милосердного. (2) Эмиру ал-Джарраху, сыну Абдаллаха, от клиента его Дива(3)-шти. Мир над тобой, о эмир, (4) и милость Аллаха. Я восхваляю тебе (5) Аллаха, кроме него нет божества. (6) А затем — ... да направит Аллах эмира и сохранит (7)

его, я... (8) эмиру мою нужду и нужду обоих сыновей Тархуна, ведь э(9)мир, да сохранит его Аллах, вспомнил добром сыновей Тархуна (10), и если эмир соизволит принять решение и написать (11) Сулайману, сыну Абу-с-Сари, чтобы он отправил обоих сыновей к эмиру, (12) то пусть сделает. Или эмир прикажет мне одну лошадь из (13) почтовых, и я отправлю на ней слугу, чтобы он доставил их обоим (14) эмиру. Ведь Аллах сделал сан (кадам) эмира для семьи (ахл) (15)... помощь и милость (16). И прошу я у Аллаха для... и мир над тобой, о эмир, и милость Аллаха»²². Однако это письмо не было отправлено по назначению, и оно осталось в архиве Деваштича. Копией же его, по мнению И. Ю. Крачковского, считать нельзя, «так как детальный анализ внешности письма говорит о том, что оно к отправлению было приготовлено»²³. Не было же оно отправлено просто потому, что его не успели отослать, так как ал-Джаррах был смещен. Но возможно и другое: Деваштич сам счел ненужной его отправку.

Судя по дошедшим до нас известиям, положение в Согде особенно осложнилось, а арабо-согдийские отношения сильно обострились именно в это время, т. е. в конце правления ал-Джарраха (717—719 гг.) и при сменившем его новом наместнике Хорасана Абдуррахмане, сыне Нуайма ал-Гамиди, наместничество которого продлилось восемнадцать месяцев. Именно при последнем, в начале 719 г., владельцы Согда, Бухары и Каратегина пишут в Китай свои письма, просят оказать им помощь войсками; при нем, по словам Табари, люди Согда восстали и отреклись от истинной веры — ислама²⁴. Начавшееся при Абдуррахмане, сыне Нуайма, восстание согдийцев, поддержанное тюрками, продолжалось при его преемнике наместнике Саиде Абдалазизе, получившем от согдийцев выразительное прозвище Хузайна — «дихканша», «барыня», — настолько поразил последних его внешний вид, когда они впервые его увидели. Насафи, составитель «Истории Са

²² Текст письма и его перевод см.: И. Ю. Крачковский и В. А. Крачковская, *Древнейший арабский документ...*, стр. 55—56. К сожалению, кожа, на которой написано письмо, сильно поточена червем и восстановить полностью текст нельзя.

²³ Там же, стр. 70.

²⁴ Табари, II, 1418: «И назначил (Сурата, сын ал-Хурра) Шубата, сына Зухайра ал-Нахшали в Самарканд... И пришел тот в Согд, а люди его (Согда) уже отреклись от истинной веры в наместничество Абдуррахмана, сына Нуаймы ал-Гамиди».

марканда», характеризует создавшуюся в Согде обстановку после убийства Кутайбы словами, правда дошедшими до нас в их позднейшей интерпретации, так: «Самарканд тогда отступил от веры (т. е. ислама) и в течение нескольких лет пребывал в вероотступничестве. (Жители) сожгли мечети, и так (было) до времени Хузайна...»²⁵. За месяц до Саида в Хорасан прибыл Сурат, сын ал-Хурра ал-Ханзали.

Он назначил в качестве представителя арабской власти в Самарканд Шубу сына Зухайра ан-Нахшали, который, взяв с собой двадцать пять людей своего дома, отправился в Согд через амумьскую переправу и Бухару²⁶. В Бухаре к нему присоединилось еще около 100 человек, с которыми он и пришел в Согд. Прибыв в Самарканд, Шуба обратился с проповедью к согдийцам, а живших в Самарканде арабов обругал и упрекнул в трусости, заявив им, что не видит среди них раненых и не слышит стонов. Те отговорились тем, что-де они боялись своего амиля, которым был Илба. С прибытием в Самарканд Шубы между согдийцами и арабами, по словам Табари, установились мирные отношения, правда не надолго²⁷. Прибыв в Хорасан после своего назначения наместником, Саид, сын Абдалазиза, вызвал к себе представителей дихкан и обратился к ним за советом, кого из арабов ему направить в округа в качестве представителей арабской власти. Дихкане указали ему желательных для них лиц, которых он незамедлительно назначил²⁸. Однако вскоре эти назначения вызвали недовольство в арабской и арабофильской среде. В Согде был

---

²⁵ «Кандия Малая», пер. В. Л. Вяткина, — «Справочная книжка Самаркандской области», вып. VIII, Самарканд, 1906, стр. 241. Здесь и ниже ср. А. Джалилов, *Согд накануне арабского нашествия...*, стр. 134—136; Т. Кадырова, *Из истории крестьянских восстаний в Мавераннахре и Хорасане в VIII в. — начале IX в.*, Ташкент, 1965, стр. 64—72.

²⁶ Табари, II, 1418—1419. О том же рассказывает Белазури, по словам которого в Согд пришел не Шуба, а сам Сурат, сын ал-Хурра, который остановился в Иштихане и дважды якобы сражался там с нападавшими на него тюрками и одерживал над ними победу (Белазури, 427). Эти два сражения, о которых рассказывает Белазури, совершенно очевидно те, которые имели место между Хузайной и согдийцами несколько позже и о которых пойдет речь ниже. Ср. Н. А. R. Gibb, *The arab conquest...*, p. 62; А. Джалилов, *Согд накануне арабского нашествия...*, стр. 127.

²⁷ Табари, II, 1418.

²⁸ Табари, II, 1420.

оставлен новый амир Шуба, вместо которого Саид назначил эмиром Усмана, сына Абдаллаха, сына Мутаррифа, а амилом — клиента племени увафа Сулаймана, сына Абу-с-Сари, впоследствии одного из активнейших участников подавления антиарабского восстания. Однако, как это следует из текста Табари, Шуба продолжает и после своего смещения оставаться в Самарканде, во всяком случае какое-то время. Несколько утихшие при нем в сердце Согда волнения вновь усиливаются. Весной того же, 102 г. х./12. VII.720-31. XII. 721 г. в Согде появляются тюрки во главе с Курсулом (арабская передача тюркского кюльчур), посланным Сулукаганом, к которому обратились за помощью против арабов согдийцы²⁹. Тюрки направились к Самарканду, занятому арабами. С ними соединилось, по-видимому, почти все местное дихканство. Крайне неустойчивые отношения, сложившиеся к этому времени между самими согдийцами и тюрками, с одной стороны, и между арабами и согдийцами — с другой, осложнялись личными, иногда дружескими связями тех и других. Достаточно было незначительного инцидента, чтобы эти отношения оказались нарушенными и стороны перешли к открытым военным действиям. Таким инцидентом явилось неожиданное сватовство одного из дихкан, приведшее к осаде арабского гарнизона в Каср-ал-Бахили (Замок бахилитов). Красочный рассказ Табари об осаде замка дает нам одну из наиболее ярких картин, в которой, как в зеркале, отразились не только сами события, но и общая обстановка в крае³⁰. Рассказ таков: один из азимов (дихкан) пожелал жениться на арабской женщине из племени бахили, находившейся в замке Каср-ал-Бахили, в котором были поселены ее соплеменники. Дихкан посватался к ней, но она ему отказала. Тогда он решил захватить замок и таким образом получить женщину. К замку подошел Курсул и осадил его. Арабы спешно обратились за помощью в Самарканд к его новому эмиру Усману, сыну Абдаллаха, но, испугавшись, что помощь запоздает, поспешили помириться с тюрками за 40 тыс. драхм и предоставили им заложников. Тем временем Усман отправил им на помощь Мусаййаба, сына Бишра ар-Рийахи, с отрядом в 4 тыс. человек, собранным из представителей всех арабских племен, находившихся в

²⁹ Табари, II, 1421; Н. А. R. Gibb, *The arab conquests...*, p. 61.

³⁰ Табари, II, 1421—1425.

Самарканде ³¹. Перед выступлением Мусаййаб обратился к своим людям со следующими словами: «Вы вступаете на ристалище тюрок, на ристалище хакана и других. Рай — вам награда, если вы выкажете стойкость, ад — воздаяние, если вы обратитесь в бегство. Тот, кто готов к войне с неверными и к стойкости, пусть выступает». И от него ушло 1300 человек. Он пошел дальше с оставшимися. Когда он прошел фарсах, то обратился к своим людям с такими же словами, как в первый раз. И покинула его еще тысяча. Когда он прошел еще фарсах, то еще раз повторил им сказанное. От него ушла еще тысяча. Тогда он выступил. Проводником их был ал-Ашхаб, сын Убайда ал-Ханзали. Когда арабы оказались в двух фарсах от тюрок, к ним пришел Тюрк-хакан, владетель (малик) Фая, и сказал им, что все дикхане этих мест, кроме него самого, уже присягнули тюркам, он же вместе с тремястами своими бойцами присоединяется к арабам. Затем он им рассказал, что гарнизон замка уже успел заключить с тюрками мир за 40 тыс. дирхемов, предоставив тюркам 17 заложников. Тюрки же, узнав о выступлении арабов из Самарканда, перебили заложников, из которых спаслись только двое — Нахшал, сын Йазида ал-Бахили, и их проводник Ашхаб, сын Убайдуллаха ал-Ханзали, а гарнизону дали срок до утра, когда он должен будет или начать сражение с тюрками, или сдать замок. Выслушав владетеля Фая, Мусаййаб той же ночью отправил в разведку в лагерь тюрок к замку двух человек — араба и перса. Разведчики вызвали некоего Абдалмалика, сына Дисара, из замка и сообщили ему о близкой помощи. Тот им ответил, что арабы уже было решили умертвить своих женщин, а самим всем вместе принять утром смерть в бою. Когда разведчики вернулись к Мусаййабу, тот немедленно выступил со всеми своими людьми, ни один из которых не покинул его, поклявшись биться насмерть. В полуфарсах от тюрок арабы остановились и приготовились напасть на них. Ког-

³¹ Табари называет следующих лиц, принявших участие в экспедиции: «Из племени тамим Шубата б. Зухайр ан-Нахшали и Бала б. Муджахид ал-'Анзи и 'Амира о. Раби'а, один из племени ал-'Уджайфа, а он 'Амира ас-Сарид, и Галиб б. ал-Мухаджир ат-Таи, а он Абу ал-' Аббас ат-Туси, и Абу Саид Муавийа б. ал-Хадждак ат-Таи и Сабит Кутна и Абу ал-Мухаджир б. Дара из Гатфан, и Джулайс аш-Шайбани и ал-Хадждак б. 'Амр ат-Таи и Хассан б. Мадан ат-Таи и ал-Аша' Абу Хатама и 'Амр б. Хассан ат-Таи оба» (Табари, II, 1422).

да стемнело, Мусаййаб отдал приказ о нападении на их лагерь. Кровопролитное сражение, в котором погибло много как мусульман, так и тюрок и согдийцев, завершилось победой арабов. Тюрки бежали. Мусаййаб отдал приказ их не преследовать, так как они-де настолько перепуганы, что все равно не вернуться, а идти в замок и эвакуировать своих людей, из замка же ничего не брать, что могло бы быть помехой в пути, добавив при этом, что если кто-нибудь возьмет с собой на коня женщину, отрока или немощного, пусть наградит его за то Аллах, а если не возьмет, то получит в награду 40 дирхемов. Гарнизон замка был эвакуирован, и Мусаййаб со своими людьми направился к Самарканду. Когда тюрки на следующее утро вернулись к замку, то там уже никого не нашли, кроме убитых, увидев которых, они заявили, что приходившие не могли быть людьми³².

Однако ни осада замка, ни сомнительная победа, одержанная арабами, не оказали какого-либо влияния на дальнейшие действия тюрок и согдийцев, пока наконец новый наместник под давлением недовольных его медлительностью и нерешительностью арабских кругов не был вынужден выступить против восставших³³. Табари прямо говорит, что непосредственной причиной (сабаб) похода Саида на Согд явилось возвращение тюрок в Согд: «И обратились люди к Саиду и сказали: „Ты прекратил войну против неверных (газават), и вот тюрки напали и согдийцы отвергли Аллаха“. И пересек (Саид) реку (Балха) и устремился на Согд». Арабов встретили тюрки и отряд согдийцев. Произошла стычка, напавшие на арабов тюрки и согдийцы были обращены в бегство, но Саид распорядился их не преследовать, сказав при этом, что Согд—сад эмира правоверных и что сами арабы не раз бились против собственных своих халифов и были ими помилованы. Арабы двинулись дальше, но недалеко от селения Марч на их передовой отряд напали из засады тюрки, завязалось сражение, в котором было убито около пятидесяти арабских воинов и бывший самаркандский амир Шуба. Во главе отряда, видимо, стоял Абдуррахман, сын Субха. На помощь отряду подоспел сам эмир и его асхабы, тюрки, по словам Табари, были обращены в бегство.

³² Табари, II, стр. 1425—1427.

³³ Табари, II, 1428—1429.

Согласно другому сообщению ³⁴, Саид дважды пересек Аму-Дарью и остановился впервые против врага, не дойдя до Самарканда ³⁵. К нему обратился находившийся при нем известный соратник Кутайбы Хаййан Набатеец с требованием напасть на согдийцев, на что ему Хузайна ответил, что Согд принадлежит эмиру, и тут же, увидев густой дым, спросил о нем. Ему ответили, что это и есть Согд, отвергший истинную веру вместе с частью тюрок. Затем между согдийцами и арабами произошла стычка. Согдийцы были разбиты, однако от своих требований они не отступили. Все же Хузайна объявил через глашатая, чтобы арабы не трогали согдийцев (здесь повторяются слова его относительно сада эмира правоверных), и вернулся назад. Когда наступил следующий год, т. е. 103/1. VII. (721-20. VI. 722 г.), Хузайна послал отряд из тамимитов в Варагсар, занятый восставшими, где находились главные плотины района, от которых зависело водоснабжение занятого арабским гарнизоном Самарканда и его окрестностей, по-видимому боясь, что они будут разрушены восставшими. Посланный Саидом отряд напал на согдийцев и вернулся с добычей и пленными. Но Саид вернул взятые в плен семьи согдийцев и наказал своих людей. Нерешительные действия Хузайна, убийство им Хаййана, которого он отравил, заподозрив его, со слов Сураты, в измене и желании восстановить против арабов местное население, вызвали недовольство, и он был обвинен в слабости. На него пожаловались только что назначенному новому наместнику Ирака Хубайре. В результате Саид, сын Абдалазиза Хузайна, был смещен осенью того же 721 г. Вместо него по распоряжению халифа хорасанским наместником был назначен Саид, сын Амра ал-Хараши, который, прибыв в Хорасан, призвал людей к уничтожению врагов ислама ³⁶.

³⁴ Табари, II, 1430—1431.

³⁵ В дошедшей до нас поздней редакции истории Самарканда — Кандиц, рассказывается, что, придя в Согд, Хузайна остановился в Навбаге, откуда вел осаду Самарканда целый год, и в этой связи приводится легенда о взятии Самарканда вопнами, запертыми в сундуках, которую В. В. Бартольд называет фантастической (В. В. Бартольд, *К истории арабских завоеваний...*, стр. 0144). По-видимому, в арабском оригинале у Насафи речь шла о взятии Самарканда Кутайбой в 712 г.; что касается легенды, то она приводится и у Табари, но в связи с преданиями о завоевании Самарканда йеменским царем (Табари, I, 890—891).

³⁶ Табари, II, . 133.

Имя Абдуррахмана, сына Субха, в связи с арабским нашествием на Согд впервые упоминается в приведенном рассказе о походах Саида Хузайна против тюрок и согдийцев, предпринятых им через Кеш, в которых Абдуррахман принимал непосредственное участие. Раньше 102/720-721 г. имя Абдуррахмана у Табари встречается 1 раз. Позже Табари упоминает о нем уже под 109/727-728 г., когда эмир Абдуррахман находился в Балхе в качестве амиля (чиновника по гражданским делам) Асада, сына Абдаллаха ал-Касри (наместника Хорасана с 724 г.)³⁷. Как известно, арабы в своих завоевательных походах на Среднюю Азию врывались в Согд по двум возможным тогда для арабов путям: из Мерва через переправу Амуля на Фараб и далее на Пайканд и Бухару, или с юга через термезскую переправу. От Термеза считалось три дня пути до знаменитых Железных ворот (ныне ущелье Бузгала); от последних был один день пути до кешского селения Кандак, находившегося в трех днях пути от самого Кеша (совр. Шахрисябза)³⁸. Поскольку Абдуррахман сын-Субха принимал участие в кешском походе Саида, а впоследствии был назначен в Балх, вероятнее всего, что круг его деятельности в эти годы был главным образом связан с этими районами. Под 112/730-731 г. Табари упоминает Абдуррахмана сына Субха еще раз, уже в числе советников по военным делам Хорасана, и, следовательно, в свое время ему было присвоено звание «советника» хорасанского наместника³⁹. Какова была деятельность Абдуррахмана до 720 г., мы не знаем, так же как мы не знаем и то, принимал ли он вообще непосредственное участие до этого года в походах на Согд, возможность чего отнюдь не исключается. У Казтани отмечена его нисба ал-Марвази, и, следовательно, известное время он пробыл в Мерве⁴⁰. Эти, хотя и скудные сведения об Абдуррахмане сыне Субха из летописи Табари, говорят о том, что он был незаурядной личностью, известной среди арабов своими военными талантами.

³⁷ Табари, II, 1497.

³⁸ В. В. Бартольд, *Туркестан в эпоху монгольского нашествия*, — Сочинения, т. 1, стр. 192.

³⁹ Табари, II, 1544; «Согдийские документы с горы Муг», вып. II, стр. 110.

⁴⁰ См.: «Согдийские документы с горы Муг», вып. II, стр. 110, прим. 6. По словам Табари (II, 109), в 50(670)г. он был в Хорасане.

Однако его имя до последнего времени не привлекало к себе внимание исследователей. Неожиданный интерес вызвала его личность, когда было обнаружено и прочтено его письмо к Деваштичу, найденное на горе Муг (док. I, 1):

ДОКУМЕНТ I, 1⁴¹

Т е к с т

(1) prn'm βγυ δ'mδ'nk (2) MN γmyr ''βtrywm'n pwn swpy't sywδyk MLK' sm'rknδč MR'Y (3) dyw'styč 'sp's ZKn βγυ rty nwkr py''n'k ZK nyztk ''ys ZY ZK (4) kwrčy βγnptw rty MN γmyr w'nk w pwstkw 'βr'nt pr γmyr [mnt?]γws'nty'kh (5) č'β'k rty c'nk w kw t'β'k s'r pwstkw 'krtw δ'rt rtms kw t'm'k s'r prywyδ (6) č'δrk w m'yδ pwstkw 'krtw δ'rt rtkδ pts'r kw t'β'k s'r m'yδ pwstkw L' (7) βr'yšt'yw č'nk w ZY kw t'm'k s'r βr'yšt'w δ'rty rty 'zw m'yδ pwstkw 'kw t'β'k (8) s'r βr'yšw k'm rty pyšt tym kw t'β'k s'r wyδ pwstkw βr'yšm k'm (9) ZYšw γwty wyny ZY ptγwšy rty nwkr 'zw kδ'č L' wytw δ'r'm čywyδ n'm'k (?) (10) L' prtr L' šyrtr L' 'st'rtryw rtkδ tγw γwty pr γypδw δstw kw γmyr (11) s'r w'nk w pwstkw kwn'wt'y kw t'm'k s'r ZY pc'y myδ βr'nh (?) pwstkw kwn' (12) tγw kδ'č w' γwpt L' βr'yšt'w kwn'wt'y L' 'nβ'ntw kwn' (13) rtms MN pwstkw βykp'r tym pr nyztkw δstw ZY pr kwrčy βγnptw δstw (14) ptγ'm βr'yšt'w δ'rt ZY pr pwstkw L' np'γ-št'w δ'rty rty pts'r tγw γwty (15) w'nk w βrtpδ 'yš ZY wβyw ZNH nyztk ZY ZNH kwrčy βγnptw tw' 'zγ'm šyrγwz'kt (16) 'nt rtr tw' prtry 'kh šyrw 'nt'γws'kt ZY 'kw tw' prtry'kh (17) k'm'nt ZKn γmyr sytt 'zγ'm γw'nt ZY prm'nt rty w'nk w kwn' (18) ZY ZKw γmyr pwstkw ZNH δsty ptčyš rty ZKw ZK nyztk ZY ZK kwrčy βγnptw (19) MN γmyr ptγ'm ''βr'nt rtšw nyγwš'yš rty 'yw mγwnw prywyδ r'δn (20) šw' w'nk w ZY čn'γty 'yw knpy L' kwn' rty 'yw 'zmnw L' βrky' L' (21) nwr kw wt'γrk' s'r 'pstnh kwn' rty 'čw s'č't 'krty rty nwr kwn' (22) p'rwyty kδ tγw ZKw γmyr prm'nh ywnyδ šw'm'ntk L' kwn' rty pts'r ywnyδ (23) MN γmyr 'nyh 'nyš prm'nh ''ystk'm rty ZKh γmyr ZY wzyr γrβ...

⁴¹ Документ I, 1 издан дважды, см.: «Согдийские документы с горы Муг», вып. II, стр. 111—112; ср. М. Н. Боголюбов, О. И. Смирнова, *Согдийские документы, I, 1 и 36 А14 Мугской коллекции*, — «Вестник ЛГУ», вып. 4, 1963, № 20, стр. 115 и сл. Предлагаемый текст и перевод основан на этих двух изданиях.

Перевод

(1) Во имя бога-творца ⁴². (2) От эмира Абдурахмана, сына Субха ⁴³. Согдийскому царю, самаркандскому государю (3) Деваштичу. Хвала богу. И вот, вчера пришли Низитак и (4) глава храма Курчи. Они принесли от эмира такое письмо о недовольстве ⁴⁴ эмира (5) тобой. Когда он (эмир) тебе (перед этим) письмо изготовил, то и мне (тогда же) относительно (6) последнего изготовил это письмо ⁴⁵. И если затем тебе этого письма он не (7) отсылал, поскольку он его мне уже послал, то я это письмо тебе (8) пошлю (сам). И вот, я также тебе и то письмо (эмира ко мне) пошлю (9) и ты его сам увидишь и услышишь. А ведь я никогда не видел (лучшего) письма, чем то, и ни раньше, (10) ни позже, ни впрямь (не увижу) ⁴⁶. И если ты сам собственной рукой эмиру (11) собрался бы когда-нибудь еще раз (11) такое письмо сделать, то и мне относительно него тотчас сделай письмо (12). Ведь ты никогда не удосуживался такого хорошего послать, не оправдывайся ⁴⁷ (13). Затем кроме письма, (эмир) также с Низитаком и с Курчи, главой храма (14), прислал известие, которое он в письме не написал ⁴⁸. И вот, ты сам (15) о том осведомлен, и Низитак и

⁴² Согд. рgn'm «Во имя» не передает арабской басмалы (см. «Согдийские документы с горы Муг», вып. II, стр. 110); все выражение рgn'm вүү δ'тδ 'пк представляется калькой (с западноиранского, персидского языка).

⁴³ Там же: «От (имени) эмира, Абдурахман б. Субх».

⁴⁴ Слово «эмир» написано над строкой, а перед словом ʔws'nty'kh имеется пятно от расплывшейся туши, возможно, две или три слившиеся и размазавшиеся буквы, которые В. А. Лившиц прочел вместе с последующим словом n' или mnt ʔws'nty'kh «недовольство» («Согдийские документы с горы Муг», вып. II, стр. 110). Но все же поскольку слово ʔштуг «эмир» вписано над строкой между этим пятном и словом ʔws'nty'kh, вопрос остается спорным.

⁴⁵ И. Гершевич высказал остроумную догадку о том, что в строках 5—8 содержится цитата из письма эмира — наместника Хорасана (цит. по: «Согдийские документы с горы Муг», вып. II, стр. 110). В. А. Лившиц читает: rtms kw t'm'k's'r pgywδ(6) „δ'kw (вместо с'δgkw) m'уδ pwstkw 'krtw δ'rt и переводит так: «также и мне (эмиру) с помощью того же (7) лица он составит такое же письмо».

⁴⁶ «Согдийские документы с горы Муг», вып. II, стр. 110: «Но вот я никогда (ничего) из того (твоего) письма не видел — ни раньше, ни потом, ни еще позже».

⁴⁷ Там же; (12) «И (если) ты его (-письмо) достаточно надежным образом не сможешь мне переслать, то не скрывай (это от эмира)».

⁴⁸ Там же: «И так же на письмо, которое ты составил, (эмир) через Низитака и жреца Курчи (14) прислал устный ответ, он не написал (этот ответ) в письме».

Курчи, глава храма, твои большие доброжелатели (16) и о твоём благе (или «первенстве») они весьма озабочены и тебе они желают добра (или «первенства»), (17) (и) эмиру Саиту (= Саиду) весьма желают того же и думают (о том же)⁴⁹. И сделай так: (18) лично получи письмо эмира и которое Низитак и Курчи, глава храма, (19) от эмира устное известие доставят, его выслушай. И впредь во всем по этому пути (20) следуй, и от полного не отбавляй, и часу ни завтра, ни (21) нынче в том *wt'yrk'* не задерживайся. И то, что следует сделать, теперь сделай. (22) Ведь если ты сразу не выполнишь приказа эмира, то тут же (23) от эмира придет еще другой приказ и эмир и... много...».

Далее текст не сохранился.

Письмо Деваштичу было написано и отправлено Абдуррахманом, сыном Субха, в этом сомнения быть не может. Однако и в этом вопросе мнения расходятся. Одни считают, что письмо было написано Абдуррахманом, сыном Субха, Деваштичу от своего имени, и соответственно переводят строку: «От эмира Абдуррахмана, сына Субха, царю Согда, государю Самарканде». По мнению других, Абдуррахман, сын Субха, никогда эмиром не был, а следовательно, и не мог именовать себя таковым в своем письме к Деваштичу⁵⁰. Письмо же Абдуррахман пишет Деваштичу от имени хорасанского наместника. В этой связи та же строка письма переводится: «От (имени) эмира (пишет) Абдуррахман, сын Субха, согдийскому царю, самаркандскому государю Деваштичу»; дальнейший текст понимается как цитата из письма эмира. В зависимости от того, как понимать первые строки письма — как цитату из письма наместника или как слова Абдуррахмана, речь в письме идет или о двух письмах Деваштича — к наместнику и к эмиру

⁴⁹ Там же: «и в то же время они очень переживают и думают о волнениях эмира». Фраза неясна.

⁵⁰ Действительно ни в тексте Табарн, ни в своде Каэтани Абдуррахман, сын Субха, не именуется эмиром. Но это не значит, что он таковым не был. Так, упомянутый у того же Табарн соратник Абу Муслима, некий Дауд, сын Гураза, нигде в летописи историка не назван эмиром. Но у того же Табарн говорится о том, что последний был назначен Абу Муслимом амилом (так же, как Абдуррахман был назначен хорасанским наместником амилом Балха). Вместе с тем тот же Дауд возглавил в свое время левое крыло войск Исы, сына Мусы. Но главное, известны фельсы, выпущенные в 143 (760/761) г. от имени Дауда в Самарканде, в надписи на которых он называет себя эмиром.

Абдуррахману, или о двух письмах наместника (эмира) — одном к Деваштичу и другом к Абдуррахману. Второе вероятнее. Из письма Абдуррахмана (независимо от того, доволен ли эмир действиями Деваштича или нет) следует:

1. Данное письмо — письмо Абдуррахмана — отправлено с нарочным к Деваштичу с уведомлением, что к нему придут посланцы наместника, которые доставят ему письмо наместника и сообщат устное его распоряжение, не доверенное бумаге; последнему следует верить; приказ эмира следует немедленно выполнить.

2. Посланцы наместника (его доверенные лица или посредники) были местными людьми, и людьми влиятельными, на которых остановил свой выбор наместник, рассчитывая, что им удастся воздействовать на Деваштича,

3. Деваштич в ту пору, когда было написано это письмо, носил титул царя Согда — государя Самарканда.

4. Арабы, и часть согдийцев — их местные сторонники, в то время когда писалось письмо, царем Согда считали Деваштича, владельца Пенджикента, а восставшие согдийцы — Гурека, поставленного ими вместо Тархуна в 710 г.

5. Арабы считали Деваштича одним из своих сторонников и рассчитывали на его помощь в Согде.

6. Наместник, эмир Абдуррахман, сын Субха, и Деваштич находились в разных местах.

7. Обстановка в крае в момент написания письма была очень напряженной.

Дата письма из текста не явствует. Кто были посланцы арабского наместника, названные в письме Абдуррахмана, пока выяснить не удалось. Имя первого из них Низитак (Nyztk, Nyzytk) «Свирепый» соблазнительно бы было сблизить с именем известного правителя Бадгиса, тюрка Низак-тархана; но последний был казнен Кутайбой еще до низложения Тархуна согдийцами. Посланца Низитака сопровождал жрец (согд. βунрт), собственно глава (-pat) храма (βαγιν) по имени (прозванию) Курчи (Слепец?). Согдийское βαγιν (βγν) «храм» зафиксировано в географической литературе X в. как компонент ряда среднеазиатских топонимов, таких, как Аскивагн (*'skuyβγn), в арабской графике اسکفغن, Рустивагн (*rwstuyβγn), в арабской графике رستن. и др.⁵¹. Так могли называться

⁵¹ См. В. В. Бартольд, *Туркестан...*, 189; Искифаган в волости Хузар Кешской области, стр. 181; Рустуфаган в окрестностях Са-

голько «престольные» селения, в которых стояли в свое время храмы местных богов. В. Б. Хеннинг исходя из содержания одного из «Старых писем» (письмо 1) предполагает, что храм, посвященный богине Нана (Анахите), имелся в Дуньхуане⁵². Местные храмы, надо полагать, имелись во многих, если не во всех городах Согда, и за его пределами. Поэтому не приходится сомневаться, что один из посланцев наместника был главой одного из таких храмов и должен был пользоваться немалым влиянием среди населения. К жрецам, как известно, обращались в трудных случаях жизни, у них искали совета — они предсказывали будущее.

Слово «эмир» в письме встречается девять раз. В первой строке оно относится к Абдуррахману (үмүг ’’βtrūwm’ n pwn swpū), в остальных — речь идет о наместнике. В 16-й строке письма за словом «эмир» следует слово sytt⁵³. В нем можно видеть согдийскую передачу арабского имени эмира, конечный звонкий которого передан через удвоенный согласный (согд. үмүг sytt из араб. أمير سعيد). Если наша догадка окажется правильной, то в письме Абдуррахмана речь идет об арабском наместнике (эмире) Саиде. В письме, судя по контексту, речь может идти только о хорасанском наместнике или о халифе. Поскольку халифов, современных интересующим нас событиям, с таким именем не было, то ясно, что в письме говорится о хорасанском наместнике. Хорасанских наместников, носивших имя Саид, было два. Один из них — упомянутый выше Саид, сын Абдалазиза (прозванный согдийцами Хузайна за свою изнеженность и мягкость), в походах которого непосредственно принимал участие Абдуррахман. Второй — поставленный вместо него в Хорасан Саид, сын Амра ал-Харраши, прославившийся своей жестокостью и беспощадностью, противник «политики слова»

марканда; ср. также нисбы الرستغرى, искажен. الرستعنى у Самани и Йакута (там же, стр. 180)? и الفغديزي (согд. * βγnduz) у тех же авторов (там же, стр. 184).

⁵² W. B. Henning, *The date of the sogdian ancient letters*, — BSOS, vol. XII, 1948, pt 3—4, pp. 602, 603.

⁵³ Согд. syt-, мн. ч. sytt в письме, согласно В. А. Лившицу, представляет незасвидетельствованную параллельную форму согд. syth «страх, ужас», а в сочетании с глаголом үгт имеет значение «заботиться, переживать, печалиться» (см. «Согдийские документы с горы Муг», вып. II, стр. 113, прим. к строке 17).

и сторонник «политики меча». Имя отправителя письма Абдуррахмана, сына Субха, деятельность которого была связана в 720 г. с Саидом б. Абдалазизом, так же как и содержание письма, скорее указывает на то, что оно было написано при последнем, а не в последующее наместничество ал-Харраши. Имя Саида сына Абдалазиза s'ytt rwn "βtr'zuz упоминается, по мнению исследователей, в документе, использованном для обклейки ножен⁵⁴. Если чтение и истолкование этого второго имени подтвердится, догадка наша превратится в уверенность. Во всяком случае письмо Абдуррахмана, если в нем действительно можно прочесть имя арабского наместника, было написано в период между 720 г. — годом появления в Хорасане Саида, сына Абдалазиза Хузайна, и 722 г. — годом гибели Деваштича. Письмо Абдуррахмана как по форме, так и по содержанию свидетельствует бесспорно о той важной роли, которую играл Деваштич в политической жизни края, и о том значении, которое имела в глазах арабов его фигура. Когда бы оно ни было написано, при Саиде Хузайне или при Саиде ал-Харраши, оно является доказательством, что Деваштичу титул царя Согда был присвоен в конце его деятельности, т. е. в 719—722/23 гг., и он в это время был сторонником арабов. Носил ли он этот титул в 719 г. — неизвестно. В письме к ал-Джарраху он называет себя клиентом (мавла). Именно так Кутайба называл царя Согда Тархуна. Поскольку в мугских архивах сохранились письма, датированные первым и вторым годами царя Согда, государя Самарканда Деваштича, то нет сомнения, что в течение двух лет, а может быть и больше, он действительно был им и для части согдийцев и тюрок, и, как вытекает из письма Абдуррахмана, для арабов. Как те, так и другие так титуловали его, и так он титуловал себя сам, обращаясь к согдийским князьям. Если вывод наш правилен, то он даст возможность разобраться в запутанном клубке событий, имевших место между убийством Кутайбы и казнью Деваштича. Прежде всего, что особо важно, окажутся датированными те события этого времени, о которых говорится в переписке согдийских князей с Деваштичем, а сама переписка в таком случае относится к 719—722 гг., что, естественно, изменит всю картину.

⁵⁴ См. «Согдийские документы с горы Муг», вып. II, стр. 221.

Перейдем теперь к рассмотрению доводов, которые приводятся исследователями в подтверждение своих гипотез относительно времени, когда Деваштич носил титул царя Согда, и предложенных ими в этой связи идентификаций действующих лиц, упоминаемых в мугских документах. Вывод о том, что Деваштич занял самаркандский престол непосредственно после гибели Тархуна, связан с тем, что, по мнению исследователей (и это так), сложившаяся тогда политическая обстановка должна была быть для него благоприятной. Более того, положение Деваштича как опекуна сыновей Тархуна давало ему прямые права на самаркандский престол. Последнее сомнительно. Одно несомненно, что при любых обстоятельствах бывшие связи с погибшим Тархуном должны были обеспечить Деваштичу на какое-то время поддержку арабов. К таким выводам привело исследователей изучение согдийских документов А 14 и В 17.

Док. А 14 представляет письмо согдийца Фатуфарна, отправленного царем Согда Деваштичем в Чач с письмами к чачскому $\gamma\omega\beta$ -у, ферганскому царю и тюркскому хахану. Текст и перевод письма А 14 изданы трижды⁵⁵. И. Гершевич опубликовал ряд важных поправок к первым двум изданиям⁵⁶. Тогда же вышло еще одно издание этого документа⁵⁷. Текст документа в основном установлен; перевод требует некоторых уточнений, что мы и попытаемся сделать на основе указанных публикаций:

«1) Господину $\gamma\omega\beta$ -у, великому оплоту, согдийскому царю, самаркандскому государю (2) Деваштичу от его миллионного (3) раба Фатуфарна. Донесение. (4) Господин $\gamma\omega\beta$, (тебе) обладателю великой благодати много поклонов я приношу. (5) И, господин, я сюда к чачскому $\gamma\omega\beta$ -у пришел. И, господин, (6) также письма я вручил, также которое на языке донесение (7) было, полностью без отклонения я передал, также (8) тудуну, также "ztyr'uw-у"⁵⁸.

---

⁵⁵ В. А. Лившиц. *Три письма с горы Муг*, — ПВ, 1960, № 6, стр. 2—6; *Согдийский посол в Чаче*, — СЭ, 1960, № 2, стр. 94—96; «Согдийские документы с горы Муг», вып. II, стр. 78—79.

⁵⁶ I. Gershevitch, *The Sogdian world for «advice» and some Mue documents*, — CAJ, vol. VII, n. 2, 1962, pp. 83—95.

⁵⁷ М. Н. Боголюбов, О. И. Смирнова, *Согдийские документы I, I и 36 А II...*, стр. 117—118.

⁵⁸ Ср. "ztyr'uw — имя собственное «С благородной душой», ср. перс. tanāzād. Возможно величание адресата письма А 15,

И, господин, (9) письмо хаkana и письмо ферганскому царю (10) через ферганского twttβ'r-a⁵⁹ к ферганскому (11) царю я послал. И, господин, хаkan, (таков) слух, совсем (13) не видим⁶⁰. И, господин, от тудуна и от (14) 'ztyg'uw-a письмо и ответ (устный) я получил. И, господин, (15) когда в 'pw'rtk'n я пришел и, господин, в последнем (16) ничего хорошего не слышу, и также усрушанский (17) 'wt'k весь ушел⁶¹. И, господин, я сам одинокий (18) без попутчика и, господин, не решаюсь идти. И, господин, потому (19) снова в Чач я вернулся. И из-за этого, господин, γwβ-a (20) добра и зла я опасаясь⁶². И, господин, тудун (21) для соглашения о перемирии с арабами ушел⁶³. И, господин, для соглашения о перемирии (22) z'mrβ'z и персидский военачальник вниз ушли. Такой (23) слух, что они также дань хотят взять, также от арабов (24) помощь хотят получить⁶⁴. А, господин, тот требуемый, (таков) слух, тут же исчез (25), когда они (тюрки) вверх ушли, (26) и до сих пор никто не пришел⁶⁵. И, господин,

строки 1 и 12. Или n'ztyguw, букв. «близкий к себе» — титул, чтение которого предложено В. А. Лившицем. («Согдийские документы с горы Муг», вып. II, стр. 83, прим. 8).

⁵⁹ Имя собственное или должность? В. А. Лившиц читает twttk' и сближает его с китайским в тюркском twtwk «начальник военной администрации».

⁶⁰ Т. е. ушел и неизвестно, где находится.

⁶¹ «Согдийские документы с горы Муг», вып. II, стр. 83: «то господин, о Нижней (стране) сколько-нибудь утешительных известий я не слышу, а Усрушанская область вся сдана (rtu βy ZKw c'δgcyk (16) z'w 'δč γwpw L' ptγwš'm ZY ms ZK' stwršnyk' wt'k s'tw 'pγ'nstki; быть может ZKw c'δgcyk z'w — описка писца вместо 'kw č'δgcyk 'zw?). Предполагается, что речь может идти о реке Чирчик, чье название соответствует согд. č'δgcyk. Последнее вряд ли возможно, так как Чирчик лишь позднейшее название реки Парак — левобережного притока Сыр-Дарьи. Значение согд. 'pγ'nš-, pγ'gš- «сдавать (страну)» другими контекстами, насколько мне известно, не подтверждается».

⁶² Там же: «тебя (государь) я страшно боюсь» (поддержано будд. prgz 'βzyk «очень сурово»).

⁶³ βr'z «мир, перемирие, соглашение о перемирии», указано И. Гершевичем.

⁶⁴ «Согдийские документы с горы Муг», вып. II, стр. 83: «по слухам (для того), чтобы получить выкуп и чтобы отвести (поднять) войско от арабов» (w 'n'kw (23) w'γrs kt wβuw ZKw twγ pcy'zy'nt wβuw MN t'zykty' (24) z'wr syny'nt).

⁶⁵ То есть каган. Быстрота передвижений тюркских отрядов известна, и пишущий хочет сказать, что тюрки, убедившись в неблагоприятной для себя обстановке, тут же по своему обыкновению исчезли в неизвестном направлении. В Чач же никто еще не вернулся.

тудун вместе с t'rbnt-ом (27) (ранее) замирился, и, господин, земли (?)⁶⁶ все получил. И, господин, (28) вестью относительно последнего перемирия⁶⁷ 'ztygyw очень озабочен (29). А также из-за того, что туда к тебе он не прибыл, он сильно боится (30) ywβ-а. И, господин, к тому же от ywβ-а, (таков) слух, он не сможет выйти⁶⁸ (31). И, господин, еще: письма через Мервана (mrgw'p-а) в Канд (knd-) я послал. (32) Господину ywβ-у, великому оплоту, согдийскому царю, самаркандскому государю (33) Деваштичу. От его ничтожнейшего (миллионного) раба Фатуфарна. (34) Донесение».

Док. А 14, как и другие письма Мугского собрания, не имеет даты. Титул Деваштича в этом документе «согдийский царь, государь Самарканда» такой же, как в письмах Абдуррахмана сына Субха к нему.

Как было уже сказано, Деваштич носил этот титул не менее двух лет, и, следовательно, донесение Фатуфарна было написано в те же два года, в которые Абдуррахман отправил свое письмо Деваштичу, или в ближайшее к ним время.

В. А. Лившиц на основе изучения текста и содержания письма А 14 пришел к выводу, что в письме речь идет о событиях, имевших место в период конца 712 г. — начала 715 г., во время которых Деваштич, приняв титул царя Согда, возглавлял антиарабское движение в стране⁶⁹. Этот вывод основан на следующем.

1) Антиарабское движение согдийцев возглавляет Деваштич.

---

⁶⁶ В тексте неясно написанное слово, которое вслед за В. А. Лившицем читаем z'yth «земли».

⁶⁷ Там же: «О Нижнем перемирии», т. е. перемирием (или соглашением), касающемся «Нижней стороны». Если принять этот перевод, то все же остается неясным, о какой «Нижней стороне» идет речь. В Бухарском оазисе известны Нижний Фараз (или Фараваз), и Верхний Фараз (или Фараваз), первый из которых — Нижний Фараз — можно бы было отождествить с согдийским s'dgyuk βg'z «Нижним Фаразом», упомянутым в документе. Ср. так же فراز *βg'z — имя (> титул) отца марзбана Мерва ماهويه, современника событий. Вопрос требует дальнейшего исследования.

⁶⁸ Там же: «И, государь, затем от тебя (государя) известный не может поступить (выйти)» (rty βγ pyšt MN ywβ w'yrš L' nzt'βwt).

⁶⁹ О дате документа А 14 см.: В. А. Лившиц, *Согдийский посол в Чаче*, стр. 107—108; «Согдийские документы с горы Муг», вып. II, стр. 90—91.

2) Письма, доставленные Фатуфарном в Чач, указывают на то, что «Деваштич считал государя Чача, царя Ферганы и кагана своими союзниками: военная коалиция восточнотюркского каганата, Согда, Чача и Ферганы, созданная в 712 г., продолжала существовать... по крайней мере до 715 г.»

3) В 712 г. имели место походы Кутайбы на Чач и Фергану (взяты Ходженд и Касан), а в первые месяцы 715 г. начался второй поход Кутайбы в Фергану, закончившийся гибелью последнего. В дальнейшем крупных операций арабских войск в Средней Азии не было.

Наиболее вероятными годами правления Деваштича в эти три года являются первые два исходя из того, что, во-первых, в 712 г. Гурек заключил мир с арабами (Самаркандский договор) и перенес свою резиденцию из Самарканда в Фиринкат, во-вторых, Деваштич, будучи опекуном сыновей Тархуна, имел «формальные основания» для претензий на самаркандский престол⁷⁰.

В дальнейшем (через несколько лет) положение меняется, и «Деваштич выступает как клиент (мавла) эмира Ал-Джарраха, тогда как Гурек в 719 г. обращается к китайскому императору с просьбой о военной помощи против арабов». В 720 или 721 г. Деваштич вновь возглавляет антиарабское движение согдийцев. Беря за опорную дату док. А. 14, В. А. Лившиц предлагает идентифицировать хакана тюрков, упомянутого в письме, с каганом, разгромившим тюргешей в 711—712 г., или с одним из крупных полководцев восточнотюркской армии, или, наконец, с Инэль-каганом. Царь Ферганы в том же письме — это не кто иной, как ферганский царь Йебочжи китайских источников, свергнутый арабами в союзе с тибетцами в 715 г., власть которого была «восстановлена в конце того же года кучинцами»⁷¹.

Упомянутые в письме чачский $\gamma\omega\beta$ - (стк. 5) и тудун (согд. $t\delta\omega n$) (стк. 8, 26) — разные лица. Первый из них — владетель Чача (Ташкента), второй — Мохэдо-тутунь (Багатур-тутун) китайских хроник, поставленный в 713 г. владетелем в Ши (Чаче). Ставка государя Чача ($\delta'c\gamma$ - $k\gamma\omega\beta$) находилась, по-видимому, в столице Чача (Бинкат

⁷⁰ «Согдийские документы с горы Муг», вып. II, стр. 91.

⁷¹ В. А. Лившиц, *Три письма с горы Муг*, стр. 11; его же, *Согдийский посол в Чаче*, стр. 102—103; «Согдийские документы с горы Муг», вып. II, стр. 84 и 85.

позднейших источников), тогда как основной резиденцией тудуна был скорее всего город Тарбанд (Отрар), упомянутый в строке 26 письма (согд. t'rbnt), с которым в свое время пришел к какому-то соглашению тот же тудун и земли которого он получил.

Наконец, последний титул или величание (стк. 8, 23) В. А. Лившиц читает n'ztγuw (что ближе к графике слова в документе) и считает званием «помощника» чачского γwβ-a (из n'zt + γuw «близкий к себе»⁷²), равное согд. 'pš'γuw «следующий по чину (после царя), вице-король». В этой связи речь в письме идет об одном из «царей на вторых ролях» (ташкентском), о существовании которых в среднеазиатских владениях нам известно из китайских хроник⁷³. Наконец, в персе-полководце (p'rsyk č'pυš) В. А. Лившиц предлагал видеть известного Хайяна ан-Набати, возглавившего в 715 г. оппозицию клиентов (мавала) в ферганских походах Кутайбы⁷⁴. Позднее ученый склонился к мнению автора, что в этом лице следует видеть одного из потомков последнего сасанидского царя Йездигерда, скончавшегося в 678 г. в Китае, скорее всего Хосрова, внука Йездигерда.

Логика приведенных рассуждений несколько ослаблена тем, что, во-первых, совместные выступления согдийцев с чачцами, ферганцами и тюрками в той или иной форме наблюдались как в первые годы арабского вторжения за Аму-Дарью, так и в последующие, причем тюрки, судя по известиям источников, играли все более активную роль в событиях. Неправильно также утверждение, что в Средней Азии после убийства Кутайбы не было каких-либо значительных военных действий: наоборот, наиболее напряженная внутренняя обстановка сложилась к двадцатому году. Известно также, что Гурек был выбран старейшими Согда вместо низложенного ими Тархуна за уступчивость последнего арабам.

Гурек лишь в силу обстоятельств — сдача Самарканда после длительного и упорного сопротивления — вынужден был признать себя вассалом халифа и отнюдь не мог быть обвинен в измене согдийцам. Трудно допустить,

⁷² В. А. Лившиц, *Согдийский посол в Чаче*, стр. 101; «Согдийские документы с горы Муг», вып. II, стр. 81—83.

⁷³ «Согдийские документы с горы Муг», вып. II, стр. 83; см. Ed. Chavannes, *Documents...*, p. 142, n. 1; Ed. Chavannes, *Notes...*, pp. 76, 91, 92.

⁷⁴ В. А. Лившиц, *Согдийский посол в Чаче*, стр. 108.

чтобы именно в это время Деваштич объявил себя царем Согда в Самарканде (Табари называет его дихканом Самарканды) и поднял измученное население этого города против арабов, и еще труднее себе представить, что он, в силу того что являлся опекуном сыновей Тархуна, был признан и провозглашен царем Согда теми же согдийцами, которые низложили их отца. Если же согласиться с тем, что он был царем Согда в это время, то он мог им стать только в качестве арабского ставленника. Как писал в свое время И. Ю. Крачковский, письмо Деваштича ал-Джарраху свидетельствует о том, что Деваштич имел какие-то близкие связи с погибшим Тархуном и, будучи уже тогда сторонником арабов, мог рассчитывать на их помощь. О проарабских настроениях Деваштича в годы, предшествующие его письму, свидетельствуют в известной мере согдийские хозяйственные документы с Муга. В ряде документов, относящихся к разным годам княжения Деваштича в Пенджикенте, упоминается некто, именуемый $\gamma\mu\gamma$ или $\gamma\mu'\gamma$ «эмир». Поскольку документы относятся к разным годам княжения Деваштича, то в них, надо полагать, речь идет о разных лицах (арабских эмирах, согд. $\gamma\mu^{(7)} \gamma\mu$), имена которых опущены⁷⁵. Из содержания этих писем можно заключить не только о тесном общении Деваштича с арабами, но и о том, что некоторые из них известное время находились непосредственно в его ставке. Уже одно то, что посол Деваштича Фатуфарн для передачи ему письма выбрал гонцом мусульманина Мервана, показывает, что Деваштич был в это время сторонником арабов. Но, судя по титулу, не может быть сомнения так же в том, что письмо Абдуррахмана к царю Согда, как сказано выше, писалось тогда же, когда Деваштич отправил свои письма в Чач, Фергану и к хакану.

Из текста письма эмира Абдуррахмана и его тона яв-

⁷⁵ См. мугские документы А 6 (2); А 9 (2); В 6ав (7); Nov. I R (24); Nov. IV (53). В док. А 6 — письме $\gamma\mu\gamma$ -а (эмира) к пармандару первый употребляет по отношению к себе обычную эпитолярную формулу обращения 'tβγw γwβw prm'nd'r 'wtt MN γурб βntk «Владыке, γwβ-у пармандару Утту от его раба эмира (γμγ-а)»; эта формула отнюдь не обозначает каких-то прямых зависимых отношений между арабским эмиром и пармандаром. В док. Nov. I (ведомости) эмир (γμγ) упоминает наряду с Тохарским царем, тем же пармандаром и самим Деваштичем (царем Согда), что отнюдь не говорит о том, что под $\gamma\mu^{(7)}$ уг-ом в мугских документах подразумевается лицо (или лица), подчиненное пармандару.

ствуется, во-первых, что, как выше было сказано, в то время когда письмо писалось, арабы не только считали Деваштича своим союзником, но для них он был царем Согда, соответственно с чем они и титулуют его согдийским царем (sywduk MLK' sm'rknđč MR'Y). Это бы не могло иметь места, если они считали таковым Гурека ⁷⁶. Во-вторых, в поведении Деваштича в ту пору уже наметились нежелательные для арабов изменения, в связи с чем и было написано ему письмо. Содержание письма говорит также о какой-то предшествующей переписке с ним. Остается также неясным, кто же были чачский ɣwβ, к которому был отправлен посланец Деваштича (док. А14), и тудун, упомянутый в том же письме. Если считать, что чачский ɣwβ и тудун разные лица, тогда как ''ztyr'yw (n'ztyryw) является заместителем (помощником) чачского ɣwβ-а, то кроме писем к последнему, к ферганскому царю и к хакану, посланец Деваштича должен был доставить в Чач еще и письмо к тудуну, сидевшему в Тарбанде; о таком письме ничего не известно. Неясно также, где же находился и кем был тудун, до того как договорился (или замирился) с Тарбандом, земли которого он получил. Если тудун, как предполагается, не чачский ɣwβ, а тарбандский, и вместе с тем не кто иной, как Мохэдо-тутунь, то письмо, привезенное послом в Чач, должно было быть написанным до 713 г., когда Мохэдо-тутунь был утвержден владельцем в Ши, т. е. в 712 г. или ранее ⁷⁷. И, таким образом, предложенные даты отпадают. Остаются две другие гипотезы. Одна из них, согласно которой Деваштич был царем Согда в 710—712 гг., на первый взгляд представляется наиболее убедительной, в особенности если вспомнить, что согдийцы в дни осады Самарканда послали три письма к трем лицам — царю Ферганы, царю Чача и тюркскому хакану. Этим же трем лицам отправляет письма Деваштич через своего гонца. Но у Табари сказано, что письма были отправлены Гуреком. И вопрос требует дополнительного исследования.

⁷⁶ Самаркандским договором 712 г. Кутайба от имени халифа закреплял согдийский престол не только за Гуреком, но и за его сыном как законным наследником.

⁷⁷ В таком случае в словах посланца: rty βy tđwn rm t'rβnt pr'yw (27) βr'štw δ'rt rty βy z'yth s'tw βy'rtw δ'rt «И, господин, тудун заключил с Тарбандом мир и получил все земли», можно усмотреть намек на те военные заслуги, за которые, согласно китайским хроникам, Мохэдо-тутунь стал владельцем Чача.

Взяв за опорную точку для письма Деваштича в Чач (док. А 14) дату 719—722 гг., получим другую картину. В док. А 14 — письме Деваштичу от его посла β̄t̄wprn-а к чачскому и ферганскому царям и к хакану, если оно было отправлено не ранее 719 г., — речь может идти о хакане Сулу; в таком случае предположение Гибба о том, что согдийцы прибегали именно к его помощи, подтверждается. Тогда о том же Сулу речь идет и в документе В 17 — письме Деваштича к хахсарскому князю ⁷⁸. Известно также, что не позднее чем в 713 г. владельцем в Ши (Ташкенте) был Мохэдо-тутунь (Багатур-тудун) ⁷⁹. И им же он был еще в 740 г., так как в этом году ему был пожалован титул шунь-и-вань «справедливости повинующийся наместник». В 741 г. владельцем в Ши был Инай-тутунь Гюле ⁸⁰. В таком случае в письме согдийского посла, написанном между 719 и 722 гг., речь может идти только о Мохэдо-тутуне китайских хроник. Посланец Деваштича в начале письма именует его чачским үwβ-ом, ниже в тексте равно тудуном и үwβ-ом. Оба эти титула сочетаются на монетах Чача үwβ t̄dwn, будучи присвоены одному и тому же лицу ⁸¹.

---

⁷⁸ «Согдийские документы с горы Муг», вып. II, стр. 11, прим. 13. Из переписки Деваштича с хахсарским князем явствует, какое значение придавали согдийцы той военной помощи, которую им могли оказывать турки.

⁷⁹ Согласно китайским источникам, Мохэдо-тутуню был дан титул царя Ши (Ташкента) в начале периода Кай-юань (713—741 гг.). Э. Шаванн предполагает, что Мохэдо-тутунь был пожалован титулом царя Ши в 715 г., после гибели Кутайбы (Ed. Chavannes, *Documents...*, p. 291.).

⁸⁰ Н. Я. Бичурин (Иакинф), *Собрание сведений...*, т. II, стр. 313—314; «В первое лето правления Кхай-юань, 713, государь Мохэдо Тутун за оказанные на войне услуги поставлен владельцем в Ши. В двадцать восьмое лето, 740, еще грамотой дан ему титул Шунь-и-ван. В двадцать девятое лето, 741, владетель Инай-тутунь Гюле представил китайскому двору, что тукюесцы уже покорились небесному хану, и только Дани опасен для прочих владений; почему и просил объявить ему войну». Табари (II, 1694) упоминает царя Шаша, заключившего мир с Насром б. Саййаром в 121 г. х. (738-739 г.), по имени بدر طرخان или قدر طرخان.

⁸¹ Имеются в виду монеты с вилообразным знаком на лицевой стороне и сопроводительной к нему надписью үwβ / t̄dwn — на оборотной стороне. Имя не читается. Ср. үwβ pncу MRУп на монетах педжикентских владетелей.

Царем Ферганы, согласно известиям Табари, был Алагар, имя которого принято читать ат-Тар. С этим царем Ферганы связаны последние судьбы согдийцев, эмигрировавших из Согды в 721 г. в Фергану. Табари называет его маликом Ферганы⁸². Посол в письме сообщает Деваштичу (стк. 26—27), что тудун пришел к соглашению с Тарвантом (gm t'rbnt pr'uw). По мнению В. А. Лившица, согдийский город t'rbnt идентичен с городом Тарбанд арабских географов и историков. В том же письме, несколькими строками выше (стк. 20—21), посланец Деваштича пишет, что тудун, ранее договорившись с Тарвантом, ушел для перемирия с арабами, и в слове t'rbnt (стк. 27) скорее могло бы быть имя⁸³.

Выше говорилось, что город Тарбанд мусульманских авторов некоторыми исследователями отождествляется с Отраром. Названия Тарбанда и Отрара впервые сблизил издатель Табари, предположив, что ат-Тарбанд у Табари то же, что Трарбанд у Якута⁸⁴. Миллер предложил видеть в написании Тарбанд стяженную форму последнего. И. Маркварт считал, что написание Трарбанд (طرابند) является исходным.

О разногласиях в источниках дают представление следующие данные.

Вариант названия	Автор	Ссылка	Примечания
الطرابند	Табари	II, 1517 (110 г. х.)	Контекст: فاما كان ذلك ما فاخا هم ان طلوعوا على التل فاذا جبل الحديد اهل فرغانة و الطرابند و افشينه و نسف و طوايف من اهل بخارا

⁸² Табари, II, 1440, 3.

⁸³ В. А. Лившиц указывает на возможность толковать согд. t'rbnt как множественное число от единственного t'rbn в смысле «тарбандцы», что вряд ли возможно. См. «Согдийские документы с горы Муг», вып. II, стр. 82.

⁸⁴ Табарц, II, 1517, прим. е.

Вариант названия	Автор	Ссылка	Примечания
الطار	Табари	II, 1517 (110 г. х.)	Разночтение в рукописях
الطاريند	Табари	II, 1521 (110 г. х.)	Контекст: فلما كان من الغد فوقه فقام اليه ملك الطاريند فاستأذنه في القتال
الطاريند	Белазури	p. 421	Контекст: وكتب ملك السغد الى ملك الشاش و هو مقيم بالطاريند
طاريند طراريند طراريند	ал-Хорезми* Сухраб* Мукаддаси	s. 48 p. 36 BGA, III, 61	Город в седьмом клима- те вблизи Хорезма
طراريند	Ибн Руста	BGA, VII, 98	الطراز مدينة التجار و نوحيتك و اسپيجاب و و طراريند و خوارزم
طاريند	Йакут	III, 483,3; 1517,8	С огласовкой طراريند
اتراريند	Табари	III, 815—816	Современник халифа Ма- муна, худат Турара
ترارخدا	Табари	III, 93,356	
بزار اترار اطرار	Мукаддаси	BGA, III, 48, 263, 274	ترار ذراخ — один из городов Испиджаба

* Цит. по книге С. Г. Кляшторного, *Древнетюркские рунические памятники...*, стр. 153.

С. Г. Кляшторный высказал остроумное предположение, что Тарбанд арабских текстов то же, что tarvan орхонских⁸⁵, что вряд ли подтвердится. С этим прежде всего

⁸⁵ С. Г. Кляшторный, *Кангуйская этно-топонимика в орхонских текстах*, — СЭ, 1951, № 3, стр. 55—58, там же см. краткую сводку исследований по вопросу. Более полную — в его работе (см.

не вяжется компонент band (согдийское βnt), собственно «застава», присущий иранским топонимам (иранскому -band, согд.- βnt соответствует тюрко-монгольское кагалга и капу)⁸⁶. Любопытно, что текст XVIII в. (Мухаммад Казим) отождествляет Отрар с городом Уратепа (совр. г. Уратюбе в Северном Таджикистане) на территории древней Усрушаны⁸⁷.

Кого имеет в виду посол Деваштича под титулом (или величанием) ''ztγr'uw «благородный» (персидское tana-zad), или n'ztγruw «близкий к себе», сейчас сказать трудно. Предположения могут быть разные. Среди мугских документов сохранилось письмо к тому же человеку от неизвестного лица (док. А 15), в котором он назван γwβ-''ztγruw (= n'ztγruw)⁸⁸, и, следовательно, речь идет скорее об имени дикхана или чиновника, или о дикхане или чиновнике, величавшемся ''ztγruw (вариант n'ztγruw), каковым мог быть любой согдийский владетель или любой вельможа (чиновное лицо), возможно, представитель Деваштича при дворе чачского γwβ-а. Кто были двое других упомянутых в письме лиц — z'mrβ'z и персидский военачальник (p'rsyk č'pys — удачное чтение В. А. Лившица), остается неизвестным. Второй из них, вероятнее всего, внук Йездигерда III — Хосров. Во всяком случае последний — то лицо, которое упоминает Табари в связи с аналогичной ситуацией семь лет спустя⁸⁹.

В свете изложенного, из письма посланца Деваштича следует, что тот прибыл в Чач с письмами к чачскому γwβ-у (тудуну), к некоему ''ztγr'uw-у (n'ztγruw-у), к фер-

---

С. Г. Кляшторный, *Древнетюркские рунические памятники*, М., 1954, стр. 155—164); В. Ф. Минорский допускает идентификацию Отрара с городом ترار زراخ у Мукаддаси и ذرنوخ в тексте Худуд ал-Алā'м (GMS, NS, vol. IX, p. 358(91)).

⁸⁶ Ср. иран. Darband, тюрк. Тамур-кагалга (Железные ворота) и Тамур-капу в том же значении.

⁸⁷ Рукопись собрания ЛОИНА Д 430, т. III, л. 188а, стк. 4 св.: $\text{قلعۀ اترار كه باراتيہ}$ «Крепость Отрар, которая известна под (названием) Уратапа».

⁸⁸ В первой и последней строках письма стандартное обращение 't βw γwβw, обычно предшествующее в других письмах имени и титулу (или званию) адресата, опущено, и письмо начинается непосредственно словами 't γwβw ''ztγruw.

⁸⁹ Табари, II, 1618 (110 г.х./728-729 г.).

ганскому царю и к тюркскому хакану. В Чаче, как видно из дальнейшего текста письма, по расчетам Деваштича посол должен был застать тюркского хакана и представителя ферганского царя, а возможно, и самого ферганского царя, прибывших в Чач для какого-то совещания или соглашения. Опоздав и не встретившись с двумя последними и передав письма и словесное поручение Деваштича чачскому $\gamma\omega\beta$ -у (тудуну) и $''z\gamma\gamma\omega\omega$ -у, посол вручил находившемуся там чиновнику ферганского царя письмо для последнего и ему же отдал для передачи письмо хакану⁹⁰. Затем посол, получив для Деваштича от тудуна и $''z\gamma\gamma\omega\omega$ -а ответы — письма и устные сообщения, которые не доверялись бумаге, отправился в обратный путь. Дойдя до местности $'\rho\omega'r\tau k'n$, он не посмел один идти дальше и вернулся в Чач, откуда и написал свое письмо к Деваштичу, сообщая ему о сложившейся обстановке.

Из письма мы узнаем, что когда посол вернулся в Чач, то оказалось, что тудун ушел оттуда для того, чтобы добиться соглашения о перемирии с арабами (или ушел вместе с арабами, согласно достигнутому соглашению), и, видимо, туда же ушли $z'mr\beta'z$ и персидский военачальник (поскольку о последних говорится, что они пошли вниз, то, вероятно всего, они направились в районы бухарского оазиса, во всяком случае на юг)⁹¹. Что касается хакана с тюрками, то они немедленно ушли вверх (по Сыр-Дарье), и где они находились, никому не было известно, так как никто из тюрков больше не появлялся. Кроме того, тудун (чачский $\gamma\omega\beta$ -) еще ранее пришел к какому-то соглашению с Тарвантом (или замирился). Наконец, посланец сообщает Деваштичу, что слухами о перемирии озабочен тот же $''z\gamma\gamma\omega\omega$.

В свете изложенного гипотеза о том, что письмо А 14 относится к последним годам деятельности Деваштича, представляется допустимой. В таком случае и аналогичные письма, где Деваштич именуется царем Согда, должны были быть написаны примерно в то же время.

⁹⁰ ZKw $\gamma'\gamma'n$ pwstk ZY ZKn $\beta\gamma\gamma'nk$ MLK' pwstk.

⁹¹ В этой связи все же соблазнительно видеть в согд. $\beta\gamma'z$ док. А 14 и док. А 9, где оно также зафиксировано, название местности в северной части бухарского оазиса. В таком случае упомянутой в док. А 9 местности $g'mu\delta$ будет соответствовать селение Рамуш (напротив Рамитана), где еще при Саманидах существовал храм огнепоклонников. См. В. В. Бартольд, *Туркестан...*, стр. 168.

Поздней осенью 721 г. вместо Хузайна, отозванного из Хорасана новым наместником Ирака Омаром б. Хубайра, в Хорасан был назначен Саид, сын Амр ал-Хараши. К этому времени обстановка в Согде достигла предельного напряжения. Оросительная система не поддерживалась, обрабатываемые земли пришли в полное запустение. В стране наступила острая нужда, начался голод. О нужде и голоде (*duštw'c* и *δβz'*) говорится в нескольких мугских документах⁹². Выплата арабам джизии была прекращена согдийцами еще раньше. По словам Табари, один из военачальников ал-Хараши, преемника Хузайна, Хилал Улайма ал-Ханзали заявил последнему, когда тот собрался было двинуться в глубь страны, не сосредоточив достаточного количества войск: «Эй ты! И правда, везирь из тебя лучше, чем эмир! Земля охвачена войной. Она содрогается под ее пятой». Эти слова современника событий не нуждаются в каких-либо пояснениях и сами по себе служат достаточно яркой характеристикой положения в крае (Табари, II, 1442).

Прежде чем идти на восставших согдийцев, ал-Хараши потребовал их договор со своим предшественником и попытался воздействовать на них уговорами и угрозами. Первое, что он сделал, прибыв в Мерв, — отправил к согдийцам своих послов. Об этом рассказывает Белазури, который в изложении событий как всегда краток. По его словам, ал-Хараши отправил к согдийцам послов, призывая их покориться и вернуться к исламу, и воздержался от войны, пока не возвратились послы и не сообщил ему, что согдийцы упорствуют. Тогда он пошел против них и «отделились тогда от их азима около 10 000 человек, выказав склонность к повиновению. Ал-Хараши взял все крепости Согда и получил от врагов все, что его удовлетворило»⁹³. Кто был азимом восставших согдийцев, от которого отпало 10 тыс. мужей, Белазури не говорит. Отчетливую канву событий, о которых он сообщает так коротко, мы можем проследить по удивительно красочным рас-

⁹² Док. А 9, стк. 8, 15; док. 13, стк. 6 и др. По мнению В. А. Лившица, слово *duštw'c* — имя собственное («Согдийские документы с горы Муг», вып. II, стр. 103, прим. к стк. 8 док. А 9: *duštw'c* — имя собственное лица).

⁹³ Белазури, 428. Ср. «Извлечения из Китāб футūх ал-Булдāн ал-Белазūри», перевод С. Волгна, — в кн.: «Туркмены», т. 1, стр. 77.

сказам Табари ⁹⁴. Сопоставление данных этих двух историков дает достаточно ясную картину происходившего в крае и позволяет не только восстановить имевшие место события, но лучше понять их и выявить большинство действующих лиц.

Табари начинает свой рассказ с того момента, когда согдийцы, узнав, что к ним был назначен наместником ал-Хараши, решили покинуть Согд, так как опасались возможных репрессий за «помощь тюркам». Это решение приняли азимы согдийцев на совещании дихкан. Их царь (малик), имени которого Табари не называет, принимавший участие в собрании азимов ⁹⁵, попытался их от этого отговорить и предложил обратиться к ал-Хараши с повинной, согласиться доставить арабам харадж, не выплаченный согдийцами, гарантировать его выплату в будущем, а также привести обрабатываемые земли в должное состояние и дать обещание участвовать, если это понадобится, в походах арабов на неверных. Он также предложил им оставить в руках арабов находящихся у них заложников. Согласно одному из устных преданий, приведенных у Табари, наместник Ирака Омар, сын Хубайра, узнав о решении согдийцев уйти из Согда, предложил им остаться и согласился назначить к ним наместником того, кого они пожелают. Возможно, что именно об этом письме сообщает эмир Абдуррахман Деваштичу. В таком случае последнее было написано в 721 г. Как бы то ни было, но согдийцы, опасаясь арабов, заявили своему царю: «Мы боимся, что эмир не согласится и не простит нас. Мы пойдем в Ходженд, где найдем убежище у его царя (малика). А от-

---

⁹⁴ Табари, II, 1439—1449. Перевод извлечений из арабских текстов на немецкий язык см.: F. Altheim, *Geschichte der Hunnen*, SS. 116—122. Изложение событий см.: И. Ю. Крачковский и В. А. Крачковская, *Древнейший арабский документ...*, стр. 65; А. Ю. Якубовский, *Итоги работ согдийско-таджикской экспедиции в 1946—1947 гг.*, — МИА, 1950, № 15, стр. 39—40; Н. Г. Негматов, *Усрушана в древности и раннем средневековье*, [Душанбе], 1957, стр. 134—137; А. Джалилов, *Согд накануне арабского нашествия...*, стр. 136—146; Т. Кадырова, *Из истории крестьянских восстаний...*, стр. 72—79, ср. резюме их у Гибба (Н. А. R. Gibb, *The arab conquests...*, 62—63).

⁹⁵ У Табари не говорится непосредственно о собрании или съезде (анджумане), но из текста следует, что оно имело место; о таких съездах дихкан, на которых обсуждались вопросы общего значения, упоминают мусульманские авторы (см. В. В. Бартольд, *Туркестан...*, стр. 241—242).

туда (уже не опасаясь за свою жизнь) пошлем посла к эмиру, испросим прощения за то, что проистекло от нас, и уверим его в том, что впредь он не узрит от нас ни одного деяния, которого бы он не одобрил». Царь еще раз попытался уговорить азимов, убеждая их, что он сам такой же дихкан, как они, и знает, как должно поступить для блага всех ⁹⁶, но безуспешно.

Нет сомнения, что Табари рассказывает о том собрании дихкан, после которого, как то можно заключить из рассказа Белазури, немалая часть согдийцев — около 10 тыс. человек — решила принять условия арабов, прекратить сопротивление и покинуть своего ази́ма. Оставшиеся договорились уйти в Фергану и только оттуда начать переговоры с арабами в безопасном, как согдийцы считали, для себя месте. Поскольку имени царя Табари, как и имени ази́ма Белазури, не упоминает, то это могли быть разные лица, но очень возможно, что и одно и то же. Речь может идти о Гуреке, Деваштиче или третьем лице ⁹⁷.

К царю Ферганы Алатару был отправлен посол с просьбой предоставить согдийцам убежище в своем городе и в случае надобности защитить их от арабов. Но мать царя посоветовала ему не впускать согдийцев в свой город, а предоставить им один из горных рустакв Ферганы, предварительно выселив его население ⁹⁸. Согдийцам дали знать, что им может быть предоставлен исфаринский рустак («долина Исама, сына Абдаллаха Бахилита») ⁹⁹, но для того чтобы его освободить, ферганцам потребуется 20 (по

⁹⁶ И сказал царь: «Я человек из вас, и то, что я объявил вам, было для вас благом».

⁹⁷ В мугских архивах сохранилось четыре письма к хахсарскому $\gamma\omega\beta$ -у. Два из этих писем (В 14 и В 16) написаны к нему от некоего $\gamma\omega\omega'kk$ -а, титулующего его «Величайшим из всех оплотов», а себя именующего «ничтожнейшим рабом», т. е. обращающегося к нему так же, как другие к Деваштичу. Еще два других письма написаны хахсарскому $\gamma\omega\beta$ -у самим Деваштичем. В одном из них (В 17) Деваштич обращается к нему как равный к равному (MN $\gamma\omega\beta$ $\delta\omega\omega'st\gamma\sigma$ 't $\gamma'ysrc$ $\gamma\omega\beta\omega$ 'p $\omega\omega$ n), в другом (В 18) уже как царь Согда (MN $\gamma\omega\omega\delta\omega\gamma\sigma$ MLK' $\delta\omega\omega'st\gamma\sigma$ 't $\gamma'ysrc$ $\gamma\omega\beta\omega$). Издание писем см. «Согдийские документы с горы Муг», вып. II, стр. 115 (В 17), 123 (В 18), 126 (В 16), 129 (В 14).

⁹⁸ Любопытно, что ферганцы сами опасались согдийцев, о чем можно судить по словам их царицы, заявившей ферганскому царю: «Не впускай таких чертей в свой город».

⁹⁹ Долина, собственно ущелье, была так названа по имени одного из арабских военачальников Кутайбы, назначенного последним в Исфару в качестве представителя арабской власти на местах.

другой версии — 40) дней. Согдийцы в свою очередь послали сказать ферганскому царю, что они согласны и просят освободить для них рустак. Ферганский царь обещал им это сделать, но с условием, что до тех пор, пока согдийцы не займут предназначенного им рустака, он никаких обязательств по отношению к ним на себя не возьмет и не считает себя обязанным защищать их от арабов. Согдийцы согласились, и ферганцы очистили для них исфаринский рустак Исама.

По другой версии, устной, когда согдийцы решили уйти, к ним обратился некто Карзанч, предупреждая их, что передовой отряд арабов под началом Абдуррахмана, сына Абдаллаха ал-Кушари, отправлен ал-Хараша и если-де согдийцы хотят избежать гибели, то они должны избрать одно из трех: или напасть неожиданно на арабов и разбить их; или уйти за реку Шаша и оттуда узнать требования арабов и их выполнить, а в случае их неприемлемости уйти в Суяб; или, наконец, согласиться с условиями арабов здесь же на месте, никуда не уходя, и покориться им. Согдийская знать отвергла все три предложения и решила уйти. Согдийцы шли двумя группами, одну из них, наиболее многочисленную, возглавлял некий Карзанч и его племянник Чаланч; другую — пенджикентский владетель Деваштич, которого Табари или его интерпретатор в своем рассказе называет дихканом Самарканда. Табари дважды по разным источникам приводит имена дихкан, покинувших Согд, и названия местностей, оставленных ими. К сожалению, соответствующие места текста искажены, искажены и имена дихкан. Те же дихкане в связи с теми же событиями упоминаются еще дважды в тексте Табари — в стихах Сабита Кутна, свидетеля этих событий, где говорится о гибели этих людей¹⁰⁰. Имена их и здесь искажены. И все же из этих мест очевидно, что Согд покинули Карзанч и его племянник Чаланч с людьми Фая (فی), Кай (قی) в издании Кашшйн (или Кашбйз), Абар, сын Махнуна, Сабит с людьми Иштихана, а также люди Биарката и Сибиската, всего тысяча человек, опоясанные золотыми поясами, вместе с дихканами Бузмаджана, написание названия которого в рукописях разное. Неправильное написание названия первого из упомянутых мест (قی)

¹⁰⁰ Табари, II, 1271, 1440, 1441, 1446.

в дегуевском издании исправлено еще В. В. Бартольдом на основании материалов, собранных В. Л. Вяткиным по топонимике Самаркандской области¹⁰¹. По мнению В. В. Бартольда, у Табари речь идет о местности по древнему арыку Нарпаю (собственно Нахри Пай), протекавшему к северу от Катта-куртана. То же название Фай (или Пай) встречается в словаре нисб Самани и в географическом словаре Йакута¹⁰², согласно которым так называлось селение между Иштиханом и Кушанией. Последнее, как можно полагать, соответствует современному селению Пай-арык, к северу от Мианкаля и к западу от Иштихана, вне Мианкальской долины, т. е. к северу от Кара-Дарьи. Тюрка малика Фая как союзника арабов в 720 г. упоминает тот же Табари ранее. Иштихан, один из крупнейших городов Согда, не уступавший по значимости Кушанией, был расположен почти в центре современного Мианкаля к югу от его северной границы — Кара-Дарьи. Еще в X в. Иштихан был значительным для своего времени городом, имел шахристан, цитадель и рабад. Как известно, после падения Самарканда Иштихан становится на какое-то время столицей согдийских ихшидов¹⁰³. Название Иштихан в тексте Табари является конъектурой издателя. В рукописи после слова ахл (люди) стоит *اشتخى* без точки над нуном и с полной формой джима под ним; из этого видно, что переписчик не сумел прочесть слова, и надо думать, что в подлиннике стояла согдийская форма относительного прилагательного иштиханч — «иштиханский», определяющего слово ахл — люди и не понятого переписчиком. Предлагаемая конъектура текста тем более вероятна, что ниже у того же Табари Сабит именуется Сабит Иштиханчи вместо Сабит Иштихани. То и другое значит «Сабит Иштиханский»¹⁰⁴. Селения Бийаркат (*بياركت*) известные мне

¹⁰¹ Рецензия В. В. Бартольда «Справочная книжка Самаркандской области», — ЗВО, т. XV, стр. 052; см. также: В. В. Бартольд, *Туркестан...*, стр. 144. Любопытно отметить, что, несмотря на исправление В. В. Бартольда, неправильное чтение издателя текста Табари (*قى* вместо *قى*) легло в основу ряда исследований и породило теорию, связавшую древнюю страну, авестийскую Гаву с Согдианой, — теорию, принимаемую исследователями по настоящее время. См. Е. В. Тревер, *Гопатшах — пастух-царь*, — ТОВЭ, II, 1940, стр. 71—87).

¹⁰² Йакут, III, 936.

¹⁰³ В. В. Бартольд, *Туркестан...*, стр. 146—147.

¹⁰⁴ Табари, II, 1446.

источники не упоминают. В первом случае у Табари это название выступает в качестве имени собственного одного из предводителей согдийцев, что невозможно, судя по его компоненту (кат). В стихах, приведенных у Табари, среди прочих соратников Деваштича упоминается имя погибшего с ним дихкана Бийār (بیار) или Бийād (بیاد). В таком случае следует восстановить текст Табари и читать вместо بیارکت «Бийаркат» — بیار باهل بارکت Бийар (или Бийад) с людьми Абарката¹⁰⁵. Абаркат, или Баркат, согласно данным арабских географов, был главным городом волости Бузмаджан. В VIII в., как и позже, он должен был быть центром бузмаджанских владений. Баркат (согд. 'p'rkt) лежал на том же северном берегу Зеравшана, на главном пути из Самарканды к Сыр-Дарье, проходившем через Замин, в четырех фарсах от первого. Согласно Самани и Якуту, этот город относился ранее к Усрушане. Правильность предложенной конъектуры подтверждается последующим текстом, согласно которому люди Бийарката и Исбиската вышли вместе с дихканами Бузмаджана. Сибискат (так у Самани, у Табари سنیکت), или Исбискат¹⁰⁶, было селением, расположенным в двух фарсах от Самарканды. Так же как и Абаркат, Исбискат входил в бузмаджанские владения и, следовательно, был расположен к северу от Зеравшана. Таким образом, в Фергану пошли люди Фая, Иштихана и двух городов Бузмаджана — Абарката и Исбиската. Местонахождение последних (так же как и Иштихана) относительно Самарканды ясно. Фай может быть идентифицирован с местностью по Нарпаю и позднейшим селением Зирбулак к западу от современного Катта-кургана, иными словами, к югу от Зеравшана, или с селением, носящим название Пай-арык, к востоку от Иштихана, а следовательно, к северу от Зеравшана. Оба предположения допустимы, так как Пай-арык, хотя и лежавший вне Мианкальской долины, по другую сторону

¹⁰⁵ В трех из рукописей Табари вместо بیارکت написано شارکھت и شاورکت, второе из которых соблазнительно исправить на شاورکت, название которого будет в таком случае соответствовать Шавкату «Черному городу» в мугских документах.

¹⁰⁶ Согд. *'spyskt, ср. название современного фальгарского правобережного селения Сибиски-кала в верховьях Зеравшана.

Кара-Дарьи, находился на пути из Иштихана в Фергану. Табари сообщает, что люди Фая вышли, возглавляемые Карзанчем и его племянником Чаланчем. Кто они были, нам неизвестно. Имя Карзанч совпадает по форме с относительным именем, нисбой, хаксарского дихкана — $\gamma' \gamma s c \gamma \omega \beta$ -, и может рассматриваться как производное от названия селения Карзан(ч), согд. $k' r z n c$. Согласно Самани, селение, известное под названием Карзан, находилось в Самаркандском Согде; Идриси относил его к селениям Арбинджана¹⁰⁷. Йакут, как и Самани, считает Карзан самаркандским селением¹⁰⁸. По словам того же Самани, дихкане Карзана были известны под нисбой ал-Карзани «Карзанские». По данным В. Л. Вяткина, это селение идентично позднему селению Кордзан в районе древнего Арбинджана, соответствующего примерно современному каттакурганскому району. А население Арбинджана несомненно играло немалую роль в разыгрывавшихся событиях, о чем говорит хотя бы то обстоятельство, что именно в Арбинджане был казнен Деваштич. Вся эта часть южного побережья Зеравшана ограничена с севера горной грядой и составляет географически единое целое с Мианкальской долиной. Если принять нашу гипотезу, то во главе согдийцев, ушедших в Фергану, был дихкан Карзана¹⁰⁹. Кто был Кашшйн (или Кашбиз) — неизвестно. Источники Табари называют всех их дихканами и азимами, а со слов Сабита Кутна, очевидца событий, — тюркскими меликами¹¹⁰. Так ли это в действительности или Табари здесь, так же как в ряде других мест, под тюрками подра-

¹⁰⁷ Самани, под словом الكارزني .

¹⁰⁸ Йакут, 224.

¹⁰⁹ Но может быть высказано и другое предположение. В стихах, приведенных Табари, имя Карзанч написано без долгого гласного كزرچ . Согласно огласовке в тексте, слово должно читаться Казуранч (كزرچ вар. كزرنك) и может быть арабской передачей

согдийского слова $*k'zwn c$, $*kzwn c$. то же, что персидское $kazug$ — 1) «отбельщик тканей», 2) «обезжиривающий кожи» (Zenker, 737), таджикское козар. В таком случае то мог быть представитель верхушки ремесленного слоя, мастер (уstad) по отбелке тканей или по выделке кож, каким был позднее вождь восстания белоодежников — Муканна. Но против такого предположения как будто говорит дальнейший текст, в котором сообщается, что люди, покинувшие Согд, были опоясаны золотыми поясами и, следовательно, принадлежали к знати.

¹¹⁰ Табари, II, 1271.

зумевают не только собственно тюрков, но и согдийцев — неясно.

Независимо от решения этого вопроса из слов Табари совершенно очевидно, что к появлению ал-Хараша восстанием был охвачен почти весь Согд, а главными его центрами были одни из самых цветущих и богатых его районов — Мианкальская долина и северные районы между ней и Чилеком и к востоку от последнего, не говоря уже о районах к востоку от Самарканда — пенджикентских владениях. О размерах движения мы можем составить себе известное представление из рассказа того же Табари. Напомним также слова Белазури о том, что в результате переговоров согдийцев с посланцами ал-Хараша от согдийского азима отпало около 10 тыс. воинов (мужей). Уже одно то обстоятельство, что только для согдийцев, уходивших в Фергану, понадобилось освободить целый рустак, говорит о немалом количестве эмигрировавших из Согда людей. Одной княжеской дружины пошло в Фергану тысяча человек, а земледельцев — не менее 3 тыс. (по другой версии 7 тыс.)¹¹¹. С Деваштичем в день взятия крепости — его последнего прибежища — было не менее ста человек знати с их семьями. Вместе со знатью уходили купцы, в Фергану их ушло 400 человек.

Восставшие шли двумя путями под предводительством своих вождей. Часть из них, и, по-видимому, наиболее многочисленную, идущую на Фергану, как выше сказано, возглавили Карзанч и его племянник Чаланч, другую — владетель Пенджикента Деваштич.

В числе эмигрантов, покинувших Мианкальскую долину и северные рустак Согда, были такие крупные дихкане, как иштиханский дихкан Абар, сын Махнуна, и Сабит Иштиханский, вышедшие с людьми Иштихана, и дихкане Бузмаджана. О том, что этой частью эмигрантов предводительствовал именно Карзанч, ясно из дальнейшего текста Табари. Предположение, что царь Согда Гурек находился в это время в иштиханской резиденции, представляется сомнительным, поскольку люди (ахл) Иштихана покидают последнюю во главе со своим дихканом. Основную массу второй группы эмигрантов составляли, как известно, пенджикентцы; последние, по словам Табари, направились

---

¹¹¹ Табари, II, 1445, 19. Таково во всяком случае число земледельцев, перебитых арабами в Ходженде.

к крепости (хисн) Абӯар, название которой, как установлено С. Л. Волиным, — описка переписчика вместо должного Апарӯар или Парӯар. Последнее, значащее дословно Нагорье, было названием районов по верхнему Зеравшану выше речки Кштут и сохранилось за этими же примерно районами по настоящее время в названии Фальгара. Как и сейчас, селения Мадм и Кум принадлежали к землям Парӯара. Вместе с пенджикентцами шли люди нескольких других мест, в том числе, надо полагать, Хахсара, Руста (?) и Вазкарта (?). Самаркандцы не упоминаются. О том, что с Деваштичем шли люди Хахсара, Руста и Вазкарта (?), можно заключить хотя бы из того, что среди мугских документов имеются письма, адресованные хахсарскому и рустскому үwβ-ам и главе Вазкарта (?). Владение Хахсар для своего времени было весьма значительным, судя по содержанию письма и формуле адресования в письмах к его владельцу. К числу таких владений должен был также принадлежать Руст, местоположение которого нам неизвестно. Самани упоминает селение Рустивагн в окрестностях Самарканда, собственно «Рустский или сельский храм». Можно ли идентифицировать Руст мугских документов с Рустивагном у Самани, сказать сейчас трудно. К Деваштичу присоединился также глава Вазкарта, во всяком случае письмо к нему (док. В 9) от владельца Руста оказалось среди других документов на горе Муг. В отличие от других писем оно начинается с обращения «Владыке үwβ-у любимому, высоко(чтимому) Вазкартскому ('t βүw үwβw pгuw 'sk wzkrč')»¹¹². О ком идет речь, мы опять-таки не знаем. Возможно, что название Вазкарт (если предложенное чтение правильно) соответствует шавдарскому Вазкарту к юго-востоку от Самарканда, получившему известность в IX в. как обитель нисарийской общины. По дороге между Самаркандом и Пенджикентом к Деваштичу присоединились люди из разных мест и пошли вверх по Зеравшану горными дорогами.

Между тем Карзанч дошел до Ходженда и по договоренности с царем Ферганы временно остановился с согдийцами в этом городе, намереваясь идти выше в Исфору.

Ал-Хараши, по свидетельству Табари, пришел лишь

¹¹² Ср. «Согдийские документы с горы Муг», вып. II, стр. 157: 't βүw үwβw pгuw 'skw zk'tč «Господину, государю, любимому, почитаемому Зкатчу».

с наступлением 104 г. х., т. е. в конце июня или начале июля 722 г. Он шел из Бухары, и шел быстро; дойдя до замка Рейх в двух фарсах от Дабусии, он остановился ¹¹³, ожидая свои войска, находившиеся в крае. Не дождавшись их, он приказал выступить из лагеря, но по совету своего военачальника вновь остановился, выжидая, в местности *مفون* (согд. *mūwn?*). Туда к нему неожиданно явился ферганский царевич Нилан, во владениях которого должны были остановиться согдийцы, и сообщил ал-Хараши о договоре последних с ферганским царем. Нилан сказал арабу, что согдийцы сейчас в Ходженде, и предложил догнать их, пока они не заняли, согласно договору, долины Исама в Исфаре, так как «ферганцы не вступятся за них до истечения обусловленного договором срока». Тогда ал-Хараши отправил с Ниланом Абдуррахмана ал-Кушари и сына последнего Зийада с отрядом из арабов. Но вскоре, испугавшись, что ферганец мог его обмануть, он сам отправился следом за Ниланом и Абдуррахманом ¹¹⁴. Дойдя до Усрушаны, он заключил с ней мирный договор «за какой-то незначительный (выкуп)». Переночевав, он двинулся утром дальше, догнал отряд ал-Кушари и вместе с ним подошел к Ходженду. Стоя под стенами Ходженда, ал-Хараши долго колебался, начинать ли ему военные действия ¹¹⁵.

Между тем согдийцы подготовились к обороне и выкопали непосредственно за воротами внешней городской стены (рабадом) ров, затянув его полотном и посыпав землей, чтобы сделать его незаметным. Арабы тем временем начали упрекать ал-Хараши в бездействии и обвинили его в трусости, а один из арабских воинов подошел к воротам Ходженда и ударил в них палицей. Ворота раскрылись, и согдийцы, сделав вылазку, но неудачную, бросились об-

---

¹¹³ Рейх лежал на главной дороге между Самаркандом и Бухарой. От Самарканда дорога шла сначала на Рейх, а от него — на Карманию.

¹¹⁴ «Затем пожалел он (Хараши) о том, что сделал, и сказал: „Пришел ко мне какой-то мужлан, и я не знаю, сказал ли он правду или ложь. И подверг я случаю мусульманское войско“».

¹¹⁵ Когда ал-Фазл, сын Бисама, посовещал ал-Хараши неожиданно напасть на согдийцев, тот ему ответил: «Я не думаю этого: если кто-нибудь будет ранен, куда он возвратится, или если кто-нибудь будет убит, куда (нам) его вынести? Мое же мнение таково, что нам следует остановиться, выждать и приготовиться (к осаде)».

ратно в город, но, сбившись с дороги, попадали в вырытый ими самими ров. Арабы ворвались за стену. Согдийцы послали за помощью к царю Ферганы, обвиняя его в том, что он их предал. Тот отказался их защищать, ссылаясь на заключенный договор и на то, что обусловленный в договоре срок еще не истек. Тогда согдийцы предложили ал-Хараши заключить с ними мир, даровать им жизнь и разрешить им вернуться в Согд. Ал-Хараши поставил следующие условия: 1) вернуть находившихся в их руках жен и детей арабов, 2) заплатить харадж, который ими не был до сих пор выплачен, 3) вероломно никого из-за угла не убивать и 4) не оставлять в Ходженде после своего ухода ни одного из своих людей. В случае нарушения этих условий арабам разрешалось уничтожить согдийцев. Карзанч, несомненно человек недюжинный и умный, обратился через посредника, некоего Мусу сына Мишкана, клиента рода Бисама, ведущего переговоры между арабами и согдийцами, к ал-Хараши с просьбой не карать его за проступки, которые после заключения мира могут совершить его люди. Но в этом ему было отказано ¹¹⁶.

Заключив мир с согдийцами, ал-Хараши вывел из Ходженда в арабский лагерь согдийских дихкан и купцов, несмотря на их протест, оставив остальных людей в городе. Согдийские предводители (азимы) разошлись в арабском лагере по ставкам знакомых арабов, у которых и разместились. Их глава Карзанч остановился у Айуба сына Абу Хассана, предварительно договорившись со своими людьми, что в случае опасности он пошлет кого-нибудь к своему племяннику за штанами. Между тем ал-Хараши сказали, что дихкан Иштихана Сабит убил арабскую женщину и зарыл ее тело. Согдийцы стали это отрицать. Ал-Хараши обратился к ходжендскому судье с требованием расследовать дело. Труп женщины был найден. Допрос велся в ставке ал-Хараши: за убийство женщины Сабит был тут же казнен арабами. Гулям Карзанча, посланный последним в ставку ал-Хараши, сообщил ему об убийстве Сабита. Тогда Карзанч обратился к своему другу арабу Айубу, сказав, что он-де его гость и его друг, и негоже, чтобы друг Айуба был убит в изношенных штанах, поэтому он просит послать за новыми к своему племяннику Чаланчу.

---

¹¹⁶ Ал-Хараши ответил: «Не добавляй к (поставленным) мною условиям того, чего не желаю я».

Тем временем, разрезав кусок зеленого шелка на части, он повязал одной из них себе голову, а остальными велел повязать головы начальникам своих чакиров. Затем вышел из палатки и согдийцы начали избивать арабов. Сам Карзанч был в этой схватке убит арабом Сабитом, сыном Усмана. Все же, согласно одной из версий, согдийцы успели перебить 150 арабов, согласно другой — 40. Согдийцы действовали тихо, так как, по словам Табари, только вырвавшийся из их рук гулям (по другой версии — арабский воин) сообщил о происходившем ал-Харашу. Последний запросил согдийцев, но те все отрицали. Тогда ал-Харашу послал к согдийцам человека, которому был известен их условный знак ¹¹⁷, и тот подтвердил ему правильность известий. Тогда ал-Харашу приказал перебить согдийцев, а купцов отделить от них. Купцов было 400 человек, и с ними были огромные деньги, с которыми они пришли из Китая.

У согдийцев не было оружия, и они дрались палками. Арабы перебили их всех до единого. Затем начали избивать ничего не подозревавших землепашцев, ходя из хаита в хаит и вешая им на шею печати (из глины). По одним сведениям, было перебито три тысячи человек, по другим — семь. Добыча и деньги были разделены, и соответствующая часть отослана наместнику. Источники сообщают, что после уничтожения в Ходженде согдийцев ал-Харашу написал донесение непосредственно Йазиду, минуя наместника, чем и заслужил гнев последнего.

Деваштич ушел сперва в Пенджикент и укрылся за его стенами. Осажденный в городе после упорного сопротивления (о чем в источниках известий нет, но о котором мы можем судить по картине, вырисовывающейся по мере раскрытия археологами города, сожженного арабами), Деваштич покидает Пенджикент и уходит правобережной горной дорогой, проходившей тогда через селения Кштут, Мадм и Кум, стремясь, как полагали, в том числе и автор настоящей работы, достигнуть Хшиката и Шахристанского перевала, откуда ему был открыт прямой путь в Ходженд. Однако вернее, что он просто хотел уйти в труднодоступные для арабов горные районы по Зеравшану, с которыми у Пенджикента были теснейшие хозяйственные и политические связи и откуда, возможно, как и ферганская

---

¹¹⁷ Вероятно то, что люди Карзанча повязаны зеленым.

группа, он предполагал вести дальнейшие переговоры с арабами. Табари (или вернее его источники) говорит о том, что Деваштич пошел в крепость (хисн) Апаруара, которая по описанию отождествлена с современной калой Муг¹¹⁸. Последнее странно, так как эта кала, хотя и сильная, но сравнительно небольшая сторожевая крепость при селении Кум, где, судя по археологическим данным, находился замок владельца. Да и сам Табари называет последнее прибежище Деваштича калой, а не хисном. Объясняется это тем, из слов того же Табари, что кала Муг, а следовательно, и Кум принадлежали Деваштичу¹¹⁹. Тогда его стремление попасть туда понятно. В Куме он мог отсидеться и оттуда уже вести необходимые переговоры с арабами или же уходить дальше через Фергану или Каратегин. Из Кума он мог идти непосредственно, скажем, в Мадрушкат, где имелся мощный замок, к тому же расположенный в почти недоступной местности. Там Деваштич мог быть уверен, что люди его будут обеспечены необходимым и в случае новой опасности смогут уйти дальше. Во всяком случае среди найденных на горе Муг архивов имеется письмо кштутского князька к мадрушкатскому (док. Б 7), указывающее на непосредственные связи этих владельцев. Пенджикентцы, вынужденные оставить город, доходят до Кштута, где к ним присоединяется его владелец. Об этом также свидетельствует упомянутое письмо. Кштутские замок и укрепления были уничтожены арабами. Сулейман сын Абу-с-Сари, назначенный ал-Хараши для уничтожения Деваштича, идет вслед за ним в горы. В предпринятых Сулейманом военных действиях принимали участие местные сторонники арабов — Шавкар, сын Хамй-ка, хорезмшах и Гуррам, владелец Ахруна и Шумана. Непосредственные военные действия против Деваштича вел ал-Мусаййаб, сын Бишра ар-Риййахи, назначенный

¹¹⁸ Табари, II, 1447, 2. Отождествлено И. Ю. Крачковским, см. И. Ю. Крачковский и В. А. Крачковская, *Древнейший согдийский документ...*, стр. 66.

¹¹⁹ Там же, 1447, 5—8. «И отправил Сулайман б. Абū-с-Сарй во главе своего передового отряда ал-Мусаййаба сына Бишра ар-Риййахй. И встретили (согдийцы) его в одном фарсахе от (той) калы в селе, называемом Кум. И обратил их в бегство ал-Мусаййаб и отбросил их к (той) кале. И окружил Сулайман их и ее дихкана, и называют его Дивашти». Кум, как и весь район, был богат хлебом и скотом. Отсюда поступала пшеница в амбары Деваштича и доставлялся мелкий рогатый скот.

Сулейманом в передовой отряд арабов. Преследуемые врагом пенджикентцы, оставив тропу по Зеравшану, уходят вверх к Мадму (согд. mδmh), где, видимо, имело место первое сражение. Из Мадма согдийцы уходят верхней горной дорогой в селение Кум (согд. kwmh). Здесь произошло сражение, решившее судьбу пенджикентцев. Мусайаб, разбив согдийцев, оттеснил их в крепость, где они оказались в ловушке вместе со своими семьями. Трудно себе представить, что Деваштич мог рассчитывать удержаться в этом укреплении, хотя бы уже потому, что в нем невозможно было сосредоточить необходимые средства для длительного сопротивления. Однако несомненно, что пенджикентцы, теснимые арабами, после сражения при Куме выбрали именно этот путь и пошли вместе с Деваштичем узкой тропой, пролежавшей по обрыву левого берега речки Кум, и спустились до калы Муг при впадении Кума в Зеравшан. Объясняется это, вероятно, тем, что здесь была трудная, но все же доступная переправа через реку. Но по неизвестным нам причинам пенджикентцы этой переправой не воспользовались, возможно, просто не успели. Калу осадил Сулейман. Осада, по-видимому, была продолжительной. Ал-Хараши прислал к Сулейману гонца с предложением помочь ему. Перипетии последней схватки нам неизвестны; ее, очевидно, и не было, так как условия окружающей местности не давали возможности для каких-либо серьезных военных действий. Деваштич предложил отдать себя в руки арабов, с тем чтобы быть отправленным с Мусайабом к ал-Хараши и сдать ему непосредственно. Сулейман согласился и отправил Деваштича к ал-Хараши. Тот, во всяком случае внешне, в первое время относился к нему милостиво и даже обласкал. После ухода Деваштича находившиеся в кале попросили арабов о заключении мира с условием, что те не тронут представителей знатных домов, нашедших здесь себе прибежище, ни их жен, ни детей и не разрушат укрепления ¹²⁰. Ни то, ни другое условие соблюдено не было. Сулейман отправил к ал-Хараши заложников и полагающуюся ему часть денег. Ал-Хараши после взятия калы, уводя с собою Деваштича, пошел на Кеш (Шахрисябз), с населением которого заключил мирный договор; по другим известиям, мир был заключен арабами с дихканом Кеша по

¹²⁰ Табари, II, 1447, 13.

имени Вейк. Из Кеша ал-Хараши отправился в Арбинджан, опять-таки с Деваштичем, которого, таким образом, он возил с собой повсюду. Наконец, в Арбинджане он зверски казнил Деваштича, распяв его в арбинджанском некрополе на одном из погребальных сооружений, и письменно объявил населению Арбинджана, что если кто-нибудь осмелится снять тело Деваштича с науса, то Арбинджан расплатится за это жизнью сотни своих жителей. Затем он отправил Насра сына Саййара получить с Кеша обусловленную дань. Голову Деваштича он отослал в Ирак, а его левую руку Сулейману, сыну Абу-с-Сари, в Тохаристан ¹²¹.

Г. Гибб и И. Ю. Крачковский обратили в свое время внимание на иную версию этого рассказа, которую дает Балами ¹²². Но версия Балами скорее лишь сокращенное изложение части повествования, касающейся ферганского побоища, что видно из его рассказа, который мы и приводим: «Саид (ал-Хараши), переправившись через реку (Аму-Дарью), пришел в Бухару, где он оставался некоторое время. Затем он пришел в Самарканд, а из тех мест пошел войной на Фергану, где осадил крепости. Царь Ферганы попросил мира. Саид даровал ему мир, потребовав с него 100 тыс. дирхемов, 50 рабов и 50 молодых рабынь. Передав выкуп, царь Ферганы вышел из своей крепости, пришел к Саиду и тронул его руку. Затем вернулся (в крепость). Однако ночью, когда большая часть мусульман заснула, царь Ферганы во главе 10 тыс. человек напал на мусульманское войско и перебил большое количество людей. Мусульмане поспешно вскочили на коней и напали на неверных. Они убили царя Ферганы и перебили 2 тыс. воинов (мужей) и забрали богатую добычу. Затем Йазид отозвал Саида из Мавераннахра и отдал управле-

¹²¹ Среди мугских документов имеется письмо (А 9), представляющее донесение арспана (домоуправителя?) Деваштича последнему относительно положения, складывающегося в Паргаре и Усрушане. Первая строка этого письма: rty 'st ZK z'w ZK kwc'nth ZY "ум, до сих пор не понята; разные высказанные предположения остаются гипотезами. Позволю себе еще одну. Китайские авторы передают название Ходженда с начальным мягким к: Kiu-tchan-t'i (Ed. Chavannes, *Documents...*, pp. 138, 140). В этой связи, по-видимому, в слове kwcnth мугского письма можно видеть название ферганского города Худжанда.

¹²² Н. А. Р. Gibb, *The arab conquests...*, p. 36; В. А. Крачковская и И. Ю. Крачковский, *Древнейший арабский документ...*, стр. 65, прим. 4.

ние областью Абдуррахману, сыну Сулеймана»¹²³. Вот и все!

Теперь вернемся к вопросу, кто же был царь Ферганы, столь изменнически поступивший с согдийцами, просившими у него убежища, и ставший причиной их гибели. Как явствует из рассказа Табари, он не только не хотел, как и его двоюродный брат и наследный царевич Нилан, владетель Исфары, вмешиваться в какие-либо военные действия, но предпочел встать на сторону арабов.

Имя царя Ферганы Алатар (الطار) принято, как отмечено выше, читать ат-Тар или просто Тар и соответственно видеть в нем арабскую форму имени с определенным членом¹²⁴. По мнению В. А. Лившица, имя Тар, приводимое Табари, иранское и значит «черный» (из tanθra-, ср. будд. t'g'k) и «может свидетельствовать, что в начале VIII в. в Фергане правили представители местной царской династии»¹²⁵. Китайские источники среди ферганских царей упоминают некоего Аляода (в западной транскрипции A-leao-ta). Историческая (танская) транскрипция последнего (третьего) иероглифа этого имени d'ât, и, следовательно, китайская форма имени ферганского царя Аляода совершенно точно передает его имя у Табари, которое, таким образом, следует читать Алатар (Алутар?), а не ат-Тар. Из рассказов китайских источников мы знаем, что в 715 г. арабы, договорившись с тибетцами, напали на Фергану. Царь Ферганы, имя которого китайцы не называют, был разбит и бежал в Кучу за помощью. Арабы же поставили правителем Ферганы упомянутого Аляода. Наместник Кучи немедленно собрал войско и в том же году напал на Фергану, выгнав из нее Аляода и восстановив на престоле царя Ферганы. Аляода бежал в горы¹²⁶, и о дальнейшей судьбе его ничего не говорится. Во всяком случае он не был убит, как предполагают.

Полное совпадение имени ферганского царя у Табари с именем арабского ставленника в Фергане в китайских

¹²³ [М. Н. Zotenberg], *Chronique...*, vol. IV, p. 268.

¹²⁴ А. Ю. Якубовский, *Итоги работ согдийско-таджикской экспедиции в 1946—1947 гг.*, стр. 40. Последнее позволило автору настоящей работы идентифицировать название t'grnt в мугском документе А 14 с именем ат-Тар у Табари.

¹²⁵ «Согдийские документы с горы Муг», вып. II, стр. 85

¹²⁶ Ed. Chavannes, *Documents...*, pp. 148, 291, n. 3 (исследование).

источниках позволяет идентифицировать этих лиц. При каких обстоятельствах Алатар снова стал царем Ферганы, мы не знаем. Нам лишь известно теперь, что он был им в 721—722 гг. Его действия, направленные против согдийцев, просивших у него помощи, тогда понятны. Нилан, двоюродный брат Алатара, так же, как и последний, сыграл в свою очередь отрицательную роль в ферганских событиях ¹²⁷.

Впоследствии Нилан был, возможно, царем Ферганы, так как Табари тут же добавляет: «А он (т. е. Нилан) отец Алтучур-а (теперешнего) царя» ¹²⁸. Но, согласно версии Балами, царь Ферганы был убит арабами. Эта версия делает его, а не Карзанча, главным действующим лицом ходжендской трагедии, что сомнительно. Имени Карзанча Балами не упоминает совсем. Согласно версии Табари, Карзанч и Сабит Иштиханский были убиты в Ходженде. О судьбе остальных дихкан Табари нечего не говорит. Но из стихов Сабита Кутна очевидно, что они погибли. Был также казнен Са-буура, малик Хузара (владений, позже причислявшихся к Кеше), оказавший сопротивление арабам после того, как в Кеше с последними был заключен мирный договор. Он, как и Деваштич, сдался на милость победителя; его, как и Деваштича, арабы увезли с собой, но увезли в Мерв. Там он был казнен и распят на площади. По другим сведениям, он был убит и распят в одном из селений Херата.

---

¹²⁷ О каких-то его связях с Деваштичем можно судить по тому, что среди мугских документов обнаружен брачный договор 'wttkyn pūbū'a, т. е. царевича Нилана. Последний, надо полагать, не кто иной, как интересующий нас ферганский царевич Нилан (согд. 'wttkyn <тюрк. ottigin < ot «огонь» + tigin «царевич», монг. книжное oddigin «книжич огня», герср. младший сын). Как оказался его договор среди мугских архивов — неясно. Трудно допустить, что после ферганского побищца Нилан присоединился к Деваштичу на пути последнего в Паруар. Вероятнее, что среди согдийцев, уходивших с Деваштичем вместе со своими семьями, находилась жена Нилана или ее опекун Чер; экземпляр найденного договора, как известно, принадлежал не Нилану, а его жене. Нилан упоминается также в мугском документе Б 1, стк. 3, 4.

¹²⁸ Рукописи Табари дают несколько вариантов написания имени Нилана: *بيلاد نيلان نيلادا بيلادا بيلادا*. Что касается имени его сына Алтүчүр-а, то его компонент тюркский титул *чур* (جور), и, следовательно, можно полагать, что как сын, так и отец были тюрками. Тюрком же был, судя по имени, пенджикентский князь Скупсуг Бүдк'н/кү'лк'п (док. В 8 мугского собрания).

Деваштич и его соратники были казнены. Казнен был, видимо, и царь Ферганы Алатар. Во всяком случае имя его в дальнейшем не встречается. Зверская казнь Деваштича в Арбинджане, обрекая его на медленную и мучительную смерть, угроза населению Арбинджана в случае, если его тело кто-либо осмелится снять с науса, в свете изложенного понятны: Деваштич, признанный арабами царь Согда, был не только их сторонником, но, видимо, и их ставленником, таким же, каким был в 715 г. царь Ферганы Алатар. Деваштич в 719 г. в письме к арабскому наместнику, именовавший себя его клиентом, стал теперь его врагом. Значительно раньше, в 706 г., Кутайбой был убит и распят в Тохаристане Низак-тархан, владетель Бадгиса, как и Деваштич, перешедший в свое время на сторону арабов, а затем восставший против них¹²⁹. Арбинджан был выбран местом казни Деваштича, очевидно, по двум причинам: во-первых, этот город был одним из центров восстания, во-вторых, он был расположен на одной из главных дорог в самом центре Согда.

Так завершилась эта первая попытка согдийцев освободиться от арабского владычества, начавшаяся в 719 г. и трагически закончившаяся летом 722 г.

Что привлекло арабов в Согд?

В настоящем разделе автор отнюдь не претендует на разрешение сложного вопроса, каковы были причины арабских экспансий вообще. В нем лишь рассматривается одна из частных сторон этой большой проблемы: каковы были практические интересы арабов в Согде, другими словами, в чем была их экономическая заинтересованность.

Исследователи, как правило, отмечают богатство страны, концентрацию огромных материальных ценностей в Средней Азии, в частности в Согде, в таких городах, как Бухара, Пайканд, Самарканд. Источники рассказывают о богатой добыче, захватываемой арабами в этой стране, богатстве, удивлявшем их самих. Однако каких-либо конкретных данных, позволивших бы составить себе реальное представление о собственных, местных, экономических ресурсах края, до сих пор нет. Между тем упорство арабов в завоевании и в освоении страны — областей

¹²⁹ Табари, II, 1448—1449; Белазури, стр. 420.

за Аму-Дарьей, помимо прочего, диктовалось определенной экономической заинтересованностью. Эта заинтересованность должна была найти и находила непосредственное отражение в договорах, заключавшихся завоевателями с согдийцами и другими среднеазиатскими народами. В этой связи сведения, содержащиеся в договорах, не смогли бы вызывать сомнений. Но, как известно, ни один подлинник арабских договоров до нас не дошел; поэтому приходится довольствоваться лишь данными, приводимыми из них в источниках. И все же благодаря точности и осторожности составителей компилятивных историй того времени, а также параллельности сведений ряда источников мы можем на их основании составить определенное суждение о внутренних ресурсах края. Поскольку в источниках мало сведений о среднеазиатских договорах, для полноты картины наряду с ними приводятся некоторые данные о договорах Хорасана и других областей.

В первое время, когда походы арабов носили характер набегов, в договорах с местным населением, видимо, еще не было статей, фиксирующих состав дани, к тому же не ежегодной, а единовременной и носящей характер выкупа. Любопытнейший документ этого времени сохранил нам Белазури, который приводит договор, заключенный арабами с Хератом, Бадгисом и Бушанджем. Договор был заключен арабским военачальником Абдаллахом, сыном Амира, с азимом этих трех городов, составлявших два владения. Текст этого документа гласил: «Во имя Аллаха милостивого и милосердного! Это тот [договор], который приказал [заключить] Абдаллах сын 'Амир 'азим-у Херата и Бушанча и Бадгиса: он приказал ему ['азим-у] страх перед Аллахом, дружественные отношения с мусульманами и замирение того, что из тех двух земель ¹³⁰ под [властью] его руки. И заключил он с ним [азим-ом] мир относительно Херата, его равнинной и горной [части] на том, что тот будет выплачивать джизию соответственно договору и что он это справедливо распределит между ними. А тот, кто воспрепятствует, нет тому договора и нет тому защиты [арабов]. И написал Раби', сын Нахшала, и приложил печать сын 'Амира» ¹³¹. Таков этот любопыт-

---

¹³⁰ То есть земли (ард) Херата и земли (ард) Бушанджа, и Бадгиса.

¹³¹ Белазури, стр. 405.

нейший договор, носящий характер приказа, единственный для этого времени текст которого дошел до нас. Тут же Белазури сообщает, что мир с Хератом был заключен за миллион драхм.

Несколько ранее арабы, по словам того же Белазури, заключили мир с Нишапуром за такую же сумму, как с Хератом, а по другим сведениям,— за 7 млн. драхм, тогда как с владетелем Нисы арабы заключили мир всего за 300 тыс. драхм с условием, что Ниса будет выплачивать харадж, а арабы никого не убьют и не заберут в плен, т. е. в рабство. С Абивердом мир был заключен за 400 тыс. драхм, а с канарангом Туса Марзбаном — за 600 тыс. драхм. Марзбану земли (ард) Сарахса было даровано помилование ста человекам (знати), имена которых марзбан назвал. С Мервом мир был заключен за миллион драхм (по другим сведениям — за 2 млн. драхм) и 200 тыс. джарибов пшеницы и ячменя (по подсчету других — 100 уккиййа) ¹³². Кроме того, Мерв должен был предоставить место мусульманам в своих домах для приезжих, чтобы те разделили получаемое и забрали его. По другим сведениям, по мирному договору с Мервом арабы взяли молодых рабынь и рабов, количество которых не указано, вьючный скот и ткани. «И не было в те дни, — говорит далее Белазури,— у людей наличных денег, и весь харадж полностью состоял из этого до Йазида сына Муавийи. И тот обратил его в деньги» ¹³³.

С Каср ал-Ахнафа арабы взяли дань в 300 тыс. драхм, а с Мерверуда — 60 тыс. драхм; Мадаини называет, опираясь на устный источник, сумму в 600 тыс., что в сравнении с другими приведенными цифрами вероятнее. Рустак Мерверуда Багг дал арабам мелкий рогатый скот. С Балхом Ахнаф заключил мир за 400 тыс. драхм, а по другим сведениям, которые Белазури считает более достоверными,— за 700 тыс. драхм. Жители Мерва заключили мир с тем же Ахнафом, и среди взятого им имелся вьючный скот, молодые рабы и рабыни, шелк и комплекты одежд. Относительно ранних договоров с Пайкендом, Бухарой и Самаркандом мы знаем только то, что они обязывали заключавших их к выплате единовременной крупной (денежной) дани *мāl*, помимо которой согдийцы выделяли

¹³² Там же, 404—405.

¹³³ Там же, 405—406.

определенное число заложников из местной знати. По словам Белазури, царица Бухары — легендарная Хатун — заключила в 674 г. мир с арабским эмиром Убайдуллахом, сыном Зийада, за миллион драхм¹³⁴. Сведения эти уже потому сомнительны, что в ту пору царем Бухары был муж царицы, имя которого встречается и позднее. Наршахи передает версию Белазури. По словам Табари, Убайдулла, взяв Рамитан и половину Пайкенда, забрал 2 тыс. бухарцев, которых увел с собой; все они были чрезвычайно искусными стрелками¹³⁵. Наршахи рассказывает, что Убайдулла взял при Пайканде и Рамитане много пленных, а себе лично взял 4 тыс. бухарских пленных в качестве рабов¹³⁶. Согласно Белазури, Саид сын Усмана заключил мир с Самаркандом за 700 тыс. драхм с условием, что получит заложников из местной знати и пройдет через весь город, выйдя в противоположные ворота. Тот же Белазури упоминает о договоре Сальма сына Зийада с Хорезмом, согласно которому последний должен был дать 400 тыс. драхм¹³⁷, и о договоре с Таликаном, по которому арабы должны были получить 700 тыс. драхм¹³⁸. Любопытнейшие сведения сообщает Табари об условиях мира, заключенного арабами с городом на границе с Хорезмом, в который съехались князья Хорасана, чтобы договориться о совместных действиях против арабов (61 г. х./680-681 г.). Город осадил Мухаллаб, посланный Сальмом. Осажденные попросили о мире, предложив откупиться. И они заключили мир с Мухаллабом за 20 млн. драхм с излишком (т. е. за колоссальную сумму — свыше 20 млн.): «И было в их мирном договоре (оговорено), что возьмет он с них товарами. И он брал раба за половину его стоимости, и коней за половину их стоимости, и шагреновую кожу за половину ее стоимости. И выросла стоимость того, что он взял с них, до 50 000 000»¹³⁹. Следовательно, при заключении мирного договора была назначена определенная сумма, в счет которой побеж-

¹³⁴ Там же, стр. 406, 408, 410.

¹³⁵ Табари, II, 169, 170 (54 г. х./673-674 г.).

¹³⁶ R. N. Frye, *The history of Buchara*. Translated from a Persian a bridgment of the Arabic original by Narshakhi, Cambridge (Mass.), 1954, p. 37.

¹³⁷ Белазури, стр. 411.

¹³⁸ Там же, стр. 113.

¹³⁹ Табари, II, 394.

денные поставляли свои товары, рабов, скот, кожу, ткани, и, что важно, товары были оценены в половину стоимости. Но уже договоры Кутайбы носят другой характер. В них отчетливо фиксируются отдельными статьями требования, которые арабы стали предъявлять побежденным.

Известия о договорах Кутайбы имеются в большинстве источников, но степень их полноты различна, и только текст одного из них — Самаркандского, заключенного в 712 г., до нас дошел на двух языках: на языке подлинника — арабском и в персидском переводе. Наиболее подробные сведения о среднеазиатских договорах Кутайбы сообщает нам Табари, согласно разным версиям своих источников, что особенно важно. Однако историк, как известно, не приводит текста Самаркандского договора. Текст (документ) Самаркандского договора на арабском языке (на языке подлинника) бережно сохранил ал-Куффи, а персидский его перевод приведен у Балами, который заимствовал свой оригинал именно из его труда.

Самаркандский договор, как документ, является для нас образцом, по которому мы можем судить о других среднеазиатских договорах, заключавшихся арабами в Средней Азии при Кутайбе. Именно таким было содержание среднеазиатских договоров, как то можно заключить из их кратких характеристик, имеющих в источниках, о чем речь пойдет ниже.

Немалое значение для суждений о ресурсах края имеют также известия источников о военной добыче, вывозимой арабами из Средней Азии во время своих первых грабительских походов¹⁴⁰.

При взятии Пайканда в 87 (705/706) г. х., по данным Балами и Табари, арабы награбили такое количество украшений, что, расплавив их, получили 150 тыс. мискалей золота (то же у Наршахи), а всего в Пайкенде столько захватили добычи, сколько им не удавалось награбить во всем

---

¹⁴⁰ Приводимые в данном разделе сведения о среднеазиатских договорах являются сводкой сведений, приведенных в статье (О. И. Смирнова, *Из истории арабских завоеваний в Средней Азии*, — СВ, 1957, № 2, стр. 119—134), *Труд Табари — Бал'ами как источник для изучения экономических ресурсов Согды*, — «Сборник докладов на первой всесоюзной конференции востоковедов в Ташкенте», Ташкент, 1958, стр. 947—952); *К истории Самаркандского договора 712 г.*, — КСИВАН, т. XXXVIII, 1960, стр. 69—79).

Хорасане. Балами сообщает, что среди добычи арабов имелся золотой идол весом 50 тыс. мискалей (по Наршахи — 4 тыс. драхм). Мир же был заключен на условиях ежегодной определенной дани. Размеры дани, так же как и ее состав, у Балами не указаны, но о дани говорится как о чем-то известном (чизи ма'лүм). На этих остающихся нам неизвестными условиями Кутайба заключил с жителями Пайкенда письменный договор¹⁴¹ (хат банавишт). Эти сведения заимствованы Балами из указанного труда ал-Куфи, что им и оговаривается. И действительно, Табари, сообщая о взятии Пайканда, упоминает только о 150 тыс. или (по другой версии) о 50 тыс. мискалей золота, захваченных в этом городе арабами¹⁴². Ни о каком письменном Пайкандском договоре историк не упоминает. Любопытно, что текст Балами в этом месте дословно совпадает с соответствующим отрывком у Наршахи; последний, так же как Балами, не сообщает условий договора¹⁴³. Балами и Табари, кроме того, упоминают о договорах, заключенных в 88 (706/707) г. х. с Нумичкатом (Нумишкат) и Рамитаном, но сведений об их содержании ни тот, ни другой не приводят. Оба источника упоминают также договоры с Кешем (совр. Шахрисябз), Нахшебом (совр. Карши) и Бухарой в 90 (708/709) г. х.; упоминают они и о договоре с Шуманом; но опять-таки никаких конкретных сведений об условиях, на которых эти договоры были заключены (т. е. об их статьях), историки не сообщают. По словам Балами и Табари, как Кеш, так и Шуман (так же как и Самарканд и другие города) неоднократно заключали мир с арабами, а затем при первой же возможности нарушали его. Так оба источника — и Табари, и Балами — рассказывают, что князь Шумана в 91 (709/710) г. х. изгнал из города чиновника Кутайбы и отказался выплачивать ему денежную дань, причем Балами добавляет, что речь идет о ежегодной дани¹⁴⁴.

---

¹⁴¹ [М. Н. Zotenberg], *Chronique...*, vol. V, pp. 158—159 (причем Балами тут же указывает, что приводимые известия заимствованы им не у Табари, а из других источников).

¹⁴² Табари, II, 1246. В «Анонимной истории халифов» (рук. ЛОИНА С 1911, л. 52^б) приведена цифра 50 тыс. динаров (в смысле мискалей) золота.

¹⁴³ «История Бухары» (изд. Шефера), стр. 51—52 (ср. R. N. Frye, *The history of Buchārā...*, p. 53).

¹⁴⁴ [М. Н. Zotenberg], *Chronique...*, vol. V, pp. 162 и сл.

Только у Наршахи мы находим конкретные данные об одном из этих договоров — о договоре с Бухарой; по словам Кубави, эти сведения принадлежат неизвестному нам источнику — некому Хатиму-юристу¹⁴⁵. Согласно Наршахи, Кутайба заключил мир с Бухарой с тем условием, что она обязывается выплачивать ежегодно 200 тыс. дирхемов халифу и 10 тыс. эмиру (т. е. наместнику) Хорасана. Кроме того, район был обязан доставлять арабам, занявшим Бухару, фураж и топливо.

У того же Балами имеются сведения о договоре, заключенном арабами с царем Хорезма Чиганом в 93 (711-712) г. х.¹⁴⁶ По этому договору Кутайба получил от Чигана 100 тыс. рабов и столько же кусков ткани. Кроме того, в нем была оговорена взаимная помощь сторон. Табари говорит о 10 тыс. головах, т. е. о 10 тыс. рабах, о слитках золота и серебра ('айн) и о тканях (матā'). У него же находим известия, восходящие к другому преданию, устному (бахилитов), согласно которому Кутайба получил с Хорезма 100 тыс. рабов (ра'с), т. е. именно то количество, о котором говорит Балами¹⁴⁷. Цифра огромная и маловероятная, к тому же расходится с письменными версиями. О том, что речь идет о людях (рабах), а не о скоте, сомнений быть не может, так как у Балами говорится «барда». Табари говорит о 100 тыс. головах (ра'с), и именно так зафиксирована дань рабами в Самаркандском договоре 712 г. (ра'с мин ар-раққ). Балами упоминает еще о договорах с Ходжендом и Касаном (т. е. с Ферганой)¹⁴⁸. Условия первого нам неизвестны. Балами сообщает только, что князек Ходженда обязался выплачивать ежегодную дань; размеры ее не указываются. Мир с Касаном, по словам Балами, был заключен на одних условиях с Самаркандом; последнее указание для нас важно, так как дает реальное представление о статьях, имеющих в Касанском договоре. Что касается Самаркандского договора 712 г., то по нему Согд был обязан выплачивать ежегодную дань в 200 тыс. драхм и одновременно выплатить 2 млн. драхм. В эту последнюю сумму входили 200 тыс.

¹⁴⁵ «История Бухары» (изд. Шефера), стр. 51 (ср. R. N. Frye, *The history of Buchārā...*, p. 53).

¹⁴⁶ [M. H. Zotenberg], *Chronique...*, vol. V, p. 176.

¹⁴⁷ Табари, II, 1238, 1240.

¹⁴⁸ [M. H. Zotenberg], *Chronique...*, vol. IV, p. 184.

драхм — дань за год и цена рабов, тканей, золота, серебра и других драгоценностей, стоимость которых была оговорена в договоре¹⁴⁹. Согласно договору, согдийцы были обязаны ежегодно поставлять арабам, по одним данным, 3 тыс. рабов, по другим (Табари) — 30 тыс., а также определенное количество шелка и парчи. В договоре Кутайбы с Хорезмом были перечислены те же статьи, которые зафиксированы в Самаркандском договоре (кроме денежной дани), а договор с Касаном (т. е. с Ферганой) был заключен на одних условиях с Самаркандским. Следовательно, Согд и по крайней мере Фергана были обязаны выплачивать арабам суммы, равные ежегодным сборам с Бухары, т. е. по 200 тыс. драхм, и поставлять рабов. Ежегодная дань Хорезма была, вероятно, больше.

Ежегодная дань должна была выплачиваться халифату через амиля (чиновника). Шла ли в среднеазиатских договорах речь об ежегодных поставках рабов или об одновременных, мы пока достоверно сказать не можем, вероятнее первое, ибо именно такие поставки имели место в других странах, а также позднее в той же Средней Азии; кроме того, некоторые источники (в частности «Анонимная история халифов») говорят об ежегодной дани рабами с Согда. Также остается пока невыясненным и действительное число рабов по Самаркандскому договору, не говоря об остальных. Балами говорит о 3 тыс. рабах, Табари и другие авторы — о 30 тыс.¹⁵⁰. Поскольку в договоре говорится о всем Согде, включая Кеш и Нахшеб, т. е. владения в бассейне Кашка-Дарьи, цифру в 30 тыс. считать преувеличенной не приходится. О рабах же идет речь в договоре с Хорезмом; количество их по договору с Хорезмом было, по одной версии, 10 тыс., по другой — 100 тыс.

Ал-Хараши в 104 (722/23) г. х. после того, как было покончено с восставшими согдийцами в Фергане, а затем и с Деваштичем в горах Зеравшана, выступил в Кеш. Жи-

¹⁴⁹ О разных толкованиях статей договора в источниках см. А. Н. Курат, *Kutaybe bin Müslim in İvvarizm ve Samarkand'i zabti*, S. 407; О. И. Смирнова, *К истории Самаркандского договора 712 г.*, стр. 75.

¹⁵⁰ Принятая (см. СВ, 1957, № 2, стр. 127) цифра в 30 тыс. рабов (по тексту Балами) сомнительна и связана с неверным арифметическим подсчетом, сделанным автором статьи. Но ср. цифру 30 тыс. в «Анонимной истории халифов» (Рукопись собрания ЛОИНА АН СССР, С 1911, л. 52^a — 52^b).

тели Кеша заключили с ним мирный договор, обязавшись предоставить ему 10 тыс. рабов (ра'с); по другой версии, ал-Хараши заключил мир с дикханом Кеша Вайк-ом с условием предоставления ему 6 тыс. рабов (ра'с). Срок выполнения обязательства по мирному договору был установлен в 40 дней. Для получения дани был назначен Наср ибн Саййар ¹⁵¹.

Приведенные выше цифры рабов, даже если часть их значительно преувеличена, говорят, без всякого сомнения, об огромных людских резервах Средней Азии и в том числе Согда. Мы уже ставили вопрос, откуда Согд, да и весь Мавераннахр, мог брать столько рабов для передачи их арабам. Какую-то часть их, и значительную, составляли, вероятно, военнопленные турки, захваченные при набегах согдийцами или купленные ими. Считать, что большую часть рабов составляли местные согдийцы-рабы, оснований у нас нет. Важно и другое. Пленные, захваченные арабами во время военных действий, в число рабов, поставляемых в качестве дани, также не входили, хотя практически между рабом и пленным разницы не было. Часть их в зависимости от обстоятельств попросту уничтожали; так в Хорезме, согласно Табари и Балами, было перебито по приказу Кутайбы 400 тыс. пленных ¹⁵². С пленными обращались жестоко.

Белазури и Табари рассказывают, что при взятии того же Хорезма в 85 (704) г. х. часть пленных погибла от холода, так как арабы сняли с них одежду и одели в нее своих людей ¹⁵³. Своих пленных — арабов и неарабов — сами арабы продавали на местных базарах с аукциона, наравне с оружием и другой захваченной добычей ¹⁵⁴. Хорошо известно, какое большое число тюркских рабов поступало позднее с берегов Сыр-Дарьи во владения халифата. Из сведений, приведенных у Ибн Хордадбега, следует, что в X в. дань рабами халифат возлагал на Кабульскую область, и этими рабами были военнопленные гузы ¹⁵⁵. По словам Истахри, огромное число рабов скоплялось в Самарканде; автор персидского перевода Истахри добавляет, что эти рабы попадали в Самарканд

¹⁵¹ Табари, II, 1448.

¹⁵² [М. Н. Zotenberg], *Chronique...*, vol. IV, 177.

¹⁵³ Белазури, стр. 417; Табари, II, 1142.

¹⁵⁴ См., например: Табари, II, 1599 (119 г. х./737-738).

¹⁵⁵ BGA, VI, 38.

из Туркестана, т. е. опять-таки из-за Сыр-Дарьи. В X в., по свидетельству анонимного автора «Худуд ал-Алам», Фергана славилась тюркскими рабами. В Средней Азии пленные оставались постоянным источником рабов и в XVIII в.¹⁵⁶

Немалая часть рабов, отдаваемых в VIII в. по договорам арабам и угоняемых ими, состояло из местных жителей (низших слоев населения), которые поставлялись по разверстке в порядке обязательной повинности, т. е. тем же путем, как при поставке ополчений, выставляемых феодалами доисламского Согда. Можно предположить, что в этих поставках рабов могли сказаться черты восточной деспотии, когда подданные не имели никаких юридических прав перед высшей властью. Такое положение на Востоке в некоторых районах сохранялось до XIX в.

В этой связи определенный интерес имеют свидетельства русского путешественника первой четверти XIX в. Тимковского о Бадахшане. «В Бадахшане, — пишет он, — вовсе нет и не знают торговых оборотов, кроме продажи людей. В сем промысле упражняются и владелец и подданные. Первый продает всех, а из подданных своих сделал государственную монету. Последние же продают друг друга, и торг людьми распространился до китайских городов в Восточном Туркестане, куда множество приводят сих несчастных для продажи»¹⁵⁷. Такие же сведения сообщаются им о шугнанцах. Так, по его словам, «хищные их (т. е. шугнанцев) соседи, коканцы и бадахшанцы, нападают на их селения, уводят и продают их в вечное рабство или в сем состоянии утверждают у себя. Самый их владетельный князек... всегда платит за покупаемые им у проезжающего купечества вещи одною ходячею у него монетою — теми же злополучными подданными»¹⁵⁸. Сведения аналогичного порядка сообщает относительно верховий

---

¹⁵⁶ Так, во время хивинской карательной экспедиции при Надире были собраны хорасанские пленники, захваченные хивинцами, вместе с их детьми, родившимися в неволе, как от браков между собой, так и от браков с местными жителями. За 40 дней собрали 5—6 тыс. семей. — Мухаммад Казим, *Наме-йи аламара-йи Надири*, т. I, М., 1960, стр. 10 (рукопись, т. III, л. 81).

¹⁵⁷ Е. Тимковский, *Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 гг.*, СПб., т. II, 1824, стр. 123—124.

¹⁵⁸ Там же, стр. 122.

Панча — Шугнана, Рушана, Хуфа — М. С. Андреев со слов стариков-очевидцев, на памяти которых местные правители (ша) устраивали набеги в собственных владениях для набора рабов. Причем, рабы набирались по очереди по кишлакам в виде повинности. Брели главным образом детей (мальчиков и девочек) в возрасте 8—12 лет и молодых мужчин и девушек. Эти несчастные являлись предметом торговли, входили в число дани, выплачиваемой Шугнаном Бадахшану и т. д. Аналогичные набеги на эти районы с той же целью чинили афганцы и киргизы; последние продавали своих пленных обычно в Кашгар и Коканд¹⁵⁹. Это делали и таджики, в свою очередь нападавшие на киргизов и продававшие их в рабство в Бадахшан¹⁶⁰.

Как практически производились поставки рабов арабам, мы можем заключить лишь по косвенным данным. Известно, что для рабов (как это имело место и позднее) устраивались лагеря, в которых они сосредоточивались. Во главе этих лагерей стояли чиновники (амили). Из лагеря в лагерь рабы перегонялись партиями; для охраны таких лагерей много народу не требовалось. Что касается самих арабов, то уже в 674 г. с Убейдуллахом через Аму-Дарью их перешло 24 тыс., а с Ахнафом на Чаганиан пошло 4 тыс. арабов и тысяча мусульман-неарабов, всего 5 тыс. человек¹⁶¹.

Имеются сведения о том, что поставщики в ряде случаев должны были предоставлять все необходимое для содержания рабов в пути. Так, по договору с Нубией, заключенному при халифе Махди, арабы должны были получить в год заключения договора 400 рабов (дословно «голов») на вывоз и соответствующий запас продовольствия и одежды на их содержание; по другим сведениям, арабы должны были получать с Нубии ежегодно (фй кулли саннати) 300 человек и 60 верблюдов и все необходимое для содержания тех и других в

---

¹⁵⁹ М. С. Андреев, *Таджики долины Хуфа (верховья Аму-Дарья)*, вып. 1, [Душанбе], 1953, стр. 29—33. В 1924 г. таджик-учитель одного из матчинских селений рассказал М. С. Андрееву об одном из местных стариков и его семье, числившихся из поколения в поколение рабами предков местного ишана и доставшихся последнему по наследству (там же, стр. 30, прим. 1).

¹⁶⁰ Там же, стр. 36.

¹⁶¹ Белазури, 408.

пути: «пшеницу, винный уксус, одежды и подстилки или стоимость всего этого»¹⁶². Правда, ни для Средней Азии, ни для Хорасана таких известий нет. Приведенные сведения интересны для нас и с другой стороны. Из них очевидно, что под словом ра'с («голова») в договоре с Нубией имеются в виду люди, а не скот, и речь в нем идет о рабах, а не об овцах.

Согласно договору, заключенному Мерваном II в Сарире (территория современной Аравии), его малик должен был ежегодно поставлять арабам тысячу голов, в смысле рабов (500 гулямов и 500 девушек-рабынь с черными волосами и бровями) и 100 тыс. мер (мудда) зерна для засыпки в городские амбары. Примерно на тех же условиях был заключен мир тем же Мерваном с маликом Тумана¹⁶³. Договор 98 (716/717) г. х. с Гурганом был заключен на 700 тыс. драхм, из них 400 тыс. наличными и 200 тыс. (или 400 тыс.) ослиных вьюков шафрана, «400 мужей, на голове каждого бурнус, на бурнусе поднос, серебряная чаша и шелковый платок»¹⁶⁴. Согласно Балами, по договору с Гурганом (Табаристаном) последний должен был дать арабам те же 700 тыс. драхм, 400 вьюков шафрана или их стоимость, 400 рабов, каждый несущий серебряное блюдо с платком, куском шелка и золотым или серебряным кольцом¹⁶⁵. Согласно упомянутому выше договору с Мервом, арабы получали слуг и служанок. Очевидно, что в приведенных договорах речь идет о разных категориях рабов: раб как рабочая сила (при массовых поставках), юные рабы-красавцы и красавицы (гулām ва джарийат) для obsługi, гаремов и рабы-воины (раджул). Первые из них шли, судя по договорам, из Средней Азии, вторые — главным образом с Кавказа.

Общую сумму ежегодной денежной дани с Мавераннахра (по имеющимся данным) для первой половины VIII в. мы, конечно, определить не можем, так как сведения ограничены. Выше говорилось о денежной дани Бухары, которая составляла сумму 200 тыс. драхм халифу и 10 тыс. драхм наместнику, о том, что, согласно Самаркандскому договору, такую же сумму в 200 тыс. драхм должен был

¹⁶² Там же, 238.

¹⁶³ О. И. Смирнова, *Из истории арабских завоеваний в Средней Азии*, стр. 123

¹⁶⁴ Табари, II, 1321.

¹⁶⁵ [М. Н. Zotenberg], *Chronique...*, vol. IV, pp. 230—231.

выплачивать ежегодно Самарканд и такую же сумму (согласно Балами) — Фергана. Таким образом, ежегодная дань халифу с Бухары, Самарканда и Ферганы в первой четверти VIII в. равнялась 600 тыс. драхм. Денежная часть дани выплачивалась, по всем данным, согдийскими драхмами, которые арабские авторы в отличие от своих именуют бухарскими, отнюдь не имея в виду какие-то особые драхмы специально бухарской чеканки. Такие драхмы служили основной счетной единицей в доисламском Согде. Бухара чеканила монеты того же типа и веса.

Фергана до арабов своего чекана серебра не имела и пользовалась серебром Бухары и Самарканда. Известно, что в дальнейшем, до XII в. включительно, харадж с Мавераннахра первое время при арабах взимался именно такими драхмами, а позднее подражаниями этим драхам (имеются в виду монеты из сплава серебра и других металлов, ходившие под названием мухаммеди, гитрифи и мусейяби). Средний вес таких драхм был 3—3.10 г. Договоры предусматривали ежегодную выплату 600 тыс. драхм, т. е. по каждому договору — 200 тыс. драхм. Перерасчет этих данных на наши весовые единицы дает следующие цифры (округляя вес одной драхмы до 3 г): $3 \times 200\,000 = 600\,000$ г, или 600 кг серебра, т. е. около 36 пудов серебра в год или немногим меньше трех пудов серебра в месяц по каждому договору. А по трем договорам Бухары, Самарканда и Касана арабы должны были получать до 105 пудов серебра в год, в месяц — по 9 пудов. Одного золота арабы взяли в Пайканде, по данным Табари и Балами, 150 тыс. мискалей, что составляет 637,5 кг, или 39,9 пуда. Цифра в 50 тыс. мискалей, приведенная у Табари, согласно версии Балами, соответствует весу огромного золотого идола, взятого в том же Пайканде. В Самарканде арабы забрали 50 тыс. мискалей золота, что составляет 212,5 кг, или 13 пудов золота (перерасчет золота сделан исходя из среднего веса мискаля в халифате, равного 4,25 г). Таким образом, только из Пайканда и Самарканда арабы за один год получили более 50 пудов золота, не считая награбленного.

Подведем некоторые итоги. Приведенные данные договоров в свете других известий позволяют прийти к выводу, что одним из стимулов завоевательных войн арабов в Средней Азии, в частности в Согде, было присвоение

себе огромных ценностей (золота, серебра) и погоня за рабами (рабочей силой). Дань халифату рабами была столь же обычной, как денежная. Не приходится забывать, что в начале VIII в. рабовладельческий уклад в феодализирующемся халифате, вероятно, играл весьма большую роль¹⁶⁶. Приведенные выше цифры при всей их относительности позволяют сделать вывод, что арабы забирали этих рабов на вывоз для работ, а отнюдь не только в качестве подсобных войск и челяди или, как это имело место позднее, для пополнения гвардии. В Самаркандском договоре специально оговаривается, что среди рабов не должно быть ни мальчиков, ни стариков. Говоря о последних, арабские авторы называют их «шейх» (старик), и, следовательно, в числе ежегодных поставок рабов (рабочей силы) женщин не было, и речь в среднеазиатских договорах при массовых поставках рабов идет только о здоровых и молодых мужчинах. Женщины, девушки и отроки составляли особую статью.

Любопытны сведения китайских источников о том, что, завоевав Персию и Сирию, арабы завели у себя хлебные магазины с просом и пшеницей¹⁶⁷. Пшеница шла также в большом количестве с Кавказа. С одного Сарира арабы должны были получать ежегодно 100 тыс. мер зерна; зерно ссыпалось в городские амбары. В среднеазиатских договорах интересующего нас времени, кроме мервского, зерно не упоминается. Мерв был последним городом, в число поставок которого входили пшеница и ячмень.

По среднеазиатским договорам тех лет вместо пшеницы и ячменя поставлялись рабы; пшеница и ячмень не поставлялись и позже. О том, куда угонялись рабы, получаемые по среднеазиатским договорам, и как они использовались, к сожалению, в источниках прямых указаний нет. Основная их масса, видимо, использовалась в сельском хозяйстве. Так, по словам Белазури, Мухаммед, взяв в 628 г. Хубайр (плодородный оазис на пути из Медины в Сирию), не решился выселить жителей, так как у него не было рабов, чтобы поселить их там. Соглас-

---

¹⁶⁶ По этому вопросу см.: А. Ю. Якубовский, *Ирак на грани VIII—IX вв. (черты социального строя халифата при Аббасидах)*, — «Труды первой сессии Ассоциации арабистов», «Труды ИВАН СССР», М. — Л., т. XXIV, 1937, стр. 25—49.

¹⁶⁷ Бичурин (Иакинф), *Собрание сведений...*, т. II, стр. 332.

но другому рассказу, у него не было работников, которые бы обрабатывали землю, и он оставил ее евреям¹⁶⁸. По свидетельству Табари и Наршахи, на земляные работы ставились иногда даже заложники, с тем чтобы их еще более унижить. Естественно, что рабы-ремесленники использовались по специальности; другой была и их цена. Рабы-ремесленники в договорах не упоминаются.

Содержание приведенных договоров, в частности данные о размерах контрибуций и их характере, дает определенное представление о состоянии хозяйства страны и ее внутренних богатствах, заключавшихся в золоте, серебре, тканях и в больших людских резервах. Последнее обстоятельство было для арабов, как представляется, особенно важным. При всем критическом отношении к источникам, почти однотипное содержание договоров, а главное, текст Самаркандского договора, свидетельствуют об этом со всей определенностью. О большом числе рабов, уводимых из Средней Азии арабами, косвенно свидетельствуют также наши источники, сообщающие, как отмечалось выше, о специальных лагерях рабов. Это было началом тех огромных поставок рабов халифату, которые привели в IX—X вв. к созданию специальных невольничьих рынков как на Востоке, так и на Западе.

---

¹⁶⁸ Цит. по: А. Ю. Якубовский, *Об испольных арендах в Ираке в VIII в.*, — СВ, 1947, т. IV, стр. 173, прим. 2.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Белазури — Liber Expugnations Regionum, auctore imamo Ahmed ibn Jahja ibn Djabir al-Belasori, Lugduni Batavorum, 1863—1866.
- ВДИ — Вестник древней истории, М.
- ДАН — Доклады Академии наук, М.
- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения, СПб.
- ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества, СПб.
- ЗИАН — Записки Императорской Академии наук, СПб.
- ЗИВАН — Записки Института востоковедения Академии наук СССР, Л.
- Ибн ал-Асир — Chronicon quod perfectissimum inscribitur, ed. C. I. Tornberg, vol. I—XIII, Lugduni Batavorum, 1863—1876.
- ИНА АН — Институт народов Азии Академии наук СССР.
- ИРАН — Известия Российской Академии наук, Пг.
- Истахри: Masalik va Mamalik. By Abu Ishaq Ibrahim Istakhri, Teheran, 1345.
- История Бухары (изд. Шефера) — Mohammed Nershakhy, Description topographique et historique de Boukhara, publiée par Ch. Shefer, Paris, 1892.
- Йакуби — Ibn Wadhîh qui dicitur al-Yāqubi, Historiae, ed. M. Th. Houtsma, vol. I—II, Lugduni Batavorum, 1883.
- Йакут — Jacut's geographisches Wörterbuch aus den Handschriften zu Berlin, St. Peterburg und Paris hrsg. von F. Wüstenfeld, Bd I—VI, Leipzig, 1866—1873.
- Изв. ООН АН Тадж СССР — Известия отделения общественных наук Академии наук Таджикской ССР.
- КСИВАН — Краткие сообщения Института востоковедения Академии наук СССР, М. — Л.
- КСИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии наук СССР, М. — Л.
- ЛГУ — Ленинградский государственный университет.
- ЛОИНА — Ленинградское отделение Института народов Азии Академии наук СССР.
- Махмуд Кашгарский — Mahmud al-Kāşgarî, Divanü lûgat-it-türk, c. I—V, Ankara, 1940—1957.

- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР, М.— Л.
 ПВ — Проблемы востоковедения, М.
 СА — Советская археология, М.
 Самани — The *kitāb al-Ansāb of ʿAbd al-Karīm Ibn Muhammed as-Samʿani*, reproduced in facsimile from the manuscript in British museum Add. 23, 355. Leyden, 1912 (GMS, vol. XX).
 Согдийский сборник — Согдийский сборник. Сборник статей о памятниках согдийского языка и культуры, найденных на горе Муг в Таджикской ССР (Академия наук СССР. Институт востоковедения и таджикская база), под редакцией И. Ю. Крачковского и А. А. Фреймана, Л., 1934.
 СТАЭ — Согдийско-таджикская археологическая экспедиция.
 СЭ — Советская этнография.
 Табарн — *Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djafar at-Tabari' cus aliis* ed. M. J. de Goeje, Lugduni Batavorum, 1879—1901 (в 3 сериях и 13 томах. 1 том — глоссарии, 1 том — указатели).
 Таншу, В. II — Бичурин Н. Я., Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии, т. II.
 Таншу, III. (то же Чифу, III.) — Ed. Chavannes, Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux.
 ТИВАН — Труды Института востоковедения Академии наук СССР, Л.
 ТИИАЭАН — Труды Института истории, археологии и этнографии Академии наук СССР.
 УЗ ИВАН — Ученые записки Института востоковедения Академии наук СССР, М. — Л.
 ЭВ — Эпиграфика Востока, М. — Л.
 ТИИАЭ АН ТаджССР — Труды Института истории, археологии и этнографии.
 Altir. Wb. — Chr. Bartholomae, *Altiranisches Wörterbuch*, Strassburg, 1904.
 AGWG — Abh. der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen, Phil.-hist. Kl. Neue Folge.
 АРАУ — Abhandlungen der Preussische Akademie der Wissenschaften, Berlin.
 АÜDTCFD — Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih — Coğrafya Fakültesi dergesi, Ankara.
 BBB — W. B. Henning, *Ein manichaisches Bet- und Beichtbuch*, — АРАУ, 1936, № 10; Berlin, 1937.
 BGA — Bibliotheca Geographorum Arabicorum, ed. M. J. de Goeje, t. I—VIII, Lugduni Batavorum, 1870—1894.
 BSOS — Bulletin of the School of Oriental (and African) Studies University of London.
 BST — Olaf Hansen, *Berliner sogdische Texte. II*, — «Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftliche Klasse», Akademie der Wissenschaften und der Literatur in Mainz.
 CAJ — Central Asiatic Journal, Wiesbaden.
 GMS — «E. J. Gibb Memorial Series», Leiden — London.
 GMS NS — «E. J. Gibb Memorial Series». New Series, London.
 HJAS — Harvard Journal of Asiatic Studies, Cambridge (Mass.).
 JA — Journal Asiatique, Paris.
 JAOS — Journal of the American Oriental Society (New Haven).
 JRAS — The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland, London.

- JSFOu — Journal de la Société Finno-Ougrienne, Helsinki.
OLZ — Orientalische Literatur Zeitung, Leipzig — Berlin.
OZ — Ostasiatische Zeitschriften, Berlin.
RAS — Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland.
SCE — «Le Sûtra des Causes et des Effets». Edité et traduit d'après les Textes sogdiens, chinois et tibétains par R. Gauthiot et P. Pelliot avec la collaboration d'Émile Benveniste, Paris, 1920—1928 (Mission Pelliot en Asie Centrale, II).
SH — Hans Reichelt, *Die Soghdischen Handschriftenreste des Britischen Museums*, Heidelberg, I, 1928; II, 1931.
SPAW — Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften, Phil.-hist. Kl, Wien.
ST, I — F. W. K. Müller, *Soghdischen Texte, I*, — «Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften», 1912, № 2.
ST, II — F. W. K. Müller und W. Leutz, *Soghdische Texte, II*, — «Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften», Heidelberg I, 1928; II, 1931.
TP — T'oung Pao. Archives pour servir à l'étude de l'histoire des langues, de la géographie et de l'ethnographie de l'Asie Orientale (Leiden).
TSP — Textes Sogdiens, édités, traduits et commentés par E. Benveniste (Mission Pelliot en Asie Centrale, III), Paris, 1940.
VJ. — Vessantara Jātaka, textes sogdiens édités, traduits et commentés par É. Benveniste, Paris, 1946 (Mission Pelliot en Asie Centrale, IV).
ZDMG — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft (Leipzig — Wiesbaden).

СИНХРОНИСТИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ДИНАСТИЙ VII—VIII ВВ.

Годы	Имена			Даты и примечания
	Согдийская форма	Китайская передача	Арабская передача	
САМАРКАНД ¹				
600—620	— —	Тайнеби (Шифуби) Цюймучжи		Современник Датоу-кагана — 575/6—603 гг. (Тан шу, Ш, 132) Современник Шеху-кагана (Тан шу, Ш, 132)
620—640				
640—660	šyšpurg tnwkk (?) brγwm'n	Шашеби (Владелец) Кеша, см.) Фохумань	— — —	642 г. (Тан шу, Ш, 146; Б, II, 316) 645 г. (Чефу, Ш, 13) В период Юн-вэй (650—655) поставлен губернатором (Тан шу, Ш, 135; Б, II, 311)
660—680	—	—	—	В 56/675-76 г. в Самарканде не было царя (Наршахи, 39).

¹ Ср.: О. И. Смирнова, *Каталог монет с городища Пенджикент*, М., 1963, табл. ХХ1.

Годы	Имена			Даты и примечания
	Согдийская форма	Китайская передача	Арабская передача	
680—700	twk'sp'δ'k	Дусаботи (большой старейший)	—	С 696 г. поставлен; 698 г., сообщение о кончине (Тан шу, Ш. 135; Чефу Ш. 25) С 698 г. (Чефу, Ш. 25) — не позднее 700 г.
	* nnyšyš (?) (ср. mnstn'wy'n)	Иниешили (сын Фохуманя или Дусаботи)	—	
700—720	trɣwn	Тухунь	Тархун	Не позднее 700 г., поставлен старейшинами (Тан шу, В. II 311, Ш. 136) — Осенью 710 г. снят ими же (Табари, II, 1229) Осень 710 г., поставлен старейшинами, утвержден арабами в 712 г. (Тан шу, Ш. 136; Табари, II, 1200)
	'wɣrk	Улэга	Гурак (брат Тархуна?)	
720—740	'wɣrk } ɣuw' štyč } 'wɣrk }	Улэга } — } Улэга }	Гурак } Дивалги } Гурак }	Двоевластие: 719 г. (?) — осень 722 г., Деваншич казнен (Табари, II, 1448) 738 г., сообщение о кончине Гурика (Чефу, Ш. 59) 738 г., поставлен (Чефу, Ш. 59)
	twɣɣ'r	Догэ (старший сын Улэга)	—	
740—760	—	он же	—	Посольство в 750 г. (Чефу, Ш. 83)
760—780				

780—800			Йазид (сын Г'урака)	166/782-83 г. упомянут (Наршахи, 32)
---------	--	--	---------------------	---

ИШТИХАН И КАБУДАП

600—620	—	Уцзянь (сын владетеля Кана)	—	(Суй шу, В. II, 287)
620—640				
640—660				
660—680				
680—700				
700—720				
720—740	twrγ'r — —	Догэ ¹ (старший сын Улэга—владетеля Са- марканда) Мосйен (в Кабудане) Сутуполо, его младший брат (в Кабудане)	— — —	С 731 г. (Тан шу, Ш, 136 В. II, 311; Чефу, Ш. 53) ¹ Ум. около 738 г. (Чефу, Ш. 59) Не позднее 738 г. (Чефу, Ш. 59)

¹ Мошю — младший сын Улэга (Гурака) с этого же времени в Маймарге.

Годы	Имена			Даты и примечания
	Согдийская форма	Китайская передача	Арабская передача	
740—760	—	Гэлапуло (в Кабудане) Он же (в Иштихане)	Хара-бугра ¹	742 г. (Чефу, III. 67) 742 г. (по Тан шу, III. 140; Б. II, 313); 745 г. (по Чефу, III. 75) 755 г. (Чефу, III. 92)
	—	Ше-Аху (в Кабудане)	—	
760—780				
780—800				
БУХАРА ²				
600—620	—	Шелидин	—	609 г. (Тан шу, Ш. 136; Б. II, 272)
620—640				
640—660	—	Хэлинцзя (Халинга)	—	649 г. (Тан шу, Ш. 137; Чефу Ш. 18)
	—	Ша	(Шабар?)	Утвержден в правление Хянь-Кин (656—660 гг.) (Тан шу, Ш. 137; Б. II, 312)

660—680	— —	— —	Биду Хатун, его вдова	Убит в 681 г. Современница арабских наме- стников Сальма б. Зийада (681—684), Абдуллаха б. Ха- зима (683—691)
680—700	— * twɣ'sp'δ'k	— Дусаботи	Она же Тугаспада I (= Тугша- да), сын Бидуна	С 693 г. (?), княжил 32 года (Наршахи 11, 14, 80)
700—720	— * twɣ'sp'δ'k	— —	Варданхудат (узурпа- тор) *Тугаспада I (восстанов- лен Кутайбой)	707/708 г. (Табари, II, 1199); 708/709 г. (Табари, II, 1201) 709/710 г. (Табари, II, 1230); 719 г. (Тан шу, III, 203; Чефу, III, 39)
720—740	— * twɣ' sp' δ'k	Он же Дусаботи II сын Дусаботи I	Он же Тугаспада II, сын его	726 г. (Тан шу, III, 138; Б. II, 312; Чефу, III, 47) казнен в 724/5 г. (Табари, II, 1503) 739 г., убит в Самарканде (Та- бари, II, 1693)
740—760	—	Цюйдиба (Кюйдиба)	Кутайба (брат Тугаспа- да II)	744 г. (Чефу, III, 71); 745 г. (Тан шу, III, 138, 312; Чефу, III, 75); 750 г. (Чефу, III, 83). Убит Абу Муслимом (Наршахи, 7)
	—	Асилань (Дафодань Фали)—брат Дусаботи II	Скан (Салан?)	Убит по приказу халифа (Нар- шахи, 7)

¹ Он же(?) в Усрушане (см. 720—740 гг.)

² Ср.: В. А. Шишкин, *Варакша*, М., 1963, стр. 235—238.

Годы	Имена			Даты и примечания
	Согдийская форма	Китайская передача	Арабская передача	
760—780	—	—	Баншйат (Нанибийат, брат Тугаснада II)	Кляжил 7 лет (Наршахи, 7)
780—800	—	—	Он же	В 782/783 г., убит по приказу Махди (Наршахи, 7)
КЕШ ¹				
600—620	—	Дичже (строитель Кеша)	—	605 г. (Суй шу, Б, II, 274; Тан шу, Ш. 146, Б. II, 316)
620—640				
640—660	šyšpyr —	Шамеби Шиагйе	— —	642 г. (Тан шу, Ш. 146; Б. II, 316) В правление Хянь-кин (656—660) утвержден префектом (Тан шу, Ш. 164; Б. II, 316)
660—680				
680—700	—	—	Двоюродный брат царя Хутталя, имя неизвестно	699/700 г. (Белазури, 125)

700—720	—	—	Вик	722/723 г., договор с арабами (Табари, II, 1448)
720—740	''γwgrt	Ахубидо	—	727 г. (Тан шу, III, 146; Б. II, 316; Чефу, III, 47)
	*y'nδwn	Йаньтунь	Йандун	738 г., сообщение о его кончине (Тан шу, III, 210; Чефу, III, 59)
	—	Хубо (сын Йаньтуня)	ал-Ишканд	738 г., утвержден (там же)
	*'šknδk (?)	Сыцзиньти	—	739 г. (Чефу, III, 59)
740—760	—	—	Он же	740 г., титул царя чакиров (Чефу, III, 63); 741 (Тан шу, III, 147; Чефу, III, 65);
	* 'γγυδ * δ'г'п	— —	ал-Ихрид Таран (брат ал-Ихрида)	752 г. убит (Табари, III, 80) С 752 г. (преемник Ихрида)
760—780				
780—800				

УСРУШАНА²

600—620				
---------	--	--	--	--

¹ Ср. О. И. Смирнова, *Заметки о среднеазиатской титулатуре*, ЭВ, XIV, 1961, стр. 68.

² Ср.: Н. Нигматов, *Усрушана в древности и в раннем средневековье*, [Душанбе], 1957, стр. 154.

Годы	Имена			Даты и примечания
	Согдийская форма	Китайская передача	Арабская передача	
620—640				
640—660				
660—680				
80—700				
700—720				
720—740	— —	Гәлапуло —	Хара-бугра Абар-Ахура	737 г. (Табари, II, 1609, 1613) 738/739 г. (Табари, II, 1694)
740—760	—	Ше-А(ху)	—	752 г. (Тан шу, Ш. 140) 754 г. (Чэфу, Ш. 91)
760—780				
780—800	—	—	Хар-Ахура (или Хан-Ахура) отец Кауса	794/795 г. (Табари, III, 1066)

ХУТТАЛЬ

600—620					
620—640					
640—660					
660—680					
680—700	—	—	ас-Сабаль (аш-Шабль?)	699 г. (Табари, II, 1040)	
700—720	—	—	Он же	704 г. (Табари, II, 1152); 708/709 г. (Табари, II, 1224)	
720—740	—	Секпи (титул ас-Сабалья) Хелифа (титул его сына Алуджинша — Джайша?)	Он же	729 г. (Чефу, III, 49)	
	—		Алуджинши (ал-Джайш) сын ас-Сабалья	733 г. (Чефу, III, 54), бежал в Китай (Табари, III, 84)	
	—		—	Ас-Сабаль, вторично	735 г. (Табари, II, 1583); ср. 737 г. (Табари, II, 1593)
	—		—	Ибн ас-Сацдж, пос- тавлен ас-Сабалем Бадр-тархан (он же?)	737 г. (Табари, II, 1593 и 1618) 737 г., убит (Табари, II, 1692)

¹ Ср. А. М. Веленицкий, *Исторический очерк Хутталля*, МИА, М.—Л., 1950, стр. 116—118.

Годы	Имена			Даты и примечания
	огдийская форма	Китайская передача	Арабская передача	
740—760	— —	(А)лоцзиньцзе Он же	Алуджинш (ал-Джайш) вторично (?). —	750 г. (Чефу, Ш. 83) 750/751 г. (Табари, Ш. 74) 752 г., поставлен йабгу (Чефу, Ш. 84)
760—780				
780—800				
ФЕРГАНА				
600—620				
620—640	— — — 'δwč'n	Циби (или Кйби) в Ах- сикете Шуни (тюрок) Эбочжи (сын и преем- ник Шуни) в Касане Аляоцань (сын брата Циби) в Хумыне ¹	— — — —	Не позднее 649 г., убит тюрками (Тан шу, Ш. 148); Б. II, 319. — —
640—660	— — 'δwč'n	Он же Эбочжи (в Касане) Аляоцань (в Касане)	— — —	— 656 г. (Тан шу, Б. II, 319) 658 г., утвержден префектом (Тан шу, Ш. 148)

660—680				
680—700				
700—720	* 'δwδ'г	Алиода	Алатар ²	715 г., поставлен Кутайбой, изгнан тибетцами (Тан шу, Ш. 148, 291)
720—740	— —	Он же (вторично) Асилап-Даган (Арас- лан-таркан)	— —	720—722 гг. (Табари, II, 1445) 739 г., пожалован титулом ва- на (Тан шу, Ш. 149; Чефу, Ш. 59)
740—760	— —	Он же (У)чжунцзйе	— —	741, 744, 745, 749, 751 гг. (Чефу, Ш. 66, 67, 70, 72, 75, 82, 84) 754 г. (Тан шу, Ш. 149)
760—780	—	Сйеюй (его сын)	—	Там же (возможно не правил)
780—800				

¹ Согдийское γ'wm? Место не установлено.

² Под 103 (721/722) г. Табари упоминает еще два имени (II, 1440): имя тогдашнего наследника ферганского престола Нилана (варианты: Билада, Билада, Бялад, Нилада), вероятно не правившего, отца царя (малика) Ферганы Ану-джура(-чура) (варианты имени: Ану-джур, Алу-хун, Алту-джун, Абу-джур), имя которого, согласно Якуби, было Билга-джур. Последний убит арабами в 245 (862/863) г. х. и, следовательно, не мог быть сыном Нилана. Надо думать, что в рукописях здесь пропуск двух или даже трех имен.

Годы	Имена			Даты и примечания
	Согдийская форма	Китайская передача	Арабская передача	
ЧАЧ				
600—620	—	Нйе	—	Не позднее 609 г. (Тан шу, Ш. 141) 609 г. (Тан шу, Ш. 141)
	—	Дэлэ Фуджи (или Тяньчжи)	—	
620—640				
640—660	—	Гань-тутунь	—	658 г., утвержден губернатором Да-Юань (Тан шу, Ш. 141)
660—680				
680—700				
700—720	—	Мохэдо-тутунь (Багатур-тудун)	—	713 г., поставлен владельцем, (Тан шу, Ш. 141; Б. II, 313)

720—740	—	Он же	Бадур-тархан (Баха- дур-тархан)	739 г. (Табари, II, 1693); 740 г. (Тан шу, Ш. 142, Б. II, 313—314; Чефу, Ш. 61—63)
740—760	—	Он же и Инай-тутунь	—	741 г. (Тан шу, Ш. 141; Б. II, 314); 746 г. (Чефу, Ш. 76) С 742 г. (Тан шу, Ш. 142).
	—	Гюле (вице-король)	—	
	—	Дэлэ (тегин)	—	
	—	Нацзюйцзюй Биши (старший сын владельца Ташкента)	—	743 г. (Чефу, Ш. 70); 745 г. (Чефу, Ш. 74); 746 г. (Чефу, Ш. 76); 750 г., казнен (Тан шу, Ш. 142).
		Банцзюйцзюй Биши (сын владельца Ташкета)	—	753 г. (Чефу, Ш. 88)
760—780				
780—800				

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Предисловие	3
Введение	5
<i>Глава I. Некоторые вопросы социального устройства Согда</i>	22
Правящие дома (чжао-у)	24
О категориях знати	38
Азаты	69
<i>Глава II. Из экономики Согда</i>	87
К вопросу о землевладении и других источниках доходов дикхан	87
Рынки	122
Денежное хозяйство	155
<i>Глава III. Из истории арабского завоевания Согда</i>	199
Самаркандский договор 712 г.	203
Письмо Абдуррахмана сына Субха Деваштичу Деваштич	213
Что привлекло арабов в Согд?	257
Список сокращений	272
Синхронистическая таблица среднеазиатских династий VII—VIII вв.	275

Ольга Ивановна Смирнова

Очерки из истории Согда

*Утверждено к печати Ученым советом Института востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *З. Д. Кастельская*

Технический редактор *С. В. Цветкова*. Корректор *А. В. Шандер*

Сдано в набор 24 IX 1968 г. Подписано к печати 11/VIII 1970 г.
А-01512. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. № 1. Печ. л. 9,0. Усл. п. л. 15,12. Уч.-изд. л. 16,49
Тираж 1900 экз. Изд. № 1538. Зак. 1135 Цена 1р. 04к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2
2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

Цена 1 р. 04 к.